

УДК . 31(73) ББК 84(7Сое)44 Р52

Rick Riordan

MAGNUS CHASE AND THE GODS OF ASGARD

Book One: The Sword of Summer

Copyright © 5 by Rick Riordan

Permission for this edition was arranged through the Nancy Gallt Literary Agency Риордан, Рик.

Р52 Магнус Чейз и боги Асгарда. Книга 1. Меч Лета: (повесть] / Рик Риордан; (пер. с англ. А. Иванова, А. Устиновой]. — Москва: Эксмо, 6. —с.

Иллюстрация на обложке Анатолия Дубовика ISBN 5659

Новый скандинавский цикл одного из самых популярных писателей современности, чьи книги проданы, но всему миру тиражом свыше 55 млн экземпляров!

Магнусу Чейзу шестнадцать лет. он сын скандинавского бога Фрея, а ещё этот парень... мертв. Да-да! Все верно. Магнус гибнет в самом начале книги во время битвы с огненным великаном Суртом, а затем отправляется в Вальхаллу. Вот вроде бы и конец. Но на самом деле его приключения только начинаются. Чтобы остановить Рагнарёк, который старательно приближают враги Одина. Магнус должен научиться как следует владеть мечом, доставшимся ему в наследство от отца, и даже вступить в схватку с самим Фенриром. волком, с которым не могут справиться даже боги...

УДК . 31(73)ББК 84(7Сое)44

© Иванов А., Устинова А., перевод на русский язык, 6

© Издание на русском языке, оформление. ISBN 5659

ООО«Издательство»Эксмо», 6

Посвящаю Кассандре Клэр. Спасибо, что ты поделилась со мной отличным именем Магнус.

Оглавление

Доброе утро, тебе крышка!	6
Глава II.	10
Мужчина в железном бюстгальтере.	10
Глава III.	13
Не садитесь в машину к чокнутым родственникам.	13
Глава IV.	16
Серьезно, этот чувак не умеет водить!	16
Глава V.	19
Всегда мечтал разнести мост!	19
Глава VI.	22
Дорогу утятам, если не хочешь получить по голове.	22
Глава VII.	25
Ты все равно красавец, пусть и безносый.	25
Глава VIII.	29

Остерегайтесь пропастей и бородачей с топорами.....	29
Глава IX.....	32
Все хотят ключи от минибара.....	32
Глава X.....	34
Комната у меня что надо.....	34
Глава XI.....	38
Приятно было познакомиться, а теперь я сломаю тебе трахею.....	38
Глава XII.....	41
Что ж, зато я не должен гоняться за козой.....	41
Глава XIII.....	44
Картошка по имени Фил встречает свою смерть.....	44
Глава XIV.....	47
Здесь четыре миллиона каналов, а показывают только Валькириевидение.....	47
Глава XV.....	50
Моё видео с неудачными дублями пошло в массы.....	50
Глава XVI.....	52
Норны. Почему это должны были быть норны?.....	52
Глава XVII.....	54
Долой бицепсы!.....	54
Глава XVIII.....	57
Я устраиваю мощный бой яйцами.....	57
Глава XIX.....	61
Никакой я не Бинтаун.....	61
Глава XX.....	65
Переходи на сторону зла, у нас есть печеньки.....	65
Глава XXI.....	68
Горящая Гунилла - это не смешно. Ладно, разве что чуть-чуть.....	68
Глава XXII.....	73
Мои друзья выпадают прямо из дерева.....	73
Глава XXIII.....	77
Я перерабатываю себя.....	77
Глава XXIV.....	79
У тебя было всего одно задание.....	79
Глава XXV.....	83
Мой похоронный директор одевает меня как дурака.....	83
Глава XXVI.....	87
Эй, я ЗНАЮ, что ты мертв, но позвони мне как-нибудь.....	87
Глава XXVII.....	90
Давайте поиграем в фрисби с острым оружием!.....	90
Глава XXVIII.....	94
ГОВОРИ С ГОЛОВОЙ. это все, что у него есть.....	94

Глава XXIX.....	100
ОРЕЛ украл наши ФАЛАФЕЛИ.....	100
Глава XXX.....	105
Яблоко в день убьет тебя.....	105
Глава XXXI.....	108
ИЛИ ВЫБИРАЙ ВОНЬ, ИЛИ ИДИ ДОМОЙ.....	108
Глава XXXII.....	111
МОЕ УВЛЕЧЕНИЕ "Бассматерс 2000" С ЛИХВОЙ ОКУПАЕТСЯ.....	111
Глава XXXIII.....	115
СТАРШИЙ БРАТЕЦ СЭМ ПРОСЫПАЕТСЯ НЕмного НЕ В ДУХЕ.....	115
Глава XXXIV.....	118
Мой меч едва не продали по eBay.....	118
Глава XXXV.....	122
НЕХОРОШО ГАДИТЬ НА ГОЛОВУ ИСКУССТВУ.....	122
Глава XXXVI.....	127
УТЯТА!.....	127
Глава XXXVII.....	130
БЕЛКА ЗАБИЛА МНЕ ГОЛОВУ НЕХОРОШИМИ МЫСЛЯМИ.....	130
Глава XXXVIII.....	133
Я вламываюсь в Фольксваген.....	133
Глава XXXIX.....	137
ФРЕЯ ХОРОШЕНЬКАЯ! У НЕЁ ЕСТЬ КОШКИ!.....	137
Глава XLI.....	143
МОЙ ДРУГ ПОЯВИЛСЯ ИЗ... НЕТ, Я СТЕСНЯЮСЬ ЭТО ПРОИЗНЕСТИ.....	143
Глава XLI.....	147
БЛИТЦ ЗАКЛЮЧАЕТ ПЛОХУЮ СДЕЛКУ.....	147
Глава XLII.....	150
ПИР СО СПРИНГРОЛЛАМИ В ПРЕДДВЕРИИ ОТСЕЧЕНИЯ ГОЛОВЫ.....	150
Глава XLIII.....	153
НАЧИНАЕМ СОЗДАНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ВОДЯНЫХ ПТИЦ.....	153
Глава XLIV.....	158
ДЖУНИОР ВЫИГРЫВАЕТ МЕШОЧЕК СО СЛЕЗАМИ.....	158
Глава XLV.....	162
Я ЗНАКОМЛЮСЬ С ДЖЕКОМ.....	162
Глава XLVI.....	166
СУДНО МИРОВЕЦКОЕ ИЗ НОГТЕЙ МЕРТВЕЦКИХ.....	166
Глава XLVII.....	170
Я ПСИХОАНАЛИЗИРУЮ КОЗЛА.....	170
Глава XLVIII.....	173
ХАРТСТОУН ТЕРЯЕТ СОЗНАНИЕ КУДА ЧАЩЕ, ЧЕМ ДЖЕЙСОН ГРЕЙС (ХОТЯ Я ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮ, КТО ЭТО).....	173

Глава XLIX.....	177
ТВОЯ ПРОБЛЕМА МЕЧ В НОСУ.....	177
Глава L.....	180
НИКАКИХ СПОЙЛЕРОВ. ТОР НЕ СМОГ ПОСМОТРЕТЬ НОВЫЕ СЕЗОНЫ ЛЮБИМЫХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ.....	180
Глава LI.....	184
МЫ ПОБОЛТАЛИ О ПРЕВРАЩЕНИИ В СЛЕПНЕЙ.....	184
Глава LII,.....	187
ВОТ И КОНЬ, И ЕГО ЗОВУТ СТЕНЛИ.....	187
Глава LIII.....	191
КАК УБИВАТЬ ВЕЛИКАНОВ ПО-ВЕЖЛИВОМУ.....	191
Глава LIV.....	193
ПОЧЕМУ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ПРЫГАТЬ В ВОДУ С НОЖА ДЛЯ СТЕЙКОВ.....	193
Глава LV.....	197
МЕНЯ ДОСТАВЛЯЕТ НА ПОЛЕ БОЯ ПЕРВАЯ ГНОМИЧЬЯ ВОЗДУШНО ДЕСАНТНАЯ ДИВИЗИЯ.....	197
Глава LVI.....	200
НИКОГДА НЕ ПРОСИ ГНОМА НАЧАТЬ.....	200
Глава LVII.....	203
СЭМ АКТИВИЗИРУЕТ КНОПКУ «ОТПРАВИТЬ».....	203
Глава LVIII.....	207
КАКОЙ ХЕДИ?.....	207
Глава LIX.....	210
СРЕДНЯЯ ШКОЛА — ЭТОКОШМАР!.....	210
Глава LX.....	213
СЛАВНЕŃКИЙ СМЕРТОНОСНЫЙ МОРСКОЙ КРУИЗ НА ЗАКАТЕ СОЛНЦА.....	213
Глава LXI.....	215
ВЕРЕСК ВОЗГЛАВИЛ СПИСОК САМЫХ МОИХ НЕЛЮБИМЫХ ЦВЕТОВ.....	215
Глава LXII.....	218
МАЛЕНЬКИЙ ПЛОХОЙ ВОЛК.....	218
Глава LXIII.....	221
НЕНАВИЖУ ПОДПИСЫВАТЬ СВОЙ СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР.....	221
Глава LXIV.....	224
И КТО только ДОДУМАЛСЯ СДЕЛАТЬ ВОЛКА НЕУБИВАЕМЫМ.....	224
Глава LXV.....	227
А Я НЕНАВИЖУ ЭТУ ЧАСТЬ ПРОГРАММЫ.....	227
Глава LXVI.....	230
ЖЕРТВЫ.....	230
Глава LXVII.....	232
ЕЩЁ ОДИН РЫВОК ДЛЯ ДРУГА.....	232
Глава LXVIII.....	234

НЕ СТАНЬ НЕБРАТАНОМ, ЧУВАК.....	234
Глава LXIX.....	237
ВОТ, ЗНАЧИТ, ЧТО УНЮХАЛ ФЕНРИР В ГЛАВЕ ШЕСТЬДЕСЯТ три.....	237
Глава LXX.....	239
ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОДИНА.....	239
Глава LXXI.....	242
МЫ СЖИГАЕМ ПРОГУЛОЧНУЮ ЛОДКУ, ПОЧТИ УВЕРЕН, ЧТО НЕЛЕГАЛЬНО.....	242
Глава LXXII.....	244
Я РИСКУЮ ПРОИГРАТЬ СПОР.....	244
Эпилог.....	246
Список терминов.....	248

ДОБРОЕ УТРО, ТЕБЕ КРЫШКА!

Ну что ж. Сейчас вас, ребята, ждёт повесть о моей мучительной смерти. Предупреждаю заранее, что умирать в муках – это не круто, поэтому даже и не пытайтесь повторить это дома и не заваливайте меня вопросами типа: «*Можно я тоже умру в муках, Магнус? Это ведь так весело!*».

Нет, нельзя.

Мой вам совет, никогда и ни при каких обстоятельствах не прыгайте с крыш, не бросайтесь под машину и ни в коем случае не поджигайте себя. Прекратите тешиться иллюзиями, что окажетесь в том же месте, куда по воле случая занесло меня.

К тому же, у меня здесь проблем выше крыши. По этой местности слоняются ходячие мертвецы, разрывающие друг друга на куски, великаны и тёмные эльфы в причудливых костюмчиках. В общем, даже не вздумайте разыскивать врата, на которых изображена волчья голова!

Меня зовут Магнус Чейз, мне шестнадцать. И это история о том, как после моей смерти вся моя жизнь пошла под откос.

Начало было многообещающим. Я ночевал на тротуаре под мостом в Бостонском общественном саду, когда кто-то дал мне под зад со словами: «*Тебя разыскивают*».

Кстати, я уже второй год как ночую на улице.

Некоторые из вас пожалеют меня, другие – посмеются, но одно я знаю наверняка: девяносто девять процентов из вас и вовсе не заметят меня; пройдут мимо, словно я невидимка, только чтобы я, не дай боже, у вас денег не попросил. Возможно, вы задумаетесь о моем возрасте и почему я выгляжу младше своих лет, потому что подросток, конечно же, не может ночевать на улице посреди любой зимы, укутавшись в старый вонючий спальный мешок. *Ну помогите же кто-нибудь бедному мальчику!*

Затем вы просто пройдёте мимо.

Без разницы, больно мне нужно ваше сочувствие. У меня давно выработался иммунитет к вашим издёвкам и равнодушию. Короче, закрыли тему.

Негодяя, что разбудил меня, звали Блитц. (Прим. переводчика: в оригинале «Blitz»: 1) внезапное/молниеносное нападение; 2) бомбардировка) Выглядел он как обычно – словно в эпицентре урагана побывал. В его тонких черных волосах затерялись ветки и куски бумаги. Его коричневатого оттенка лицо было усыпано снежинками, а курчавая борода торчала во все стороны. Скользящий по земле подол его пальто – в высоту Блитц достигал всего лишь пять футов и пять дюймов (прим. перевод.: примерно 176 см) – был густо усеян снегом, а его зрачки были расширены до невозможного. Неизменно встревоженное выражение лица бродяги будто бы предупреждало, что сейчас он начнёт громко и истощно орать.

Я сморгнул кизяки с глаз. Во рту ощущался привкус просроченного бургера. Тёплый спальный мешок так и манил, и мне вовсе не хотелось из него вылезать.

— Кто меня разыскивает?

— Не уверен, – ответил Блитц, потирая нос, который ему ломали столько раз, что сейчас он походил на зигзаг. – Они раздают листовки с твоим именем и фотографией.

Я выругался. Случайно вышедшие на меня полицейские и смотрители парка не были проблемой. Надзиратели, волонтёры общественных служб, подвыпившие студенты, наркоманы и прочие

любители наподдат слабым и мелким – я мог справиться с ними всеми с закрытыми глазами. Но когда в ход шли мои имя и фотографии, это означало лишь одно — внимание полиции было приковано конкретно ко мне. Но почему? Неужто ребята из приюта до сих пор не простили мне то, что я угрошил их стереопроигрыватель (серёзно, те рождественские песни просто выносили мне мозг), или же я имел неосторожность попасть под прицел камер видеонаблюдения, пока обворовывал прохожих в Театральном квартале (эй, мой желудок требовал пиццу). Третья версия была самой сомнительной из всех — меня разыскивали с целью задать несколько вопросов относительно убийства моей матери...

На сборы мне хватило ровно трёх секунд: спальный мешок, зубная щётка, запасные носки и нижнее белье — все это незамедлительно оказалось в моем рюкзаке. Вся остальная одежда была на мне.

Благодаря рюкзаку и низко сидящему капюшону пиджака, я с лёгкостью мог слиться с толпой. К тому же, Бостон кишел студентами, а некоторые из них выглядели намного моложе и худее меня.

Я развернулся в сторону Блитца.

— Где ты, говоришь, видел этих людей с листовками?

— На Бейкон-стрит. Они идут прямо сюда. Светлокожий мужчина среднего возраста и какая-то девчушка, должно быть, его дочь.

Я нахмурился.

— Что? Бессмыслица какая-то, кому...

— Не знаю, парень, но мне пора, — ответил Блитц и сощурился на восходящее солнце, окрасившее окна высоток в оранжевый цвет. Кстати, дневной свет был ему почему-то не по душе. Быть может, он был самым низкорослым и тучным бездомным вампиrom в мире. — Отправляясь к Харту, (прим. переводчика: в оригинале «Hearth»: 1) камин; 2) домашний очаг; 3) топка) он зависает где-то в районе площади Копли.

Я взбесился, но и виду не подал. Местные бродяги в шутку называли Харта и Блитца моими родителями, так как они постоянно вились около меня.

— Да все нормально, — ответил я. — Не пропаду.

Блитц жевал ноготь большого пальца.

— Все не так просто, парень. Сегодня тебе нужно быть крайне осмотрительным.

— С чего это вдруг?

Его взгляд устремился куда-то за моё плечо.

— Они на подходе.

Лично я никого не увидел. После того как я обернулся, Блитца уже не было... как сквозь землю провалился. Как же меня бесила эта его привычка — просто взял и исчез. Ниндзя недоделанный. Бездомный ниндзя-кровосос.

Теперь у меня было два выхода: отправиться на Площадь Копли и позависать с Хартом, или же идти прямиком на Бейкон-стрит и попытаться разузнать что-либо о моих преследователях.

Признаюсь, описание Блитца меня заинтриговало. Этим ранним и ужасно холодным утром я понадобился какому-то светлокожему мужчине среднего возраста и его дочери? Но зачем? И кто они такие?

Я медленно начал красться вдоль пруда. Внизу под мостом располагалась тропинка, по которой почти никто не ходил. Я с лёгкостью мог обогнать холм и хорошенъко рассмотреть всех приближающихся с тропинки чуть повыше, а вот они меня не увидели бы.

Земля была укутана в снежное покрывало. Моя одежда не защищала от ветра, но мне было плевать на холод. Как-то моя мама пошутила, что я был наполовину полярным медведем.

«Чтоб тебя, Магнус!» — упрекнул я себя.

Прошло уже как года два, а мои воспоминания о ней все ещё работали по принципу минного поля: стоило мне наступить на одну мину, как все моё самообладание тут же разрывалось на части.

Нужно было взять себя в руки.

А, вот и они. Преследователи направлялись в мою сторону. Песочного цвета волосы мужчины удобно устроились на его воротнике. Вряд ли он носил такую причёску намеренно, скорее всего, ему просто было лень постричься. Его сбитое с толку выражение лица напомнило мне нашего учителя на замене: «Я знаю, что в меня только что плонули бумажным шариком, но я понятия не имею кто».

Он вырядился в туфли не по погоде, носки у него были разных оттенков коричневого, а галстук сидел так криво, что он, похоже, завязывал его в полнейшей темноте, да ещё и крутился при этом по кругу. Девочка точно была его дочерью. У неё были те же густые и волнистые волосы, только на порядок

светлее. Одета она была намного лучше: зимние ботинки, джинсы, парка и выглядывающая из-под неё оранжевая футболка. Взгляд у неё был серьёзным и недовольным. Она крепко сжимала в руках кучку листовок, будто это были эссе, за которые ей несправедливо занизили оценку.

Не хотел бы я с ней связываться. Было в ней что-то пугающее.

Как бы там ни было, я не узнал этих людей, но у меня было странное предчувствие... какое-то давнее воспоминание, рвущееся наружу.

Отец с дочерью остановились на месте разветвления тропинки. Они оглянулись вокруг, словно только сейчас обнаружили, что находятся посреди пустынного парка в ранний час и в глухую зимнюю пору.

— Поверить не могу, — произнесла девочка. — Я задушу его.

Предположив, что она говорит обо мне, я присел на карточки как можно ниже.

— Не думаю, что это хорошая идея, — вздохнул её отец. — Он ведь *твой* дядя.

— Два года! — возразила девочка. — Как он мог скрывать это от нас *целых два года*?

— Я правда не могу понять Рэндольфа, Аннабет. И никогда не понимал.

Я вдохнул настолько резко, что будь у них суперслух, они бы меня точно услышали. Мой мозг ожила и начал выдавать свежие воспоминания из моего шестилетнего возраста.

Аннабет... Получается, этот мужчина с волосами песочного цвета — дядя Фредерик?

Мне тут же вспомнился последний День благодарения, который мы провели все вместе: мы с Аннабет играли в домино в библиотеке таунхауса (прим. переводчика: Таунхаус (англ. townhouse) — малоэтажный жилой дом на несколько многоуровневых квартир, как правило без общего подъезда. Каждая квартира таунхауса в большинстве случаев имеет отдельный вход с улицы, иногда гараж и небольшой палисадник. Несмотря на некоторую структурную схожесть, не стоит путать таунхаусы с блокированными домами, поскольку под термином «таунхаус» может пониматься как блокированное, так и отдельно стоящее жилое здание) дяди Рэндольфа, пока внизу между нашими родителями точились жаркие споры.

— Повезло тебе, — сказала она, взгромоздив ещё одно домино на своё потрясающе красивое миниатюрное здание, которое, благодаря колоннам, походило на храм, — ты живёшь с мамой. А я собираюсь сбежать.

Я ни капли в ней не сомневался. Её уверенность в своих силах поражала меня до глубины души.

В дверном проходе показался дядя Фредерик. Его руки были сжаты в кулаки, а угрюмое выражение лица плохо сочеталось с улыбающимся оленем на его свитере.

— Нам пора, Аннабет.

Она повернулась ко мне; в её серых глазах отражалась свирепость, что было немного необычно для первоклассницы.

— Береги себя, Магнус, — сказала Аннабет и одним движением руки разрушила свой храм из домино.

Тогда я видел её в последний раз.

После этого мама была непреклонна: «*Мы больше не общаемся с Фредериком и Рэндольфом, особенно с последним. Он не получит то, чего хочет. Никогда*».

Она так и не объяснила, чего именно хотел дядя Рэндольф и о чём они тогда спорили...

«Поверь мне на слово, Магнус, они опасные люди».

И я поверил. Я не связывался со своими родственниками даже после маминой смерти.

И вот теперь я им понадобился.

Дядя Рэндольф жил в городе, а Фредерик с Аннабет, насколько мне было известно, все ещё проживали в штате Вирджиния. Тем не менее, вот они здесь, раздают листовки с моим именем и фотографией. *Где они вообще нарыли мою фотку?*

Разговор я слушал вполуха, так как моя голова ходила ходуном.

— ...найти Магнуса, — говорил дядя Фредерик, попутно доставая свой смартфон. — Рэндольф сейчас в городском приюте в Саут Энде. Мальчишки там нет. Тогда мы пойдём в приют для подростков, что находится по ту сторону парка.

— А жив ли он вообще? — жалостливо спросила Аннабет. — Пропал два года тому назад! Вдруг его окоченелое тело уже давным-давно лежит в какой-нибудь канаве?!

Часть меня желала выскоичить из укрытия с возгласом: «ТА-ДА!».

Прошло уже десять лет с нашей последней встречи, а мне все ещё не нравилось заставлять Аннабет грустить. Тем не менее, улицы преподали мне важный урок: сиди тихо и смирно, пока полностью не уловишь всю суть происходящего.

— Рэндольф уверен, что Магнус жив, — сказал дядя Фредерик. — Шляется где-то по Бостону. Если его жизнь и вправду в опасности...

Окончание фразы я не уловил, так как они двинулись вперёд в сторону Чарльз-стрит. Я весь дрожал, но не от холода. Мне хотелось побежать вслед за дядей Фредериком, остановить его и потребовать объяснений. Откуда Рэндольфу было известно, что я все ещё в городе? Зачем они разыскивали меня? С чего это моя жизнь *теперь* в опасности, если опасность — мой постоянный спутник?

Как бы там ни было, я не двинулся с места.

Перед смертью мама мне кое-что сказала. Помню, я отказывался искать пожарный выход и оставлять Её одну, когда она схватила меня за руку и заставила посмотреть ей в глаза: «*Беги, прячься! Никому не доверяй. Я найду тебя. Что бы ни случилось, никогда не обращайся за помощью к дяде Рэндольфу!*».

Тогда, прежде чем покинуть здание через окно, я наблюдал, как двери нашей квартиры разлетелись в щепки. Из тени появились голубые светящиеся глаза, смотрящие прямо на меня...

Я выбросил это воспоминание из головы и уставился на дядю Фредерика и Аннабет, которые теперь изменили курс на восток в сторону Центрального парка.

Подведём итоги: дядя Рэндольф зачем-то связался с Фредериком и Аннабет и попросил их приехать в Бостон. До этого он скрывал от них смерть моей матери и мою пропажу, что казалось странным, так как с чего это вдруг ему понадобилось рассказывать им об этом сейчас?

Был лишь один способ найти ответы на вопросы и при этом не сталкиваться с дядей Рэндольфом лицом к лицу. Его таунхаус располагался в районе Бэк-Бэй недалеко отсюда. По словам Фредерика, сейчас дома никого не было, так как сам Рэндольф находился в Саут Энде в поисках меня.

Что ж, есть такая поговорка: *лучше «добroe утро» — это взлом и проникновение*, поэтому пришло время нанести визит домишке дяди Рэндольфу.

Глава II.

МУЖЧИНА В ЖЕЛЕЗНОМ БЮСТГАЛЬТЕРЕ

Особняк был отстойным.

Но вам, наверное, он бы пришёлся по душе: огромное шестиэтажное здание со статуями горгулий по обе стороны крыши, витражные окна, отделанное мрамором крыльцо и так далее и тому подобное, не будем акцентировать внимание на том, что здесь живут богачи. Теперь вам наверняка интересно, почему я спал под мостом.

Два слова: дядя Рэндольф.

Этот дом принадлежал ему. Будучи старшим в семье, он унаследовал его от моих бабушки с дедушкой, которые умерли задолго до моего рождения. Я не особо вникал в семейную драму, но мне было известно, что мама и её братья враждовали. После той ссоры в День благодарения мы больше ни разу не посетили семейную усадьбу. Наша квартира находилась поблизости, однако с таким же успехом мы могли бы жить и на Марсе.

Мама даже и не заикалась об особняке, не считая тех редких случаев, когда нам приходилось проезжать мимо него. Тогда она указывала на дом пальцем (да так, словно мы проезжали опасный утёс) и говорила: «*Видишь этот особняк? Не приближайся к нему!*».

Когда её не стало, я изредка «наведывался в гости» и заглядывал в окна, где за светящимися витринами покоилась антикварная коллекция мечей и топоров, а со стен на втором этаже на меня смотрели жуткие человеческие маски и статуи, силуэты которых напоминали мне окаменевших призраков.

Несколько раз я серьёзно подумывал о взломе с проникновением, так как соблазна постучать в двери и увидеть там лицо дяди Рэндольфа у меня не возникало. Да и что бы я ему сказал? «*Умоляю, дядя, впусти меня. Я знаю, что ты терпеть не мог мою мать и позабыл о моем существовании на целых десять лет. Я понимаю, что ты заботишься об этой ржавой коллекции больше, чем о своей собственной семье, но позволь мне жить в твоём прекрасном особняке и питаться твоими обедками?*».

Как бы не так. Я скорее буду жить на улице и есть затвердевший фалафель (*прим. переводчика: Фалáфель – блюдо, представляющее собой жареные во фритюре шарики из измельчённого нута, иногда с добавлением фасоли, приправленные пряностями*) с фудкорта.

Поэтому я был намерен проникнуть в дом, осмотреться и, быть может, разузнать какую-либо информацию о том, что происходит... а также стрельнуть несколько вещичек под залог.

Мне очень жаль, если это идёт вразрез с вашими этическими и моральными принципами.

Ладно, шучу, мне ни капли не жаль.

Однако я не краду у всех подряд. Моими жертвами становятся лишь зажравшиеся отморозки. Если вы водите новенький BMW и паркуетесь в месте для инвалидов без надлежащего значка, я без проблем залезу к вам в машину и украду мелочь из тамошнего подстаканника; если вы выходите из модного бутика с мешком шёлковых тряпок, расталкивая людей в стороны, слишком занятые своей болтовней по телефону, то я уже тут как тут, готовый прибрать к рукам ваш кошелёк. Если вы можете позволить себе тряпки на пять тысяч долларов — вам не составит труда оплатить мне обед.

Я есть судья, присяжный и вор в одном лице. И пока что я не повстречал лучшего зажравшегося отморозка, чем дядя Рэндольф.

Окна особняка выходили на Коммонуэлс-авеню. Я обошёл его по кругу и оказался в переулке с поэтическим названием Пабликэли. Парковочное место дядя Рэндольфа пустовало. Лестница вела прямо в подвал. Я осмотрелся в поисках системы безопасности, однако ничего подобного не увидел. Дверь закрывалась на защёлку; замок вообще отсутствовал.

М-да уж, дядя Рэндольф, мог бы хоть немного обезопасить свой дом.

Спустя две минуты я был уже внутри, уплетая нарезную индейку с кухни и крекеры, запивая все это молоком из пакета. Мой желудок потребовал фалафель, однако его здесь не оказалось, черт побери. К счастью, я нашёл плитку шоколада и запихнул её в карман пальто на потом (шоколадом нужно наслаждаться, а не обедаться). Затем я направился на второй этаж, в мавзолей из красного дерева, восточных ковров, картин маслом, мраморной плитки и хрустальных люстр... Стыд позор, ну кто так живёт?

В лет шесть я ещё не мог трезво оценить стоимость этого хлама, однако моё общее впечатление от особняка ни капли не изменилось: тёмный, гнетущий и жуткий. *И это здесь выросла моя мама?* Теперь я понимаю, почему она предпочитала активный отдых на природе.

Наша квартира, что располагалась над корейским барбекю кабаком в Аллстоне, была довольно уютной, тем не менее, маме никогда не нравилось сидеть в четырёх стенах. Она всегда говорила, что её настоящим домом был заповедник Голубые Холмы, где мы занимались пешим туризмом и устраивались на ночлег независимо от погодных условий – свежий воздух, ни стен, ни потолков, и никаких вам компаний, не считая белок, уток и гусей.

Особняк дяди Рэндольфа был самой настоящей темницей. По моей коже побежали толпы невидимых мурашек, пока я стоял в фойе один-одинешенек.

Я поднялся на второй этаж. В библиотеке неизменно пахло лимонным лаком и кожей. Вдоль одной из стен располагалась ярко освещённая витрина, заполненная ржавыми шлемами и топорами викингов. Мама как-то упомянула, что дядя Рэндольф какое-то время преподавал историю в Гарвардском университете, пока его не выгнали оттуда с позором. В детали она не вдавалась, да и так было ясно, что мой родственничек помешан на артефактах.

«Ты намного умнее Рэндольфа и Фредерика, Магнус, – однажды заявила мне мама. – С твоими-то оценками ты бы легко поступил в Гарвард».

Тогда она была жива, а я посещал занятия в школе и моё будущее могло состоять из более ярких и приятных событий, нежели попыток запастись пищей на день грядущий.

В углу кабинета дяди Рэндольфа находилась огромная каменная плита, напоминающая надгробие, передняя часть которой была выбесана и обрисована какими-то красными завитками. По центру располагался набросок рычащего зверя, быть может, льва или волка.

Меня пробрала дрожь. Не будем о волках.

Я приблизился к дядиному столу в надежде порыться в его бумагах или компьютере — найти какую-либо информацию о том, зачем я вдруг понадобился своим родственникам, но вместо него обнаружил рас простёртые по столу тонкие листы пергамента цвета луковичной шелухи. Выглядели они так, будто их нарисовал средневековый школьник, проводивший социальные исследования: тусклые зарисовки береговых линий, населённые пункты с названиями на незнакомом мне языке. Поверх них, словно пресс-папье, лежал кожаный мешок.

У меня перехватило дыхание. Этот мешочек был мне знаком. Я потянул за шнурок и выхватил оттуда костяшку домино...

За исключением того, что это было не домино. Шестилетний я мог бы подумать, что это то, чем мы игралис Аннабет.

Но сейчас я понял, что вместо точек костяшки были изрисованы какими-то красными символами.

На той, что я держал в руке, была изображена ветка или же искажённая буква «F».

Не знаю почему, но сердце у меня загрохотало. Правильно ли я сделал, что пришёл сюда? Стены вокруг меня понемногу смыкались. Мне даже показалось, что та красная Лорда на каменной плите в углу смотрит на меня со злорадной ухмылкой на губах, а её контуры багрятся свежей кровью.

Я устремился к окну глотнуть свежего воздуха. Вдоль центрального авеню растянулся Коммонуэлс Молл – прямая полоса заснеженных стоянок. Голые деревья вырядились в белые рождественские огни. В конце здания, за железным забором возвышалась бронзовая статуя Лейфа Эрикссона; он смотрел в сторону эстакады Чарльз Гейт, расположив ладонь параллельно бровям и будто бы говоря: «Смотрите-ка, я обнаружил шоссе!».

Мы с мамой частенько подшучивали над этим типом. Больше всего доставалось его броне: короткая юбка и нагрудник, похожий на бюстгальтер викингов.

Понятия не имею, что этот памятник позабыл в центре Бостона, а вот любовь дяди Рэндольфа к викингам точно не могла быть простым совпадением. Он прожил здесь всю свою жизнь. Быть может, будучи ещё ребёнком и смотря в окно на Лейфа Эрикссона, дядя частенько размышлял о том, что когда-нибудь и он станет изучать викингов. *Ведь парни, которые носят металлические бюстгальтеры, такие крутые!*

Мой взгляд опустился к подножию статуи. Там кто-то стоял ... и смотрел прямо на меня.

У вас бывает так, что при случайной встрече вам сложно вспомнить, где вы раньше видели этого

человека? Ну, это не тот случай. В тени Лейфа Эрикссона стоял высокий бледный парень в чёрной кожанке, такого же цвета мотоциклетных штанах и остроносых туфлях. Его постриженные ёжиком короткие волосы были ужасно светлыми, почти белыми. Единственным ярким пятном в его образе был красно-белый шарф, обёрнутый вокруг шеи и спускающийся с плеч, словно топлёная карамель. Не будь я с ним знаком, наверняка предположил бы, что он косплеит какого-нибудь персонажа аниме. Но я-то знал правду. Знакомьтесь, это Харт, мой бездомный приятель и по совместительству моя мамочка.

Мне стало немного не по себе и чуток обидно. Неужели он следовал за мной до самого дома? Кто-кто, а нянька мне точно не нужна.

Я развел руками, как бы спрашивая: «*Что ты здесь делаешь?*». Харт изобразил жест, словно он выщипывает что-то из сложенной в чашу ладони и выбрасывает вон. После двух лет знакомства с ним я научился довольно хорошо понимать язык жестов.

Он говорил мне **УБИРАТЬСЯ ПРОЧЬ**.

По нему не сказать, что он сильно волновался, хотя Харт тот еще конспиратор в плане эмоций. Когда бы мы ни тусовались, он только и делал, что прожигал меня своими бледно-серыми глазами. Небось ждал, когда я уже наконец лопну от злости.

Я потерял драгоценные секунды, пытаясь понять, что он имеет в виду и почему находится здесь, если по идеи должен быть на площади Копли.

Харт принял жестикулировать более интенсивно. Вытянул вперед обе руки и, выставив указательные пальцы, дважды провёл ими вверх-вниз: «*Поторопись*».

— Почему? — спросил я вслух.

Внезапно за моей спиной раздался низкий голос:

— Здравствуй, Магнус.

Я едва не выпрыгнул из своих ботинок. В дверном проходе в библиотеку стоял мужчина с бочковидной грудью, белой бородой и тюбетейкой седых волос. Он носил бежевое кашемировое пальто, чёрный шерстяной костюм и перчатки. В его руках покоилась деревянная трость с полированым железным наконечником. На момент нашей последней встречи его волосы были черными, однако голос его ничуть не изменился.

— Дядя Рэндолф.

Он слегка наклонил голову в знак приветствия.

— Какой приятный сюрприз. Рад видеть тебя здесь, — только вот говорил он так, словно не был ни удивлён, ни обрадован. — У нас мало времени.

Мой живот скрутило от страха.

— М-мало времени... в смысле?

Рэндолф нахмурил брови и сморщил нос, словно почуял неприятный запашок.

— Сегодня твоё шестнадцатилетие, не так ли? Кое-кто идёт по твою душу.

Глава III.

НЕ САДИТЕСЬ В МАШИНУ К ЧОКНУТЫМ РОДСТВЕННИКАМ

Ну что же, с днём рождения меня!

Уже 13 января? Честно говоря, понятия не имею. Время пролетает незаметно, когда спиши под мостом и ешь из мусорных баков.

Значит, мне официально шестнадцать. И моим подарком стала западня от дядюшки-со-странныстями, который объявил, что я родился с мишенью на спине.

— Кто... — начал было я. — Хотя, впрочем, неважно. Рад был тебя повидать, дядя Рэндолльф. А сейчас мне пора.

Рэндолльф застыл в дверном проёме, отрезав мне путь к отступлению. Внезапно он указал на меня острым концом своей деревянной трости. Могу поклясться, что почувствовал толчок в грудь даже через всю комнату.

— Магнус, мы должны поговорить. Я не хочу, чтобы они добрались до тебя. Особенно после того, что случилось с твоей матерью...

Удар по лицу был бы менее болезненным.

Воспоминания той ночи возникли у меня в голове, будто тошнотворный калейдоскоп: всю квартиру трясёт, с этажа ниже доносится крик, моя мама, что и так весь день была настороже, тащит меня к пожарной лестнице, говоря, чтобы я бежал. Дверь разлетается на части. Из прихожей появляются два зверя, их шкуры цвета грязного снега, а глаза горят синим. Мои пальцы соскальзывают с перил пожарной лестницы, и я падаю, приземляясь в кучу мусорных мешков на улице. Через несколько мгновений окна нашей квартиры взрываются, извергая пламя.

Мама сказала мне бежать. И я бежал. Она пообещала найти меня, но так и не выполнила своего обещания. Потом уже из новостей я услышал, что её тело вытащили из сгоревшей квартиры. Полиция разыскивала меня. Их интересовали некоторые подробности: следы поджога, сведения о проблемах с дисциплиной в школе, жалобы соседей на крики и шум из нашей квартиры как раз перед взрывом, тот факт, что я сбежал с места происшествия. Но ни в одном отчёте не упоминалось о волках со светящимися глазами.

С той самой ночи я был в бегах; меня постоянно искали, а я был слишком занят выживанием, чтобы горевать по матери. Все думал, а не вообразил ли я себе тех чудовищ... но в глубине души я знал, что они были реальны.

И сейчас, спустя столько времени, дядя Рэндолльф захотел мне помочь.

Я настолько сильно сжал костяшку домино, что она больно врезалась в мою ладонь.

— Ты не знаешь, что случилось с моей мамой. Ты плевать хотел на нас обоих.

Рэндолльф опустил свою трость. Он тяжело облокотился на неё и уставился на ковёр. Я почти поверил, что ранил его чувства.

— Я умолял твою мать, — произнёс он, — хотел, чтобы она привезла тебя сюда, где я мог бы тебя защитить. Но она отказалась. После её смерти... — он покачал головой. — Магнус, ты себе не представляешь, как долго я тебя искал, и какая угроза сейчас нависла над тобой.

— Со мной все нормально, — огрызнулся я, несмотря на то, что сердце тяжело колотилось о мои ребра. — Я неплохо о себе позаботился.

— Возможно, но эти дни уже позади, — уверенность в его голосе заставила меня задрожать, — тебе шестнадцать, это возраст зрелости. Ты убежал от них однажды, в ту ночь, когда твоя мать умерла... но второго шанса ты не получишь. Это наша последняя надежда. Позволь мне помочь тебе или ты не доживёшь до конца сегодняшнего дня.

Приглушенный зимний свет проникал сквозь витражное окно, окрашивая лицо дяди Рэндолльфа в разные цвета, которые шибко сменяли друг друга, делая его похожим на хамелеона.

Я не должен был приходить сюда. *Дурак, дурак, дурак*. Мама столько раз твердила мне одно и тоже: «*не ходи к Рэндолльфу*». И вот я здесь.

Его слова вселяли в меня ужас, но я отчаянно хотел услышать то, что он собирался сказать.

— Мне не нужна твоя помощь, — произнёс я и положил домино на стол. — Я не хочу...

— Я знаю о волках.

Это заставило меня умолкнуть.

— Я знаю, что ты видел их, — продолжил он. — И знаю, кто послал этих существ. Что бы там ни надумала себе полиция, я знаю, как на самом деле умерла твоя мать.

— Откуда...

— Магнус, мне столько всего нужно рассказать тебе о твоих родителях, о твоём наследии... и о твоём отце.

По моей спине пробежался холодок.

— Ты знал моего отца?

Нельзя было показывать Рэндольфу свои слабости. Жизнь на улице научила меня, насколько опасно давать кому-то такого рода преимущество. Но он надавил на правильную мозоль — я правда нуждался в этой информации. И судя по блеску в его глазах, он понял, что поймал меня на крючок.

— Да, Магнус. Личность твоего отца, убийство твоей матери, причина, по которой она отказалась от моей помощи... все это взаимосвязано, — он указал на стенд с викингским добром. — Всю свою жизнь я преследовал одну единственную цель, пытался разгадать одну историческую тайну. До недавнего времени я не видел всей картины. Но теперь вижу. Все вело к этому дню, твоему шестнадцатому дню рождения.

Я попятился к окну, подальше от дяди Рэндольфа.

— Слушай, я почти ничего не понимаю из того, что ты говоришь, но если ты расскажешь мне об отце...

Здание сотряслось, словно где-то далеко дали залп сразу несколько пушек — такой низкий грохот я даже зубами ощутил.

— Они уже близко, — предупредил Рэндольф. — У нас мало времени.

— Кто они такие?

Рэндольф похромал вперёд, опираясь на свою трость. Похоже, правое колено его подводило.

— Я понимаю, что прошу о многом, Магнус. У тебя нет ни одной причины доверять мне. Но ты должен пойти со мной прямо сейчас. Я знаю, где находится то, что принадлежит тебе по праву рождения, — он указал на старые карты на столе. — Вместе мы сможем вернуть его обратно. Это единственная вещь, которая в силах защитить тебя.

Я оглянулся посмотреть в окно. Харт куда-то исчез. Мне стоило поступить так же. Вместо этого я смерил дядю Рэндольфа взглядом, пытаясь найти в нем хоть какое-то сходство с матерью, что-нибудь, что воодушевило бы меня довериться ему. Внушительные габариты, глубокие тёмные глаза, невесёлое лицо, чопорные манеры... нет, он был полной противоположностью моей мамы.

— Моя машина снаружи, — сказал он.

— М-может, нам следует дождаться Аннабет с дядей Фредериком?

Рэндольф скривил гримасу.

— Они мне не верят. Никогда не верили. Я позвал их в Бостон, чтобы они помогли мне разыскать тебя... в качестве крайней меры. Но раз ты уже здесь...

Здание сотряслось снова. На этот раз взрыв ощущался ближе и сильнее. Хотел бы я верить, что он произошёл в постройке неподалёку или при параде военных, словом, там, где это было легко объяснить. Но моё нутро говорило мне совершенно о другом. Звук напоминал топот гигантских ног... как тот шум, потрясший нашу квартиру два года назад.

— Прошу тебя, Магнус, — голос Рэндольфа дрогнул. — Эти монстры отняли у меня семью. Я потерял свою жену, дочерей...

— У тебя... у тебя была семья? Мама мне не рассказывала...

— Верно, она и не стала бы. Твоя мать... Натали была моей единственной сестрой. Я любил её. Я места себе не находил от горя после её смерти. Я не могу потерять и тебя тоже. Пойдём со мной. Твой отец хочет, чтобы ты кое-что нашёл — нечто, что изменит тамошние миры.

Моя голова буквально взорвалась от множества вопросов. И мне уж точно не нравился этот безумный огонёк в глазах дяди Рэндольфа. И ещё мне не нравилось то, каким образом он выразился. Тамошние миры. Во множественном числе. С трудом верится, что он искал меня после смерти матери. Я постоянно был начеку. Если бы дядя и вправду хотел со мной встретиться — мои друзья-бродяги предупредили бы меня об этом, как это сделал Блитц сегодня утром.

Что-то изменилось — что-то заставило Рэндольфа поверить в мою значимость.

— А что, если я просто сбегу? — спросил я. — Ты попытаешься меня остановить?

— Если ты сбежишь, они найдут тебя. И убьют.

Моё горло налилось свинцом. Я не доверял дяде Рэндольфу. Однако его заявление о том, что меня хотят прикончить, звучало вполне себе искренне.

— Что ж, — подытожил я, — прокатимся с ветерком.

Глава IV.

СЕРЬЕЗНО, ЭТОТ ЧУВАК НЕ УМЕЕТ ВОДИТЬ!

Слышали об ужасных бостонских водителях? Так вот, мой дядя один из них.

Чувак дал газу на своём BMW (конечно же, у него BMW) и гнал по проспекту Коммонуэлс, игнорируя светофоры, сигналя другим машинам и перестраиваясь из ряда в ряд абы как.

— Ты пропустил пешехода, — заметил я. — Хочешь вернуться и сбить его?

Рэндолльф был слишком увлечён дорогой, поэтому промолчал. Однако время блуждать взглядом по небу у него нашлось. И что он там выисматривал? Грозовые тучи?

Дядя погнал свой BMW на перекрёсток в Эксетере.

— Итак, — начал я, — куда мы едем?

— На мост.

Какая полезная информация, а главное — конкретная, ведь в Бостоне всего-то около двадцати мостов. Я провёл рукой по кожаному сидению с подогревом. Возможно, это впервые за шесть месяцев я ехал в автомобиле. До этого я катал Тойоту местного соцработника и патрульную полицейскую машину. Оба раза я использовал фальшивое имя и оба раза сбежал. Но в течение последних двух лет я начал приравнивать автомобили к общей камере заключённых. Я не был уверен, что удача не изменит мне сегодня.

Я терпеливо ждал, когда Рэндолльф изволит ответить хоть на один волнующий меня вопрос: Кто мой отец? Кто убил мою мать? Как ты потерял свою жену и детей? У тебя галлюцинации? Обязательно было душиться этим одеколоном? От тебя несёт чесноком.

Однако он был слишком занят, наводя на дорогах полнейший хаос.

В конце концов, пытаясь хоть как-то разговорить его, я спросил:

— Так кто хочет меня убить?

Дядя повернулся прямо на Арлингтон. Мы обогнули Общественный сад, проехали памятник Джорджу Вашингтону на коне, пронеслись мимо рядов газовых фонарей и покрытых снегом изгородей. Я готов был выпрыгнуть из машины, убежать обратно к лебединому озеру и спрятаться в своём спальном мешке.

— Магнус, — сказал Рэндолльф, — я посвятил всю жизнь изучению открытых скандинавов в Северной Америке.

— Надо же, спасибо, — съязвил я. — Моё любопытство полностью удовлетворено.

Неожиданно дядя всё-таки приобрёл с мамой небольшое сходство: он одарил мою персону тем же хмурым взглядом, которым она смотрела на меня поверх своих очков, мол «выруби свой сарказм, мелюзга». От этого сходства у меня заныло в груди.

— Ладно, — сдался я. — Предположим, я понимаю, о чём ты. Мореплавания скандинавов. Речь идёт о викингах.

Рэндолльф поморщился.

— Ну... викинг означает «налётчик». Это, скорее, род деятельности. Не все скандинавы были викингами. Но, да, именно их я и имею в виду.

— Статуя Лэйфа Эрикссона... Значит ли это, что викинги, э-э, в смысле скандинавы основали Бостон? Я думал, это сделали пилигримы.

— Я могу рассказать тебе трёхчасовую лекцию на эту тему.

— Вот уж не стоит.

— Достаточно сказать, что скандинавы открыли Северную Америку и даже расселились там около тысячного года, почти пять веков до приезда Христофора Колумба. Учёные с этим не спорят.

— Как гора с плеч. Ненавижу, когда учёные спорят.

— Однако никто точно не знает, как далеко на юг они заплывали. Достигли ли они места, которое сейчас именуют Соединёнными Штатами? Та статуя Лэйфа Эрикссона... это была идея фикс одного мечтателя в 1800х, человека по имени Эбен Хорсфорд. Он был убеждён, что Бостон — это потерянное скандинавское поселение в Северной Америке Норумбега, что-то вроде черты, дальше которой скандинавы не путешествовали. Конечно, это были лишь его догадки на почве интуиции, реальных фактов он не предоставил. Большинство историков считали его полуумным.

Он одарил меня многозначительным взглядом.

— Дай угадаю... ты о нем другого мнения, — я воспротивился желанию сказать что-то вроде: «*Рыбак рыбака видит издалека*».

— Доказательством служат все эти карты на моем столе, — продолжил Рэндолльф. — Мои коллеги считают их подделками, но они ошибаются. Я готов поставить на это свою репутацию!

«*Так вот почему тебя вытурили из Гарварда!*» — подумал я.

— Скандинавы действительно не пошли дальше, — не умолкал он. — Все это время они занимались поисками какого-то артефакта... и обнаружили его здесь. Один из их кораблей потонул неподалёку. Я зациклился на мысли, что его обломки гниют где-то в Массачусетском заливе, и пожертвовал всем, чтобы найти их. Купил собственную лодку, таскал жену и детей за собой на экспедиции. В последний раз... — его голос дрогнул, — буря появилась из ниоткуда, и огни...

Дядя не потрудился рассказать историю до конца, но основную идею я уловил: он потерял семью в море. И вправду поставил всё на свою безумную теорию о викингах в Бостоне.

Разумеется, я ему сочувствовал. А ещё я не хотел стать его следующей жертвой.

Мы остановились на углу улиц Бойлстон и Чарльз.

— Может, я просто пойду, — я дёрнул ручку. Дверь была заперта.

— Магнус, послушай. Ты родился в Бостоне не просто так. Твой отец хотел, чтобы ты нашёл один артефакт, утерянный им две тысячи лет тому назад.

Я занервничал.

— Мне послышалось, или ты сказал *две тысячи лет тому назад?*

— Плюс-минус.

Идея закричать и заколотить по окну показалась мне довольно разумной. Интересно, кто-нибудь придёт мне на помощь? Если мне удастся выбраться из машины, я мог бы отправиться на поиски дяди Фредерика и Аннабет. Они-то уж точно не настолько безумны. Так ведь?

Мы повернули на Чарльз-Стрит, направляясь на север между Общественным садом и Коммон-парк. Рэндолльф мог везти меня куда угодно: Кэмбридж, Норт-Энд или на одну из удалённых свалок.

Я старался сохранять спокойствие.

— Две тысячи лет... нормальные отцы так долго не живут.

Лицо дяди Рэндолльфа напоминало мне «Человека на Луне» из старых чёрно-белых мультиков: бледное и круглое, в ямках и рубцах, со скрытной улыбкой, которая не внушала доверия.

— Магнус, что ты знаешь о скандинавской мифологии?

«*Веселье только набирает обороты*», — подумал я.

— Э-э, почти ничего. Мама читала мне книжку с картинками на ночь. А ещё я смотрел фильмы про Тора.

Рэндолльф неодобрительно покачал головой.

— Эти фильмы просто до нелепого неверны. Настоящие боги Асгарда — Тор, Локи, Один и все остальные — обладают большим могуществом и силой, чем кто-либо в Голливуде может себе представить.

— Но... они ведь всего лишь мифические персонажи. Они ненастоящие.

Рэндолльф посмотрел на меня с какой-то жалостью.

— Мифы — это попросту истории об истине, которую мы позабыли.

— Так, слушай, я только что вспомнил, что у меня там встреча в конце улицы...

— Тысячелетие назад норвежские исследователи приехали на эту землю, — Рэндолльф вёз меня мимо Черсбара на Бэйкон-стрит, где закутанные в тёплые одежды туристы фотографировались перед каким-то знаком. Я заметил скомканый флирт, летевший вдоль тротуара. На нем было изображено мое старое фото с надписью: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ». Один из туристов наступил на него.

— Капитаном этих исследователей, — продолжал Рэндолльф, — был сын бога Скирина.

— Сын бога... Серьёзно, высади меня где угодно, я пешком дойду.

— У него при себе имелся один очень важный артефакт, — будто не слышал меня дядя Рэндолльф. — Он когда-то принадлежал твоему отцу. Когда скандинавский корабль затонул во время шторма, этот артефакт был утерян. Но ты, только ты можешь его отыскать.

Я снова подёргал ручку. Дверь была по-прежнему заперта.

Самое ужасное? С каждым сказанным словом дядя Рэндолльф казался мне все менее сумасшедшим.

Его история просачивалась в мой разум — штормы, волки, боги, Асгард. Слова вставали на место, словно кусочки паззла, собрать который у меня никогда не хватало смелости. Я начинал ему верить, и

от этого меня не по-детски колбасило.

Рэндолф обогнал подъездной путь на Сторроу-Драйв и припарковался в метре от Кэмбридж-стрит. На севере, позади наземных путей станции Массачусетс Дженерал, возвышались каменные башни Лонгфеллоу-Бридж.

— Это туда мы идём?

Рэндолф порылся в своём держателе для чашки в поисках четвертаков.

— Все эти годы он был ближе, чем я ожидал. Мне нужен был только ты!

— Я тоже тебя очень люблю.

— Тебе сегодня исполняется шестнадцать, — в глазах дяди Рэндолфа заблистали радостные искорки.

— Идеальный день для того, чтобы возвратить принадлежащую тебе по праву вещицу. Но этого ждали и твои враги. Мы должны отыскать его первыми.

— Но...

— Доверься мне ещё немного, Магнус. Как только мы завладеем оружием...

— Оружием? То, что принадлежит мне по праву рождения — это оружие?

— Овладев им, ты будешь в безопасности. Я потом все объясню. Подготовлю тебя к грядущим событиям.

С этими словами дядя открыл дверь машины. Не успел он выйти, как я тут же схватил его за запястье.

Обычно я избегаю контактов с людьми. Прикосновения пугают меня. Однако мне нужно было обратить на себя его внимание.

— Ответь мне на один вопрос, — сказал я. — Дай мне один ясный ответ безо всякой болтовни и лекций по истории. Ты сказал, что знал моего отца. Кто он?

Рэндолф положил свою ладонь на мою, и я скрчил гримасу. Его руки были слишком жёсткими для рук профессора.

— Магнус, клянусь своей жизнью, что это правда: твой отец — скандинавский бог. А теперь поспешим. Здесь нельзя парковаться более двадцати минут.

Глава V.

ВСЕГДА МЕЧТАЛ РАЗНЕСТИ МОСТ!

— Ты не можешь мне рассказать *такое* и просто уйти! — закричал я, когда Рэндольф стал удаляться. Несмотря на трость и негнущуюся ногу, этот тип передвигался довольно быстро. Готов поспорить, он завоевал золотую олимпийскую медаль в области поспешного хромания. Дядя уверенно шагал вперёд к пешеходной дорожке на мосту Лонгфелло, пока я молча плелся следом, а ветер шумел у меня в ушах.

Дороги были забиты приезжими из Кембриджа. Автомобили растянулись по всей длине автострады, передвигаясь весьма медленно. Мы с дядей были не единственными глупцами, решившимися идти по мосту в такую-то погоду. *Но это Бостон, детка.* Мимо нас пропыхтело с полдесятка уставших бегунов в трико из лайкры; они походили на измощдённых тюленей. По противоположной пешеходной дорожке шла женщина с двумя детьми в коляске. Видок у них был такой же несчастный, как и у меня.

Дядя по-прежнему опережал меня футов на пятнадцать.

— Рэндольф! — позвал я. — Я с тобой разговариваю!

— Течение реки, — пробормотал он, — свалка на берегу... улучшение приливной системы на протяжении тысячелетий...

— Эй! — я схватил рукав его кашемировой куртки. — Отмотай-ка к той части про моего папашу скандинавского бога.

Рэндольф изучил местность. Мы остановились у одной из главных башен моста — гранитный конус высотой в пятьдесят футов. Поговаривали, будто эти башни походили на две гигантские перечницы, но лично для меня они выглядели какдалеки из «Доктора Кто». (Да, все верно, я тот ещё компьютерный гик. Можете подать на меня в суд. Не удивляйтесь, бездомные тоже иногда смотрят телевизор — будь то в комнате отдыха в приюте, или же в библиотеке, где имеются компьютеры общего доступа... короче, у нас свои лазейки)

Река Чарльз под нами отливалась серой сталью, Её пестрившая клочками снега и льда поверхность походила на кожу гигантского питона.

Рэндольф перегнулся через перила настолько низко, что даже я занервничал.

— Какая ирония, — снова пробормотал он. — Ведь именно здесь...

— Так, значит, — начал было я, — мы говорили о моем отце...

Рэндольф схватил меня за плечо.

— Посмотри вниз, Магнус. Что ты видишь?

Я осторожно глянул вниз:

— Воду.

— Нет, я имею в виду резной орнамент прямо под нами.

Я посмотрел ещё раз. Примерно на полпути вниз со стороны пирса виднелся гранитный выступ, похожий на остроконечную театральную ложу.

— Это больше похоже на нос.

— Нет, это... ну, с этого угла и правда похоже на нос. Нос галеры викингов. Видишь? На противоположном пирсе имеется такой же. Поэт Лонгфелло, в честь которого назвали данный мост, восхищался скандинавами и посвящал стихотворения их богам. Как и Эбен Хорсфорд, Лонгфелло верил, что викинги осваивали земли, на которых впоследствии был основан Бостон. Отсюда и композиция моста.

— Ты мог бы проводить экскурсии, — заметил я. — Фанатики Лонгфелло заплатили бы за это неплохие деньги.

— Неужели ты не понимаешь? — рука Рэндольфа на моем плече заставляла меня нервничать. — Столько... столько людей знало об этом. Они чувствовали все подсознательно, даже не имея при себе никаких доказательств. Викинги не просто посещали это место. Оно было священным для них!

Прямо под нами — где-то рядом с этими декоративными носами — расположены обломки настоящей галеры, хранящей груз непомерной ценности.

— Я вижу только воду. И по-прежнему хочу поговорить о моем отце.

— Магнус, скандинавские исследователи прибыли сюда в поисках оси миров, самого ствола дерева.

И они нашли его...

Низкий бум отозвался эхом через реку. Мост задрожал. На расстоянии приблизительно в милю, среди чаши дымоходов и шпилей района Бэк-Бэй, ввысь поднялся столб маслянистого чёрного дыма. Я схватился за перила.

— Э-э, разве только что бахнуло не в районе твоего дома?

Выражение лица Рэндольфа помрачнело. Его щетинистая борода поблескивала серебристым светом в лучах солнца.

— У нас мало времени. Магнус, вытяни руку над водой. Меч находится прямо там. Призови его.

Сосредоточься на нем, словно это самая важная вещь в мире —то, чего ты так отчаянно жаждешь.

— Жажду? Э-э.... слушай, Рэндольф, я вижу, денёк у тебя не удался, но...

— ДАВАЙ ЖЕ!

Суровость его голоса заставила меня вздрогнуть. Дядя сошёл с ума с этой его болтовней о богах, мечах и древних корабельных обломках. Тем временем в районе Бэк-Бэй поднялся столб дыма. Где-то вдалеке завыли сирены. Водители на мосту выглядывали из окон машин, снимая происходящее на смартфоны.

И как бы я ни хотел это отрицать, слова Рэндольфа нашли во мне отклик. Впервые я почувствовал, что моё тело шумело на нужной частоте, будто меня наконец настроили, чтобы я сочетался с паршивым саундтреком моей жизни.

Я вытянул руку над водой.

Ничего не произошло.

«Разумеется, ничего не произошло, — разозлился я. — А чего ты ожидал?».

Мост задрожал ещё сильнее. Вниз по тротуару споткнулся бегун. За мной послышался треск одного автомобиля столкнувшегося с другим. Прогремели сигнальные гудки.

Над крышами Бэк-Бэй вздымался ещё один столб дыма, извергая в небо пепел и оранжевого цвета золу. Можно было подумать, что источником взрыва послужил проснувшийся вулкан.

— Это... это прозвучало намного ближе, — приметил я. — Словно кто-то целится прямо в нас.

Я очень надеялся, что Рэндольф скажет нечто вроде: «Да нет, что ты. Не глупи!».

Однако дядя словно постарел у меня на глазах. Его морщины потемнели, плечи опали. Он тяжело опирался на свою трость.

— Пожалуйста, только не снова, — бормотал он себе. — Только не снова...

— «Не снова» что? — тут я вспомнил его слова о потере жены и дочерей; что-то про шторм и огни из ниоткуда.

Рэндольф пристально посмотрел на меня.

— Попробуй ещё раз, Магнус. Умоляю.

Я протянул руку к реке. Представил, будто тянусь к маме, пытаюсь вытащить её из прошлого — спасти её от волков и горящей квартиры. Я почти нашёл объяснение тому, почему её больше не было рядом и почему вся моя жизнь с того самого момента была сплошным потоком неудач.

Поверхность воды подо мной задымилась.

Лёд растаял. Снег испарился, оставив на своём месте прорубь в форме моей ладони — вот только раз в двадцать больше.

Я не осознавал, что делаю. Казалось, я снова вернулся в то время, когда мама учila меня ездить на велосипеде: «Не думай о том, что делаешь, Магнус. Не сомневайся, иначе упадёшь. Просто не останавливайся».

Я водил рукой вперёд-назад. Сотнями метрами ниже, дымящаяся рука повторяла мои движения, очищая поверхность реки Чарльз. Внезапно я остановился, почувствовав, как что-то горячее кольнуло мою ладонь.

Там внизу что-то было... источник жара, глубоко зарытый в холодный речной ил. Я сжал кулак и потянул его на себя.

Купол воды подо мной распух и лопнул, словно пузырь сухого льда. Объект, напоминающий свинцовую трубу, выскочил вверх и приземлился прямо в мои руки.

И какой же это меч? Ни эфеса, ни намёка на колющий конец. Штуковина могла сойти за клинок по размеру, однако из-за наличия грязи, ила, ракушек и ржавчины я не был даже уверен, что её вылили из металла. Короче говоря, это был самый жалкий кусок железа, который я когда-либо доставал из реки с помощью магии.

— Ну наконец-то! — Рэндольф поднял глаза к небесам. Если бы не его нога, он бы, наверное, упал на

колени, чтобы помолиться своим несуществующим скандинавским богам.

— О да, — я оглядел свой новый подарочек. — Я прям-таки чувствую себя непобедимым.

— Ты можешь его модифицировать! — воскликнул Рэндольф. — Просто попробуй!

Я повернул клинок другой стороной. Удивительно, что он не рассыпался в моей ладони.

— Ну, не знаю, Рэндольф. По-моему, этой штуковине уже никакая реставрация не поможет. Я даже не знаю, можно ли Её пустить на переработку.

Не поймите меня неправильно, если услышали в моем голосе нотки неблагодарности. Я вытащил меч из реки с помощью магии — это определённо круто, меня аж заколбасило чуток. Всегда хотел себе суперспособности. Только вот я и предположить не мог, что моей супер силой окажется способность вытаскивать мусор со дна реки. Я бы стал любимчиком среди волонтёров общественной службы.

— Сосредоточься, Магнус! — сказал Рэндольф. — Скорее, пока...

Центр моста внезапно обуяло пламя. Ударная волна оттолкнула меня к перилам. Мою правую щеку обожгло от боли. Пешеходы кричали. Машины виляли и врезались друг в друга.

По какой-то глупой причине я побежал навстречу взрыву. Эдакий непоседа. Рэндольф кинулся было за мной, крича моё имя, однако его голос казался далёким и неважным.

Крыши автомобилей превратились в танцпол для пламени. Окна разбивались под напором тепла, осыпая улицу обломками стекла. Водители покидали свои транспортные средства и бежали прочь.

На мост словно обрушился метеор. Часть асфальта диаметром метра в три обуглилась и дымилась. В центре зоны поражения виднелся силуэт размером с человека: чёрный тип в чёрном костюме.

Под словами «чёрный тип» я имею в виду, что его кожа была чистейшего, самого прекрасного оттенка чёрного, что я когда-либо видел. Куда уж там чернилам кальмаров. Его одежда была под стать его коже: хорошо сидящий пиджак и широкие брюки, накрахмаленная сорочка и галстук — все словно из материи нейтронной звезды. Лицо его было нечеловески красивым, будто выточенным из обсидиана. Его зачёсанные назад волосы напоминали мне стильное нефтяное пятно, а его зрачки горели пламенем, словно маленькие лавовые кольца.

Если Сатана и впрямь существовал, то выглядел он точь-в-точь, как этот парень.

Хотя нет, Сатана по сравнению с ним смотрелся бы убого. Этот тип больше походил на консультанта Сатаны по вопросам моды.

Взгляд его красных глаз остановился на мне.

— Магнус Чейз, — голос у него был глубокий и звучный, акцент отдалённо напоминал немецкий или скандинавский. — Ты принёс мне подарок.

Между нами стояла покинутая Тойота Королла. Стилист Сатаны прошёл прямо сквозь неё, выплавляя себе дорогу к центру шоссе.

Раскалённые добела половинки Короллы рухнули на землю позади него, а колеса расплавились в лужи. Он расплавил её, словно паяльник — воск!

— У меня тоже есть для тебя подарок, — чёрный тип вытянул руку вперёд. Его рукав и черные пальцы испускали дым. — Отдай мне меч, и я дарую тебе пощаду.

Глава VI.

ДОРОГУ УТЯТАМ, ЕСЛИ НЕ ХОЧЕШЬ ПОЛУЧИТЬ ПО ГОЛОВЕ

Я много в жизни странного повидал.

Например, толпу людей, что неслась по улице Бойлстон посреди лютой зимы; на них не было ничего кроме нижнего белья и шапок Санта Клауса. Также я познакомился с парнем, который играл носом на гармонике, ногой – на ударных, руками – на гитаре, и задницей – на ксилофоне. И все это одновременно. Знавал я и женщину, что удочерила тележку из гастронома и назвала её Кларенс. А ещё был чувак, утверждавший, что он пришёл в наш мир из компьютерной игры «Альфа Центавра» и что ему посчастливилось разговаривать на философские темы с канадской казаркой.

Сегодня я повстречал ещё одного чудака: стильно одетого фэшн-консультанта Сатаны с модельной внешностью и способностью плавить машины... *Почему бы и нет?* Я просто расчищу в своей голове ещё немного места, чтобы поместить туда очередную странность.

Чёрный тип ждал меня с вытянутой рукой. Воздух вокруг него нагрелся и рябил.

Примерно в ста футах под пролётом моста резко затормозил пригородный поезд, следовавший по красной линии. Проводница молча вытаращилась на развернувшийся хаос. Два бегуна пытались вытащить третьего из-под полуразвалившейся Тойоты Приус. Женщина с коляской отстёгивала вопяющих детей. Колёса коляски, под воздействием жара, приобрели овальную форму. Рядом с ней стоял какой-то идиот, который вместо помощи пытался заснять творившийся разгром. Я уже мог судить качество съёмки по его трясущимся рукам.

Кто-то позади меня закричал:

— Меч, Магнус. Воспользуйся им!

Не очень-то и приятно, когда твой крепко сложенный дядюшка-амбал прячется за твоей спиной.

Стилист Сатаны усмехнулся.

— Профессор Чейз... Я восхищаюсь вашей настойчивостью. Я уж было подумал, что наша последняя встреча сломила ваш дух. Но вот вы снова здесь, и готовы принести в жертву очередного родственника!

— Заткнись, Сурт! – пронзительно закричал Рэндолф. – У Магнуса есть меч! Возвращайся обратно в то пекло, что породило тебя.

Сурт даже глазом не повёл, хотя лично для меня выражение «*породило*» прозвучало довольно пугающе.

Пламенный тип окунул меня таким пристальным взглядом, будто я, подобно мечу, был покрыт ракушками.

— Отдай мне его, мальчишка, иначе я покажу тебе всю мощь Муспельхейма. Я испеплю этот мост, а вместе с ним и каждого, кому не повезло здесь находиться.

С этими словами Сурт воздел руки к небу. Его пальцы лизали языки пламени. Асфальт под его ногами запузырился. Лобовые стёкла машин разлетелись вдребезги. Железнодорожные рельсы гулко застонали. Проводница бешено завопила в радио. Пешеход со смартфоном свалился в обморок. Мать закрыла собой коляску, в которой не переставая плакали дети.

Рэндолф что-то проворчал и пошатнулся.

К счастью, сила Сурта не лишила меня сознания. Но я разозлился. Кем бы ни был этот огненный ублюдок, он явно не на нашей стороне. Первое правило улиц: не позволяй врагу забрать то, что принадлежит тебе.

Я направил своё то-что-когда-то-могло-быть-мечом на Сурта.

— Остынь, парень. У меня есть заржавевший кусок металла, и я не побоюсь им воспользоваться.

Тот лишь насмешливо улыбнулся.

— Ты не боец. Как и твой папаша.

Я стиснул зубы.

«*Отлично, – пролетело у меня в голове, – самое время изуродовать его костюмчик*».

Но не успел я сдвинуться с места, как рядом с моим ухом просвистел какой-то предмет, ударивший Сурта прямо в лоб.

Будь это настоящая стрела, стилисту не поздоровилось бы. Однако это была всего лишь пластмассовая игрушка с розовым наконечником в виде сердечка – видимо, новинка ко Дню Святого

Валентина. Стрела влетела Сурту промеж глаз с жизнерадостным писком, затем шлётнулась у его ног и в тот же миг растаяла. Огненный Тип моргнул. Теперь мы оба выглядели растерянными.

За моей спиной раздались знакомые голоса:

— Беги, парень, беги!

Так вот кто прервал нас своим присутствием — мои бездомные приятели Харт и Блитц. Как вам их появление? Довольно впечатляюще, да? Чёрта с два. Блитц зачем-то напялил на себя широкополую шляпу и солнечные очки вместе с черным тренчом, поэтому походил на неопрятного и низкорослого священнослужителя-итальянца. Он размахивал внушающим страх деревяенным столбом с ярко-жёлтым дорожным знаком, на котором было написано: «ДОРОГУ УТЯТАМ».

Развевающийся красный шарф Харта напоминал вялые крыльшки. Он вложил очередную стрелу в свой розовый пластмассовый лук Купидона и, прицелившись, вновь выстрелил в Сурту.

Храни Господь сердца этих чудаков. Я понял, где они достали эти нелепые орудия: магазин игрушек на Чарльз-стрит. Иногда я попрошайничал рядом с этим местом и видел похожие вещицы у них на витрине. Так или иначе, мои друзья, должно быть, проследовали за мной всю дорогу сюда. В спешке они стащили парочку смертоносных предметов из ближайшего магазина. Должен заметить, что, будучи обезумевшими бездомными парнями, выбирали они не очень-то и тщательно.

Глупо и бессмысленно? Лучше не скажешь. Однако мне было приятно, что они пришли сюда выручить меня.

— Мы прикроем тебя! — Блитц перезарядил своё оружие. — Беги же!

Сурт явно не ожидал атаки от «вооружённых» бродяг. И даже не шелохнулся, когда Блитц зарядил ему по голове знаком «ДОРОГУ УТЯТАМ». Следующая стрела Харта с писком сорвалась и двинула прямёхонько мне в зад.

— Эй! — пожаловался я.

Разумеется, будучи глухим, Харт не мог меня расслышать. Он ринулся в бой и вмазал Сурту по груди пластмассовым луком.

Дядя Рэндолф вцепился мне в руку, издавая жуткие хрипящие звуки:

— Магнус, мы должны уходить. СЕЙЧАС ЖЕ!

Быть может, мне действительно стоило броситься наутёк, однако я, словно парализованный, продолжал стоять на одном месте, пока мои друзья атаковали Тёмного Лорда Огня дешёвыми пластмассовыми игрушками.

Вскоре Сурту надоело играть в эти игры. Он залепил Харту звонкую пощёчину и отправил его в свободный полет по ту сторону улицы. Мой друг с грохотом бахнулся об землю. Затем Огненный Тип пнул Блитцу в грудь с такой силой, что мой низкорослый приятель потерял равновесие и приземлился на задницу прямо передо мной.

— Хватит идиотничать, — грозно произнёс Сурт и вытянул руку вперёд. Огонь на его открытой ладони спиралью поднимался вверх, медленно превращаясь в изогнутый меч, полностью состоящий из белого пламени. — Вот теперь вы меня действительно разозлили. Вам всем конец.

— Божьи галоши! — пробормотал Блитц. — Он не просто какой-то там огненный гигант. Это же сам Чёрный Господин!

«В противовес Жёлтому Господину?» — хотел было спросить я, однако вид пылающего меча напрочь отбивал у меня желание шутить.

Вокруг Сурта завихрилось пламя. Языки огня распространялись от него во все стороны, превращая машины в кучи бесполезного мусора, плавя асфальт и вырывая заклёпки моста с хлопками, как при открывании бутылок шампанского.

Надо же, я раннее и подумать не мог, что температура способна подниматься настолько высоко. Вот теперь Сурт и правда поддал жару. Харт тяжело опустился у перил недалеко от меня. Пешеходы без сознания и застрявшие в машинах водители также долго не протянули бы. Они могли погибнуть либо от пламени, либо от удушения, либо от теплового удара. На меня же жар не оказывал никакого воздействия.

Рэндолф обмяк и повис на моей руке всем своим весом.

— Я... я... кхм...

— Блитц, — попросил я, — уведи моего дядю отсюда. Утащи, если будет необходимо.

Солнцезащитные очки Блитца дымились. Края его шляпы начали тлеть.

— Малыш, ты не можешь сражаться с этим парнем. Это Сурт, сам Чёрный Господин!

— Ты это уже говорил.

— Но Харти я... Мы должны защищать тебя!

Мне хотелось огрызнуться: «*И вы прекрасно с этим справляетесь! Вы и этот ваш знак ДОРОГУ УТЯТАМ*». Но чего ещё я мог ожидать от двух бродяг? Они же не спецназ... они мои друзья. И я не собирался просто стоять и смотреть, как они гибнут здесь по моей вине. Что до Рендольфа, мы с ним были почти что чужими, да и не нравился он мне толком. Однако он приходился мне дядей. По его словам, ему не пережить смерти ещё одного близкого. Что ж, похоже, мне тоже. Поэтому в этот раз я не собирался бежать.

— Иди, — сказал я Блитцу. — Харту я помогу.

Каким-то образом он сумел поддержать моего дядю. Вместе они побрали прочь.

Сурт рассмеялся.

— Этот меч станет моим, мальчик. Нельзя изменить судьбу. От вашего мира останется только пепел!
Я повернулся к нему лицом.

— Знаешь, ты начинаешь меня раздражать. Боюсь, мне придётся тебя прикончить.

С этими словами я шагнул в стену бушующего пламени.

Глава VII.

ТЫ ВСЕ РАВНО КРАСАВЕЦ, ПУСТЬ И БЕЗНОСЫЙ

Знаю-знаю, о чём вы думаете: «*Ну, ты даёшь, Магнус. Это было та-а-к глупо!*».

Спасибо. Бывает.

Обычно я не разгуливаю по столбам пламени, но в этот раз внутренний голос уверял меня, что огонь мне не навредит. Странно, но я все ещё оставался в сознании. Мне даже не особо-то и жарко было, хотя асфальт у моих ног превращался в кашицу.

Экстремальные температуры меня никогда не пугали. Все мы не без особенностей: некоторые люди могут сгибать пальцы в обе стороны; другие ушами шевелят. А я могу спать на улице зимой без страха замёрзнуть до смерти и спокойно держать ладонь над горящей спичкой. Кстати, я таким образом парочку пари в приютах выиграл, однако я никогда не считал свою терпимость к огню чем-то особым, чем-то волшебным. И уж точно никогда не проверял свои пределы.

Пройдя сквозь занавес пламени, я огrel Огненного Типа ржавым мечом по голове. Вот так вот. Я всегда выполняю свои обещания.

Пламенный вихрь поутих, хотя сам Сурт не пострадал. Он лишь на мгновение уставился на меня с удивлением, а затем внезапно заехал мне в живот.

Меня много кто бил раньше, только вот пламенных тяжеловесов с кличкой «Чёрный Господин» среди их числа не было.

Я согнулся, словно шезлонг. Мой взор зарябил и затуманился. Когда я пришёл в себя, то уже стоял на коленях, уставившись на лужу хлынувших из меня молока, индейки и крекеров, которые дымились на асфальте.

Сурт запросто мог снести мне голову своим огненным мечом, но, видимо, посчитал меня недостойным такой уничижительной смерти. Он медленно вышагивал передо мной, осуждающе цокая языком.

— Слабак, — заключил Огненный Тип. — Немощный маленький мальчик. Отдай мне свой клинок добровольно, отброс ванов. Тогда я смогу пообещать тебе быструю смерть.

Отброс ванов?

Я знал много хороших оскорблений, но этого никогда не слышал.

Ржавый меч все ещё покоялся у меня в руке. Казалось, металл пульсирует, как если бы у клинка вдруг появилось сердцебиение. Он резонировал вплоть до моих ушей, издавая низкий гул, напоминающий заведённый двигатель автомобиля.

«Ты можешь модифицировать его», — сказал мне Рэндолльф.

Неужто дядя был прав, и древнее оружие действительно начало пробуждаться в моих руках? Жаль, запоздалая мыслишка. Сурт ударил меня по ребрам и отшвырнул куда подальше.

Я лежал на спине, глядя на дым в зимнем небе. Огненный Тип, должно быть, долбанул меня что есть мочи, потому как я начал видеть предсмертные галлюцинации: мне померещилась облачённая в броню девушка на туманной лошади, что кружила над нами, словно стервятник. В её руке покоялось копье из чистого света. Кольчуга её отливала посеребрённым стеклом. На голове она носила конусообразный стальной шлем и зелёную повязку, что придавало ей сходства со средневековым рыцарем. Её лицо было прекрасным и в то же время суровым. На долю секунды наши глаза встретились.

«Если ты настоящая, — подумал я, — помоги мне».

Она рассеялась в дым.

— Меч, — потребовал Сурт, его лицо цвета обсидиана нависло надо мной. — Будет лучше, если ты отдашь его добровольно. Но, если придётся, я вырву его из твоих мёртвых пальцев.

Где-то вдалеке завыли сирены. Я задался вопросом, почему до сих пор не приехали аварийные бригады. А потом вспомнил про два других мощных взрыва в Бостоне. Их тоже устроил Сурт? Или он привёл с собой парочку огненных приятелей?

На краю моста, Харт, шатаясь, поднялся на ноги. Пешеходы понемногу приходили в себя. Я нигде не видел Рэндолльфа и Блитца, но надеялся, что они были в безопасности.

Если я на какое-то время займусь этого Огненного Типа, быть может, и остальные прохожие успеют уйти.

Каким-то образом я умудрился встать.

Я посмотрел на свой меч и... да, у меня явно были галлюцинации.

Вместо ржавого куска мусора в моей руке вдруг оказалось настоящее оружие. Обтянутая кожей рукоятка была тёплой, и удобно легка в руку. Навершие эфеса — простой стальной овал — помогало уравновесить тридцатидюймовое лезвие. Оно было обоюдоострым, закруглённым на конце и предназначалось скорее для рубящих ударов, чем для колющих. Ближе к центру лезвия широкий дол был расписан рунами викингов — теми же, что я видел в кабинете Рэндолльфа. Они отсвечивали светлым оттенком серебра, словно их нарисовали прямо в процессе ковки клинка.

Теперь я точно слышал гул меча, отдалённо напоминающий человеческий голос, что пытался настроиться на нужный тон. Сурт отступил назад. Его глаза цвета лавы нервно замерцали.

— Ты понятия не имеешь, что держишь в руках, мальчик. И узнать не успеешь, — с этими словами он занёс свой ятаган.

Мне ни разу не доводилось держать в руках меч, а общую информацию про то, как с ним обращаться, я получил благодаря двадцатишестикратовому просмотру романтического фильма «Принцесса-невеста». Сурт бы запросто разрубил меня надвое, однако у моего меча были другие планы.

Вы когда-нибудь держали волчок на кончике пальца? Можно почувствовать, как он движется сам по себе, наклоняясь в разные стороны. С мечом так же. Он размахнулся сам, заблокировав пламенный клинок Сурта. Затем меч описал круг, волоча мою руку за собой, и рубанул Огненного Типа по левой ноге.

Сурт завопил. Рана на его бедре тлела, прожигая брюки. Его кровь шипела и пылала, словно хлынувший поток лавы. Огненное лезвие испарилось.

Не успел он опомниться, как мой меч устремился вперёд и полоснул его по лицу. Взыв, Огненный Тип отступил назад, прикрывая нос руками.

Кто-то слева от меня закричал:

— Мать с двумя детьми.

Харт пытался помочь ей достать младенцев из коляски, которая уже дымилась и готова была взорваться в любой момент.

— Харт! — закричал было я, но потом вспомнил, что это бесполезно.

Пока Сурт зализывал свои раны, я прохромал к другу и указал на мост.

— Иди! Уведи детей отсюда!

Харт прекрасно читал по губам, и мои слова ему не понравились. Он отрицательно покачал головой, беря одного младенца на руки.

Мама держала второго.

— Уходите, — сказал я ей. — Мой друг вам поможет.

Женщина не колебалась. Харт лишь выразительно посмотрел на меня, явно думая «плохая это идея», и медленно последовал за ней. Ребёнок в его руках подпрыгивал вверх-вниз и заливался слезами.

Другие невинные люди все ещё торчали на мосту: водители не могли выбраться из своих машин, пешеходы бродили по дорогам в полнейшем ошеломлении; их одежда дымилась, а кожа была красная, как у приготовленных лобстеров. Аварийная бригада находилась где-то поблизости, но я не знал, как полиция или фельдшеры скорой помощи смогут помочь, если Сурт и дальше продолжит бушевать и сеять вокруг огонь и хаос.

— Мальчишка! — голос Чёрного Господина звучал так, словно тот полоскал горло сиропом.

Стоило ему убрать руки от лица, и я понял почему: мой самоуправляемый меч отрубил ему нос.

Разжиженная кровь текла по его щекам, разбрызгивая по земле шипящие капли. Его брюки сгорели, и мне открылся прекрасный вид на его красные боксёры с изображением пламени. К слову, без носа он походил на дьявольскую версию Поросёнка Порки.

— Ты действуешь мне на нервы, — выдавил он.

— Взаимно, — я занёс меч. — Хочешь его? Приди и возьми.

Уже после я понял, что сказал чистейшей воды глупость.

Внезапно надо мной снова пролетел силуэт девушки на лошади; она закружила вокруг подобно стервятнику.

Сурт не стал тратить на неё своё время. Вместо этого он нагнулся и голыми руками сгрёб с дороги кусок асфальта. Затем он слепил из него раскалённый добела шар и швырнул его в меня словно бейсбольный мяч.

Бейсбол — ещё одна игра, в которой я не особо хорош. Я занёс меч в надежде отбить снаряд. И промахнулся. Пушечное ядро из асфальта врезалось мне прямо в живот — оно жгло, опаляло и

убивало.

Одним ударом Сурт напрочь выбил весь воздух из моих лёгких. Боль была невыносимой. Каждая клетка моего тела будто бы взрывалась в цепной реакции.

Несмотря на это, меня охватило необычное спокойствие: я умирал, это конец. Какая-то часть меня подумала: «*Ладно, хотя бы выложись на полную в последний раз*».

Моё зрение померкло. Меч загудел, и моя рука напряглась, хотя я её едва ощущал. Огненный Тип оглядел меня со своей испорченной улыбкой на губах.

«Ему нужен меч, – напомнил я себе. – Я не могу позволить ему завладеть им. Если уж я погибну, то заберу его с собой».

Я слабо поднял свободную руку и показал ему жест, который понимали все и без знания языка жестов.

Сурт взревел и бросился в атаку.

Когда он достиг меня, мой меч устремился вперёд и насеквоздную прошёл через его тело. Я использовал последние крупицы сил, чтобы покрепче ухватиться за него, и Сурт по инерции перенёс нас обоих через перила.

— Нет! — кричал он, пытаясь высвободиться любой ценой: вспыхивал, брыкался и сопротивлялся, но я держал его мёртвой хваткой. Мы стремительно падали вниз в реку Чарльз. Мой меч все ещё пронзил его живот, а мои собственные органы пылали от расплавленного куска асфальта. Небо то попадало в поле зрения, то снова исчезало. Я снова заметил тот туманный силуэт — девушка верхом на лошади галопом скакала ко мне с вытянутой рукой.

Я ударился о воду с оглушительным грохотом. И умер.

Конец

Глава VIII.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПРОПАСТЕЙ И БОРОДАЧЕЙ С ТОПОРАМИ

В школе я любил вот так заканчивать истории.

Замечательная концовка, не правда ли? Билли пошёл в школу. Он хорошо провёл день. Затем он умер.
The End.

Никаких вам нераскрытых сюжетных линий. Всему положен свой конец. Вот только не в моем случае.

Возможно, вы думаете: «*Oх, Магнус, но ты ведь на самом деле не умер. Иначе ты бы не смог продолжать эту историю. Ты просто едва не погиб, а потом каким-то образом спасся, bla-bla*».

Неа. Я действительно умер. На все сто процентов: живот проколот, жизненно важные органы повреждены, голова ударилась о замершую реку при падении с сорока футов, каждая косточка в теле сломалась, лёгкие наполнились ледяной водой.

Медики обычно называют таких людей одним словом – мертвец. «*Вот это да, Магнус, и каково это?*». Больно. Очень больно. Спасибо, что спросили.

Мне приснился сон, что было странно – так как, во-первых, я был мёртв; во-вторых, мне никогда не снились сны.

Это стало почвой для постоянных споров. Много кто говорил, что сны видят все, просто я свои не запоминаю. Но серьёзно, я всегда спал мертвецким сном. До тех пор, пока на самом деле не умер. И только потом мне что-то приснилось, подобно всем нормальным людям.

Я прогуливался с мамой по заповеднику Блю-Хиллс. На вид мне было около десяти. Стоял тёплый летний денёк, лёгкий бриз шелестел сквозь сосны. Мы остановились возле Водоёма Хаутона, где кидали камешки по воде. Мне удалось кинуть три, маме – четыре. Она всегда выигрывала. Но это было не суть важно. Никакой победе не сравниться с её чистым смехом и нежными объятиями.

Описать её – задача не из лёгких. Чтобы по-настоящему понять Натали Чейз, вам нужно с ней познакомиться. Если вкратце, она частенько в шутку сопоставляла себя с неунывающей и жизнерадостной Динь-Динь из «Питера Пэна». Если вам удалось представить тридцатилетнюю бескрылую Динь-Динь во фланелевой рубашке, джинсах и ботинках серии Док Мартенс, то у вас сложился хороший портрет моей матери. Она была миниатюрной, с тонкими чертами лица, короткими блондинистыми волосами, как у феи, и лиственно-зелеными глазами с искоркой ребячества в них. Всякий раз, когда она читала мне сказки, я высматривал веснушки на её носу и пытался сосчитать их.

Она излучала счастье... Нет, мягко сказано. Она обожала жизнь. И её энтузиазм был заразительным. Она была самым добрым и самым дружелюбным человеком из всех, кого я знал. Вплоть до самой смерти.

События сна происходили за несколько лет до этого. Мы вместе стояли у пруда. Мама глубоко вздохнула, наслаждаясь приятным запахом тёплой сосновой хвои.

— Здесь я познакомилась с твоим отцом, – сказала мне она. – Таким же тёплым летним деньком. Её слова меня удивили, так как мы редко говорили об отце. Я ни разу с ним не встречался, даже не знаю, как он выглядит. Странно, но мама никогда не придавала их отношениям большой значимости, вот и я не стал.

Она сразу прояснила, что он нас не бросал. Просто переехала. Впрочем, мама не сильно горевала по этому поводу. У неё остались тёплые воспоминания об их совместном времяпровождении. Весть о беременности привела её в дикий восторг. С тех пор нас было только двое. А больше никого и не требовалось.

— Ты встретила его у пруда? – спросил я. – Он хорошо бросал камешки?

Мама рассмеялась.

— О да. Он меня просто поразил. Тот день... тот день был идеальным. Ну, за единственным исключением, – она притянула меня к себе и поцеловала в лоб, – у меня ещё не было тебя, тыковка. Да, представляете себе, мама звала меня тыковкой. Смейтесь, не стесняйтесь. С возрастом это стало меня удручать. Но сейчас я что угодно отдал бы, лишь бы снова услышать от неё это слово.

— Каким был мой папа? – спросил я. Странное это словосочетание – «мой папа», как он мог быть моим, если я его никогда не видел? – Что с ним случилось?

Мама распёрла руки навстречу солнечному свету.

— Поэтому я и привела тебя сюда, Магнус. Разве ты не чувствуешь? Он всегда рядом с нами. Смысл её слов прошёл мимо меня. Обычно она не говорила загадками. Моя мама была самым прямолинейным и самым приземлённым человеком из всех, кого я знал.

Она взлохматила мои волосы.

— Давай наперегонки до пляжа.

Мой сон сменился. Я оказался в библиотеке дяди Рэндолльфа. На его столе развалился незнакомый мне человек. Он водил пальцем по старой коллекции карт.

— Смерть — интересный выбор, Магнус.

Мужчина ухмыльнулся. Его одежда выглядела совсем новёхонькой: ослепительно белые кроссовки, непотертые джинсы и фирменная вязаная кофта от бейсбольной команды Бостон Ред Сокс. Его красно-жёлтые волосы напоминали перья, взъерошенные в модной «я-только-поднял-голову-с-подушки-но-выгляжу-получше-тебя» манере. Лицо его было настолько красивым, что он мог бы сниматься в рекламе лосьона после бритья для какого-нибудь мужского журнала, если бы не его шрамы, которые сводили всё это совершенство на нет: паутина ожогов расползлась по переносице и скулам, напоминая узоры кратеров на луне. Контуры его губ были изуродованы рядом рубцов, быть может, шрамами от заросших отверстий для пирсинга. С другой стороны, *зачем кому-то столько пирсинга во рту?*

И о чём вообще говорить с галлюцинациями? Я решил задать извечно интересующий меня вопрос:

— Ты мой отец?

Галлюцинация удивлённо изогнула брови, затем закинула голову назад и громко рассмеялась.

— Ох, а ты мне нравишься! Нам с тобой будет *очень* весело. Нет, Магнус Чейз, я не твой отец, но я, *определенno*, на твоей стороне, — сказал он и провёл пальцем под логотипом Ред Сокс на вязаной кофте. — Вскоре ты познакомишься с моим сыном. А пока я дам тебе небольшой совет: внешность обманчива, как и побуждения твоих товарищёй. А ещё... — тут он резко наклонился ко мне и схватил за запястье, — будь добр, передай от меня привет Всеотцу.

Я попытался вырваться. Хватка у него была железная. Сон снова изменился. Теперь я летел сквозь холодный серый туман.

— Прекрати сопротивляться! — произнёс женский голос.

Это была та самая девушка, которую я видел на мосту. Она мчалась по воздуху на своей облачной лошади, держа меня под боком, словно корзину с бельём. Её кольчуга поблескивала в сероватом свете, а её пылающее копье взгромоздилось ей на спину.

Она усилила хватку.

— Хочешь упасть в Пропасть?

Девушка явно не шутила. Я посмотрел вниз: подо мной не было ничего, кроме необъятной пустоты. Нет, *куда-куда*, а туда я точно не стремился.

Я хотел было сказать что-либо в ответ, но не смог; вместо этого лишь слабо покачал головой.

— Тогда прекрати сопротивляться.

Из-под её шлема выбилось несколько прядей тёмных волос. Глаза у неё были цвета красного дерева.

— Не заставляй меня пожалеть об этом, — предупредила она. После этого я вырубился.

Очнувшись, я ахнул от неприятных ощущений: каждая мышца моего тела настороженно напряглась. Я присел и осмотрел свой живот, где по идеи должна была находиться зияющая дыра вместо моих внутренностей. Однако я не обнаружил ни кусков асфальта, ни боли, ни своего странного меча. Даже мои вещи были в отличном состоянии — сухие, без каких-либо тлеющих дыр и оторванных рукавов. Признаться, моя одежда выглядела чересчур идеальной. Я носил её уже несколько недель — джинсы, несколько рубашек, одетых одна на другую, и пиджак — и ничто из этого не воняло. Казалось, их постирали, высушили и надели на меня, пока я был в отключке. Пугающе. Мои вещи пахли лимоном, что напомнило мне о старых добрых деньках, когда мама занималась стиркой. Даже кроссовки были как новенькие, такие же ослепительно белые как в тот день, когда я вытащил их из помойки за спортивным магазином.

Что ещё странно: я сам по себе был чистехонький. Слои въевшейся грязи на руках бесследно исчезли. Кожа была нежной и свежей, будто меня только что хорошенько отралили мочалкой. Я запустил пальцы в волосы и не обнаружил там ни клоков, ни веток, ни мелкого мусора.

Я медленно поднялся. На мне не было ни царапинки. Я подпрыгнул, радуясь внезапному приливу энергии. Глубоко вдохнув, я почуял запах костра и приближающейся метели. Меня переполнило

чувство облегчения. *Каким-то образом я всё-таки выжил!*

Вот только... это было невозможно. Куда меня вообще занесло?

Мне понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя. Я стоял у входа во внутренний дворик шикарного восьмиэтажного особняка из белого камня и серого мрамора. Двойные парадные двери из тёмного крепкого дерева были оторочены металлом; по центру каждой двери располагалось по дверному молотку в виде волчьей головы.

Волки... этой детали было достаточно, чтобы я возненавидел это место.

Я обернулся в поисках внешних ворот. Вместо них я обнаружил бесконечную стену из белого камня. *Нет парадных ворот? Серьёзно?*

Стена закрывала мне обзор, но, вне всяких сомнений, я до сих пор находился в Бостоне. Несколько близстоящих зданий показались мне знакомыми. Где-то вдалеке в небо взмывала башня Даунтаун Кроссинг. Видимо, я был на Бэйкон-стрит, по ту сторону Общественного парка. *Но как я здесь оказался?*

В углу двора росла берёза с белоснежной корой. Я подумывал взобраться на неё и перелезть через стену, но до нижних веток было не дотянуться. Только потом я заметил, что дерево было полностью покрыто листвой, что весьма нетипично для древесных растений посреди зимы. К тому же, его листья отливали золотом, словно их покрыли высококачественной позолотой.

На стене рядом с деревом была прикреплена мемориальная доска. Сначала я не обратил на неё особого внимания, поскольку на половине зданий в Бостоне есть похожие таблички с историческими фактами. Сейчас же я решил присмотреться. Надпись была написана на двух языках. Одна – на скандинавском руническом письме, вторая – на английском:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РОЩУ ГЛАСИРА!

ТОРГОВЫМ АГЕНТАМ И ПОСТОРОННИМ ЛИЦАМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН

ОТЕЛЬНЫЙ СЕРВИС: ПОЖАЛУЙСТА, ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ ВХОДОМ В НИФЛЬХЕЙМЕ

Лады... Мой ежедневный лимит странностей достиг критической точки. Пора было валить отсюда: перебраться через стену, узнать, что там случилось со Блитцем и Хартом, и, быть может, с дядей Рэндолфом – сегодня я добрый, – а затем, думаю, автостопом добраться до Гватемалы. *Этот город меня доконал.*

Внезапно двойные двери со скрипом отворились. Оттуда полился ослепляющий золотистый свет. На веранде показался крепкий мужчина в одежде швейцара: цилиндр на голове, белые перчатки и тёмно-зелёный фрак с вышитыми буквами O.B. на отвороте. Однако он мало чем напоминал обычного портье – полное бородавок лицо, покрытое пеплом, длиннющая и неопрятная борода, глаза, налитые кровью, и двойной топор на плече. Его бейдж гласил: «ХУНДИНГ, САКСОНИЯ, ЦЕННЫЙ ЧЛЕН КОМАНДЫ С 749 О.Э.».

— И-извините, – заикнулся я. – Наверное... Э-э, я не туда попал.

Мужчина нахмурился. Он подошёл поближе и понюхал меня. От него несло скипидаром и горящей плотью.

— Не туда попал? Это вряд ли. Тебе нужно *на регистрацию*.

— Э-э... что?

— Ты ведь мёртв, не так ли? – спросил бородач. – Следуй за мной. Я проведу тебя

Глава IX.

ВСЕ ХОТЯТ КЛЮЧИ ОТ МИНИБАРА

Вот это да, внутри местечко было намного больше, чем снаружи.

Одно только фойе выглядело как самый большой охотничий домик в мире! Оно было размером с два таких особняка. Паркетный пол покрывали шкуры экзотических животных: зебра, лев и сороконогая рептилия, которую мне не хотелось бы повстречать при жизни. Справа у стены располагался здоровенный камин, где потрескивал огонь. Перед ним устроились парни, по виду – старшеклассники, в пушистых зелёных халатах. Они развалились на мягких кожаных диванах и, смеясь, попивали из серебряных кубков. Над камином висела очередная волчья голова.

«Ох, счастье-то какое, – содрогнувшись, подумал я, – здесь повсюду волки».

Служившие колоннами неотёсаные стволы деревьев тянулись до самого потолка, выстроенного копьями на стропилах. На стенах висели полированные щиты. Свет здесь шёл отовсюду – тёплое золотое свечение слепило мне глаза, словно я только что вышел на улицу после посещения кинотеатра.

На щите с объявлениями в центре фойе было написано следующее:

СЕГОДНЯШНИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

- × СМЕРТЕЛЬНЫЕ ОДНОЧНЫЕ СХВАТКИ! — КОМНАТА ОСЛО, 10:00
- × СМЕРТЕЛЬНЫЕ ГРУППОВЫЕ СХВАТКИ! — КОМНАТА СТОКГОЛЬМ, 11:00
- × СМЕРТЕЛЬНЫЙ ШВЕДСКИЙ СТОЛ! — СТОЛОВАЯ, 12:00
- × СМЕРТЕЛЬНАЯ БИТВА ПРИ ПОЛНОМ ВООРУЖЕНИИ! — ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДВОРИК, 13:00
- × СМЕРТЕЛЬНАЯ БИКРАМ-ЙОГА! — КОМНАТА КОПЕНГАГЕН, 16:00 (ВХОД СО СВОИМИ КОВРИКАМИ)

Швейцар Хундинг что-то сказал, но я ничего не рассышал из-за звона в голове.

— Что, прости? – переспросил я.

— Багаж, – повторил он. – У тебя есть багаж?

— Э-э... – я потянул руку к ремешку на плече, где раньше покоился мой рюкзак. – Нет.

Хундинг заворчал:

— Ни у кого теперь нет багажа. Неужто они больше ничего не кладут в ваши погребальные костры?

— Э-э, чего?

— Неважно, – он нахмурился, глядя в другой конец комнаты, где киль перевёрнутой лодки служил в качестве приёмной. – Видимо, откладывать дальше некуда. Идём.

Человек за килем очевидно посещал того же парикмахера, что и Хундинг. Его борода была настолько длинной, что имела свой собственный почтовый индекс, а причёска напоминала канюка, врезавшегося в ветровое стекло. Одет он был в тёмно-зелёный костюм в тонкую полоску. Надпись на его бейдже гласила: «ХЕЛЬГИ, УПРАВЛЯЮЩИЙ, ВОСТОЧНЫЙ ГОТЛАНД, ЦЕННЫЙ ЧЛЕН КОМАНДЫ С 749 О.Э.».

— Добро пожаловать! – Хельги глянул на меня поверх монитора. – На регистрацию?

— Э-э...

— Наш регистрационный пункт работает с трёх часов дня, – сказал он, – я не могу гарантировать готовый номер тем, кто умирает раньше вышеуказанного времени.

— Я мог бы просто взять да воскреснуть, – предложил я.

— Нет-нет, – Хельги постучал по клавиатуре. – Ах, вот оно что, – усмехнулся он, обнажив ровно три зуба. – Мы предоставим вам номер люкс.

Хундинг заворчал:

— Тут всем предоставляют номера люкс. Мы только ими и располагаем.

— Хундинг... — предупредил управляющий.

— Извините, сэр.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я воспользовался палкой.

Хундинг поморщился:

— Нет, сэр.

Я оглядел их обоих, присматриваясь к бейджикам.

— Вы, ребята, начали тут работать в одном году, — заметил я. — Семьсот сорок девятый... что значит о.э.?

— Общая эра, — ответил управляющий. — Она же наша эра, от Рождества Христова.

— Так почему бы не писать «от Р.Х.»?

— Такова прихоть Тора. Он все ещё обижен на Иисуса за то, что тот отказал ему в дуэли.

— Чего-чего?

— Это не столь важно, — возразил Хельги. — Сколько вам потребуется ключей? Одного хватит?

— Погодите, я в замешательстве. Если вы тут с семьсот сорок девятого... это уже более тысячи лет.

— Не напоминай, — заворчал Хундинг.

— Но это невозможно. И... я сомневаюсь, что на самом деле мёртв. Со мной все в порядке.

— Сэр, — произнёс Хундинг, — вам все объяснят за приветственным ужином.

— Вальхалла, — слово всплыло у меня в голове из наполовину забытых историй мамы. — Инициалы О.В. на вашем лацкане... В — это Вальхалла?

Взгляд Хельги явно намекал на то, что его терпение иссякало.

— Да, сэр. Отель Вальхалла. Мои поздравления. Вы стали почётным гостем Одина. С нетерпением жду историй о ваших храбрых подвигах за ужином.

Мои ноги подкосились, и я облокотился о стол. Моя уверенность в том, что это просто огромная ошибка и что какой-то тематический отель принял меня за своего постояльца, таяла на глазах.

— *Мёртв*, — пробормотал я. — То есть, я и в самом деле... действительно...

— Ключ от вашего номера, — Хельги протянул мне камень с руной викингов, такой же, что лежал на столе у дяди Рэндолфа. — Вам нужен ключ от минибара?

— Э-э...

— Разумеется, нужен! — ответил за меня Хундинг. — Парень, послушай меня. Ты тут надолго.

Я ощутил привкус меди во рту.

— *Насколько надолго?*

— Навсегда, — заключил Хельги. — Или, по крайней мере, до Рагнарёка. Хундинг покажет вам ваши апартаменты. Приятной загробной жизни. Следующий!

Глава X.

КОМНАТА У МЕНЯ ЧТО НАДО

Мне было абсолютно все равно, куда меня вёл Хундинг. Перед глазами все плыло, словно мне сказали покружиться раз пятьдесят, затем поместили на арену цирка и пожелали приятного времяпрепровождения.

Залы здесь и вправду были огромными. Большинство постояльцев походили на учеников средней школы, хотя некоторые из них выглядели довольно взросло. Они устроились у камина: отдыхали, общались на разных языках, пробовали закуски и играли в настольные игры, будь то шахматы, скрэбл или какая-то непонятная, в которой фигурировали настоящие кинжалы и паяльная лампа. В зале также находились бильярдные столы для пула, автоматы для игры в пинбол, старомодная видеоаркада и нечто напоминавшее орудие пыток «Железная дева».

Сотрудницы отеля в тёмно-зелёных рубашках угостили гостей различными блюдами и напитками. Все они носили щиты на спине и были вооружены мечами или топорами. *Весьма необычно*. Одна из официанток прошла мимо меня с горячей тарелкой блинчиков. Мой желудок заурчал.

— Почему я чувствую голод? Я ведь мёртв, — поинтересовался я у Хундинга. — Эти ребята выглядят вполне себе живыми.

Хундинг пожал плечами.

— Не бери в голову. Думай о Вальхалле как о личностном росте. Теперь ты один из эйнхериев.

Эм, один из чего?

— Эйнхерии, — повторил я. — Как с языка сняли.

— Ага, в единственном числе «эйнхерий», — ну и словечко. — Мы —избранныки Одина, воины его вечной армии. Слово «эйнхерий» обычно переводится как «одинокий воин», что не совсем точно передаёт его значение. «Вечный воин» звучит куда лучше... солдат, что доблестно сражался в прошлой жизни, и после смерти будет храбро противостоять Судному Дню. Пригнись.

— Чего? Судный днупригнись?

— Нет, пригнись!

Хундинг вовремя оттолкнул меня, копьё пролетело мимо. Оно проткнуло парня на диване, убив его в мгновенье ока. Напитки, игральные кости и деньги из «Монополии» разлетелись во все стороны. Ребята, с которыми он играл, вскочили на ноги. Они выглядели слегка раздражёнными и хмуро косились на копейщика.

— Я все видел, Краснорукий Джон! — закричал Хундинг. — В гостиной метать копья запрещено! За бильярдным столом послышался смех и последующий ответ на... шведском? Не похоже, чтобы Краснорукий Джон сильно раскаивался.

— В общем, — Хундинг повёл меня дальше, будто ничего особенного и не произошло, — лифты у нас здесь.

— Погоди, — остановил его я. — Того парня только что проткнули копьём. Ты не собираешься ничего предпринять?

— А-а, волки им займутся.

Моё сердце заколотилось в два раза быстрее.

— Волки?

Пока другие участники «Монополии» раскладывали фишку, в гостиную вошли несколько волков; они схватили проткнутый копьём труп за ноги и потащили его прочь. Кровавая дорожка испарилась сразу же после их ухода. Потрёпанный диван восстановился сам собой.

Я съёжился от страха и спрятался за ближайшим цветочным горшком. Плевать я хотел на то, как это выглядело со стороны. Страх возобладал надо мной. Глаза у этих волков были совсем не такими, как у тех хищников, что атаковали нашу квартиру, но до чего же мне хотелось оказаться в месте, где Почитаемым животным была бы какая-нибудь песчанка, а не волк.

— Разве у вас нет ограничений касательно убийств? — тихо спросил я.

Хундинг приподнял густую бровь.

— Ребята просто пошутили, мальчик. К ужину жертва придёт в себя, — он вытянул меня из-за цветочного горшка. — Идём.

Мы достигли лифта, так что разузнать о каких-либо *других видах шалостей* мне так и не удалось. Двери лифта были выстроены копьями, а стены украшали ряды золотых щитов. На панели была тьма тьмущая кнопок, растянувшихся от пола до потолка. Самая верхняя из них гласила «пятьсот сороковой». Хундинг нажал на девятнадцатый.

— Как тут может быть пятьсот сорок этажей? — спросил я. — Получается, это самое высокое здание в мире.

— Так миров-то у нас целых девять. И все они ведут сюда. Мы, например, воспользовались входом в Мидгарде, как и большинство смертных.

— Мидгард... — *разве это не один из миров, в которые веровали викинги?* Рэндолль упоминал про это, да и мама читала мне нечто подобное на ночь. Давно это было. — Ты имеешь в виду мир людей.

— Ага, — вздохнул Хундинг. — В Вальхалле пятьсот сорок этажей; пятьсот сорок дверей ведут в Девять Миров, — на этих словах он ухмыльнулся. — Никто не знает, когда и откуда нам придётся выступить на войну.

— И как часто вы выступаете на войну?

— Ну, в этом пока не было надобности. И все же... Рагнарёк может нагрянуть в любое мгновение. Вот лично я уже дождаться не могу! Хельги, наконец, перестанет меня наказывать.

— Управляющий? А за что он тебя наказывает?

Хундинг состроил кислую мину.

— Долгая история. Мы с ним... — двери лифта с заострёнными копьями отворились. — Забудь, — бородач похлопал меня по спине. — Тебе понравится девятнадцатый этаж. Там хорошие соседи! Коридоры в отелях всегда представлялись мне тёмными, тоскливыми и клаустрофобными. Девятнадцатый этаж был совершенно другим: он представлял собой сводчатый потолок высотой в двадцать футов, на котором в ряд тянулись — *вы правильно угадали* — всё те же копья (у Вальхаллы, видимо, состоялась выгодная сделка с оптовым складом копьев). В железных канделябрах горели факелы, отбрасывавшие тёплый оранжевых свет на противоположную стену, где разместились мечи, щиты и гобелены. Здешний коридор были таким же огромным, как и остальные комнаты в этом здании: здесь можно было проводить регулярные матчи по футболу. По полу распластался кроваво-красный ковёр, напоминавший колышущиеся на ветру ветки.

Громадные двери в номера постояльцев были высечены из неотёсанного дуба и укреплялись металлическими оправами. Никаких вам дверных ручек и замковых скважин. Вместо них по центру каждой двери располагались круглые железные таблички с именами, окружённые кольцом рунического письма викингов.

Первая табличка гласила: **ХАФБОРН ГУНДЕРСОН**. Из-за двери доносились крики и металлические звуны. Видимо, там проходил спарринг на мечах.

На следующей значилось: **МЭЛЛОРИ КИН**. За этой дверью стояла тишина.

Дальше — больше: **ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН МЛАДШИЙ**. Я услышал выстрел, но он больше походил на звуковой эффект видеоигры, нежели на настоящий (да, я слышал и тот, и другой).

На четвертой двери был нарисован X. Перед ней стояла сервисная тележка, на которую взгромоздилась серебряная тарелка со свиной головой со слегка погрызенными ушами и рыльцем. Я, конечно, не гурман, но даже будучи бездомным не стал бы это есть.

Мы почти дошли до развилки в конце коридора, как вдруг из-за угла вылетела большая чёрная птица, едва не лишившая меня уха. Я посмотрел ей вслед — это был ворон с блокнотом и ручкой в когтях.

— Что это было? — спросил я.

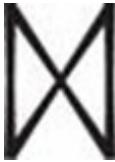
— Ворон, — ответил Хундинг. *Да, спасибо, я это и без тебя заметил.* Наконец, мы остановились у двери с табличкой: **МАГНУС ЧЕЙЗ**.

От увиденного меня бросило в дрожь. Последняя надежда на то, что все это большая ошибка, шутка в честь дня рождения или просто космическая случайность, наконец испарилась. Я был постояльцем Отеля Вальхалла. Меня здесь ждали; доказательство тому — моё имя на железной табличке. Это конец.

Информация для общего развития: «Магнус» означает «великолепный». Наша родословная тянется от шведских королей или *кого-то-в-таком-роде* (не суть важно, их нет в живых уже как миллион лет), так вот, мама сказала, что я — самое великолепное существо на этой планете, поэтому и имя у меня соответствующее. Да-да... Не лопните там от смеха! Люди обычно острят, мол: «*Магнус* рифмуется с *ангус*» (прим. переводчика: порода быков), а мне приходится постоянно их поправлять: «*Надо звать меня Магнусом, пареньком с чётким задусом*». Мою шутку не понимают.

В общем, на двери значилось моё имя. Обратного пути не было. По словам управляющего, я собирался гостевать здесь вплоть до Судного Дня.

— Вперёд,— Хундинг указал на ключ-руну в моей руке. Символ напоминал знак бесконечности или лежащие на боку песочные часы:

— Это дагаз, — пояснил он. — Нечего бояться. Он символизирует новые начала и превращения. А ещё он отворяет твою дверь. Доступ есть только у тебя.

Я нервно сглотнул.

— А что, если кто-нибудь из сотрудников захочет войти?

— Ох, у нас *свои* ключи, — Хундинг похлопал по топору у себя за поясом. *Это что, шутка такая?* Я взглянул на рунный камень. Заходить внутрь мне не хотелось, ровно, как и получить копьём в спину или быть сбитым летающим вороном. Из трёх вариантов я выбрал наименее худший: приложил ключ-руну к дагазу на двери, и руническое кольцо засветилось зелёным. Дверь отворилась.

Я вошёл внутрь, и моя челюсть поцеловалась с полом.

Я бывал во многих очешуенных местах, но этот номер затмевал даже особняк дяди Рэндолфа. Будто зачарованный, я направился к центральному атриуму посреди комнаты, откуда открывался прекрасный вид на небо. Мои ботинки тонули в густой зелёной траве. Сад окружали четыре впечатительных дуба. Нижние ветви проникали в комнату через потолок, переплетаясь со стропилами. Верхние же прорастали сквозь отверстие атриума, создавая своеобразный кружевной навес.

Солнечный свет согревал мне лицо; в комнату вторгся приятный ветерок, принёсший запах жасмина.

— Как это возможно? — уставился я на Хундинга. — Над нами сотни этажей, а тут открытое небо. К тому же, сейчас середина зимы. Почему здесь так тепло и солнечно?

Бородач пожал плечами.

— Не знаю. Магия. Это ведь твоя загробная жизнь, мальчик. Ты заслужил парочку привилегий, правда?

В самом деле? Что-то я в этом сомневался.

Я медленно осмотрел комнату. Номер был в форме креста с четырьмя отсеками, расходившимися от центрального атриума. Каждое крыло по размеру было с мою прошлую квартиру: первое — служило в качестве прихожей, откуда мы вошли, второе — спальней со здоровенной кроватью. Несмотря на это, комната выглядела просторной и незагромождённой: бежевые покрывала и пушистые на вид подушки, такие же бежевые стены безо всяких рисунков, зеркал или каких-либо других аксессуаров. Тяжёлые коричневые шторы создавали видимость уюта и единения.

В детстве мама всегда старалась не загромождать мою комнату. Лишние предметы и яркий свет мешали мне уснуть. Эта спальня идеально мне подходила, будто кто-то проник в мои мысли и воплотил их в реальность.

В третьем крыле слева располагалась ванная комната, облицованная черно-бежевым кафелем — мои любимые цвета. Здесь была сауна, джакузи, гардеробная, душ и туалет (эдакий чудной трон для доблестно погибшего воина).

Четвёртое крыло люкса было оборудовано под кухню и гостиную, где взгромоздились большой кожаный диван и плазма, с шестью различными игровыми приставками, спрятанными в медиа кабинет, а также книжная стенка, камин и два пустующих подле него кресла.

Чтение — это моя страсть. Я не прекращал читать даже после того, как бросил школу. Приходил в уютную общественную библиотеку и сидел над книгами разных жанров. Там я чувствовал себя в безопасности. Раньше я располагал обширной коллекцией книг, которой в последнее время мне жутко не хватало; кто бы мог подумать, что спустя годы я обрету её вновь.

Я хотел было ознакомиться с трудами, как вдруг заметил фотографию в серебряной рамке на каминной полочке.

По моему пищеводу словно шарик гелия пустили.

— Не может быть...

Рука непроизвольно потянулась к фотографии, на которой были запечатлены мы с мамой во время поездки на гору Вашингтон в Нью-Гэмпшире. Мне тогда было восемь. Это было одно из лучших

путешествий в моей жизни. Снимок сделал смотритель парка, о чём мы его любезно попросили. Я улыбался до ушей (что впоследствии делал нечасто), демонстрируя свои недостающие передние зубы. Мама присела позади, заключив меня в свои объятия. Уголки её задорных зелёных глаз были испещрены мелкими морщинками, веснушки потемнели от солнца, а светлые волосы развевались на ветру.

— Это невозможно, — пробормотал я. — Эта фотография существовала в единственном экземпляре. Она сгорела при пожаре... — я повернулся к Хундингу, который протирал глаза.

— Ты в порядке?

Он прочистил горло.

— Все нормально! Не бери в голову. Отель часто предоставляет клиентам сувениры из их прошлой жизни. Фотографии... — его рот подрагивал под бородой. — Когда умер я, фотографии ещё не изобрели. Тебе нескованно повезло.

Повезло... давно я не слышал подобных слов в свой адрес. Осознание этого шокировало и даже вывело меня из оцепенения. Я жил со своим горем два года. Но я умер — и всего за несколько часов был возвышен до ранга счастливчика. Хундинг работал здесь с семьюсот сорок девятого года нашей эры... *Интересно, как он умер, что за семья у него была?* Прошло уже более тысячи лет, а он, казалось, все ещё не мог вспоминать о них без слез. Хорошая загробная жизнь, ничего не скажешь. Хундинг выпрямился и вытер нос.

— Достаточно нытья! Если у тебя буду вопросы, звони в приёмную. Мне не терпится услышать о твоих храбрых подвигах за сегодняшним ужином.

— Моих... храбрых подвигах?

— Не скромничай. Тебя бы не избрали, не соверши ты что-нибудь героическое.

— Но...

— Мне было приятно услужить вам, сэр, и добро пожаловать в Отель Вальхалла, — Хундинг протянул ладонь. До меня дошло, что он просит чаевые.

— Э-э... — я порылся в куртке, ожидая обнаружить пустые карманы, но вместо этого наткнулся на шоколадку, которую спёр из дома дяди Рэндолльфа. Удивительно, как ей удалось уцелеть после путешествия через *Великое Ничто*. Я протянул её Хундингу. — К сожалению, это все, что у меня есть. Его глаза округлились до размеров чайных блюдце.

— Боги Асгарда! Спасибо, малыш! — он понюхал шоколад и поднял его над головой, словно священную реликвию. — Bay! Ладно, если тебе что-нибудь понадобится, дай мне знать. Перед ужином к тебе зайдёт твоя валькирия. Ух ты!

— Моя валькирия? Погоди-ка. Нет у меня никакой валькирии.

Хундинг рассмеялся, по-прежнему не отводя глаз от плитки шоколада.

— Да уж, будь у меня твоя валькирия, я бы тоже так сказал. От неё одни неприятности.

— То есть?

— Увидимся вечером, парень! — с этими словами бородач направился к двери. — Мне надо кое-что съесть... Э-э, в смысле, сделать. Постарайся не умереть до ужина.

Глава XI.

ПРИЯТНО БЫЛО ПОЗНАКОМИТЬСЯ, А ТЕПЕРЬ Я СЛОМАЮ ТЕБЕ ТРАХЕЮ

Лёжа на траве в атриуме и глядя сквозь ветви деревьев на голубое небо, я ощутил острую нехватку воздуха. Давненько у меня не было приступа астмы. Передо мной пронеслись все те ночи, что мама провела у моей кровати, пока я беспомощно задыхался. Да, даже будучи астматиком, я с удовольствием ходил в походы и осуществлял регулярные прогулки по гористой местности. Не удивляйтесь, на свежем воздухе мне всегда становилось лучше.

Я попытался успокоиться и нормализовать дыхание. Внутренний голос подсказывал мне, что никакой это не приступ астмы, а стопроцентный нервный срыв. *Причина?* Ну, я умер и застрял в чудаковатом мире для викингов, где мертвецы заказывают себе в номера свиные головы и протыкают друг друга копьями.

Знаете, с этим я ещё мог смириться; до наступления смерти моя жизнь была ничуть не лучше. Вполне естественно, что в свой шестнадцатый день рождения я оказался в Вальхалле. Такова моя врождённая удачливость.

Что действительно вывело меня из строя: впервые со дня смерти матери, я находился в уютном и по-настоящему безопасном месте (по крайней мере, на данный момент). Приюты не в счёт, как и столовки, крыши домов и спальные мешки под мостами. Я никогда полностью не смыкал глаз. Никогда не мог расслабиться. И вот теперь я был волен сбивать обороты и поразмыслить над своей прежней жизнью.

И это чертовски пугало.

Раньше у меня не было времени горевать по матери. Я пребывал в постоянном движении, мне некогда было сидеть и жалеть себя. По-своему, это помогло мне выжить, как и пригодились мне те навыки, которым меня обучила мама – ориентирование на местности, обустройство лагеря и разведение костра.

Мы ходили в парки, лазали по горам, разведывалиди кую местность и любовались водоёмами. Пока Её старый потрёпанный Субару был на ходу, мы каждые выходные проводили за городом.

От чего мы бежали? Однажды я спросил Её об этом. Это был обычный пятничный денёк за несколько месяцев до Её смерти. Тогда я просто кипел от раздражения. Мне хотелось хоть раз отдохнуть в четырёх стенах; я не понимал её манию на скорую паковать чемоданы и уезжать прочь.

Мама улыбнулась, правда, настороженно: «*Мы должны по максимуму использовать каждую секунду нашего времени, Магнус.*

Получается, она намеренно таскала меня за собой, чтобы обучить принципам выживания в одиночку? Неужели она знала, какая участь ей уготовлена? *Нет...* это невозможно. Хотя заиметь себе в отцы скандинавского бога было почти так же нереально.

Я поднялся на ноги и принял мерить комнату шагами. Дышать было все ещё трудно. На каминной полке стояло фото, с которого мне улыбался растрёпанный, беззубый Магнус. Этот легкомысленный восьмилетний ребёнок совершенно не ценил того, что имел.

Я осмотрел книжные полки, где пылились мои любимые писатели-фантасты и авторы ужастиков: Стивен Кинг, Даррен Шэн, Нил Шустерман, Майкл Грант, Джо Хилл; а также мои любимые комиксы: «Скотт Пилигрим», «Песочный человек», «Хранители», «САГА»; вдобавок ещё куча книг, которые я собирался прочитать в библиотеке (совет от профессионального бездомного: общественная библиотека – это настоящий рай на земле. Там есть ванные и оттуда никогда не выгоняют детей, при условии, что они чистоплотные и неконфликтные).

Я вытащил иллюстрированную детскую книгу германо-скандинавских мифов, которую мама читала мне в детстве. Внутри находились простоватые рисунки улыбавшихся мне скандинавских богов, плюс радуги, цветочки и хорошенъкие блондинки; а ещё глупые фразочки, типа: «*Боги обитают в самом удивительном и прекрасном королевстве на земле,*» и совсем ни слова о Сурте, который поджигает детские коляски и бейсболит расплавленный асфальт, ничего о волках, что убивают матерей и взрывают квартиры...

Я разозлился.

На кофейном столике лежал блокнот в кожаном переплётё под названием «Техподдержка клиентов».

Я принял его листать. Первые десять страниц отвели на обслуживание номеров. Далее шёл список телевизионных каналов, почти такой же длинный. Затем я наткнулся на карту отеля, которая была настолько извилистой и фрагментированной, что я так ничего и не понял. Что в действительности меня коробило: там не отметили аварийные выходы, гласившие: ВЫЙДИТЕ ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ К ПРЕЖНЕЙ ЖИЗНИ!

Блокнот полетел в камин.

Пока он горел, на кофейном столике появилась его новая копия. Дурацкий зачарованный отель даже не позволял мне должным образом громить его имущество. В ярости я перевернул диван. Кто бы мог подумать, что он покатиться колесом аж в другой конец комнаты и врежется в дальнюю стену.

Я уставилсь на кучу разбросанных подушек, перевёрнутый диван, потрескавшуюся штукатурку и дымящийся кожаный след на стене. *И это все моих рук дело?*

Диван не восстановился волшебным образом. Он остался там, куда я его зашвырнул. Гнев покинул меня. Я только что усложнил работу какому-то несчастному работнику вроде Хундинга. Это было несправедливо.

Я зашагал по комнате, размышая о намерениях Сурта завладеть моим мечом. Хотел бы я думать, что он погиб вместе со мной и также застрял в какой-нибудь дыре. Однако меня грызли сомнения.

Оставалось лишь надеяться, что мои друзья (ну и дядя Рэндолф, куда же без него) успели уйти вовремя...

А меч? Куда он запропастился? Обратно на дно реки? Отель «Вальхалла» смог воскресить меня с плиткой шоколада в кармане, но не с мечом в руке. Делодрянь.

Согласно древним легендам, Вальхалла была своего рода раем для погибших в бою героев. Это все, что я помнил. От героя во мне было мало. Я получил пинка под зад и пущечным ядром по кишкам. Проткнув Сурта мечом и сбросившись с моста, я конкретно все запорол. *Храбрая смерть? Ха-ха-ха.* Я застыл.

Идея поразила меня силой кувалды.

Мама... если кто и умер храбро, то только она. Она защищала меня от...

Кто-то постучал в двери.

Та отворилась и внутрь вошла девушка – та самая, что кружила надо мной во время сражения на мосту, а после тащила через чёрную пропасть.

Только вот теперь на ней не было ни шлема, ни кольчуги, ни светящегося копья. Зелёный платок она обернула вокруг шеи, что позволяло её длинным каштановым волосам свободно ниспадать ей на плечи. Ворот и манжеты её белоснежного платья были расшиты рунами викингов, а с её золотистого пояса свисали топор и связка старинных ключей. Если кратко, она походила на подружку невесты на свадьбе в стиле «Мортал Комбат».

Она бросила взгляд на перевёрнутый диван.

— Мебель тебя чем-то обидела?

— Так значит, ты реальная, — подметил я.

Девушка погладила собственные руки.

— По всей видимости, да.

— Мама... – начал было я.

— Какая я тебе мама, – отрезала она.

— Да нет же. Моя мама. Она здесь, в Вальхалле?

Губы девушки сложились в беззвучную букву «о». Она отвела от меня взгляд и помедлила с ответом:

— Мне очень жаль, но Натали Чейз не является одной из избранных.

— Но она была храброй. Она пожертвовала собой ради меня.

— Верю, – глаза девушки скользили по связке ключей. – Однако будь она здесь, я бы знала. Нам, валькириям, не позволено забирать всех храбрецов. Это сложно объяснить... слишком много факторов, слишком много загробных жизней...

— Тогда где она, если не здесь? Я хочу быть рядом с ней. *Я не герой!*

Она бросилась в мою сторону, оттолкнув меня к стене так же легко, как ранее я перевернул диван, и приставила локоть к моему горлу.

— Больше никогда так не говори, – прошипела она. – НИКОГДА, СЛЫШИШЬ?! Не вздумай сболтнуть подобную глупость сегодня за ужином.

Её дыхание пахло мяты. Глаза были диво-дивными: то ли темными, то ли светлыми. Они напоминали мне ту ископаемую штуковину, которую носила моя мама – рассечённую надвое

половинку моллюскоподобного существа, называемого аммонитом. Оно, казалось, сияло изнутри, как если бы поглотило миллионы лет воспоминаний, лёжа под сырой землёй. Глаза девушки отдавали тем же блеском.

— Ты не понимаешь, — прохрипел я, — я должен...

Она сильнее надавила локтем на моё горло.

— Чего я не понимаю? Твоего горя по матери? То, что мир несправедлив? Или то, что ты застрял там, откуда предпочёл бы бежать, и имеешь дело с людьми, которых бы вовек знать не хотел?

Ответа не последовало. Во-первых, я был в ступоре. Во-вторых, я не мог дышать.

Наконец она отпустила меня и принялась измерять шагами прихожую, скользя по ней безразличным взглядом, пока я давился и откашливался.

Топор и ключи покачивались на её поясе.

Я потёр свою ушибленную шею.

Ты идиот, Магнус, сказал я себе. Новое место — новые правила.

Я явно был не в том положении, чтобы ныть и требовать от неё правды. С расспросами о местонахождении моей матери нужно было повременить. Если подумать, этот отель ничем не отличался от незнакомых мне приютов, палаточных лагерей и кухонь в церковных подвалах. *Новое место — новые правила.* Мне предстояло изучить структуру власти и здешнюю иерархию, ознакомиться с именами тех, кто мог меня зарезать или заколоть. В общем, нужно было научиться выживать, даже если я уже был мёртв.

— Ты извини, конечно, — выдавил я. В горле першило, будто я заживо проглотил какого-то когтистого грызуна. — Но какое *тебе* дело до того, герой я или нет?

Она ударила себя по лбу.

— Что ж, ладно. Может быть потому, что именно я притащила тебя сюда? Моя карьера и так не идёт в гору. Ещё один промах и.... — она прикусила язык. — Проехали. Как только тебя представят здешним гостям, выполний все то, что я тебе говорю: держи рот на замке, кивай головой и старайся походить на храбреца. Не заставляй меня пожалеть о том, что я сделала!

— Хорошо. Только не забывай, что я не просил твоей помощи.

— Одинов взор! Ты умирал! Мог попасть в Хельхейм или Гиннунгагап... — она вздрогнула. — Скажем так, есть места и похуже Вальхаллы. Я видела, что ты сделал там, на мосту. Признаешь ты это или нет, но ты поступил храбро: пожертвовал собой, чтобы спасти множество невинных жизней.

Слова её были комплиментом, тон же говорил о том, что я идиот.

Она подошла ближе и ткнула меня в грудь.

— У тебя есть потенциал, Магнус Чейз. Не разочаровывай меня.

Звук рога из динамиков на стенах прозвучал настолько громко, что загрохотала фотография на каминной полке.

— Что это? — спросил я. — Воздушная атака?

— Ужин, — девушка выпрямилась и, глубоко вдохнув, протянула мне руку. — Начнём сначала. Привет, я Самира Аль Аббас.

Я моргнул.

— Не пойми меня неправильно, но это не похоже на викингское имя.

Она натянуто улыбнулась.

— Можешь звать меня Сэм, как и все остальные. Сегодня вечером я буду твоей валькирией. Рада познакомиться с тобойенным образом.

Её рукопожатие было настолько сильным, что костяшки моих пальцев захрустели.

— Я проведу тебя на ужин, — все так же натянуто улыбалась она. — На заметку, если ты посмеешь опозорить меня, я прикончу тебя *своими же* руками.

Глава XII.

ЧТО Ж, ЗАТО Я НЕ ДОЛЖЕН ГОНЯТЬСЯ ЗА КОЗОЙ

В коридоре начали появляться мои соседи. Томас Джейферсон Младший выглядел примерно моего возраста: долговязый парень с короткими кудрявыми волосами и винтовкой, перекинутой через одно плечо. Его синее шерстяное пальто украшали медные пуговицы и шевроны на рукаве – форма времён Гражданской войны в США, догадался я. Он кивнул мне и улыбнулся.

— Как ты?

— Судя по всему, мёртв, – ответил я.

Он рассмеялся.

— Ничего, ты привыкнешь к этому. Зови меня Ти Джей.

— Магнус, – представился я.

— Пойдём, –сказала Сэм и потащила меня за собой.

Мы миновали девушку, должно быть, Мэллори Кин: вьющиеся рыжие волосы, зелёные глаза и зубчатый нож, которым она размахивала перед лицом двухметрового парня у двери с табличкой X.

— Снова ты за своё? – говорила она со слабым ирландским акцентом. – Икс, думаешь, мне приятно видеть погрызенную свинью голову всякий раз, как я выхожу из своей комнаты?

— Я не смог доесть, – прогромыхал Икс. – И она не помещается в мой холодильник.

Лично я бы не стал спорить с этим парнем. Он походил на взрывчатку замедленного действия.

К слову, если у вас случайно завалялась лишняя граната, предложите её этому громиле. Думаю, он бы с удовольствием ею подкрепился. Его кожа была цвета акульего брюха, усеянного мышцами и бородавками, а лицо покрывала сеть глубоких рубцов. Я даже принял один из них за его нос.

Мэллори Кин и Икс остались позади, слишком увлечённые своим спором, чтобы обратить на нас хоть какое-либо внимание.

Как только мы оказались вне поля их зрения, я начал донимать Сэм вопросами:

— Эй, а кто этот серокожий громила?

Сэм приложила палец к губам.

— Икс – полутролль. Он немного комплексует по этому поводу.

— Ну ничего себе, а такие вообще бывают?

— Как видишь, – ответила она. – И он заслуживает находиться здесь не меньше твоего.

— Да я и не сомневаюсь. Просто спросил.

Интересно, с чего это вдруг она его так защищает?

В комнате Хаффборна Гундерсона, по-видимому, происходило настоящее веселье. Оттуда донёсся приглушенный смех и последующий удар топором по двери.

Мы с Сэм подошли к лифту, и она затолкала меня внутрь, вытеснив оттуда нескольких других эйнхериев.

— В следующий раз, ребят.

Копьевидные двери лифта закрылись. Сэм вставила один из своих ключей в поцарапанный слот на панели, затем нажала на красную руну, и лифт поехал вниз.

— Мы окажемся в столовой задолго до того, как туда пожалуют все остальные. У тебя будет время изучить обстановку.

— Эм... круто. Спасибо.

Откуда-то с потолка доносилась простенькая скандинавская музыка.

«Что ж, прими мои поздравления, Магнус, – подумал я. – Добро пожаловать в рай для воинов, где можно слушать скандинавское подобие Фрэнка Синатры ОТ ВЕКА ДО ВЕКА!».

Я все раздумывал над темой для разговора, желательно такой, чтобы моя шея не пострадала. Да, я дорожил своей трахеей.

— Эм... ребята с девятнадцатого этажа выглядят моими... ну или нашими сверстниками, – заметил я.

— Вальхалла что, принимает только подростков?

Самира отрицательно покачала головой.

— Все эйнхерики разбиты на возрастные группы. Ты входишь в младшую: лица до девятнадцати. Есть ещё две: взрослые и пожилые. Ты будешь нечасто с ними пересекаться, так что считай, тебе повезло.

Взрослые не воспринимают подростков всерьёз, даже если они пробыли здесь на триллионы лет дольше.

— Впрочем, ничего нового, — ответил я.

— Что касается пожилых воителей... они не всегда находят общий язык с другими постояльцами. Представь себе скопище вспыльчивых стариков.

— Да легко. В приютах таких пруд пруди.

— В приютах?

— Забей. Так, говоришь, ты валькирия? И всех этих постояльцев выбрали вы?

— Ага, — произнесла она. — Лично всех здесь и выбрала.

— Ха-ха-ха. Я имел в виду ваше... Э-э, *сестринство*?

— Сестринство. Да, именно мы отбираем эйнхериев. Все здешние постояльцы пали смертью храбрых. Все они либо верили в благородство, либо каким-то образом были связаны со скандинавскими богами, что и дало им право находиться в Вальхалле.

Дядя что-то упоминал об этом: меч, принадлежащий мне по праву рождения...

— И что это за связь такая? Неужто по крови?

Я побоялся, что Сэм начнёт смеяться надо мной, но она лишь с серьёзным видом кивнула.

— Многие эйнхерии являются полубогами. Но среди них есть и обычные смертные. Вот ты, например, призван в залы Вальхаллы благодаря своему мужеству и благородству, а не из-за твоего наследия. Лично я считаю, что так и должно быть...

Я все не мог решить, каким был её тон: задумчивым или обиженным.

— А ты? — спросил я. — Как ты стала валькирией? Тоже умерла благородной смертью?

Она засмеялась.

— Пока нет. Я все ещё среди живых.

— Как это вообще работает?

— Ну, я живу двойной жизнью: сегодня вечером я сопровождаю тебя на ужин, а затем в срочном порядке возвращаюсь домой и заканчиваю домашку по алгебре.

— Ты ведь не шутишь, да?

— Домашка по алгебре — это тебе не шутки.

Двери лифта распахнулись. Мы оказались в помещении размером с концертный зал. У меня аж челюсть отвисла.

— Твою...

— Добро пожаловать в праздничный зал мертвецов, — произнесла Самира.

Столы здесь располагались прямо как сиденья на стадионе. В центре арены возвышалось дерево, превосходившее своими размерами даже Статую Свободы. Его самые низкие ветви находились на высоте примерно в тридцать метров. Оно разрасталось по всей длине и ширине зала, царапая своими ветвями сводчатый потолок и прорастая сквозь громадное отверстие на самом верху. Я мог разглядеть звезды, мерцающие в ночном небе.

Мой первый вопрос, скорее всего, был не самым важным:

— Почему там коза на дереве?

На самом деле, по веткам носилось множество различных животных. Просто лохматая жирная коза была самой примечательной из них. Из её вымени не переставая капало молоко. Четверо коренастых парней, в самом низу обеденного зала, ходили туда-сюда в попытках встать прямо под ней и поймать сокровенные капли в огромное золотое ведро. Судя по их промокшим одеждам, им предстояло ещё многому научиться.

— Козу зовут Хейдрун, — поведала мне Сэм. — Из её молока делают медовуху. Вкуснятина. Тебе понравится.

— И что, те парни постоянно гоняются за ней туда-сюда?

— Да, неблагодарная это работёнка. Веди себя хорошо, иначе можешь стать одним из них.

— Эм... А они не могут просто, ну не знаю, спустить козу вниз?

— Она обладает полной свободой. Так медовуха вкуснее.

— Не сомневаюсь, — произнёс я. — Что насчёт других животных? Я вижу белок, опоссумов и....

— Сахарных планеров и ленивцев, — заключила Сэм. — Милашки.

— Ладно. Но как вы можете ужинать в таких условиях? Здесь же столько помета... Антисанитария!

— Животные на Дереве Лэррадовоально чистоплотные.

— Лэйра... чего? Вы дали дереву имя?

— У всего есть своё имя, — она окинула меня хмурым взглядом. — Повтори, как там тебя зовут?

— Очень смешно.

— Некоторые звери бессмертны и имеют особое предназначение. К примеру, где-то наверху снует олень по имени Эйктримир. Мы зовём его Эйк. Видишь тот водопад?

Его было трудно не заметить. Откуда-то сверху бежали ручейки воды, соединяющиеся в один мощный поток, что спускался вниз по ветке каскадом шумного белого занавеса. Вода с грохотом падала в здоровенный пруд между двумя корнями дерева.

— Олены рога безостановочно распыляют воду, что стекает вниз по веткам в это озеро, — произнесла Сэм. — Отсюда, она идёт под землю и питает каждую реку в Девяти Мирах.

— Так значит, вся вода в мире происходит отсюда? Кажется, не этому меня учили на уроках естествознания.

— Не вся она течёт с рогов Эйка. Примешиваются и растаявший снег, и дождевая вода, и загрязнители окружающей среды, и слюна йотуна.

— Кого?

— Ну, это великаны такие.

Быть может, она брала меня на слабо? Её лицо было преисполнено какого-то напряжённого веселья — взгляд стремителен и блестел, губы плотно сжаты. Одно из двух: она либо пыталась сдержать смешок, либо ожидала атаку (ей бы в комедийных клубах выступать, пусть только топор дома оставит). Черты её лица казались мне подозрительно знакомыми — линия носа, изгиб челюсти, неброские пряди красного и медного оттенков в её темных волосах.

— Мы раньше не встречались? — спросил я. — До моего противостояния с Огненным Типом?

— Навряд ли, — ответила она.

— Но ты ведь смертная? Живёшь в Бостоне?

— В Дорчестере. Я второкурсница Королевской Академии. Живу с бабушкой и дедушкой.

Приходится нелегко... нужно постоянно придумывать отговорки, чтобы они ничего не просекли. Вот, например, сегодня Джид и Биби думают, что я занимаюсь математикой с учениками начальной школы. Ещё вопросы?

Её глаза говорили о противоположном. *Довольно личной чепухи.*

Мне стало интересно, почему она не живёт со своими родителями. *Чего я не понимаю? Твоего горя по матери?* Неужели...

— Вопросов больше нет, — решил я. — У меня сейчас мозги расплавятся.

— *Фу, антисанитария!* — передразнила меня Сэм. — Пошли, займём тебе место, пока не...

По периметру всего зала разом распахнулась сотня дверей. Закопошилась армия Вальхаллы.

— Ужин подан, — провозгласила Сэм.

Глава XIII.

КАРТОШКА ПО ИМЕНИ ФИЛ ВСТРЕЧАЕТ СВОЮ СМЕРТЬ

Нас поглотила приливная волна голодных воинов. Они толкались, шутили и смеялись, направляясь к своим местам.

— Держись, — сказала Сэм и схватила меня за руку.

В следующее мгновенье мы уже парили высоко в воздухе, словно Венди и Питер Пэн. Я вскрикнул.

— Предупреждать нужно!

— Я же сказала: держись.

Никому в зале не было до нас дела, за исключением одного парня, которого я случайно пнула в лицо. Мимо проносились другие валькирии — одни сопровождали воинов, другие разносили блюда с едой и кувшины с напитками.

Прямо по курсу возвышался стол для особо важных персон — за ним могли бы восседать хозяева поля, будь это игра баскетбольного клуба «Селтикс». С десяток угрюмых дядечек рассаживались по своим местам. Перед ними поставили золотые тарелки и кубки с драгоценными камнями. По центру стола пустовал деревянный трон с высокой спинкой, где двое черных воронов чистили свои перья. Мы приземлились у столика слева; шестеро человек в повседневной одежде — две девушки и четверо парней — как раз занимали свои места. Рядом с ними мельтешились валькирии, одетые более-менее как Сэм.

— Новые постояльцы?

Самира кивнула и свела брови к переносице:

— Семь человек за ночь — это очень много.

— Это хорошо или плохо?

— Смерть героев плохо отражается на мироустройстве. Это значит... — она поджала губы. — Не бери в голову. Давай займём наши места.

Внезапно одна из валькирий преградила нам путь.

— Самира АльАббас, какого уродца ты притащила на этот раз? Ещё одного полутролля? Или, быть может, шпиона твоего папаши?

На вид ей было лет восемнадцать. Крупная и высокая, она вполне могла сойти за тяжёлого форварда НБА. Светлые волосы в косичках, зелёное платье и патронташ с плотницкими молотками поверх него (сказать, что я был удивлён — ничего не сказать; может, она здесь плотником подрабатывала?). Наряд дополнял золотой амулет в форме молотка на её шее. Глаза у неё были бледно-голубыми, от них так и веяло холодом.

— Гунилла... — голос Сэм звучал напряжённо. — Знакомься, Магнус Чейз.

Я протянул руку.

— Горилла? Рад знакомству.

Ноздри девушки раздулись.

— Меня зовут Гунилла, я возглавляю валькирий. А ты, новичок ...

Возле основания дерева стояло трое парней. Двое из них поддерживали здоровенный чёрно-белый рог какого-то животного, в то время как третий в него дул. Гудение эхом прокатилось по всему залу. Тысячи воинов заняли свои места. Горилла бросила на меня последний презрительный взгляд и, развернувшись на своих каблучицах, зашагала к столу для особо важных персон.

— Осторожно, — предупредила меня Сэм, — Гунилла влиятельна.

— И та ещё задница.

Уголок её рта дёрнулся.

— Не могу не согласиться.

Сэм выглядела встревоженной, она с такой силой схватилась за топор, что костяшки её пальцев побелели. Мне было жутко интересно, о каком-таком «шпионе» шла речь, однако я решил поберечь своё горло и воздержаться от вопросов.

Я сел рядом с ней у самого края, чтобы мне не пришлось общаться с другими новичками. Время от времени над нами пролетали валькирии с едой и напитками в руках. Они наполняли кувшины козьей медовухой из кипящего золотого чана. Главным блюдом, судя по всему, было то, что жарилось

на огромном вертеле в другом конце зала; размером оно было с синего кита. Одна из валькирий поставила передо мной кубок и тарелку с едой. Не знаю, что это было за мясо, но пахло оно превосходно. Политые соусом кусочки мяса, картофель и толстые ломти хлеба с маслом... *м-м-м, вкуснотища*. Сколько же времени прошло с моего последнего полноценного ужина? Как бы там ни было, а приниматься за еду я не спешил.

— Чьё это мясо?

Сэм вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Сэхримнира.

— Так, ладно. Во-первых, зачем давать имена еде? Я не хочу знать, как зовут мой ужин. Этот картофель... его случаем зовут не Стив?

Она закатила глаза.

— Нет, конечно. Его зовут Фил. А Стив – это хлеб.

Я уставился на неё в изумлении.

— Шучу, расслабься, – ответила она. – Сэхримнир – это волшебный зверь Вальхаллы. Его убивают и подают на ужин ежедневно. Наутро он воскресает, живым и здоровым.

— Отстойная же у него участь... так это корова, свинья или...?

— Это то, что ты хочешь. У меня, например, говядина. Та или иная часть зверя – это курица или свинина. Я свинину не употребляю, но некоторые из здешних ребят просто без ума от неё.

— А что, если я вегетарианец? И вообще, я хочу фалафель.

Сэм замерла.

— Это что, шутка такая?

— Нет, с чего ты взяла? Мне нравится фалафель.

Её плечи расслабились.

— Ну, если хочешь фалафель, просто попроси левый бок. Эта часть – тофу, соевый творог. Можно приправить по вкусу и сделать что угодно.

— Здесь есть волшебный зверь, чей левый бок состоит из тофу...

— Это же Вальхалла, рай для воинов на службе у Одина. Не важно, что ты выберешь, оно будет идеальным на вкус.

Не в силах больше терпеть, я навалился на еду. Барбекю и вправду было превосходным: идеальное сочетание остроты и сладости. Хлеб с масляной корочкой просто таял у меня во рту. Даже картошка по имени Фил была чертовски вкусной.

Жидкость в моем кубке больше походила на сидр, нежели на козье молоко. Я решил рискнуть и сделал глоток. Напиток был сладким и освежающим, без каких-либо комочеков, с незнакомым мне привкусом... Ежевика? Мёд? Ваниль? Я осушил свой стакан.

Внезапно я ощутил жар во всем теле. Не как после употребления алкоголя (да, дважды пробовал – и дважды стошнило). Мёд не вскружил мне голову, меня не клонило в сон или к унитазу. По вкусу он больше напоминал эспрессо со льдом, только без присущего ему горьковатого привкуса. Напиток придал мне сил и уверенности в себе. Никаких побочных эффектов, вроде нервозности и повышенного сердцебиения, не наблюдалось.

— Чудное питье, – признал я.

Валькирия вновь наполнила мой кубок и улетела прочь.

Я уставился на Сэм, которая стряхивала хлебные крошки со своего шарфа.

— А ты вообще обслуживаешь тут?

— Естественно. У нас свой порядок. Это честь для меня – обслуживать эйнхериев.

Кажется, она говорила на полном серьёзе.

— Сколько здесь валькирий?

— Несколько тысяч?

— А сколько эйнхериев?

Сэм надула щеки.

— Десятки тысяч? Как я уже говорила, это только первая смена. После вас ужин накроют для старших воинов. В Вальхалле пятьсот сорок дверей. За каждой дверью, по идее, по восемьсот воинов, готовых к бою. Получается, четыреста тридцать две тысячи эйнхериев.

— Как много тофу...

Она пожала плечами.

— Лично я считаю, что цифра слегка преувеличена. Одному только Одину известно, сколько здесь

эйнхериев на самом деле. Нам понадобится большая армия, когда наступит Рагнарёк.

— Рагнарёк, — повторил я.

— Конец света, — пояснила Сэм. — Все Девять Миров будут охвачены великим пламенем, и боги с гигантами сойдутся в их последней битве.

— А-а, этот Рагнарёк!

Я осмотрел здешних воинов; вспомнил свой первый день в старшей школе. Спустя несколько месяцев погибла мама, и вся моя жизнь свелась до одного мусорного контейнера. Школу посещало около двух тысяч подростков. На переменах в коридорах творился абсолютный хаос, а наша столовая походила на аквариум с пираньями. Теперь же, все это казалось мне детским лепетом по сравнению с Вальхаллой.

Я указал на главный стол.

— А что насчёт этих чудаков? Многие из них выглядят старше.

— Я бы не стала называть их чудаками, — корила меня Сэм. — Это таны, главы кланов, лорды Вальхаллы. Один самолично пригласил их за свой стол.

— Значит, пустующий трон...

— Да, предназначен для Одина. Сам он уже давно как не показывается на ужине, но у него повсюду есть вороны-шпионы. Они ему всё докладывают.

Эти вороны — с темными глазами-бусинами — заставляли меня нервничать. Казалось, я представлял для них какой-то особый интерес.

Сэм указала по правую сторону от трона.

— Это Эрик Кровавая Секира. А рядом с ним — Эрик Рыжий.

— Какое разнообразие имён!

— Дальше — Лейф Эрикссон.

— Ого... а где же его металлический бюстгальтер?

— Сделаю вид, что не слышала этого. Вон там Снорри. И наша очаровательная подруга Гунилла. Рядом с ней — Лорд Нельсон и Дэви Крокетт.

— Дэви К... постой, ты серьёзно?

— С края сидит Хельги, управляющий отеля. Вы должны были пересекаться.

Хельги попивал медовый напиток и болтал с Дэви Крокеттом. Позади него стоял слегка приунывший Хундинг. Бедняге выпала честь кормить управляющего виноградом.

— А что происходит между управляющим и Хундингом?

Сэм сстроила кислую мину.

— Наследственная вражда. Все началось задолго до того, как они попали в Вальхаллу. После, Один назначил Хельги на должность управляющего. Видимо, он представлял для него больший интерес. В общем, первым своим приказом Хельги сделал из Хундинга мальчика на побегушках. С тех пор он выполняет за него всю грязную работу.

— Да уж, не фонтан...

Сэм заколебалась и понизила голос:

— Даже в Вальхалле есть иерархия. Поверь, тебе не захочется быть в самом низу. Запомни, когда начнётся церемония...

Главы кланов начали стучать кубками по столу. Вскоре к ним присоединились тысячи эйнхериев по всему залу.

Хельги встал с кубком в руке. Шум моментально стих.

— Воины! — голос управляющего эхом отдавался по всему помещению. Должен отметить, что смотрелся он царственно... хм, и всего-то несколько часов назад он предлагал мне номер люкс и ключи от минибара. — Сегодня к нам присоединилось ещё семеро героев! Но, прежде чем отметить сие событие, мы подготовили для вас небольшой сюрприз: благодаря капитану валькирий, Гунилле, сегодня, впервые, мы не только услышим об их подвигах, но и сможем созерцать их СОБСТВЕННОЛИЧНО!

Сэм издала задыхающийся звук.

— Только не это, — пробормотала она. — Нет, нет, нет...

— Да начнётся представление мертвцевов! — проревел Хельги.

Несколько тысяч воинов повернулись на своих стульях и выжидающе посмотрели в мою сторону.

Глава XIV.

ЗДЕСЬ ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА КАНАЛОВ, А ПОКАЗЫВАЮТ ТОЛЬКО ВАЛЬКИРИЕВИДЕНИЕ

Ура тому, что меня вызвали последним.

Я вздохнул от облегчения, когда первыми на очереди оказались ребята по ту сторону стола. Увы, моё счастье длилось недолго: их подвиги заставили меня не на шутку переживать.

Хельги назвал имя первого *испытуемого*:

— Ларс Альстром.

Крупный светловолосый парень поднялся с места в сопровождении валькирии. Бедняга так нервничал, что опрокинул свой кубок и забрызгал себе промежность волшебной медовухой. По залу прокатилась волна смешков.

Управляющий улыбнулся:

— Хочу заметить, что капитан Гунилла занималась поэтапным внедрением нового оборудования на протяжении нескольких месяцев. Первым делом она установила видеокамеры в доспехи своих подопечных, дабы держать нас в курсе событий и.... *куда же без этого, развлекать!*

Воины приободрились и грохнули своими кубками по столам, заглушая проклятия Сэм. Хельги поднял бокал:

— Вашему вниманию – Валькириевидение!

Вокруг ствола Лэйрадура зажглись невесомые голограммические экраны. Видеотрансляция то и дело прерывалась, видимо, снимали с камеры на плече. Мы поднялись высоко в небо, наблюдая за тонувшим в море паромом. Половина спасательных шлюпок болтались на соплях. Пассажиры выпрыгивали за борт, некоторые даже без спасательных жилетов. Валькирия подлетела поближе и качество съёмки улучшилось.

Ларс Альстром вскарабкался на накренённую палубу с огнетушителем в руках и направился к двери, что была заблокирована большим металлическим контейнером. Он попытался сдвинуть его вручную, но у ничего не получилось. Внутри копошились люди, отчаянно стучая в окна.

Ларс крикнул им что-то на... шведском или норвежском? Не суть важно, смысл был понятен и без слов: НАЗАД!

Как только они отошли, он попытался разбить окно огнетушителем. Ему понадобилось три попытки. Несмотря на сильный мороз, Ларс снял с себя пальто и накрыл имбитое стекло.

Он оставался на корабле до тех пор, пока последние пассажиры благополучно не выбрались из-под завала. Все вместе они поспешили к спасательным шлюпкам. Альстром подхватил огнетушитель и хотел было присоединиться к ним, но тут корабль резко накренился. Он ударился головой о стену и бухнулся вниз.

Его тело начало светиться. В кадре появилась протянутая рука валькирии. От тела Ларса отделился мерцающий золотистый силуэт – его душа, догадался я, – который взял Валькирию за руку, и на этом кино закончилось.

Все воины в зале приветствовали Ларса бурными овациями.

Таны принялись обсуждать увиденное. До меня долетали обрывки фраз. Один чудак – Лорд Нельсон, кажется? – сомневался в том, что огнетушитель можно отнести к видам оружия.

Я наклонился к Сэм:

— Да какое это имеете значение?

Она крошила свой хлеб на все меньшие и меньшие кусочки.

— Чтобы попасть в Вальхаллу, воин должен умереть в бою с оружием в руках. Это единственный путь.

— Вот как, – прошептал я, – значит, кто угодно может взять в руки меч, умереть, и – *бамс* – он уже в Вальхалле?

Она фыркнула.

— Нет, конечно. Не хватало ещё, чтобы дети брали оружие в руки и преднамеренно погибали. В суициде нет ни капли героизма. Готовность пожертвовать собой, храбрость – все это должно идти от чистого сердца, безо всякой задней мысли о вознаграждении.

— А что произойдёт, если таны сочтут новичка недостойным? Он воскреснет? — надежда в моем голосе, должно быть, была *слишком* очевидной.

Сэм предпочитала не смотреть мне в глаза.

— Обратного пути нет. Став эйнхерием — ты эйнхерий навсегда. Максимум, что тебе грозит — это плохая должность и отсутствие уважения. Так или иначе, ты все равно останешься в Вальхалле. А вот валькирия... если таны сочтут воина недостойным, на неё возложат наказание.

— Вот оно что, — теперь я понял, почему валькирии за нашим столом выглядели слегка дёрганными. Главы кланов провели голосование между собой. Единодушно они постановили, что огнетушитель принадлежит к видам оружия и что смерть Ларса можно рассматривать как гибель в бою.

— Море — это *очень* могущественный соперник, — произнёс Хельги. — Мы находим Ларса Альстрома достойным Вальхаллы!

Снова грянул гром аплодисментов. Ларс едва не свалился в обморок. Его валькирия вся сияла от счастья, улыбалась и махала толпе.

Хельги подождал, пока все угомонятся, а затем продолжил:

— Ларс Альстром, знаешь ли ты, кто твой отец?

— Я... — голос новичка дрогнул. — Я никогда с ним не встречался.

Хельги кивнул.

— Это не редкость. Мы обратимся к мудрости рун, если только Праотец не желает вмешаться. Все повернулись в сторону пустующего трона. Вороны взъерошили свои перья и пронзительно крикнули.

Трон по-прежнему пустовал.

Хельги ничуть не удивился, хотя его плечи поникли в разочаровании. Он жестом указал в сторону огненной ямы, где на вертеле кружился все тот же зверь. Из скопления слуг и поваров, вперёд прошаркала пожилая леди в зелёной мантии. Её лицо было скрыто в тени капюшона, но судя по её сутулой осанке и жилистым рукам, ей, надо полагать, перевалило далеко не за первый десяток.

— Что это *ещё* за *злобное ведьмище*? — пробормотал я.

— Вала. Провидица. Колдует, видит будущее... всего понемногу.

Старуха приблизилась к нашему столику и остановилась напротив Ларса. Затем она выудила из складок своего одеяния кожаный мешочек с горстью рунных камней (в доме дяди Рэндолфа я видел точно такие же).

— Для чего руны? — шёпотом поинтересовался я.

— Старинный алфавит викингов, — пояснила Сэм. — Каждая буква символизирует что-либо могущественное: бога, вид магии, силу природы. Воспринимай их как генетический код Вселенной. Вала читает руны, чтобы предвидеть судьбу воина. Великим Магам, таким как Один, например, вообще не нужно использовать камешки. Они управляют реальностью, просто произнося название руны вслух.

Я сделал мысленную заметку *избегать Одина*. А кому захочется, чтобы их реальностью управляли какие-то там колдуны?

Тем временем, вала бубнила себе что-то под нос. После старуха выронила камни из рук, и они приземлились на пол — некоторые лицевой стороной, другие — обратной. Одна из рун привлекла всеобщее внимание. Её изображение спроектировали на голограммические экраны.

Лично для меня они ничего не значили, чего не скажешь о сотнях других воинов.

— ТОР! — прокричали они и принялись скандировать: — ТОР, ТОР, ТОР!

Сэм хмыкнула.

— Вот только детей Тора нам здесь не хватало.

— Почему? Что с ними не так?

— Все не так. Они высокомерные. Гунилла вон там... она дочь Тора.

— Оу...

Улыбка Гориллы выглядела куда страшнее, нежели её напыщенная гримаса.

Как только воины умолкли, вала вознесла к небу свои иссохшие руки:

— Ларс, сын Тора, возрадуйся! Руны предвещают тебе успешное сражение во время Рагнарёка. Покажи всю свою доблесть! Завтра, в свой первый бой, ты будешь обезглавлен!

Все присутствующие в зале залились хохотом. Бедняга Ларс побледнел до ушей, отчего воины развеселились ещё сильнее. *У них тут обезглавливание – это что-то вроде дедовщины? Типа как натягивание трусов?* Вала собрала свои руны и пошаркала прочь, в то время как валькирия Альстрома пыталась усадить его на место.

Церемония продолжалась. Следующей на очереди была новенькая по имени Дида. Она спасла нескольких детишек из своей сельской школы, когда солдаты местного военачальника пытались их похитить. Девушка принялась флиртовать с одним из них, и обманом упросила парня дать ей подержать винтовку. Как только оружие попало ей в руки, она направила его на людей военачальника. Как результат – смерть, однако её самоотверженный поступок позволил другим детям спастись. Видео было довольно-таки жестоким.

Викингам оно понравилось. Дида удостоилась овации стоя.

Вала прочитала руны. Она подтвердила, что родители Дида были простыми смертными, но это, похоже, никого не смущило. Девушка будет храбро сражаться в Рагнарёк. На следующей неделе ей несколько раз отрубят руки. Плюс-минус сто лет, и она займёт место рядом с танами.

— О-о-о! – пронеслось по толпе.

Следующие четыре новичка были ничуть не хуже. Все они спасли людей и храбро пожертвовали своей жизнью. Двое из них были смертными, третий оказался сыном Одина, из-за чего произошёл небольшой переполох.

Сэм наклонилась ко мне:

— Как я и говорила, трон Одина пустует уже давно. Мы приветствуем любой его знак.

Последняя новенькая оказалась дочерью Хеймдалля. Викинги были впечатлены данным открытием, однако мне это ни о чём не говорило. *Кто такой Хеймдалль?*

У меня кружилась голова от переизбытка информации. А ещё меня хорошенько вставило от выпитой медовухи. Я даже не осознавал, что мы всё ближе подбирались к концу списка, пока Хельги не назвал меня по имени.

— Магнус Чейз! – проревел он. – Поднимись же и порази нас своим мужеством!

Глава XV.

МОЁ ВИДЕО С НЕУДАЧНЫМИ ДУБЛЯМИ ПОШЛО В МАССЫ

Моё мужество никого не поразило.

Я ёрзal на своём стуле весь просмотр. Эйнхерии взирали на экран в молчаливом шоке.

Затем начал подниматься шум и ропот вперемешку с издевательскими смешками.

Валькириевидение показывало события по частям: вот я стою на мосту, пока Сурт призывает огненный торнадо. Затем камера приближается и показывает меня с куском ржавого металла в руке, которым я ему угрожаю. А вот и фееричное появление моих друзей. Блitz размахивает перед Огненным Типом знаком «ДОРОГУ УТЯТАМ», а игрушечная стрела Харта вонзается мне в зад. Сурт избивает меня и пинает под рёбра. Меня рвёт; я корчуясь в агонии.

Затем видео перемотали к тому моменту, как Сурт бросает в меня огненное пушечное ядро. Я размахиваюсь мечом и промазываю. Асфальт врезается мне в кишки и тысячи воинов по всему залу бурчат: «Ууу!». Сурт нападает на меня, и мы оба перелетаем через перила, продолжая сражаться на лету.

Камера снова фокусируется: мы с Суртом вот-вот достигнем воды. Пауза. Волшебный меч пронзает живот Сурта, только вот мои пальцы сомкнуты не на рукоятке. Они вцепились в шею Огненного Типа.

По залу прокатился неловкий ропот.

— Нет, — пробормотал я. — Все было совсем не так... кто-то отредактировал видео, включил в него одни лишь неудачные дубли!

Лицо Сэм окаменело. Капитан валькирий, восседающая рядом с танами, самодовольно ухмыльнулась. Всё ясно. Её камеры — её монтаж.

Гунилла жаждала опозорить Сэм, вот и выставила меня полнейшим идиотом... в чем, надо полагать, я ей поспособствовал.

Хельги опустил свой бокал.

— Самира Аль Аббас... прошу вас объясниться.

Сэм перебирала пальцами край своего шарфа. Казалось, она хотела укутаться в него с головой и сделать вид, что её здесь нет. Знаем, проходили.

— Магнус Чейз погиб достойно, — проговорила она. — Он выступил один против Сурта.

Негодующее ворчание усилилось.

Один из танов встал.

— Очевидно, на него напал один из йотунов. Но с чего ты взяла, что это был Владыка Муспельхейма собственной персоной?

— Я доверяю своим глазам, Эрик Кровавая Секира. Этот парень, — Сэм указала на меня, словно я был каким-то экспонатом, — спас множество жизней на том мосту. Видео обрезано. Магнус Чейз повёл себя как настоящий герой. Он заслуживает быть в ваших рядах.

Другой тан поднялся.

— Вообще-то, в его руках не было меча.

— Лорд Оттар, — голос Сэм звучал натянуто, — вы придираетесь к техническим мелочам, чего раньше не делали. Сжимал Магнус в руке меч или нет, но он храбро погиб в бою. И достоин присоединиться к армии Одина.

Лорд Оттар фыркнул.

— Только посмотрите, Самира Аль Аббас, дочь Локи, учит нас, как правильно избирать героев.

Уровень напряжённости в зале повысился до критической отметки. Рука Сэм дёрнулась к рукоятке топора. Я надеялся, что это порывистое движение осталось никем не замеченным.

Локи... это имя мне было знакомо: злодей, рождённый от союза великанов. Заклятый враг богов. Если Сэм являлась его дочерью, то что она забыла в Вальхалле? Каким образом вообще стала валькирией?

Мой взгляд остановился на Гунилле; капитан валькирий явно была в восторге от всего происходящего. Она едва сдерживала улыбку. Теперь я хотя бы понимал, за что она обозлилась на Сэм. По легендам, Тор и Локи всегда хотели наставить друг другу синяков.

Таны спорили между собой.

Наконец, Хельги решил толкнуть речь:

— Самира, мы не наблюдаем ни капли героизма в гибели мальчика. Да, там присутствуют дворф и альв с игрушечным оружием...

— *Дворф и альв?* — не понял я. Ответа не последовало, Хельги меня проигнорировал.

— ... и огненный йотун, столкнувший мальчика с моста. Согласен, ситуация весьма нестандартна, дети Муспеля нечасто проникают в Мидгард, но...

— Вот это да! — пробормотал тан с кустистыми бакенбардами. — А вы видели большого старого йотуна по имени Санта? Анна уже имела с ним дело в Аламо. Что самое интересное...

— В другой раз, мистер Крокетт, — Хельги прокашлялся. — В общем, главы кланов не сочли Магнуса Чайза достойным Вальхаллы.

— Милорды, — произнесла Сэм, медленно и осторожно, словно объясняла детворе элементарные вещи. — Видео обрезано.

Хельги улыбнулся.

— Мы доверяем своим глазам, Самира Аль Аббас.

— Просто выслушайте меня! Таковы наши традиции.

Гунилла встала.

— Не считите за дерзость, милорды, но Самира права. Мы должны выслушать дочь Локи.

В толпе послышался свист наряду с бормотанием. Кто-то закричал:

— Нет! Только не это!

Хельги жестом попросил тишины.

— Гунилла, ваше заступничество за сестру-валькирию делает вам честь, однако Локи всегда считался мастером хитростей и сладкой лжи. Я предпочёл бы довериться своим глазам, нежели каким-нибудь хитроумным объяснениям.

Воины зааплодировали.

Гунилла пожала плечами, как бы говоря «*ох, извини, я пыталась!*» и откинулась на спинку стула.

— Магнус Чайз! — крикнул Хельги. — Знаешь ли ты, кто твой отец?

Я попытался сосчитать до пяти. Первым моим желанием было крикнуть: «НЕТ, НО ТВОЙ ПАПАША, ПОВИДИМОМУ, НАСТОЯЩИЙ ОСЕЛ!».

— Не знаю, — наконец признался я. — Но послушайте, это видео...

— Возможно, в тебе есть скрытый потенциал, — отрезал Хельги. — Быть может, ты сын Одина, Тора или какого-нибудь другого благородного бога войны, и твоё присутствие приносит нам честь. Мы обратимся к мудрости рун, если только Праотец не желает вмешаться?

Он посмотрел на пустующий трон. Вороны сверлили меня своими тёмными голодными глазами.

— Отлично, — пробормотал Хельги. — Позовите валу, и...

Между корнями дерева, там, где водопад впадал в тёмное озеро, лопнул огромный пузырь — БАМС! — и на поверхности воды возникли три женщины в белых одеяниях.

В зале повисла мёртвая тишина, и только треск пламени в жаровнях и звуки водопада нарушали её.

Тысячи застывших в изумлении воинов молча уставились на трёх белых женщин, что скользили в моем направлении.

— Сэм? — прошептал я. — Сэм, что происходит?

Её рука скользнула с рукоятки топора.

— *Норны*, — медленно ответила она. — Сами Норны явились предсказать твою судьбу.

Глава XVI.

НОРНЫ. ПОЧЕМУ ЭТО ДОЛЖНЫ БЫЛИ БЫТЬ НОРНЫ?

Вот почему никто не предупредил меня о моей смерти? Я бы успел заранее подготовиться, прочитать пару тройку материалов по Вальхалле. Почему никто не сказал, что вскоре я полечу с моста, расквашусь об лёд и застряну в мире для ходячих мертвцевов?

Я чувствовал себя настоящим профаном.

Норны-шнорны – дамочки, что управляют судьбами смертных. Как зовут каждую из них? Без понятия. Как вести себя с ними? Без понятия. Должен ли я поклониться? Осыпать их подарками? Бежать прочь, вопя от ужаса?

Сэм возле меня пробормотала:

— Это плохой знак. Норны появляются только в крайних случаях.

Чудно, но я определённо не хотел быть этим «крайним случаем». Зачем все усложнять? Можно ведь просто сказать: «Эй, хорошая работа. Ты герой. Возьми с полки тирожок». Или ещё лучше: «Усп, ошибочка вышла. Возвращайся-ка ты в мир смертных».

Да, мою прежнюю жизнь тоже сладкой не назовёшь, но зато там не было двенадцати бородатых Эриков, вопящих: «НЕДОСТОИН!».

По мере приближения Норны становились прямо-таки необъятными: каждая достигала двух с половиной метров в высоту. Их красивые лица заставляли меня нервничать — настолько бледными они были, впору их глазам. Скользивший за ними туман походил на шлейф невесты. Они остановились неподалёку от меня и протянули свои ладони. Их кожа была словно вылеплена из снега.

— Магнус Чейз, — заговорила одна из них. Мягкий, бесцелесный голос окутывал весь зал, проникал в мою голову и заставлял мои внутренности леденеть. — Предвестник Волка.

Толпа в зале беспокойно заёрзала.

Предвестник... где-то я уже натыкался на это слово, наверное, в фантастических романах. Что же оно означает? Явно что-то нехорошее. Прекрасно, два мерзких слова в одном словосочетании. Что может быть хуже?

Ещё ведь не поздно бежать прочь, вопя от ужаса...?

У рук Норны посредине начал скапливаться туман, затвердевший в полдюжины рунных камней. Она подбросила их вверх. Руны зависли в воздухе, и каждая начала увеличиваться в светящийся белый символ размером с рекламный плакат.

Одна из них была мне знакома. Точно такой же символ я выудил из мешочка в кабинете дяди Рэндолфа.

— Феху, — объявил холодный голос. — Руна Фрея.

Тысячи воинов разом подпрыгнули на своих местах, их броня беспокойно зазвенела. Фрей... это ещё кто такой? Извилины в моём мозгу словно покрылись инеем, и мысли были какими-то совсем уж вялыми.

Норны заговорили все вместе, и три призрачных голоса запели в унисон, покачивая листья на гигантском дереве:

*Ошибочно выбран, по ошибке убит —
Такого Вальхалла не приютит.
Диск Солнца к востоку спешит девять дней,
Там зверь на цепи поджидает.
Разрушит клинок оковы цепей,
Мечом Лета его величают.*

Светящиеся руны растворились. Норны поклонились мне, затем отступили в туман — и исчезли.

Я глянул на Сэм.

— И как часто такое случается?

Она выглядела так, словно кто-то зарядил ей промеж глаз молотом Гуниллы.

— Не может быть. *По ошибке убит...* Но мне сказали... мне обещали...

— Кто-то сказал тебе выбрать меня?

Вместо ответа она пробормотала себе под нос:

— Как будто есть смысл делать расчёты для ракеты, если она уже улетела.

Таны за главным столом устроили совещание. Всё внимание зала было обращено ко мне. Мой желудок скручивало в различные фигурки оригами.

В конце концов, Хельги произнёс:

— Магнус Чейз, сын Фрея, твоя дальнейшая судьба вызывает беспокойство. Лордам Вальхаллы потребуется немногого времени, чтобы обдумать твою ситуацию. Сейчас мы приветствуем тебя как нашего нового товарища. С этих пор и навеки ты один из эйнхериев, вне зависимости от того, заслуживаешь ты здесь находиться или нет.

Он хмуро посмотрел на Сэм:

— Самира Аль Аббас, сами Норны назвали это ошибкой. У вас ещё есть возражения?

Глаза Сэм расширились, словно она внезапно до чего-то додумалась.

— Сын Фрея... — она оглядела комнату почти что в отчаянии. — Эйнхерии, разве вы не видите? Это сын Фрея! На мосту был сам Сурт! А это может значить только то, что меч... — она развернулась в сторону главного стола: — Гунилла, ты то должна понимать, что это значит! Нужно найти этот меч! Организовать поиск, немедленно...

Хельги стукнул кулаком по столу.

— Довольно! Вы предстанете перед судом за содеянную ошибку. Вы не в том положении, чтобы указывать нам, что следует делать. И уж тем более требовать организовывать поиск!

— Это не было ошибкой, — ответила Сэм. — Я поступила так, как мне было приказано!

— Приказано? — Хельги прищурился. — Кем же?

Сэм замолкла. Казалось, из неё выкачали весь воздух.

Хельги мрачно кивнул.

— Всё ясно. Желает ли капитан валькирий высказаться перед тем, как я объявлю решение танов касательно этой молодой особы?

Гунилла вздрогнула. Блеска в её глазах поубавилось. Она выглядела так, словно стояла в очереди на карусель, а её посадили на американские горки.

— Я... — она тряхнула головой. — Нет, милорд. Мне нечего добавить.

— Отлично, — сказал Хельги. — Самира Аль Аббас, беря во внимание ваш просчёт с эйнхерием Магнусом Чейзом и учитывая ваши прошлые проступки, решением суда вы изгнаны из рядов валькирий. Вы лишаетесь всех своих сил и привилегий. Возвращайтесь в Мидгард с позором!

Сэм схватила меня за руку.

— Магнус, послушай меня внимательно. Ты должен найти меч. Останови их...

Сверкнул свет, словно отблеск камеры, и Сэм исчезла. Её недоеденный ужин и крошки панировочных сухарей на полу остались единственным доказательством того, что она вообще когда-либо существовала.

— Итак, наш пир подошёл к концу, — объявил Хельги. — Увидимся завтра на поле боя! Отдохните хорошенъко, и пусть вам приснятся сны о славной смерти!

Глава XVII.

ДОЛОЙ БИЦЕПСЫ!

Спал я плохо. Славная смерть мне так и не приснилась. Вместо этого я *славно* влез в неприятности и окочурился.

Во время ужина мой диван подлатали и поставили на место. Устроившись на нем поудобнее, я принял листать свою старую детскую книгу по скандинавской мифологии, и нашёл лишь одно крошечное изображение белокурого Фрея: он ревился в лесу с какой-то блондинкой, пока у их ног баловались коты.

«*Фрей – бог весны и лета!*» – гласила подпись. – «*А также богатства, изобилия и плодородия. У него есть сестра-близнец по имени Фрейя; такая милашка! Только посмотрите, какие у неё котики!*».

Книга отправилась в свободный полет. Просто супер. Мой отец был мелким божком, резвящимся в лесах. Должно быть, его исключили из шоу «Танцы с Асгардцами» ещё в начале прошлого сезона. Расстроило ли это меня? Если подумать, личность отца меня никогда особо не интересовала; я не из тех, кто считает себя неполноценным из-за отсутствия родителя в семье. У меня была прекрасная мама, а большего и не нужно. *Как бы сложилась наша жизнь, будь он рядом?* Не знаю... как-то бессмысленно размышлять об этом, ведь жизнь – это такая странная и непредсказуемая штука, знаете ли...

Впрочем, я накатал довольно длинный список того, чего у меня нет. Пункт первый: я был бездомным, и это при том, что мой папаша–скандинавский являлся покровителем богатств и изобилия. *Я не иначе как любимчик судьбы.*

А ещё на меня точил зуб сам Владыка Муспельхейма, Король Пушечных Ядер, в народе известный как Сурт. Спрашивается, и чего он на меня взъелся? Не мог найти себе противника поинтереснее? Ну там... дитя Тора, например. Об их папаше вон целую кинофраншизу сняли. А *мой* чем мог похвастаться? Кучкой чужих котов?

И этот Меч Лета, о котором упоминали Норны-шнорны... не его ли я вытащил из реки Чарльз? Если да, то как он там очутился и в чем его ценность? Дядя Рэндолльф потратил многие годы на его поиски, да и Сэм настаивала вернуть его как можно скорее... Если раннее меч принадлежал моему отцу – бессмертному богу, то с какого перепуга он оставил его гнить на дне реки на протяжении тысячелетий?

Я уставился на пустой камин. Слова Норн все ещё звучали в моей голове.

«*Предвестник Волка*».

Теперь то я вспомнил: предвестник обычно знаменует приближение чего-либо могущественного или опасного. Например, красное небо предвещает ураган. Но *предвестник волка?* Нет уж, увольте.

Лучше бы меня окрестили предвестником мороженого или фалафели.

«*Ошибочно выбран, по ошибке убит*».

Как там говорят – лучше поздно, чем никогда? Ну-ну, спасибо, что предупредили. Хотя сути дела это не меняет, ибо я уже долбаный эйнхерий: моё имя вырезано на двери и у меня есть ключ от минибара.

«*Такого Вальхалла не приютит*».

Эта строка нравилась мне куда больше. Быть может, она предвещала мой скорый отъезд (ну или что таны скормят меня своей жирной лохматой козе).

«*Диск Солнца к востоку спешил девять дней,
Там зверь на цепи поджидает.
Разрушит клинок оковы цепей,
Мечом Лета его величают*».

Меня передёрнуло. Во-первых, сколько себя помню, солнце всегда двигалось с востока на запад. Во-вторых, что ещё за зверь? Я мог биться об заклад, что речь шла о каком-нибудь волке, ибо здесь всё вращается вокруг этих долбаных существ. И если моим мечом было предназначено

освободить скованного волка, то лучше пусть бы и дальше гнил себе на дне реки. И все же, скованный волк – где-то я это уже слышал... Мои глаза скользнули к той самой детской книге по мифологии. Полистать – не полистать? Нет уж, пожалуй, моя психика и так уже достаточно расшатана.

Магнус, послушай меня. Ты должен найти меч. Останови их...

Я переживал за Самиру. Да, мне было обидно от того, что она притащила меня сюда (тем более, по ошибке), но ведь Её увольнение было незаслуженным... И все из-за того, что какой-то умник отредактировал видео и превратил меня в клоуна... ну ладно, *большего клоуна*, чем обычно.

Наверное, мне следовало поспать. Усталости я не чувствовал, но боялся заработать себе мозговой паралич из-за количества терзающих меня мыслей.

Я пощупал свою постель, и она показалась мне слишком мягкой. В конце концов, я устроился в атриуме на траве, подглядывая за звёздами сквозь ветви деревьев.

Вскоре я уже спал. «««

Меня разбудил резкий звук: треск ветки и последующая брань.

Небо надо мной было озарено предрассветной дымкой. Несколько листьев кружилось в воздухе. Ветви покачивались, будто что-то тяжёлое только что вскарабкалось по ним.

Я лежал неподвижно: прислушивался, наблюдал. Ничего. Вдруг мне просто показалось? Клочок бумаги скользнул под мою дверь.

Я неуверенно сел.

Быть может, это отель прислал мне счёт и попросил освободить номер. Я потопал к двери.

Как оказалось, это была записка от руки:

«Привет, сосед. Присоединяйся к нам за завтраком в гостиной номер 19. Дальше по коридору налево. Возьми с собой оружие и броню. Т. Дж.».

Т. Дж... Томас Джейферсон младший, парень, напротив.

Прошлой ночью я потерпел конкретное фиаско, так зачем ему было приглашать меня к завтраку с оружием и в броне? Неужто бублики устроили массовые беспорядки?

Я подумывал остаться в номере и забаррикадировать дверь, а после тайком улизнуть в Бостон, пока остальные воины будут познавать основы смертельной бикрам-йоги.

С другой стороны, я никак не мог отделаться от мысли, что мама была где-то здесь, поблизости. Вдруг кто-нибудь знал, куда её отправили? Например, тот же Ти Джей. Он казался довольно дружелюбным. Я мог бы потусоваться с ним некоторое время, подружиться и выведать пару-тройку тайн.

Ноги понесли меня в ванную.

Поначалу я думал, что здешний туалет будет чем-то вроде смертельно опасного механизма, оснащённого топорами, и со сливом в виде арбалета. Оказалось, никаких загадок он в себе не таил. Уж поверьте, некоторые общественные уборные внушали куда больший ужас.

Навесной шкафчик был забит моими старыми туалетными принадлежностями.

И душ... как же давно я не принимал горячий расслабляющий душ. Да, перед прибытием в Вальхаллу меня знатно почистили, однако плохая ночь в атриуме дала о себе знать.

Я расстегнул рубашку и едва не раздался воплем.

Во мне что-то изменилось. Мои плечи, грудь и руки выглядели подкаченными.

Обычно я избегал зеркал (что ж поделать, не люблю я на себя пялиться), но сейчас решил посмотреть правде в глаза.

Те же грязно-блондинистые волосы по подбородок с пробором посередине, только не такие сальные и запутанные.

«Ты просто вылитый Курт Cobain», – когда-то дразнила меня мама.

Неплохо. Мне нравился Курт Cobain, не считая того факта, что он умер.

«Разве это не забавно, мам? – подумал я. – Теперь у нас с ним намного больше общего!».

Они были серыми больше были похожи на глаза моей кузинки Аннабет, чем на маминые. В них виднелась призрачная, пугающая пустота, что отлично прижилась на бостонских улицах.

А вот от талии и выше я себя просто не узнавал. Если кратко, я всегда был тощим. Моя грудная клетка была впалой вне зависимости от физических нагрузок, а ребра выпирали. На бледной коже можно было проложить маршрут из голубых вен.

Сейчас же... я обзавёлся странными выпуклостями, подозрительно похожими на мускулы.

Нет, я не превратился в Капитана Америку. (прим. переводчика: персонаж комиксов и фильмов Marvel. После

введения сыворотки суперсолдата превратился изтощегопарня в качка) Мои трансформации были не настолько колоссальными: я все ещё был бледным и тощим, однако мои руки и грудь приобрели рельеф, а кожа стала гладкой и прочной. От подростковой сыпи, ямок и укусов не осталось и следа. Раньше у меня был шрам на левой ладони, я получил его в результате неправильного обращения с охотниччьим ножом. Теперь и он пропал. Один плюс: я больше не выглядел как маятник на ветру.

Я вспомнил тот внезапный прилив силы по прибытии в Вальхаллу, после – как зафутболил диван через всю комнату прошлой ночью.

Что там говорил Хундинг? Вальхалла... *совершенствует?* Я сжал кулаки.

У меня есть оправдание за произошедшее далее: во-первых, я был зол, напуган и растерян. Во-вторых, меня убили. Мне угрожали. Меня унижали и насильно усовершенствовали. Я не просил этот чёртов номер люкс. Я не просил эти чёртовы бицепсы!

Мой кулак врезался в стену. Именно так, со своей дури. Прошёл через кафельное покрытие и штукатурку.

Я вытащил руку и согнул пальцы. Вроде ничего не сломал.

Над вешалкой для полотенец появилась дыра размером с мой кулак.

— Прекрасно, — проворчал я. — Я просто идеальный постоялец.

Душ успокоил мои нервы. После, укутавшись в пухистый халат с инициалами О.В., я направился в гардеробную в поисках одежды. Внутри пылилось три набора джинсов, и столько же зелёных футболок (с пометкой «СОБСТВЕННОСТЬ ОТЕЛЯ ВАЛЬХАЛЛА»), нижнее белье, носки, пара хороших кроссовок и меч в ножнах. У гладильной доски устроился круглый зелёный щит с золотой руной Фрея посередине.

Какой богатый выбор, однако.

Минут десять я не мог решить, каким образом прикрепить ножны к поясу. Если я левша, то меч должен был находиться справа? Отличались ли чем-то мечи для правшей от оных для левшей?

Я попытался обнажить клинок и едва не разорвал себе джинсы. *О да, на поле боя я бы всех поразил.* Затем потренировался им размахиваться. Всё думал, будет ли он так же гудеть и направлять мою руку, как это делал мой прежний меч во время сражения с Суртом. К сожалению, этот клинок оказался простым куском негудящего и несамоуправляемого металла. В конце концов, мне удалось вложить его в ножны, не потеряв при этом ни одного пальца. После этого я закинул щит себе на спину, подобно воинам на вчерашнем ужине. Ремешок с такой силой врезался мне в шею, что я едва не задыхался.

— Вы, сэр, — пробормотал я, глядя на себя в зеркало, — выглядите, как полный придурок.

Моему отражению было нечем возразить.

Я покинул номер и отправился на поиски завтрака, который собирался добыть своим новым мечом.

Глава XVIII.

Я УСТРАИВАЮ МОЩНЫЙ БОЙ ЯЙЦАМИ

— А вот и он! — Ти Джей поднялся со своего места и схватил меня за локоть. — Присаживайся. На ужине ты произвёл весьма неоднозначное впечатление. На нем были те же вещи, что и вчера: синее шерстяное пальто поверх зелёной гостиничной футболки, джинсы и кожаные сапоги. Помимо ТиДжея, за столом также находились полутороль Икс, рыжая Мэллори Кин, и, должно быть, Хафборн Гундерсон, эдакий Робинзон Крузо на стероидах. Он носил лоскутную рубашку из шкурок животных, разорванные ковбойские штаны и до ужаса взлохмаченную бороду. *Хм, что это там в ней? Омлет с сыром?*

Ребята немного потеснились, освобождая для меня место за столом. *Как мило.*

Здесь было довольно уютно, чего не скажешь о праздничном зале. С десяток столов разместились по всему периметру гостиной, большинство из них пустовали. В углу, перед поношенным диваном, потрескивал камин; буфетная стойка у стены прогибалась под тяжестью разнообразных блюд (некоторые из них я бы пробовать не стал).

Ти Джей и компания заняли столик у большого панорамного окна с видом на обширные ледники и клубящийся снег. Странно это, ведь прямо по коридору стояло лето. С географией этот отель явно не дружил.

— Это Нифльхейм, — пояснил Ти Джей. — Королевство льда. Вид за окном сменяется ежедневно, циркулируя между Девятью Мирами.

— Девять Миров... — я уставился на яичницу-болтунию передо мной, пытаясь угадать, из какой Вселенной она появилась. — Сколько бы ни думал об этом, все равно трудно поверить.

Мэллори Кин сдула сахарную пудру со своего пончика.

— Поверь, новичок. Я посетила уже шесть из них.

— Пять вообще-то, — усмехнулся Хафборн набитым яичницей ртом. — Мидгард не считается. Это мир людей. Мы были в Альфхейме, Нидавеллире, Йотунхейме...

— И в Диснейе, — добавил Икс.

Мэллори вздохнула. Своими красными волосами, зелёными глазами и сахарной пудрой вокруг рта, она походила на женскую версию Джокера.

— В последний раз повторяю, болван ты эдакий, мир Диснея не является одним из девяти.

— Тогда почему он называется *миром*? — Икс самодовольно улыбнулся, показывая, что спор выигран, и принялся высасывать мясо из панциря большого ракообразного.

Ти Джей отодвинул от себя пустую тарелку.

— Магнус, Девять Миров — это не отдельные планеты. Это что-то вроде разных измерений, таких слоёв реальности, что соединены воедино Мировым деревом.

— Ух ты, — воскликнул я, — кто бы мог подумать, что все станет куда запутаннее.

Ти Джей рассмеялся:

— Прости.

— Мировое дерево... это оно в праздничном зале?

— Неа, — отозвалась Мэллори. — Мировое дерево гораздо больше. Вот увидишь.

Зловещее чавканье полутороля, поглощающего огромного слизистого краба, отбило у меня всякое желание приниматься за еду.

Я кивнул на пальто Ти Джея.

— Форма времён Гражданской войны в США?

— 54й Массачусетский пехотный полк, мой друг. Я также родом из Бостона, просто попал сюда чуть раньше тебя.

Я пораскинул мозгами:

— Получается, ты умер сто пятьдесят лет назад?

Ти Джей улыбнулся.

— Да, при штурме форта Вагнер, Южная Каролина. Мой отец — бог воинской доблести, закона и мужества, а мать была беглой рабыней.

Так значит, Ти Джей был подростком из восьмидесятых, сыном беглой рабыни и скандинавского бога, и сейчас мы завтракали, возможно, в другом измерении... *В голове не укладывалось.*

Икс рыгнул, и я отвёлся от своих мыслей.

— Боги Асгарда! — возмутилась Мэллори. — Ну и вонь!

— Прости, — буркнул полутролль.

— Тебя и вправду зовут Икс? — поинтересовался я.

— Нет, меня зовут... — из той длиннющей непонятинки, что он произнёс, я понял лишь одно: его имя начиналось на «Икс».

Хафборн вытер руки о свою рубашку.

— Как тебе имечко? Замысловатое, да? Зови его просто Икс.

— Просто Икс, — согласился Икс.

— Это Сэм притащила его сюда, — сообщил Ти Джей. — Икс наткнулся на точку, где проходили запрещённые собачьи бои. В Чикаго, кажется?

— В Чикаго, — подтвердил Икс.

— От увиденного ему снесло крышу: крушил все, что попадалось под руку, избивал тамошних посетителей и освобождал животных.

— Собаки должны драться *сами за себя*, — добавил полутролль, — а не ради развлечения алчных людышек. Они должны быть дикими и свободными. Никаких клеток.

Я был против диких дерущихся собак. Чем бы тогда они отличались от волков, которых я так презирал?

Я промолчал.

— Короче, — сказал Ти Джей, — спасение животных превратилось в полномасштабное сражение: Икс против кучки бандитов с автоматами. Ясное дело, его пришили. Однако Икс хорошенько проучил этих отморозков и освободил немало собак. Кажется, это произошло всего... месяц назад?

Икс хрюкнул и продолжил высасывать мякоть из моллюсков.

Ти Джей развел руками.

— Самира посчитала его достойным Вальхаллы. За это её раскритиковали в пух и прах.

Мэллори фыркнула.

— Это ещё мягко сказано. Тролль в Вальхалле. Где это видано?

— Полутролль, — поправил Икс. — И это моя лучшая половина, Мэллори Кин.

— Она не хотела тебя обидеть, Икс, — сказал Ти Джей. — Стереотипы сложно разрушить. Я попал сюда в тысяча восемьсот шестьдесят третьем, и мне тоже были не особо рады.

Мэллори закатила глаза.

— Спустя некоторое время ты здесь всех порвал. Клянусь, вы, ребята, портите репутацию девятнадцатого этажа. А теперь ещё и Магнус.

Хафборн наклонился ко мне:

— Не обращай на душку Мэллори внимания. Она ужасный человек, это факт.

— Заглохни, Хафборн.

Большой парень хихикнул.

— Ворчит лишь оттого, что умерла при попытке обезвредить бомбу в машине своей же моськой.

Уши Мэллори залились краской.

— Я не... Это была не... Уф!

— Магнус, не парься из-за вчерашнего, — продолжил Хафборн. — Толпа забудет об этом через несколько десятилетий. Поверь мне на слово. Я сражался под знаменем Ивара Бесскостного во время вторжения викингов в Восточную Англию и получил двадцать стрел в грудь, защищая главу своего клана.

— Ай, — скривился я.

Хафборн пожал плечами.

— Я здесь уже... тысячу двести лет.

Несмотря на его габариты и бороду, Хафборн выглядел максимум на лет восемнадцать.

— Как ты ещё не сошёл с ума? И почему тебя зовут Хафборном. (*прим. перев. «half-born» с английского — «наполовину рожденный»*)

Его улыбка поблекла.

— В младенчестве я отличался от других детей. Мама постоянно дразнилась, будто я был наполовину рожден и наполовину высечен из скалы... столько во мне было силы, массы и уродства.

— Не прибедняйся, ты все так же уродлив, — пробормотала Мэллори. —...Многие теряют здесь рассудок, Магнус. Ожидание убивает. Мой тебе совет: найди себе занятие. Вот я, например, выучил с десяток языков, включая английский, получил степень доктора немецкой литературы и научился вязать.

Ти Джей кивнул.

— Именно поэтому я и позвал тебя сюда, Магнус.

— Чтобы научить меня вязать?

— Чтобы вести активный образ жизни! Не нужно изолироваться ото всех, это может быть чревато серьёзными последствиями. Некоторые из старожилов... —он прочистил горло. —Ладно, забудь.

Просто приходи сюда каждое утро вплоть до Рагнарёка, и все будет в порядке.

Я смотрел в окно на вихревшийся снег. Думал о просьбе Сэм организовать поиски меча, о предупреждении Норн по поводу приближавшейся беды.

— Вы сказали, что бывали в других мирах. Значит, вы покидали отель.

Ребята обменялись настороженными взглядами.

— Да, —признал Хафборн. — Но основное наше задание — это ждать Рагнарёк. Готовиться.

Тренироваться. Обучаться.

— Я катался на поезде в мире Диснея, —влез Икс.

Какой он шутник, однако. Выражение его лица было непроницаемым, словно застывший цемент.

— Бывает, что эйнхериев отправляют на миссии в один из Девяти Миров, —отозвался Ти Джей.

— Например, высследить монстра, — пояснила Мэллори. — Убить великана, что пробрался в Мидгард. Остановить ведьму или вэттэ. И, конечно же, наподдать какому-нибудь негодяю...

— Вэттэ? Негодяи?

— Загвоздка в том, — сказал Хафборн, — что мы можем покинуть Вальхаллу только по приказу Одина или танов.

— Однако гипотетически, я все же могу вернуться обратно на землю, Э-э, в Мидгард...

— Гипотетически, да, — осторожничал Ти Джей. — Слушай, я понимаю, что предсказание норн, должно быть, сводит тебя с ума, но мы понятия не имеем, что оно означает. Предоставь танам немного времени подумать. Не спеши, иначе наделаешь глупостей.

— Это запрещено, — добавила Мэллори. — Мы осторожны и рассудительны. За пиццей никто здесь не гоняет. Никто и никогда.

— Замолчи, женщина, — зарычал Хафборн.

— Женщина? — Мэллори потянулась за ножом на своём поясе. — Следи за языком, ты, переросший шведский хомяк.

— Так-так, — вмешался я. — Вы, ребята, все же знаете, как улизнуть из...

Ти Джей громко кашлянул.

— Прости, я не слышал. Уверен, ты не спрашивал ничего такого, что противоречит правилам. Так, давай логически подумаем: ну вернись ты сейчас в Мидгард, что ты своим друзьям то скажешь? Они ведь думают, что ты умер. Было бы разумно подождать, пока все они не умрут. К тому же, потребуются годы, чтобы вылепить из тебя полноценного эйнхерия. Ты ещё недостаточно силен, чтобы покидать территорию Вальхаллы. Это может быть опасно.

Я размышлял, каково это — провести здесь десятилетия. Друзей у меня было немного, про крышу над головой вообще молчу... Но и застрять здесь на веки-вечные я желанием не горел. *Изучать иностранные языки? Вязать шарфики...?* Я жалел, что не встретился с Аннабет перед смертью. Ещё мне хотелось отыскать маму, где бы она ни была.

— Но ведь можно ускользнуть без разрешения, — упорствовал я. — Возможно, не навсегда, а лишь на некоторое время.

Ти Джей поёрзal на своём стуле.

— Вальхалла ведёт в любой из Девяти миров. Так устроен отель. Большинство выходов охраняются, но... так уж получилось, что в Бостон ведёт не одна дверь, так как он является центром Мидгарда.

Я оглядел ребят за столом. Никто не смеялся.

— Да ладно?

— Вот так вот, — заключил Ти Джей. — Бостон расположен на стволе Мирового дерева. Оттуда легче всего попасть в другие миры. Не зря же его называют центром Вселенной.

— Гонишь.

— Нисколько. Смертные всегда знали, что здесь находится нечто особенное, пусть и редко находили

сюда дорогу. Викинги искали центр Вселенной на протяжении многих лет, они не сомневались, что вход в Асгард располагался где-то на западе. Это одна из причин, почему они осваивали Северную Америку. Когда скандинавы повстречали коренных американцев...

— Мы звали их скёrlингами, — отозвался Хафборн. — Кровожадные воины. Мне такие по душе.

— Коренные народы верили в могущество мира духов на своих землях. Позже, когда пуритане осели... ну, слышал о книге Джона Винтропа «Город на холме»? Так вот, это не просто метафора. Он на самом деле видел этот город – Асгард. А про судебный процесс над салемскими ведьмами слышал? Массовая истерия, спровоцированная проникновением магии в мир смертных... Эдгар Аллан По родился в Бостоне. И то, что одна из самых известных поэм посвящена ворону – священному животному Одина – не может быть чистой случайностью.

— Достаточно, — Мэллори скривила кислую мину. — Ти Джей может рассказывать об этом часами. Ответ положительный, Магнус. Уйти отсюда реально, есть у тебя разрешение или нет.

Икс разломал клешню краба.

— Но тогда ты будешь уязвимым.

— Именно, — сказал Ти Джей. — Это проблема номер два: в Вальхалле ты бессмертен. Пусть тебя даже копьём проткнут, спустя некоторое время ты все равно воскреснешь. Это часть тренировки. Я вспомнил того парня, убитого в коридоре – его ещё куда-то утащили волки. Хундинг сказал, что он будет в норме уже к ужину.

— А за пределами Вальхаллы?

— За пределами Вальхаллы ты все тот же эйнхерий: быстрее, крепче и сильнее любого смертного. Но в случае гибели ты сюда больше не вернёшься. Твоя душа может отправиться в Хельхейм или же просто раствориться в первичном хаосе – Гинунгагапе. Трудно сказать. Игра не стоит свеч.

— Разве что... — Хафборн смахнул яичные крошки со своей бороды. — Разве что он действительно найдёт меч Фрея и легенды окажутся правдой...

— Это его первый день, — отрезал Ти Джей. — Давай не будем об этом. Он уже и так достаточно напуган.

— Хуже уже не будет, — сказал я. — Что там за легенды?

В коридоре раздался звук рога. Эйнхерии начали подниматься со своих мест и убирать тарелки. Хафборн нетерпеливо потёр ладони.

— Разговорам придётся подождать. Время битвы!

— Время битвы, — согласился Икс.

Ти Джей скривился.

— Магнус, я должен предупредить тебя о первом дне тренировок. Не пугайся, но...

— Ой, заглохни, — произнесла Мэллори; Её губы растянулись в холодной усмешке. — Не порти сюрприз! Не могу дождаться расчленения новичка!

Глава XIX.

НИКАКОЙ Я НЕ БИНТАУН

Я поведал своим новым друзьям о том, что у меня аллергия на любое расчленение. Они лишь посмеялись и погнали меня к боевой арене. Вот почему я не шибко дружелюбный.

Поле боя было настолько огромным, что в голове не укладывалось.

В благословенные деньки моей уличной жизни я часто спал на крышах; наблюдал бостонский пейзаж от бейсбольного стадиона «Фенуэй Парк» до холмов Банкер-Хилл. Здешнее поле для сражений было намного больше. Оно занимало около восьми квадратных метров внутреннего дворика отеля.

По всему периметру поля возвышались мраморные стены с балконами, что были украшены флагами, щитами или оснащены катапультами. Верхние этажи, казалось, растворялись в туманном небе.

По центру поля маячило несколько скалистых холмов. Лесные насаждения придавали ландшафту мраморный узор. Внешнее кольцо состояло преимущественно из холмистых пастищ и извилистой реки, такой же широкой, как Чарльз. Её берег был усеян несколькими прилегающими деревнями, возможно, для тех, кто предпочитал проводить боевые действия в городской местности.

Воинские батальоны лились рекой из сотен входов и выходов, их оружие и доспехи сверкали в ярком свете дня. Одни эйнхерии были одеты в латы, словно средневековые рыцари, другие носили кольчужные рубахи, бриджи и военные ботинки. Некоторые щеголяли в камуфляже с АК в руках. Один парень вообще разделся до трусов и вооружился одной лишь бейсбольной битой. Он был покрыт голубой краской, а надпись на его груди гласила: «ПОДХОДИ, ЕСЛИ ОСМЕЛИШЬСЯ».

— А где мои доспехи? — поинтересовался я.

Икс хрустнул суставами пальцев.

— Не доспехи приносят победу. И не оружие.

Легко ему было говорить, такому громиле.

Хафборн Гундерсон также был сторонником минимализма. Он снял с себя все, не считая штанов, пусть и вооружился парочкой зловещих обоюдоострых топоров. Крупный парень, но рядом с Иксом походил на бородатую трёхлетку.

Ти Джей прикрепил к винтовке штык.

— Магнус, ты можешь приобрести оружие в оружейной за красное золото, обменять или добить его сам.

— А своё ты где заполучил?

— Умер с винтовкой в руках. Я редко стреляю. Видишь тех ребят, что кичатся автоматами? Это все шоу, показуха. Сильно они не навредят. Но *этот* штык? Это костяная сталь, подарок моего отца. И он ещё ни разу меня не подводил.

— Костяная сталь?

— Костяная сталь.

Моя ладонь с мечом уже вспотела, а щит казался слишком шатким.

— Так против кого мы сражаемся?

Хафборн хлопнул меня по спине.

— Против всех них! Викинги сражаются небольшими группами, друг мой. Мы — твои братья по оружию.

— И сестры, — добавила Мэллори. — Хотя некоторые из нас просто идиоты. Идиоты с оружием.

Громила промолчал.

— Далеко не отходи, Магнус, иначе тебя быстро уберут. Хотя... тебя в любом случае быстро уберут. Но ты все равно следуй за нами. Мы грянем в бой и постараемся зарубить как можно больше противников!

— И это весь ваш план?

Хафборн вскинул голову.

— А зачем нам план?

— Иногда мы составляем план, — сказал Ти Джей. — По средам проходят осады. Это сложнее. По четвергам мы сражаемся с драконами.

Мэллори обнажила меч и зазубренный кинжал.

— Сегодня в битве может поучаствовать любой. Обожаю вторники, — с тысячи различных балконов донеслось гудение рогов. Эйнхерии бросились в бой.

До сегодня термин «кровопролитие» был знаком мне лишь понаслышке. Но уже через несколько минут я оказался в самой гуще этого кровавого месива.

Не успели мы выйти на поле, как вдруг из ниоткуда вылетел топор. Он врезался в щит прямо над моей рукой.

Мэллори закричала и метнула нож, что утонул в груди противника. Улыбаясь, тот упал на колени:

— Хороший бросок! — и рухнул замертво.

Хафборн словно плавал среди врагов: размахивал топорами, сносил головы и отрубал конечности. У меня было такое чувство, будто мы играли в пейнтбол кроваво-красными красками. Ничего более отвратительного в жизни не видел. Самое ужасное — все они получали от этого нескрываемое удовольствие. Убивали с ликованием. Умирали с легкомысленной улыбкой на губах, словно смерть — это сущий пустяк.

— Ох, вот отстой, — пробормотал какой-то парень, изучая четыре стрелы в своей груди.

Другой выкрикнул:

— Завтра я тебя достану, Трикси! — и завалился на бок с копьём в животе.

Ти Джей напевал «Боевой гимн Республики», закалывая врагов и отбиваясь от них своим штыком. Икс разбивал одну группу за другой. Из его спины торчало с десяток стрел, однако ему, по-видимому, было все равно. Эйнхерии сминались в лепёшку под тяжестью его кулаков.

Что до меня, то я держался подальше от массовой бойни. Щит поднят, меч опущен. Я все пытался убедить себя, что смерть здесь — это всего лишь временное явление. Безрезультатно. Меня атаковала целая группа вояк, и я отбивался как мог. Умудрился парировать атаку мечом, отразил копье щитом. Рядом со мной промелькнула девушка. Я мог бы убить её, но рука не поднялась.

В следующее мгновение её топор впился мне в бедро. Боль вспыхнула аж до самой шеи. Дурак!

Мэллори ударила девушку ножом.

— Ну же, Чейз, двигайся! Ты привыкнешь к боли.

— Какое облегчение, — поморщился я. — Жду с нетерпением.

Ти Джей проткнул забрало средневекового рыцаря:

— На холм! — и указал на близлежащий хребет на краю леса.

— Зачем? — заорал я в ответ.

— Потому что *это холм*!

— Он любит брать холмы, — проворчала Мэллори. — Заскок со времён Гражданской войны.

Мы направились к возвышенности. Бедро у меня по-прежнему болело, но вот кровотечение остановилось. *Это странно... нет?*

Ти Джей занёс винтовку, крича:

— В атаку! — и со спины его тут же поразило метательное копье.

— Ти Джей! — вскрикнул я.

Мой сосед встретился со мной взглядом, выдавил слабую прощальную улыбку и рухнул лицом в грязь.

— Во имя Фригг! — ругнулась Мэллори. — Шевелись, новичок.

Она схватила меня за руку и потащила за собой. Над моей головой летало оружие.

— И вы, ребята, каждый день этим занимаетесь? — возмутился я.

— Нет. Мы же говорили — по четвергам драконы.

— Но...

— Эй, Бинтаун (*прим. перевод.:одно из названий Бостона и обидное прозвище для проживающих там людей*), весь смысл этого мероприятия в том, чтобы привыкнуть к ужасам сражения. Думаешь, дело дрянь? Вот подожди до Рагнарёка.

— Почему это я Бинтаун? Ти Джей тоже родом из Бостона». Почему он не Бинтаун?

— Потому что Ти Джей меня не так раздражает.

Мы достигли края леса. Икс и Хафборн прикрывали наши спины, пытаясь замедлить наступающую орду. Именно, орду! Все разрозненные группы в пределах видимости перестали сражаться друг с другом и пошли на нас. Некоторые тыкали в меня пальцем, другие — звали по имени, причём далеко не дружелюбно.

— Они тебя заметили, — вздохнула Мэллори. — Когда я говорила, что хочу увидеть тебя выпотрошенным, я вовсе не планировала стоять рядом с тобой. Да уж.

Все ясно. Я был новичком. Эйнхерии собирались в группы, чтобы терроризировать новоприбывших. Ларса Альстрома, должно быть, уже обезглавили, а где-то поблизости маячила безрукая Дида. Бывалые воины старались причинить нам как можно больше боли, намеревались проверить на стойкость. Я просто кипел от злости.

Мы поднялись на холм, перебираясь от дерева к дереву. Хафборн бросился на группу из двадцати преследователей и уничтожил их всех. Затем он разразился хохотом, в его глазах читалось безумие. Раны его кровоточили, а из груди над сердцем торчал кинжал.

— Почему он ещё не умер? — спросил я.

— Это берсерк, — Мэллори глянула на него со смесью презрения, раздражения... и восхищения? — Этот идиот будет драться до последнего, пока его буквально не порубят на куски.

Шестеренки в моей голове заработали. Мэллори запала на Хафборна: она звала его идиотом чаще других (это веское доказательство). И я бы с удовольствием её подразнил, если бы не стрела, врезавшаяся ей прямо в шею.

Она одарила меня сердитым взглядом, будто бы говоря «это все твои вина», и рухнула на землю. Я опустился рядом с ней на колени и приложил руку к ране, чувствуя, как из неё вытекает жизнь. Повреждённая артерия, замедленное сердцебиение. Кончики моих пальцев налились теплом. Будь у меня больше времени...

— Осторожно! — прокричал Икс.

Я занёс щит, и меч звякнул об него. Затем столкнул нападающего вниз по холму. Руки у меня болели, а голова раскалывалась, но я все же сумел подняться на ноги.

Хафборна окружила толпа воинов. Они кололи его копьями и осыпали стрелами. Удивительно, но он все ещё был жив. Только вот надолго ли?

Икс вырвал АК-47 из рук какого-то парня и ударил его по голове.

— Вперёд, Магнус Бинтаун, — сказал полутороль. — Захвати холм для девятнадцатого этажа!

— Никакой я не Бинтаун, — проворчал я.

Каким-то образом я все же достиг вершины и присел отдохнуться у дерева, пока Икс прорубал себе путь сквозь орду викингов.

Внезапно меня пригвоздило стрелой к дереву. Боль в области плеча вспыхнула с такой силой, что я едва не отключился; вместо этого я тут же сломал древко.

Кровотечение прекратилось почти сразу же. Рана затягивалась, словно кто-то наполнял её горячим воском.

Надо мной пролетела тень: нечто большое и тёмное. До меня не сразу дошло, что это валун, летевший прямо на...

Слишком поздно. Икс и с десяток других эйнхериев исчезли под двадцатitonным куском известняка, на боку которого было нацарапано: «С ЛЮБОВЬЮ, ЭТАЖ 63».

Опешившие воины уставились на валун. Вокруг них вихрились листья и сломанные ветки. Затем они повернулись ко мне.

Очередная стрела поразила меня в грудь. Я закричал —больше от гнева, нежели от боли, — и вытянул её.

— Надо же, — удивился один из викингов. — А он быстро излечивается.

— Попробуй копье, — предложил другой. — А лучше сразу два.

Они говорили обо мне отрешённо, словно я был загнанным в угол зверем, которого вот-вот постигнет печальная участь.

Несколько десятков воинов подняли своё оружие, и здесь меня накрыло. Точка кипения достигла своего предела; я не на шутку разозлился, выбрасывая на викингов мощнейший поток магической энергии. Все натянутые тетивы разом оборвались. Мечи повалились из рук. Копья, ружья и топоры полетели в деревья.

Прилив сил иссяк так же быстро, как и появился, зато эйнхерии вокруг меня были обезоружены. В переднем ряду маячил тот самый разукрашенный парень с бейсбольной битой у ног. Он в шоке уставился на меня.

— Какого лешего здесь произошло?

Рядом с ним стоял воин с повязкой на глазу и в красных кожаных доспехах с причудливыми серебристыми узорами.

Он осторожно присел и поднял свою потерянную секиру.

— Эльфсейдер, — сказал Одноглазый. — Неплохо сработано, сын Фрея. Я вот уже несколько веков не

видел такого трюка. Но костяная сталь все равно лучше.
Мой взгляд резко сфокусировался на летящей в моё лицо секире. В следующее мгновение всё потемнело.

ГлаваXX.

ПЕРЕХОДИ НА СТОРОНУ ЗЛА, У НАС ЕСТЬ ПЕЧЕНЬКИ

— Ты что, снова помер, а?

Мои глаза распахнулись. Я находился в павильоне, окружённом серыми каменными колоннами. Снаружи виднелось одно лишь безоблачное небо. Воздух был разряженным. Холодный ветер хлестал мраморный пол, волнуя языки пламени в центральном очаге, где огонь тонул в жаровнях по обе стороны от высоких помостов. Неподалёку возвышался двойной трон из белого дерева с резными изображениями животных, птиц и деревьев, на подкладке из горностая. На нем растянулся человек в вязаной кофте Ред Сокс, поглощающий печенье в серебристой упаковке.

— Пред тобой Хлидскьяльв, — усмехнулся он; его улыбка напоминала расстёгнутую молнию. — Другими словами — Трон Одина.

— Но ты ведь не Один, — догадался я. — Тебя зовут Локи.

Фанат Ред Сокс усмехнулся.

— Ничего-то и не скроешь от твоего острого ума.

— Во-первых, что мы здесь делаем? Во-вторых, почему трон Одина называется Хлид... как там дальше?

— Хлидскьяльв. В начале скажи Х, в конце В. Старайся звучать так, будто харкаешь.

— Знаешь, зря спросил — неважно.

— А вот и нет. Тут-то все и началось. Это ответ на твой второй вопрос — почему мы здесь, — он похлопал по свободному месту рядом с ним. — Присоединяйся. Съешь печеньку.

— Э-э, спасибо, не голоден.

— Многое теряешь, — Локи отломил край печенья и закинул его в рот. — Эта фиолетовая глазурь... она просто нечто.

В моей шее отдавался пульс, что было странно: во-первых, потому что я спал... во-вторых, меня ведь, кажется, убили.

Глаза бога заставляли меня нервничать. В них горели дикие искорки, прямо как у Сэм, только вот она держала их под контролем. Взгляд Локи же был беспокойным, словно раздуваемое ветром пламя. Казалось, он мог испепелить им что угодно.

— Когда-то здесь сидел Фрей, — он погладил мех горностая. — Ты слышал эту историю?

— Нет, но... разве тут может сидеть кто-то кроме Одина?

— Ещё бы. Один и Фригг — король и королева. Они восседают здесь и наблюдают за порядком во всех Девяти Мирах. Но если сюда сядет кто-то другой... — Локи щёкнул языком. — Магия трона может стать ужасным проклятием. Лично я никогда бы не рискнул, разве что в иллюзиях. Но твой отец смог. Это было его маленькое восстание, — бог продолжал жевать печенье, — и я всегда восхищался им за это.

— Ну и дальше что?

— Он променял действительное на желаемое. И это разрушило его жизнь. Поэтому он и потерял свой меч. Твой отец... — Локи поморщился. — Прошу меня извинить.

Он отвернулся и скривился так, будто собирался чихнуть. Затем испустил крик агонии. Вокруг его переносицы завился пар.

— Извини, — повторил он. — Мне иногда яд в глаза брызгает.

— Яд... — мне припомнился фрагмент мифа. — Ты кого-то убил. За это боги сковали тебя и.... там точно было что-то про яд. А где ты сейчас на самом деле?

Он косо мне ухмыльнулся.

— Там же, где и всегда. Я у богов, как бы сказать, под строгим домашним арестом. Но это неважно. Время от времени я все равно могу послать осколки своей сущности, чтобы пообщаться с моими лучшими друзьями — как, например, сейчас!

— То, что на тебе футболка Сокс, не значит, что мы друзья.

— Я обижен! — его глаза блеснули. — Моя дочь Самира в тебе что-то разглядела. Мы могли бы помочь друг другу.

— Это ты приказал ей доставить меня в Вальхаллу?

— Ох, нет. Это была не моя идея. В тебе, Магнус Чейз, много кто заинтересован. И некоторые из них далеко не такие приветливые и полезные, как я.

— А как насчёт побыть приветливым и полезным для своей дочери? Её изгнали из рядов Валькирий за то, что она выбрала меня.

Его улыбка померкла.

— Все боги одинаковые. Они и меня изгнали, а как часто я спасал их шкуры? Не переживай насчёт Самиры. Она сильная, справится. Я больше за тебя волнуюсь.

По павильону прошёлся такой сильный ветер, что я неосознанно скользнул пару шагов назад по отполированному каменному полу.

Локи смял пачку из-под печенек.

— Ты скоро проснёшься. А пока позволь дать тебе совет.

— Вряд ли я могу отказаться.

— Меч Лета, — произнёс Локи. — Когда на этом троне восседал твой отец... он увидел то, что обрекло его. Фрей отдал меч своему слуге и посланнику, Скирниру.

Я вспомнил тот момент на мосту Лонгфелло, когда меч загудел у меня в ладони, словно пытался мне что-то сказать.

— Дядя Рэндолф упоминал Скирнира, — сказал я. — Его потомок находился на том затонувшем корабле.

Локи спародировал яростные аплодисменты.

— И меч пролежал там тысячи лет, выжидая, когда же кто-нибудь достойный подберёт его... кто-нибудь, у кого есть право им владеть.

— Я.

— Да, но не все так просто. Ты не единственный, кто может управлять мечом. Все мы знаем, что случится в Рагнарёк. Норны давно поведали наши судьбы. Фрей... бедный Фрей погибнет от руки Сурты именно из-за сделанных им выборов. Повелитель огненных великанов сокрушит бога его собственным утерянным клинком.

Боль резко вспыхнула у меня между глаз, там, куда недавно вонзился топор.

— Так вот зачем Сурту нужен меч. Он готовится к Рагнарёку.

— Дело не только в этом. Он воспользуется мечом, чтобы ускорить наступление Судного дня. Если ты его не остановишь, через восемь дней он освободит моего сына, Волка.

— Твоего сына? — мои руки испарялись, а зрение туманилось. Слишком много вопросов теснилось в моей голове. — Погоди... а разве тебе не предсказано сражаться *против* богов?

— Да, но то был выбор богов, а не мой. Вот что я тебе скажу, Магнус: несмотря на то, что мы не можем изменить ход важнейших событий, наш выбор влияет на детали. Так мы противимся судьбе. Какой же выбор сделаешь ты?

Его образ замерцал. На мгновение я увидел его распластёртым на каменной плите, его лодыжки и запястья были скованы скользкими верёвками, а тело корчилось от боли. Затем он отдыхал на больничной койке, где над ним нависла женщина-врач, чья рука мягко покоилась у него на лбу. Она походила на состарившуюся версию Сэм — из-под алого платка выглядывали завитки темных волос; плотно сомкнутые губы выражали беспокойство.

В следующее мгновенье Локи снова восседал на троне, стряхивая крошки от выпечки со своей вязаной кофты.

— Тебе решать, Магнус. Я не собираюсь наседать на тебя подобно другим богам. Позволь мне только спросить... когда тебе выпадет шанс занять Одинов трон — а этот день, поверь мне, уже не за горами — пойдёшь ли ты на поводу у своих желаний, зная, что это может сокрушить тебя так же, как и твоего отца? Поразмысли над этим, сын Фрея. Быть может, мы ещё встретимся, если ты переживёшь последующие восемь дней.

Мой сон сменился. Локи исчез. Жаровни взорвались, усыпая помост углями, а трон Одина разразился пламенем. Облака превратились в столбы вулканического пепла. Из дыма над троном появилась пара пламенных глаз.

«ТЫ, — голос Сурты омыл меня, словно огнемёт. — ТЫ ЛИШЬ ЗАДЕРЖАЛ МЕНЯ И ЗАРАБОТАЛ СЕБЕ БОЛЕЕ БОЛЕЗНЕННУЮ, БОЛЕЕ ПОСТОЯННУЮ СМЕРТЬ».

Я попытался заговорить. Жара словно высосала у меня из лёгких весь кислород. Мои губы потрескались и покрылись волдырями.

Сурт рассмеялся.

«ВОЛК СЧИТАЕТ, ЧТО ТЫ МОЖЕШЬ ОКАЗАТЬСЯ ПОЛЕЗНЫМ. У МЕНЯ ДРУГОЕ МНЕНИЕ НА ЭТОТ СЧЕТ. КОГДА МЫ СНОВА ВСТРЕТИМСЯ, СЫН ФРЕЯ, ТЫ СГОРИШЬ. ТЫ И ТВОИ ДРУЗЬЯ СТАНЕТЕ ДРОВАМИ ДЛЯ МОЕГО ОГНИЩА И ПОЛОЖИТЕ НАЧАЛО КОСТРУ, КОТОРЫЙ СОЖЖЕТ ВСЕ ДЕВЯТЬ МИРОВ».

Дым загустел. Зрение затуманилось. Легкие наполнились пеплом.

Мои глаза распахнулись. Я резко сел и глубоко вдохнул. Я находился в кровати в своём номере. Сурта и след простыл. Моё лицо не было обожжено. Никакой секиры во лбу. Все раны исчезли.

Моё тело пробирала дрожь. У меня было такое чувство, будто я уснул на рельсах, и мимо меня только что промчался скоростной поезд.

Я старался запомнить каждую деталь сна: трон Одина, Локи и печеньки, его сын Волк, Сурт, обещающий сжечь все девять миров. Переваривать все это было больнее, чем получить топором промеж глаз.

Кто-то постучался в дверь.

Думая, что это может оказаться кто-либо из моих соседей, я выскоил из кровати и побежал открывать. Распахнув дверь, я очутился лицом к лицу с валькирией Гунилой и только тогда понял, что на мне не было ничего, кроме нижнего белья.

Лицо у неё покраснело, а челюсть напряглась.

— Ох.

— Капитан Горилла, — сказал я. — Какая честь.

Она быстро оправилась и холодно уставилась на меня.

— Магнус Чейз. Я, Э-э.... ты невероятно быстро воскрес.

Судя по тону её голоса, она не ожидала обнаружить меня здесь. *Но зачем тогда постучалась?*

— Я своё воскрешение не засекал, — произнёс я. — А быстро было?

— Очень, — она глянула мне за плечо, будто что-то искала. — Ужин будет подан через несколько часов.

Возможно, я могла бы показать тебе окрестности, раз уж твою валькирию уволили.

— То есть, раз уж ты её уволила.

Гунилла подняла руки в оправдывающем жесте.

— Я не контролирую Норн. Они в ответе за наши судьбы.

— Удобно устроилась, — я вспомнил слова Локи: «*Наши выбор влияет на детали, так мы противимся судьбе*». — А что насчёт меня? Ты... то есть, Норны уже предрекли мою судьбу?

Гунилла нахмурилась. Поза у неё была напряжённая и взволнованная. Что-то Её беспокоило или даже пугало.

— Главы кланов сейчас обсуждают твою ситуацию, — она сняла связку ключей с пояса. — Пошли пройдёмся. Быть может, если мне удастся разузнать тебя получше, я поговорю с ними от твоего имени. Ты ведь не против? Можешь и сам попытать счастья. Получишь от них назначение на посыльного или посудомойщика на срок в несколько столетий.

Экскурсия с Гуниллой не предвещала ничего хорошего. С другой стороны, экскурсия по отелю могла ознакомить меня с важными деталями — например, с расположением всех входов и выходов. Да и оставаться в одиночестве после *такого* сна мне не шибко хотелось. Более того, только представьте себе, сколько грязной посуды оставалось после трёх партий ужина в праздничном зале.

— Ладно, идём, — сказал я. — Сейчас, только оденусь.

Глава XXI.

ГОРЯЩАЯ ГУНИЛЛА - ЭТО НЕ СМЕШНО. ЛАДНО, РАЗВЕ ЧТО ЧУТЬ-ЧУТЬ

Во время прогулки с капитаном валькирий я усвоил кое-что важное: без GPS в этом мире никуда. Даже Гунилла терялась во всех этих коридорах, банкетных залах, садах и гостиных.

Когда мы очутились в служебном лифте и добрались до «нужного» нам этажа, она объявила: «Вот здесь у нас фудкорт». Не успели двери лифта отвориться, как на нас стеной обрушилось пламя.

Сердце моё ушло в пятки. Я, было, подумал, что Суртаки до меня добрался. Гунилла закричала и отпрыгнула назад. Я жал на все кнопки подряд, пока двери лифта наконец-то не закрылись. Только тогда я попытался потушить пылающий подол Её платья.

— Ты как?

Моё сердце все ещё билось как бешеное. Кожа на руках Гуниллы была сплошь красной и, к тому же, дымилась.

— Мои раны, может, и заживут, — произнесла валькирия, — а вот гордость — вряд ли. Это... это был Муспельхейм, а не фудкорт.

Мне стало интересно, не Сурт ли подстроил этот небольшой трюк, или же просто лифты в Вальхалле частенько вели в мир огня. Даже не знаю, что пугало меня больше.

Судя по натянутому голосу Гуниллы, ей было больно. На поле битвы мне не хватило всего нескольких минут, чтобы исцелить павшую в бою Мэллори Кин. Что если...

Я наклонился к валькирии.

— Можно?

— Что ты...

Я прикоснулся к её предплечью.

Мои пальцы задымились, собирая тепло с её кожи. Все покраснения и ожоги исчезли, даже маленький на носу.

Гунилла посмотрела на меня с таким изумлением, словно я внезапно отрастил себе рога.

— Как ты...? Пламя тебя не задело!

— Без понятия, — от усталости у меня закружилась голова. — Удача? Здоровый образ жизни?

Я попытался встать ровно, но тут же рухнул вниз. Гунилла схватила меня под руку.

— Полегче, сын Фрея.

Двери лифта снова разъехались. В этот раз мы и правда попали на фудкорт. Повеяло запахом пиццы и курицы с лимоном.

— Давай ещё прогуляемся, — предложила капитан валькирий. — Тебе нужно проветриться.

Викинги бросали на нас с Гуниллой странные взгляды. Видимо, их привлекали моя немощность и изодранный, дымящийся подол её платья.

Мы свернули в коридор для конференц-залов. В одном из них парень в кожаной броне показывал презентацию о слабостях горных троллей.

Далее по коридору валькирии в блестящих колпаках общались за тортом с мороженым. Свеча на торте ко дню рождения была в форме цифры 500.

— Полагаю, мне уже лучше, — сказал я Гунилле. — Спасибо.

Я сделал несколько шагов самостоятельно — шатаясь, но всё же умудрился не потерять равновесие.

— Знаешь, из тебя получился бы неплохой целитель, — подытожила валькирия. — Фрей является божеством плодородия, роста и живучести. Думаю, именно твоим происхождением можно объяснить эти способности. Знаешь, я впервые вижу эйнхерия, способного исцеляться настолько быстро, да ещё и лечить других.

— Твоя догадка так же хороша, как и моя, — ответил я. — Обычно я и упаковку бинтов открыть без приключений не могу.

— Ты ещё и в огне не горишь!

Я рассматривал рисунок на паркете, едва переставляя одну ногу за другой. Сейчас я уже мог идти, однако излечение валькирии отняло у меня слишком много сил. Я чувствовал себя ужасно.

— Вряд ли это можно назвать иммунитетом к огню, — поразмыслил я, — ведь ожоги-то у меня были. Я просто... устойчив к экстремальным температурам. Холод. Жар. То же самое случилось и на мосту Лонгфелло, когда я прошёл сквозь пламя...

Мой голос дрогнул. Я вспомнил, что именно Гунилла отредактировала то видео и заставила меня выглядеть полным идиотом.

— Ну, тебе ли не знать.

Похоже, валькирия даже не заметила сарказм. Она задумчиво погладила один из молотов на своём поясце.

— Знаешь... если разобраться, в начале существовало только два мира: Муспельхейм и Нифльхейм— огонь и лёд. Жизнь зарождалась между двумя крайностями. Фрей — бог умеренного климата и сезона созревания. Он являет собой золотую середину. Быть может, именно поэтому ты хорошо переносишь холод и жар, — она покачала головой. — Сложно сказать наверняка, Магнус Чейз. Детей Фрея здесь нечасто увидишь.

— Почему? Нам не позволено находиться в Вальхалле?

— Не совсем так, ведь всё-таки среди нас есть дети Фрея, они здесь ещё с незапамятных времён. Короли Швеции, к примеру, были их потомками. Но его новых детей мы не видели уже столетия. Хотя, что тут удивительного, Фрей же ван.

— Это плохо? Сурт называл меня *вановым отродьем*.

— Это был не Сурт.

Я вспомнил свой сон, те пылающие глаза в дыму...

— Нет, это был он.

Гунилла хотела было со мной поспорить, но в итоге просто сменила тему.

— Боги делятся на два племени. Асы — в большинстве своём, боги войны: Один, Тор, Тюр и другие. Ваны — скорее боги природы: Фрей, Фрея, их отец, Ньёрд. Если кратко, давным-давно между кланами шла война. Они чуть не уничтожили все Девять Миров. Но потом боги, наконец, разрешили все свои разногласия... заключили браки, объединились в борьбе против великанов. Но одним кланом они так и не стали. Некоторые ваны возвели себе дворцы в Асгарде, но у них есть и свой мир, Ванахейм. Обычно, когда дитя вана погибает в храбром бою, он отправляется под покровительство богини Фреи, а не в Вальхаллу.

Мне понадобилась минута, чтобы переварить эту информацию. Племена богов. Войны. Плевать на все это. Но та последняя часть про *обитель ванов* для их погибших детей...

— Получается, есть подобное Вальхалле место, только для детей ванов? Тогда почему я не там? Что, если туда отправилась моя мама? Вдруг я должен был...

Валькирия схватила меня за руку. Её голубые глаза заполонил гнев.

Самира аль-Аббас? Я не говорю, что все дети ванов должны отправляться в Фольквангер в обязательном порядке, но...

— Ты отправляешь их в Фольксваген?

— Фольквангер. Так зовётся зал Фрейи для погибших.

— Оу...

— Но я считаю, что тебе, особенно тебе, следовало отправиться именно туда. Половина отважно погибших идёт к Одину, другая — к Фреи. Это часть соглашения, положившая конец длительной войне между богами. Так почему Сэмира притащила тебя сюда? «*Ошибочно выбран, по ошибке убит*» ... Она — дочь Локи, корня всего зла. Ей нельзя доверять.

Я не знал, что ответить. Мы с Сэм были знакомы не так долго, но она показалась мне довольно милой. Как, впрочем, и её отец, Локи...

— Ты, наверное, не поверишь своим ушам, — сказала Гунилла. — Но я даю тебе свободу выбора, так как считаю, что ты не причастен к замыслам Самиры.

— К каким таким замыслам?

Она горько усмехнулась.

— Приблизить Судный день, конечно же. Начать войну до того, как мы будем готовы. Это именно то, чего хочет Локи.

Меня так и подначивало сболтнуть, что Локи замыслил совершенно обратное: остановить Сурта и не дать ему заполучить меч моего отца... Однако было бы неразумно поведать Гунилле, что иногда я веду житейские беседы с «корнем всего зла».

— Если ты так ненавидишь Сэм, — заключил я, — почему ты вообще позволила ей стать валькирией?

— Это было не моё решение. Я всего лишь присматриваю за валькириями, а отбирает их Один.

Самира аль Аббас была последней избранницей Всеотца. Он выбрал её два года назад при довольно необычных обстоятельствах. Больше его в Вальхалле никто не видел...

— Думаешь, Сэм убила его?

Я вообще-то шутил, но Гунилла, видимо, восприняла мои слова всерьёз.

— Я думаю, Самира не должна была стать валькирий. Она — шпионка и диверсантка, и работает на своего отца. Её изгнание из Вальхаллы — моё главное достижение.

— Ого.

— Магнус, ты её совсем не знаешь. Однажды здесь уже был ребёнок Локи. Он... он был не тем, кем казался. И.... — она запнулась, выглядила так, будто ей только что наступили на сердце. — Неважно. Я поклялась себе, что больше меня никто не обманет. Я намерена оттягивать Рагнарёк настолько долго, насколько это возможно.

В её голосе затаились нотки страха. Куда пропала дочь бога войны?

— Зачем его оттягивать? — недоумевал я. — Ведь Рагнарёк — это то, к чему вы все готовитесь, верно? Это как вечеринка в честь выпускного.

— Ты не понимаешь, — ответила валькирия. — Следуй за мной. Я должна тебе кое-что показать. Мы пойдём мимо сувенирной лавки.

Когда она сказала «сувенирная лавка», мне представился ярко освещённый чулан с дешёвыми сувенирами из Вальхаллы. Однако, вместо этого мы очутились в пятиэтажном универмаге, который объединял в себе торговый и выставочный центры. Затем мы миновали супермаркет и бутик, представляющий последний пик викингской моды, и фирменный магазин мебели IKEA (нет, серьёзно).

Выставочный центр представлял собою лабиринт всевозможных прилавков, киосков и мастерских. Возле кузниц стояли бородатые парни в кожаных фартуках, которые предлагали гостям бесплатные образцы наконечников для стрел. Были здесь и продавцы щитов, копий, арбалетов, шлемов и кубков для питья (кучи кубков!). В киосках побольше продавались настоящие лодки.

Я похлопал по корпусу огромного военного корабля.

— Вряд ли это поместится в мою ванную.

— В Вальхалле есть несколько озёр и рек, — сказала Гунилла. — А на двенадцатом этаже можно заняться рафтингом. Каждый эйнхерий должен уметь биться на воде так же хорошо, как и на суше. Я заметил с десяток коней, привязанных к кольцу.

— А они? Вы ездите на конях по коридорам?

— Конечно, — сказала валькирия. — Мы допускаем наличие домашних животных. Но заметь, Магнус у нас мало оружия, нам не хватает брони.

— Ты шутишь, да? Здесь же тысячи экземпляров.

— Этого недостаточно, — сказала Гунилла, — недостаточно для Рагнарёка.

Она повела меня по проходу с безделушками к большой железной двери, которая гласила: «ТОЛЬКО ДЛЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО ПЕРСОНАЛА».

Валькирия с удивительной лёгкостью вставила один из своих ключей в замок.

— Это не для всеобщего обозрения, слишком опасно.

— Уж не очередная ли это стена огня?

— Хуже.

За дверью находилось несколько пролётов. Затем ещё несколько пролётов. И ещё несколько. К тому времени, как мы достигли вершины, я потерял счёт всем ступеням. Мои подкачанные ноги превратились в тонкую разваренную лапшу.

Наконец мы ступили на узкий балкон.

— Отсюда, — сказала Гунилла, — можно насладиться прекрасным видом.

Я промолчал, будучи слишком занятым борьбой со смертельным головокружением.

Балкон опоясывал открытую крышу над залом мертвецов. Самые верхние ветви дерева

Лэрдтинулись к небу, образуя зелёный купол размером с космический корабль «Земля» в парке Эпкот. Внутри, далеко внизу, персонал отеля суетливо кружил возле столиков подобно термитам, готовясь принимать эйнхериев.

От внешнего края балкона крыша Вальхаллы уносилась далеко-далеко — точно соломенная крыша из золотых щитов, пылающих красным в вечернем солнце. Казалось, будто я стоял на поверхности металлической планеты.

— Почему ты не показываешь это остальным? — спросил я. — Это... пугает и завораживает одновременно.

— Сюда, — Гунилла подвела меня к точке, где я мог смотреть вниз через проем в крыше.

Ещёчуть-чуть, и мои глаза готовы были взорваться. В шестом классе на уроке естествознания учитель поведал нам о размерах Вселенной: Земля огромна, но ничтожна по сравнению с Солнечной

системой, которая, в свою очередь, ничтожна по сравнению с Галактикой, и так далее и тому подобное. В общем, под конец урока наша значимость свелась к маленькому пятнышку на подмышке у блохи.

Вокруг Вальхаллы растянулся огромный город из всевозможных дворцов, мерцающий до самого горизонта. Ни один дворец не уступал в размерах и величии Вальхалле.

— Асгард, — произнесла Гунилла. — Царство богов.

Я видел крыши, сделанные полностью из золотых слитков; двери, вырезанные из бронзы, такие большие, что через них мог пролететь бомбардировщик В1; неприступные каменные башни, пронзающие облака. Улицы были вымощены золотом. Сады не уступали размерам Бостонского залива. А Великая Китайская стена казалась небольшим заборчиком по сравнению с белыми бастионами, окружавшими город.

Вдалеке пролегала широченная улица, тянувшаяся сквозь ворота в стене. За ней земля превращалась в разноцветные огни — дорогу из призматического пламени.

— Бифрост, — произнесла Гунилла. — Радужный мост, ведущий из Асгарда в Мидгард.

Я слышал об этом радужном мосте. В книжке по скандинавской мифологии он изображался семицветной аркой, нарисованной пастелью, под которой беззаботно плясали маленькие кролики. В реальности же никаких кроликов не было и в помине. Бифрост ужасал. Да и радугой его можно было назвать только с натяжкой.

— Только боги могут пересечь его, — поведала валькирия. — Остальные сгорят заживо.

— Но... Мы ведь в Асгарде?

— Безусловно. Вальхалла находится во владениях Одина. Вот почему на территории отеля все эйнхерии бессмертны.

— То есть, вы можете спускаться вниз, плятиться на богов и продавать печеньки подобно скаутам?

Гунилла поджалла губы.

— Даже глядя на Асгард, ты не испытываешь благоговение.

— Нет, совсем нет.

— Эйнхериям не позволено посещать обитель богов без разрешения Одина. Исключением является Рагнарёк, когда нам придётся охранять врата.

— Но тебе ведь не обязательно идти, ты можешь и полететь...

— Это тоже запрещено. Эта попытка может стоить мне жизни. Ты не улавливаешь суть, Магнус.

Огляди город внимательнее. Что ты видишь?

Я несколько минут осматривал окрестности, пытаясь увидеть что-то кроме золота, серебра и невероятно огромных зданий. А затем... на одном из окон дорогущие занавески висели ключьями. Огненные чащи вдоль улиц были пустыми и холодными. Статуи в садах заросли колючим кустарником. Улицы пустовали. Ни в одном из окон не было света.

— Вот оно что. И где же все? — поинтересовался я.

— Теперь увидел, да? Некому там покупать скаутское печенье.

— Хочешь сказать, боги ушли?

Гунилла повернулась ко мне, Её молоты стали оранжевыми в лучах заката.

— Кто знает.... Кто-то уснул. Кто-то путешествует по девяти мирам. Другие изредка появляются. Мы не знаем, что происходит. Я нахожусь в Вальхалле уже на протяжении пяти сотен лет и никогда ещё не видела богов настолько тихими и пассивными, как в последние два года...

Она сорвала лист с самой низкой ветви дерева Лэйрадур.

— Два года назад что-то изменилось. Это почувствовали все валькирии и таны. Барьера между девятью мирами ослабевают, ледяные и огненные великаны все чаще нападают на Мидгард, монстры Хельхейма беспрепятственно проникают в мир живых, боги не вмешиваются и хранят молчание —все это началось с приходом Самиры. Именно тогда исчез Один. Именно тогда погибла твоя мать.

Над нами кружили вороны. Когда мы с мамой выбирались в походы, эти хищные птицы постоянно летели за нами следом. «*Они думают, что мы мертвы. Быстро начинай танцевать!*» — шутила мама. Сейчас мне было не до танцев. Моя рука так и тянулась к молоту Гуниллы, желая сбить этих несчастных куриц с неба.

— Думаешь, эти события как-то взаимосвязаны? — спросил я.

— Мне известно лишь то, что мы плохо подготовлены к Рагнарёку. Теперь и ты на голову свалился... Норны выдвинули какие-то непонятные предостережения, да ещё и окрестили тебя Предвестником Волка. Нехорошо это, Магнус. Вполне возможно, что Самира аль-Аббас следила за тобой годами, выжиная подходящего момента, чтобы притащить тебя в Вальхаллу.

—Притащить меня?

— Не исключено, что два твоих дружка на мосту постоянно следят за тобой с тех пор, как ты потерял семью. Полагаю, они тоже работают на неё.

— Ты имеешь в виду Блитца и Харта? Да они же бездомные.

— Неужели? Тебя не смущает тот факт, что они так пристально за тобой присматривали?

Как же мне хотелось послать еёкуда-нибудь в Хельхейм, но Блитц и Харт впрямь всегда казались мне какими-то... необычными.

С другой стороны, когда живёшь на улицах, понятие «нормальности» становится слегка размытым.

Гунилла взяла меня за руку.

— Магнус, мне тяжело в это поверить, но, если там и вправду был Сурт, если ты на самом деле нашёл Меч Лета... тогда тебя используют силы зла. Если Сэмира аль Аббас хочет, чтобы ты заполучил меч, то ни в коем случае этого не делай. Оставайся в Вальхалле. Позволь танам разобраться с пророчеством. Поклянись, что ничего не будешь предпринимать, и я поговорю с ними от твоего имени. Я смогу убедить их, что тебе можно доверять.

— У меня больше нет вариантов?

— Завтра таны объявили окончательное решение относительно твоей судьбы. Если мы не сможем тебе доверять, то примем все необходимые меры. Мы должны знать, на чьей ты стороне.

Я смотрел на пустынные золотые улицы; думал о Сэмире Аль Аббас, что увлекла меня в холодную тёмную пустоту и поставила свою карьеру под угрозу, поверив в мою храбрость. «У тебя есть потенциал, Магнус Чейз. Не разочаровывай меня». После она просто испарилась из праздничного зала и больше ни разу не появлялась. И все благодаря стараниям Гуниллы.

Я отдернул руку.

— Ты говорила, что Фрей — это середина между огнём и льдом. Быть может, мне не обязательно выбирать сторону. Не хочу ударяться в крайности.

Лицо Гуниллы мгновенно посурковело.

— Ты наживаешь себе могущественного врага в моем лице, Магнус Чейз. Я делаю тебе первое и последнее предупреждение: если ты последуешь плану Локи и попытаешься приблизить Рагнарёк, я тебя уничтожу.

Я с трудом выдержал её взгляд, игнорируя бешеный ритм своего сердца.

— Возьму на заметку.

Внизу, в праздничном зале, эхом разнёсся звук рога — начался ужин.

— Экскурсия окончена, — объявила валькирия. — С этого момента, Магнус Чейз, я больше не твой гид. Она спрыгнула с балкона и устремилась сквозь ветви вниз. И как это, интересно, я найду дорогу назад без GPS?!

Глава XXII

МОИ ДРУЗЬЯ ВЫПАДАЮТ ПРЯМО ИЗ ДЕРЕВА

К счастью, растерянно ища выход из СПА на двенадцатом этаже, я столкнулся с одним дружелюбным берсерком. Ему как раз только что сделали педикюр для джентльменов. (*«Просто потому что ты убиваешь людей, не значит, что запах твоих ног тоже должен убивать»*) Он был просто счастлив, что может проводить меня кратчайшим путём до лифтов.

В «Трапезной Павших Героев» обед к моему прибытию уже был в разгаре, но я весьма быстро сориентировался на Икса, которого даже среди такой уймы народа было хорошо видно, и вскоре благополучно уселся за стол рядом со своими соседями по коридору девятнадцатого этажа.

Мы стали обмениваться впечатлениями об утренней битве.

—Слышал, ты применил эльфсейдер, —сказал Хафборн. —Неслабо.

Я почти забыл об ударе сгустком энергии, которым мне удалось выбить из рук нападавших оружие.

—Ну, что-то такое я сделал, —наконец пробормотал я.— Кстати, а что конкретно означает эльфсейдер? —Эльфсейдер, или волшебство эльфов, это такое подлое колдовство в стиле ванов, которое недостойно настоящего воина, —ткнула меня кулаком в плечо Мэллори. —Знаешь, ты мне теперь куда больше нравишься.

Я улыбнулся скорей машинально, чем искренне, ибо полностью озадачился в этот момент вопросом, каким образом смог овладеть волшебством эльфов. Насколько я знал, я не был эльфом. Но крайне температуры я, тем не менее, переношу с лёгкостью. Интересно, Гуниллу я от ожогов тоже избавил эльфсейдером? Может, причина в том, что Фрей — мой отец? Хотя я не понимаю, как такие силы могут передаваться по наследству?

От дальнейших размышлений меня отвлёк Ти Джей.

—Поздравляю с успешным взятием высоты!

— А я с тем, что сумел больше пяти минут оставаться живым. —радостно подхватил Икс.

Было отлично почувствовать себя полноправным членом команды, но я слушал их разговоры вполуха. Голова моя по-прежнему была занята сном о Локи, восседающим на троне Одина, и прогулкой с Гуниллой.

Она сидела сейчас за главным столом и время от времени принималась что-то нащёпывать Хельги, а тот при этом косился на меня и хмурился так свирепо, что я ожидал: сейчас подзовёт к себе и заставит на пару с Хундингом чистить ему виноградины. Но нет, не позвал. Видимо, собирался изобрести для меня какое-нибудь наказание поинтереснее.

А у меня не выходило из головы предупреждение Гуниллы. Если верить ей, таны завтра же утром примут против меня меры предосторожности.

И никому не стреляли в задницу игрушечными пищащими стрелами.

Когда все окончилось и эйнхерии толпами повалили наружу. Ти Джей ободряюще хлопнул меня по плечу.

— Отдыхай хорошенько и набирайся сил. Завтра тебя ожидает ещё одна славная смерть.

—Гип-гип-ура.—вяло отреагировал я и вернулся к себе.

Заснуть, однако, не получилось. Я бродил по номеру, как зверь в клетке. Мне не давало покоя, что утром решится моя судьба. Оптимизма по этому поводу у меня не было никакого. Видел уже, какие мудрые решения выносят таны, когда они выгнали Сэм.

Но мне-то что теперь делать? Отправиться по отелю, наобум открывая каждую дверь в надежде найти путь к прежней жизни? Но даже если я отыщу её, где гарантия, что меня оставят в покое и дадут вернуться к роскошному существованию бездомного? Гунилла, или Сурт, или ещё какая-нибудь другая древнескандинавская мерзость могут запросто меня выследить.

«Мы должны знать, на чьей ты стороне», сказала Гунилла.

Но почему я должен принимать чью-то чужую сторону, а не оставаться на своей собственной! Мне вообще не хотелось вмешиваться в судный день викингов. Впрочем, не поздновато ли спохватился? Мама погибла два года назад. И примерно тогда же в Девяти Мирах начала твориться какая-то нехорошая ерунда. Учитывая мою везучесть, два эти события наверняка связаны. И если я хочу найти маму и выяснить, что с ней случилось, нельзя удираять и, как прежде, прятаться под мостом.

Ну а в Вальхалле-томного не выяснишь, изучая шведский язык и пялясь на презентации в PowerPoint о слабости горных троллей?

К пяти утра, окончательно утратив надежду на сон, я отправился в ванную и умылся. На вешалке обнаружились свежие полотенца. Дыру в стене заделали. «С помощью волшебства? – задумался я. – Или какому-нибудь бедняге, приговорённому танами на столетия заниматься такими работами, пришлось штукатурить и красить? Вот, может, и мне уже завтра придётся заняться чем-то подобным».

Я прошёл в атриум. Сквозь кроны деревьев ярко светили звезды. Интересно, небо какого мира мне видно и какие созвездия?

Ветви вдруг закачались. Из листвы с треском и шорохом вылетело нечто, напоминающее силуэт человека, и приземлилось с пугающим хрустом у моих ног.

— Ой! – взвыло оно, потирая левую руку. – Вот дурацкая гравитация!

Я изумлённо вытаращился. На земле, испуская стоны, валялся мой старый приятель Блитц.

Не успел я прийти в себя, на траву тихо приземлилось ещё одно человекообразное, которое оказалось Хартом, как всегда облачённым в чёрную кожу и полосатый шарф.

— Привет! – показал он на языке жестов.

Я продолжал, не мигая смотреть на них. Откуда они? Каким образом... Рот мой растянулся в счастливой улыбке. Никогда в жизни не был так рад кого-нибудь неожиданно увидеть.

— Рука! – вопил Блитц. – Она сломана!

— Не паникуй. – Я опустился перед ним на колени и попробовал сконцентрироваться. – Думаю, мне удастся её срастить.

— Думаешь? – переспросил он.

— Ой, тебя что, обновили? – только сейчас разглядел я.

— Ты о моем внешнем виде?

— Ну да. – Я ни разу не видел Блитца так потрясающе выглядящим.

Вечно лохматые волосы были вымыты и аккуратно зачёсаны назад. Борода подстрижена.

Кроманьонские сросшиеся брови аккуратно выщипаны. Косметологи обошли вниманием только его зигзагообразный нос, который остался прежним.

Одежда на нем поселила во мне подозрение, что он ограбил несколько дорогих бутиков на Ньюберри-стрит. Сапоги из кожи аллигатора. Чёрный костюм идеально подогнан к его упитанному коренастому телу и замечательно гармонирует с его смуглой кожей. Из кармашка темно-серого жилета с узором «огурец» цвета каменного угля выглядывают часы на золотой цепочке. И как завершение этого стильного образа бирюзового цвета рубашка и узенький, словно филиппинский нож боло, галстук. Ну прямо этакий низкорослый лихой и холеный афроамериканский ковбой, зарабатывающий на жизнь заказными убийствами.

Я изумлённо глядел на Блитца, пока Харт, привлекая моё внимание, не хлопнул громко в ладоши. Я повернулся к нему.

— Руку-то починил? – тут же осведомился он на языке жестов.

— Ой, извини.

Я с осторожностью прикоснулся ладонью к предплечью Блитца, немедленно ощутив, в каком именно месте сломана кость, сконцентрировался. Раздался щелчок. Блитц завопил, но тут же затих.

— Попробуй подвигать рукой, – велел ему я.

Блитц послушался и, поражённый, воскликнул:

— Сработало!

Харт выглядел ещё более потрясённым.

— Волшебство? Каким образом? – знаками спросил он.

— Сам удивляюсь, – не стал скрывать я. – Ребята, не поймите неправильно, я жутко вам рад, но все же, как это вы вывалились с моего дерева?

— Да так. Искали тебя, парень, – отозвался Блитц. – И последние двадцать четыре часа излазили с этой целью все Мировое Дерево. Прошлой ночью нам показалось, что нашли тебя, но...

— Думаю, так и было, – перебил его я, – перед рассветом в ветвях шуршало.

— Ну вот. Говорил же тебе, что это правильная комната! – обратился Блитц к Харту.

Харт, закатив глаза, принял ярко выраженную жестикуляцию с такой скоростью, что я не успевал прочесть.

— Ой, только не надо! – воскликнул Блитц. Твоя идея, моя идея. Какая разница. Главное, в результате мы здесь и Магнус жив. Вернее, технически он, конечно, мёртв, спохватился он, но в то же время

всё-таки жив, а значит, можно теперь надеяться, что босс не убьёт нас.

— Босс? — насторожился я.

У Блитца задёргался глаз.

— Вынуждены тебе признаться...

— Вы, значит, прикидывались бездомными, — вновь перебил его я. — Один из танов вчера увидел вас на видео и....

— *Видео?* — жестом переспросил Харт.

— Ага. «Глазами валькирии». Так вот, этот тан назвал вас гномом и эльфом. Гном, — повернулся я к Блитцу, — видимо, ты?

— Ох, как это типично, — проворчал он в ответ. Счастье меня гномом только на том основании, что я невысок ростом.

— Имеешь в виду, ты не гном? — смутило меня его заявление.

— Да нет, — вздохнул он. — Гном и есть.

— А ты, значит... — Я какое-то время молча глядел на Харта, не в силах договорить. Нас связывали с этим парнем два года дружбы. Он меня научил ругаться на языке немых. Мы вместе ели из помойки бурритос. Может ли на такое сподобиться эльф?

— Э-л-ь-ф — прожестикулировал по буквам он — иногда говорят А-л-ь-ф.

— Но... вы, ребята, не особо отличаетесь от людей, — заметил я.

— На самом деле, эти люди мало чем отличаются от гномов и эльфов. — внес уточнение Блитц.

— Невероятно, что о таком говорю, но ты недостаточно мал для гнома. — сопоставил я мысленно Блитца с образами из разных сказок. — Скорее сойдёшь за обычного невысокого человека.

— Что я успешно и делал в течение последних двух лет, — не без гордости констатировал он. — Но да будет тебе известно, гномы, так же как люди, бывают самого разного роста. Вотя, например, свартальф.

— Смардоэльф?

— Прочиши уши, сынок, — кинул Блитц на меня обиженный взгляд. — Свартальф — тёмный эльф из Свартальфахейма.

— Но ты же только что называл себя гномом, — напомнил я.

— Темные эльфы по сути не совсем эльфы, сынок, — снова заговорил Блитц. — Это название некорректно. Мы подвид гномов.

— Ну, это безусловно все проясняет.

На губах Харта возник намёк на улыбку, что в его случае равносильно дикому хохоту. «Смардоэльф» показал жестами он.

Блитц с подчёркнутым равнодушием шутку друга проигнорировал.

— Свартальфы обычно выше ростом, чем среднестатистическийnidavelirский гном. К тому же мы писанные красавцы. Но речь в данный момент о другом, — несколько стушевался он. Мы с Хартстоуном прибыли, чтобы помочь тебе.

— Хартстоуном?

Харт кивнул.

— Моё полное имя. Он Б-Л-И-Т-Ц-Е-Н.

— Сынок, у нас мало времени, — заторопился вдруг подвид гнома. — Мы два года приглядывали, чтобы с тобой ничего не случилось.

— По приказу босса? — полюбопытствовал я.

— Верно.

— И кто же ваш босс? — не отставал я.

— Это... засекреченная информация, — ушёл от ответа Блитц. — Но он из хороших ребят. Возглавляет нашу организацию, цель которой как можно дольше отсрочить наступление Рагнарёка. Ты же, мой друг, был самым важным проектом босса.

— Так, просто безумное предположение... а вы не на Локи работаете?

— Блитц с возмущением взглянул на меня, а Харт жестами показал одно из тех ругательств, которым научил меня.

— Мы такого не заслужили, сынок. — В голосе Блитца звучала искренняя обида. — Целых два года я каждый день одевался в тряпье бездомного. Личную гигиену, можно сказать, отправил с концами в Хельхейм. Ты даже представить себе не можешь, сколько времени я был вынужден по утрам лежать в ванне с ароматической пеной, чтобы хоть ненадолго избавиться от кошмарного запаха.

— Ну извини, — поспешил его успокоить я. — Так... вы работаете с Самирой, валькирией?

Харт отпустил жестом ещё одно ругательство и прибавил к нему:

— С той, которая забрала тебя? Нет уж. Она, наоборот, только нам помешала.

Точнее, я вам сейчас перевёл его жесты во что-то логичное, а на самом деле он сказал на своём языке немых следующее: «*ОНА. ВЗЯТЬ. ТЫ. СДЕЛАТЬ. ТРУДНОСТЬ. НАМ*».

Но мне-то его телеграфная речь совершенно понятна, во всех нюансах.

— Ты не должен был умереть, сынок, — вступил в беседу Блитц. — В нашу задачу входило не довести до этого. Ну а теперь ты — эйнхерий. Впрочем, может, у нас ещё все получится. Сейчас главное тебя как-то отсюда вытащить. Мы должны найти меч.

— Тогда вперёд.

— И попрошу не спорить. — сказал Блитц. — Я понимаю, ты здесь, считай, как в раю. Все тебе ново, интересно, будоражащее...

— Блитц, я твёрдо даю согласие, —увидел я, что он приготовился продолжать свою речь.

Он растерянно заморгал.

— Зачем же я столько времени аргументы обдумывал, чтобы тебя убедить?

— Нет нужды. Я тебе доверяю.

Странно? Но я говорил правду.

Пусть даже Блитцен с Хартстоуном и были профессионалами наружного наблюдения. Пусть приглядывали замной в интересах суперсекретной организации против Рагнарёка. Пусть их отчаянная атака Лорда Огненных Великанов дешёвыми пластиковыми игрушками и объяснялась сугубо служебным долгом. Может они и не были того же биологического вида что и я.

Но они были рядом на протяжении всей моей бездомной жизни. Они были моими лучшими друзьями. Да... вот какая мешаница была у меня в жизни.

— Ну что же, тогда... — Блитц тщательно отряхнул травинки со своего жилета с узором «Пейсли». (прим. перевод.: Пейсли — это орнамент, базовым элементом которого является капля, или огурец со слегка суженным концом) Нам остаётся лишь снова вскарабкаться на Мировое Дерево и....

«Гав!» — оглушительно донеслось сверху. Вообразите, себе на секунду бостонского терьера, достигшего веса в шесть тысяч фунтов, который поперхнулся костью мамонта, и вы поймёте, что это был за звук.

Глаза у Хартстоуна выпучились. Самого звука он слышать не мог, но, видимо, ощутил ногами, как завибрировал пол.

— Боги всемогущие! — схватил меня за руку Блитцен, и они вместе с Хартстоуном спешно выволокли меня из атриума. — Сынок, скажи мне, пожалуйста, ты не знаешь, где другой выход из этого отеля? Деревом-то мы больше *не можем воспользоваться*.

Новое «гав!» сотрясло комнату. С дерева на пол посыпалась сломанные ветки.

— Ч-что там ещё такое? — не мог я унять дрожь и коленях. Мне живо вспомнилось предсказание норн, назвавших меня предвестником зла. — Это... волк?

— Эээ, намного хуже. — ответил Блитцен. — Это белка.

Глава XXIII

Я ПЕРЕРАБАТЫВАЮ СЕБЯ

Если кто-нибудь скажет вам: «Это белка», не задавайте лишних вопросов, а просто бегите. Меня лично один её лай напугал до дрожи в печёнке.

На бегу к двери я подхватил на всякий пожарный казённый Вальхалльский меч, хотя сомневался, что мне придётся пустить его в ход. Увидев меня с мечом и в зелёной шёлковой пижаме с логотипом отеля, любой бы помер от хохота гораздо раньше, чем я успел бы вытащить из ножен своё грозное оружие.

Вылетев в коридор, мы столкнулись с Ти Джеем и Мэллори, явно наспех и кое-как одетыми и с мутными заспанными глазами.

— Что это были за звуки? — хмуро осведомилась у меня Мэллори. — И почему в твоём номере гном и эльф?

— БЕЛКА! — рявкнул Блитцен, со стуком захлопнув за собой дверь.

Харт своим способом подтвердил то же самое, весьма ловко изобразив пару челюстей, раздирающих плоть.

Ти Джей дёрнулся, будто ему неожиданно врезали в челюсть.

— Магнус, что ты натворил?

— Мне обязательно нужно покинуть отель, прямо сейчас, не останавливайте меня, — скороговоркой выпалил я.

Мэллори выругалась. Кажется, это было какое-то гэльское бранное слово. Наша маленькая коридорная компания — настоящий ООН по части ругательств.

— Мы не собираемся тебя останавливать, — сказала она. — Нас, конечно, потом отправят вкалывать в прачечной лет на десять, но мы все равно поможем тебе.

Я с удивлением уставился на неё.

— Почему? Ты знаешь меня меньше дня.

— Достаточнодолго, чтобы понять, какой ты идиот. — свирепо проговорила она.

— Она имеет в виду, что соседи по коридору всегда должны защищать друг друга. — быстренько перевёл Ти Джей. — Мы прикроем побег.

Дверь моего номера затряслась. От таблички с именем во все стороны потянулись трещины. Копье, украшавшее стену, брякнулось на пол.

— Икс! — проорал Ти Джей. — На помощь!

Дверь номера полуторолья не открылась, а просто слетела с петель, и он с такой скоростью вывалился в коридор, словно все это время стоял за ней, ожидая, когда его призовут.

— Да? — коротко бросил он.

— Номер Магнуса. Белка. — был столь же лаконичен Ти Джей.

— Ладно, — кивнул полутороль и, вмиг достигнув трясущейся двери, подпёр её исполнинской спиной.

Дверь трещала по-прежнему от мощных ударов изнутри, из номера раздавался осатанелый лай, но Икс стоял твёрдо.

— В чём дело? — выбрел из своего номера Хафборн Гундерсон. На нем были только боксёры со смайликами, зато в обеих руках он держал по обоюдоострому топору. — Надо убить этих гномов с эльфом? — с готовностью двинулся он к Блитцу и Харту.

— Нет! — взвыл Блитцен. — Гнома с эльфом как раз убивать совершенно не надо.

— Они со мной, — поторопился внести ясность я. — Мы уходим.

— Белка, — добавил конкретики Ти Джей.

Лохматые брови Хафборна взмыли на орбиту.

— Белка как *белканутая* белка?

— А то. —подтвердила Мэллори. — Там белканутая белка, а возле меня *придуковатые* прикурки.

По коридору пролетел ворон и, усевшись на лампу, принялся на меня обвиняюще каркать.

— Ну здорово, — сказала Мэллори с укором. — Вороны учゅли вторжение твоих корешей, Магнус.

Значит, валькирии долго ждать себя не заставят. Со стороны лифтов послышался хоровой вой.

— Волки Одина, — сообщил Хафборн. — Удивительно дружелюбные существа, если только не вздумал

нарушить границу или покинуть без разрешения отель. В таких случаях они разрывают на части. Мужества мне слова его не прибавили. Я с трудом подавил желание с рёвом удрать и забиться в какой-нибудь дальний угол. Пусть меня лучше лишит жизни белка или кто-нибудь из валькирий. Я даже скорей был готов ещё раз получить топор в лоб. Все, что угодно, только не волки! От одной мысли о них ноги мои вдруг стали подкашиваться.

— Блитц, Харт, а вы по пути, случайно, какую-нибудь сигнализацию не задели? — дрожащим голосом спросил я.

— Ты несправедлив, — укорил меня знаками Харт. — Мы обошли древесных мин.

— Древесные мины? — Я не был уверен, что правильно его понял.

— Счастливо, Магнус, — поиграл топорами Хафборн Гундерсон. — Волков я приторможу. И он со всех ног устремился по коридору навстречу жуткому хоровому вою. Смайлики на его боксёрах морщились и кривлялись, а он сам выкрикивал жутким голосом: «Смерть! Смерть!»

Мэллори повернулась ко мне. Щеки её пылали то ли от радости, то ли от смущения. Поди её пойми.

— Я останусь с Иксом на случай, если белка все же прорвётся, а ты, Ти Джей, веди их срочно на переработку.

— Лады, — кивнул он.

— На переработку? — забеспокоился Блитц, но никто ему ничего не ответил.

Мэллори обнажила меч.

— Не скажу, Магнус, что наша встреча доставила мне удовольствие. Ты настоящая заноза в заднице. А теперь вали отсюда по-быстрому.

Дверь моего номера опять содрогнулась. С потолка над ней посыпалась штукатурка.

— Белка сильна! — проорал Икс. — Поторопитесь!

Ти Джей приладил к винтовке штык.

— Пошли!

И первым пустился по коридору. На Ти Джее был, как всегда, синий мундир, в данный момент надетый поверх пижамы. Похоже, он даже спал в нем. У нас за спинами слышался волчий вой вперемешку с древнескандинавскими выкриками Хафборна Гундерсона.

На нашем пути распахивались двери. Эйнхериям, видно, хотелось выяснить, что за шум в коридоре, однако, увидев Ти Джая с выставленным вперёд штыком, они спешно ныряли обратно в свои номера. Лево-право, право-лево, лево-право — я окончательно потерял счёт поворотам. Мимо нас пролетел со свирепым карканьем ещё один ворон. Я попытался врезать ему.

— Не вздумай! — прокричал мне Ти Джей. — Они священны для Одина!

Мы добежали до того места, где коридор разветвлялся надвое, когда послышался резкий оклик:

— Магнус!

Мне зачем-то приспичило обернуться на голос. Слева, в пятидесяти шагах от нас, стояла Гунилла в полном обмундировании, и в обеих её руках блестело по молоту.

— Ещё один шаг, и я тебя уничтожу! — рявкнула она металлическим голосом.

Ти Джей обернулся ко мне.

— Сверните ещё раз направо, — быстро проговорил он. — Там будет люк, на котором написано «Переработка». Прягайте прямо в него.

— Но... — медлил я.

— Нет времени, — улыбнулся Ти Джей. — Убей за меня там несколько конфедератов, ну или монстров, или ещё какую-нибудь нечисть, которая попадётся.

И, направив свой штык на Гуниллу, он с криком: «Бойцы Пятьдесят Четвёртого Массачусетского не сдаются!» пошёл на неё в атаку.

Харт, схватив меня за руку, устремился вперёд. Блитц, обогнав нас, первым заметил люк и рванул на себя крышку с надписью «Переработка».

— Вперёд! Вперёд!

Харт первым нырнул в кромешную темноту.

— Ты следующий, сынок, — скомандовал Блитц.

Я чуть замешкался. Запах из люка живо напомнил мне жизнь на помойке, и неожиданно уют Вальхаллы показался мне не таким уж и плохим.

Впрочем, очарование длилось недолго. За моей спиной взвыли волки. Они были уже совсем близко, и я прыгнул в переработку.

Глава XXIV

У ТЕБЯ БЫЛО ВСЕГО ОДНО ЗАДАНИЕ

Переработка, как выяснилось, состояла в том, что весь мусор из Вальхаллы отправлялся прямиком на бостонское бейсбольное поле. Видимо, этим и можно объяснить большие проблемы с нападением, которые часто возникают у команды «Ред Сокс» во время домашних матчей. Хартстоун как раз вставал на ноги, когда я свалился прямиком на него и вновь уложил на землю. Мы с ним почти распутались, но в это время из мусоропровода к нам стремительно присоединился Блитцен и пропахал мне грудь. Спихнув его, я поспешил откатиться в сторону, боясь, как бы сверху не выкинули ещё-точё-тотяжёлое.

— Каким образом мы очутились в Фенуэй-парке? — принял, наконец, вертикальное положение, полюбопытствовал я.

— Не спрашивай, — уныло выдохнул Блитцен. Его недавно ещё прекрасный костюм из тончайшей шерсти теперь выглядел так, словно его пропустили через пищеварительный тракт улитки. — Все выходы из Вальхаллы, как известно, совершенно непредсказуемые. Хорошо ещё, что действительно в Мидгард выбрались.

Я поглядел на пустующие ряды красных скамей для обладателей самых дешёвых билетов на матчи. Стадион сейчас очень смахивал на «Трапезную Павших Героев» перед тем, как её заполняли орды эйнхериев. Поле было покрыто кусками обледеневшего презента, который похрустывал у меня под ногами.

В Мидгарде мы оказались весьма ранним утром. Часов шесть утра, судя по тускло светлеющему на востоке небу.

— Ну, и от кого же мы в таком темпе смывались? — поинтересовался я, выдохнув вместе с вопросом густой клуб пары. — Что это ещё за белка-мутант?

— Рататоск, — ответил Блитц. — Бич Мирового Дерева. Любой, кто посмеет залезть на ветви Игграсиля, рано или поздно ждёт весьма неприятная встреча с этим монстром. Нам очень повезло, что сумели сбежать.

Хартстоун глянул с тревогой в сторону занимающегося рассвета.

— *Солнце. Плохо для Блитцена,* — бурно прожестикулировал он.

Блитц прищурился, словно на лицо ему было яркое солнце.

— Ты прав. После этой истории на мосту я больше не в силах выдерживать прямоизлучение.

— Что это значит? — Я внимательно пригляделся к нему. — Ты, что сереешь?

Он отвернулся, но мне уже все стало ясно: щеки его вдруг вылиняли до цвета мокрой глины.

— Сынок, ты, вероятно, и раньше подметил, что я не часто оказывался с тобой рядом днём?

— Ну да, — кивнул я. — Харт пас меня днём, а тыночью.

— Именно так, — снова заговорил Блитц. — Мы, гномы-то, существа подземные. Солнечный свет нам смертельно опасен. Не настолько, конечно, как троллям. Я все же могу чуток времени провести на солнце. Но если меня что задержит на нем, начну каменеть.

Я вспомнил, в каком виде он возник на мосту Лонгфелло. Широкополая шляпа, скрывавшая верхнюю часть лица, огромные тёмные очки и перчатки. Такое забавное стилистическое решение, особенно если учесть, что оно сочеталось с дорожным знаком «Уступите дорогу утятам!».

— Значит, тебе просто надо от света прикрыться, и полный порядок? — не усмотрел здесь особой проблемы я.

— Это, конечно, несколько улучшает моё положение, — без особого воодушевления произнёс Блитц. — Плотная одежда, солнцезащитный крем и так далее. Однако в данный момент, указал он на свой костюм. — я абсолютно неподготовлен. А то, что мне на такие случаи подходило, я сбросил где-то на Мировом Дереве.

— После моста ноги у Блитца окаменели, — сообщил руками Харт. — И никакой ходьбы до ночи.

У меня подкатил ком к горлу. Вот вам и смешная попытка Блитца и Харта меня защитить! На самом деле они не только старались изо всех сил. Блитцен, решившись выйти на дневной свет, вообще рискнул жизнью.

Сколько бы вопросов я не имел, какой-бы запутанной сейчас не была моя жизнь (смерть?) в данный

момент, знание, что Блитцен опять из-за меня в опасности, заставило пересмотреть свои приоритеты.
— Давай-ка устроим тебя по-быстрому где-нибудь в темноте.

Лучшим в создавшейся ситуации выбором оказался Зелёный Монстр – это известная огромная стена высотой с четырёхэтажный дом по левую сторону поля. Однажды, по-моему, в первом классе, нас водили к ней на экскурсию. С той поры я и помнил, что под игровым табло есть служебные двери. Одна из них оказалась незапертой, и мы сквозь неё проскользнули внутрь.

Здесь почти не было, на что смотреть – просто строительные леса, разбросанные зелёные карточки, которые вставляют в табло, да исписанные столетними граффити опоры стадиона. Хотя это место всё же обладало одной выдающейся особенностью – здесь было темно.

Блитцен опустился на маты и начал снимать сапоги. Из них посыпалась жёлуди, и я уставился на его серые носки с орнаментом в виде огурца в тон жилету.

Его носки удивили меня не меньше, чем встреча с ним в Вальхалле.

— Блитц, что с твоим внешним видом? – вырвалось у меня. – Выглядишь так... элегантно.

Он гордо выпятил грудь.

— Спасибо, Магнус. Признаться, при свойственном мне тонком вкусе достаточно трудно было целых два года одеваться, как оборванец. Ой, извини. Конечно, ничего личного, – спохватился он.

— Разумеется.

— Я ведь привык одеваться именно так, как сейчас, – успокоившись, продолжал он. – Всегда уделял большое внимание своему внешнему виду и вполне отдаю отчёт себе в этой маленькой слабости.

Харт исторг нечто среднее между чихом и фырканьем и вопросительным жестом осведомился:

— Маленькой?

— Молчал бы уж. – буркнул Блитц. – Разве не я купил тебе твой полосатый шарф? – Он перевёл глаза на меня, явно ища поддержки. – Этот его чёрный костюм и светлые волосы! Я сказал Харту, что ему требуется яркая цветовая деталь. Вот я и внёс в его гардероб лёгкую нотку дерзости при помощи красно-белого полосатого шарфа. Тебе не кажется, Магнус, что я совершенно прав?

— Ну да, – согласился я и торопливо добавил для ясности. – Только, пожалуйста, мне такого не предлагай. И носки в огурец тоже носить не буду.

— Не говори глупостей. На тебе подобные вещи выглядели бы ужасно. – хмуро глянул на свой шикарный сапог Блитцен и, резко свернув тему гламура, добавил:

— О чём мы говорили до этого?

— Как насчёт того, почему вы наблюдали за мной последние два года?

— Тебе ведь уже было сказано: босс, – не замедлил с ответом Харт.

— Не Локи, – сказал я – тогда Один?

Блитц засмеялся.

— Э, нет. Наш главный – Капо, умнее Одина. Он, видишь ли, предпочитает сам оставаться в тени. Дал нам задание наблюдать за тобой и.... – Он поперхнулся. – Стارаться по мере сил сохранить тебе жизнь.

— Понятно. – пробормотал я.

Блитц в смущении вытряс из сапога ещё порцию желудей.

— Да, у нас было всего одно задание, а мы его провалили. «Сделайте так, чтобы он непременно остался жив.» – сказал босс. – «Приглядывайте за ним, но не вмешивайтесь в его решения. Он – важная часть плана».

— Плана.

— Капо известно разное. – уклончиво отозвался Блитцен. – Будущее, к примеру. И он делает всё возможное, чтобы события шли в правильном направлении и Девять Миров, закрутившись в хаос, не взорвались.

— Звучит неплохо, – одобрил я.

— Он сообщил нам, что ты – сын Фрея. В детали он не вдавался, но подчеркнул, что ты очень важен и мы должны тебя защищать. Когда же ты умер... – Блитц снова осёкся. – Ну, в общем, теперь я так рад, что мы нашли тебя в Вальхалле. Может, ещё и не все потеряно. Теперь мы должны доложить все боссу и получить новые указания.

Хартстоун руками добавил: «*И надеяться, что он нас не убьёт*».

— И это тоже, – без особого оптимизма подхватил Блитц. – Но по-любому, до встречи с боссом мы *не имеем права* тебя посвящать в подробности, Магнус.

— Даже несмотря на то, что я важная часть его плана? – мне было странно слышать такое.

— Как раз именно потому и не можем. — сообщил языком жестов Хартстоун.

— Но вы мне хоть можете рассказать, что здесь случилось после того, как мы с Суртом упали с моста? — потребовал я.

Блитц вытащил из бороды застрявший листочек.

— Ну, Сурт вместе с тобой в воде исчез.

— То есть всё-таки это был Сурт?

— Без сомнения, — уверенно подтвердил Блитц. — И, знаешь, неплохо ты с ним поработал. Это же надо, смертному одержать победу над огненным великаном! Пусть ты даже и сам погиб, все равно впечатляет.

— Значит, я его убил?

— И не надейся, — самым определённым образом объявили мне руки Харта.

— Нет, — констатировал в свою очередь Блитц. — Но огненным гигантам страшно вредна ледяная вода. Полагаю, такое глубокое соприкосновение с ней отправило его в Муспельхейм. А вот то, что ты отрубил ему нос, это вообще было блестящее. Теперь он уж точно не сможет перемещаться между мирами, пока силы не восстановятся.

— Несколько дней, — предположил Харт.

— А может, и гораздо дольше, — с надеждой проговорил Блитц.

Я переводил взгляд с одного на другого — двух нелюдей, обсуждающих технику путешествия между мирами с видом двух автомобилистов, спорящих сколько времени, займёт починка карбюратора

— С вами, ребята, все ясно, — вмешался я. — Вам удалось тогда смыться. Что с Рэндолльфом?

Хартстоун весьма выразительно сморщил нос. Мол, дядя твой хоть раздражает, но в полном порядке.

— Сынок, ты всех спас, — объявил мне Блитцен. — Много пострадавших, много ущерба, но все выжили... эм, кроме тебя. Когда Сурт до этого наносил визиты в Мидгард, дела у смертных складывались далеко не так хорошо.

— Великий Чикагский Пожар, — уточнил Харт.

— Именно, — покивал Блитц. — Но и сейчас взрывы в Бостоне стали темой национальных новостей. Смертные до сих пор ведут расследование. Основная их версия, что ущерб нанесён ударами метеоритов.

И чего удивительного? Я и сам так вначале решил. И только потом заподозрил: может, за все раскалённое, что падает на землю, Сурт как раз и ответствен?

— Но на мосту ведь десятки людей видели Сурта. А один из них совершенно точно заснял его, — сказал я.

Блитц развёл руками.

— Ты сильно бы удивился, сынок, если бы я тебе начал перечислять, какую уйму всего не замечают смертные. И не только люди. Гномы с эльфами тоже мало от них в этом отличаются. А великаны к тому же большие знатоки по части очарованья.

— Очарования? — воскликнул я. — Имеешь в виду, что все они модные и красивые?

— Да в моде они вообще профаны, — с презрением бросил Блитц. — А очарованье у них в смысле наведения чар. Великаны ведь от природы волшебники. Они с лёгкостью манипулируют восприятием и сознанием. Это им как раз плюнуть. Как-то один великан заставил Харта подумать, что я бородавочник. И Харт меня чуть не убил.

— Ни слова больше про бородавочника! — воскликнул молящими жестами тот.

— В общем, — начал Блитц. — ты, Магнус, свалился в реку и умер. Спасатели извлекли из воды твоё тело, но...

— Моё тело... — тихо взывал я.

Хартстоун вытащил из кармана газетную вырезку и протянул её мне.

Я прочитал некролог по себе. Там была фотка меня пятиклассника. Чёлка до самых глаз, стеснительная улыбка типа «как я попал сюда?» и жалкая футболка с надписью: «Дроптик Мёрфиз». Текст очень короткий. Ни слова, что я два года назад исчез, стал бездомным. О смерти мамы тоже. Совсем ничего. Только о том, что меня постигла безвременная гибель, меня пережили два дяди и кузина, и панихида состоится исключительно для членов семьи.

— Но моё тело ведь здесь, — потыкал я себя в грудь. — У меня есть тело.

— Новое и усовершенствованное, — восхищённо пощупал Блитц мои бицепсы. — А спасители вытащили из воды твоё прежнее тело. Мы с Хартом тоже тщательно обследовали реку. Никаких признаков Сурта. И что ещё хуже: никаких признаков меча. И раз он не вернулся на дно...

— А Рэндолф его раньше вас найти там не мог? — поинтересовался я.

Харт покачал головой:

— Мы наблюдали за ним. У него меча нет.

— Выходит, тогда меч у Сурта? — предположил я.

Блитц зябко поёжился.

— О таком лучше даже не думать. Есть шанс, что меч остался с твоим старым телом.

— Но каким образом? — засомневался я.

Блитц указал на Харта.

— Спроси у него. Он эксперт по волшебству.

— Трудно без слов объяснить, — прожестикулировал он. — Но раз ты предъявил на него права, он должен остаться с тобой.

— Но... я вроде не предъявлял...

— Ты его вызвал и первым взял в руки, раньше Сурта — продолжал растолковывать знаками Харт. — Поэтому есть надежда, что Сурту он не достался. Меч вообще должен был с тобой перейти в Вальхаллу. Не знаю уж, почему этого не получилось.

— Может быть, потому, что, когда мы падали в реку, он выскользнул из моей руки? — спросил я.

— Да, это, конечно, могло повлиять, — согласился Блитц. — Но, как бы то ни было, меч все равно, согласно традиции, должен отправиться с твоим телом в могилу или сгореть в твоём погребальном костре. Вот почему он вполне мог снова материализоваться рядом с твоим мёртвым телом, а значит, нам следует заглянуть в твой гроб.

По моему новому телу от головы до ног пробежали мурашки.

— Ты хочешь, чтобы я пошёл на собственные похороны?

— Нет, надо управиться до, — показал жестами Харт.

— Как сообщается в некрологе, — начал мне излагать план Блитцен. — твоё тело сегодня выставят для прощания в ритуальном зале похоронного агентства. Служба и похороны состоятся позже. Если пойдём туда прямо сейчас, там вообще никого не окажется. Ведь агентство пока закрыто. И вряд ли снаружи уже дожидаются толпы скорбящих.

— Вот уж спасибо, — проворчал я.

— А мне надо пойти переговорить с боссом, — начал натягивать сапоги Блитцен. По пути ещё заскочу в Свартальхейм и запасусь там насущно необходимыми средствами защиты от солнечного света.

— Заскочишь в мир темных эльфов? — не поверил я своим ушам.

— Между прочим, это не так трудно, как кажется, — махнул рукой он. — У меня большой опыт. И Бостон располагается в самом центре Игграсиля. Отсюда очень легко проскакивать из мира в мир. Вот однажды мы с Хартом сошли с тротуара на Кендалл-сквер и тут же случайно провалились в Нифльхейм.

— Ужасно замёрзли, — добавил жестами Харт.

— За время, пока меня нет, Харт успеет как раз сводить тебя в похоронное агентство, — деловито проговорил Блитц. — А после мы с вами встретимся... где? — посмотрел он на Харта.

— Арлингтон, — показал тот жестами. — Железнодорожная станция.

— Замётано. — Блитцен поднялся на ноги. — Забери этот меч, сынок, и... будь осторожен. Вне Вальхаллы ты можешь погибнуть, как и любой другой смертный. А последнее, что нам с Хартом хочется, — это докладывать боссу о целых *двух* трупах Магнуса Чайза.

Глава XXV

МОЙ ПОХОРООННЫЙ ДИРЕКТОР ОДЕВАЕТ МЕНЯ КАК ДУРАКА

Положительных сторон в жизни бездомного достаточно мало, но одна точно есть: я знаю, где отыскать бесплатно одежду. Мы с Хартом предприняли вылазку на Чарльзгейт, где стоит благотворительная коробка, в которую сердобольные граждане складывают ненужную им самим одежду. Очень мило с их стороны. Теперь мне, но крайней мере, не придётся шастать по Бостону в Вальхалльской пижаме.

Вскоре я уже блистал в художественно стёртых джинсах, охотничьей куртке и модно-дырявой футболке и больше прежнего начал смахивать на Курта Кобейна. Впрочем, я сильно сомневаюсь, что Курт Кобейн сподобился бы нацепить на себя футболку с надписью: «Австралийское турне группы Уигглз». Но больше всего меня встревожило, что футболка оказалась мне в точности по размеру.

Я поднял свой казённый меч.

—Харт, а с этим-то как? Сомневаюсь, что копам понравится, если они увидят меня с трёхфутовым клинком.

—Чары, — прожестикулировал мне немой эльф. — Прикрепи к ремню.

Как только я это сделал, меч начал муттировать и превратился в цепочку для ключей у меня на ремне, которая лишь придавала футболке Уигглз ещё более убогий вид.

— Класс, — констатировал я. — Теперь я унижен окончательно.

— Все равно меч есть меч, — жестами разразил мне Харт. — А смертные не способны видеть волшебных вещей. Между Льдом и Огнём есть Туман. Г-и-н-н-у-н-г-а-г-а-п. Он и скрывает истинные образы. Без слов это трудно объяснить.

— Ладно.

Я вспомнил, что мне говорила Гунилла про миры между льдом и огнём. И про Фрея, который был золотой серединой. Но, видимо, его детям не дано от рождения понимания того, какого черта все это значит.

Я перечитал некролог о себе в поисках адреса похоронного агентства и, отыскав его, обратился к Харту:

— Пошли оказывать мне последние почести.

Это была длинная прогулка по холоду. Меня мороз не слишком доставал, а вот Харт в своём кожаном облачении задубел и трясся. Губы у него потрескались и шелушились, из носа текло. По книгам и фильмам в жанре фэнтези, прочитанным и увиденным за время учёбы в школе, я составил себе представление, что эльфы — это такие благородные существа неземной красоты. Хартстоун же был скорее похож на анемичного студента колледжа, которому пришлось несколько недель подряд голодать.

Однако... Я начал подмечать не свойственные людям черты. Зрачки его, например, отражали свет, как у кошек. Вены под его прозрачной кожей были скорее зелёными, чем синими. И, несмотря на явно бездомный и неухоженный вид, от него никогда не пахло, как от обычных бродяг, — немытым телом, спиртным и прогорелым жиром. Хартстоун пах хвоей и древесным дымом. Всегда. Как же я раньше не обращал на это внимания?

Я бы его с удовольствием порасспрашивал по дороге про эльфов, но мне на ходу объясняться жестами нелегко, а ему было бы трудно читать по губам. А вообще разговаривать с ним как раз здорово. Ведь приходится полностью концентрироваться, и думать о всякой чуши уже не станешь. Если бы все беседы на свете требовали такого внимания, люди бы не болтали попусту столько ерунды.

Едва мы пересекли площадь Копли, Харт резко затолкал меня в дверной проем какого-то офисного здания.

—Гомез, — прожестикулировал он. — Ждём.

Гомезом звали местного патрульного, который прекрасно знал нас обоих. Имя моё, правда, ему известно не было, но, если он видел мою фотографию в новостях, то мне пришлось бы долго объяснять, почему это я не мёртв. К тому же, он не отличался особым дружелюбием.

Я коснулся рукой плеча Харта, привлекая его внимание.

— Расскажи, как все там? Ну, где ты обычно живёшь?

Лицо его стало настороженным.

— Альфхейм не очень отличается от вашего мира. Только там ярче. И не бывает ночи.

— Не бывает ночи? — поразился я. — Что, вообще?

— Вообще, — подтвердил Хартстоун. — Я, когда первый раз увидел заход солнца... — Он как бы запнулся, а потом прижал обе ладони к груди — знак ужаснейшего испуга.

Я попытался представить себе, как вот жил себе парень в мире, где постоянно стоит только день, а потом вдруг раз — и солнце исчезло на горизонте в кровавом зареве.

— Это было бы странно. — кивнул я ему. — Но ведь у эльфов-то есть что-нибудь такое, чего люди боятся? Ну, например, эльфсейдер?

В глазах Харта зажегся свет.

— Откуда ты знаешь про этот термин?

— Э...вчера мне на поле боя сказали, что я применил его. — И я рассказал ему, каким образом выбил оружие из рук атакующих. — И когда я заживил перелом у Блитца или прошёл сквозь стену огня на мосту Лонгфелло...Интересно, а что, если это один и тот же вид магии.

Тот какое-то время не отвечал, переваривая мои слова.

— Трудно сказать, — наконец задвигались его руки, и, если переводить на нормальную речь, я бы сказал, что он сейчас говорил осторожно, как бы с оглядкой. — Эльфсейдер бывает разный. Как правило, это мирное волшебство. Лечить. Растиль. Останавливать жестокость, насилие. Научиться ему невозможно. Эльфсейдер — это не волшебство рун. Ты или родился с ним, или нет. Ты — сын Фрея. Полагаю, тебе передались какие-то из его способностей.

— Значит, Фрей эльф? — возник у меня естественный вывод.

Харт покачал головой.

— Фрей — лорд Альфхайма. Наш бог-покровитель. Ваны близки нам. Ваны были источником всего эльфсейдера.

— Но почему ты упомянул об этом в прошедшем времени? Разве эльфы больше не могут общаться с деревьями, птицами и так далее?

Харт, возмущённо крякнув, с большими предосторожностями выглянул из нашего убежища, чтобы проверить, тут ли ещё наш любимый патрульный.

— Нынче Альфхейм совсем не такой, — юркнув обратно, ответил он мне. — Почти никто не рождается с эльфсейдером. Магией тоже почти никто не владеет. По мнению большинства современных эльфов, Мидгард это просто миф о мире, в котором люди живут в замках и носят латы и обтягивающие чулки.

— Может, тысячу лет назад так и было, — предположил я.

Харт кивнул.

— Тогда наши миры гораздо плотнее взаимодействовали. А теперь оба сильно изменились. Эльфы больше не работают, а сидят у экранов, смотря смешные эльфийские видео.

— Эльфийские видео? — не был уверен я, что правильно понял жестикуляцию Харта. А если правильно, то Альфхейм удручающе походил на Мидгард. — Выходит, о волшебстве ты знаешь не больше меня.

— Мне неизвестно, на что оно было похоже в стародавние времена, но я пытаюсь освоить. Всем пожертвовал ради попытки.

— То есть? — заинтриговал он меня.

Он снова осторожно выглянул на улицу.

— Гомез ушёл. Пошли.

И ни жеста в ответ на мой вопрос. То ли его не услышал, то ли проигнорировал.

Похоронное агентство располагалось возле Вашингтон-стрит и Чарльз-стрит, спрятанное в ряду таунхаусов Бей Виллиджа, которые как-то совсем стушевались среди современных небоскрёбов из бетона и стекла. «Твайнинг и сыновья. Ритуально-мемориальные услуги» — гласила вывеска над входом.

Возле двери был вывешен список ближайших мероприятий. Мои проводы значились в нем первым номером. Магнус Чейз. Дата сегодняшняя. Прощание со мной должно было начаться в десять часов, но, судя по запертой двери и темным окнам, агентство пока ещё не открылось.

— Пришёл заранее на собственные похороны, — проворчал я. — Крайне типичная ситуация.

Руки мои подрагивали. Перспектива узреть себя мертвецом мне казалась куда страшнее, чем сам момент гибели.

— Ну? Вламываемся? — посмотрел я на Харта.

— Сейчас кое-что попробую, — азартно блеснули у него глаза.
Он извлёк из-за пазухи кожаный кисетик, содержимое которого издало уже знакомый мне звук.
— Руны? — догадался я. — Ты знаешь, как ими пользоваться?
Он лишь пожал плечами с таким видом, как отвечают: «А вот сейчас мы и выясним», и, вынув одну из плашечек, постучал ею легонько по ручке двери. В замке щёлкнуло. Дверь распахнулась.
— Класс, — понравилось мне. — Это срабатывает на любой двери?
Харт сунул плашечку с руной обратно в кисет, а его опустил за пазуху. Лицо его выражало смесь грусти и осторожности — точнее определить не могу.
— Я только учусь, — ответил он мне. — До этого пробовал только однажды, когда мы встретились с Блитцем.
— Ну и как же вы встре...
Харт решительным жестом заставил меня умолкнуть.
— История долгая. Блитц спас мне жизнь. Ты давай-ка лучше иди, а я здесь останусь. Мёртвые тела людей... — Он фыркнул, поёжился и покачал головой.
Ничего себе эльфийская поддержка!
Внутри похоронное агентство насквозь пропахло увядающими букетами. Потёртый красный ковёр и стены, забранные панелями из тёмного дерева, делали это место похожим на огромный гроб.
Прокравшись по коридору, я заглянул в первую же комнату, которая попалась мне на пути.
Она была обустроена как часовня: стена в три окна с витражами, стулья с откидывающимися сиденьями обращены к помосту с открытым гробом. Я это возненавидел с первого взгляда. Чтобы вам стало понятно, меня воспитывали вне всякой религии, и я привык считать себя атеистом.
Насмешка судьбы при такой позиции оказаться сыном древнескандинавского божества, отправиться после смерти в мир для геройских воинов и удостоиться прощальной церемонии в дешёвой универсальной часовне для всех конфессий. Если там, наверху, и впрямь есть Всемогущий Бог Всей Вселенной, воображаю, как он в тот момент надо мной насмехался.
При входе в часовню был выставлен мой портрет, обрамлённый траурной каймой из гофрированной бумаги. Та же самая идиотская фотография меня пятиклассника, а под ней притупился столик с тетрадкой для соболезнований.
У меня прямо руки чесались оставить там первую запись: «Спасибо за то, что явились на мои похороны. Магнус». Только кто, собственно, на них явится? Рэндолльф? Или, может, дядя Фредерик с Аннабет, если они ещё в городе? Или кто-то из прежних моих одноклассников? Ну и в том случае, если агентство сподобится выставить угощение, вполне вероятно, пожалуют какие-нибудь мои бездомные знакомые.
Хотя единственные, с кем я общался, были Блитцен с Хартстоуном.
Мне вдруг стало ясно, что все эти размышления просто попытка оттянуть момент встречи с собственным телом. Не знаю, сколько уж времени я ещё переминался с ноги на ногу возле входа, никак не решаясь войти, когда наконец сказал себе: «Хватит!» — и двинулся к помосту.
При виде того, что лежало в гробу, меня прямо скрутило от тошноты.
Не то чтобы моё неживое лицо показалось мне безобразным, но... Вы когда-нибудь слышали собственный голос в аудиозаписи? Он ведь кажется совершенно чужим. Вот и мое лицо мне предстало будто запечатлённое неумелым фотографом. Броде бы я и в то же время ничего общего. Волосы тщательно зализаны. Кожа покрыта толщинным слоем грима, видимо, с целью скрыть синяки и порезы. Губы застыли в дурацкой полуулыбке, какой я ни разу в жизни не улыбался. А этот дешёвый синий костюм и синий галстучек! Ненавижу синий. Довершили сей омерзительный образ руки, сложенные не на груди, а на животе. Видимо, похоронщики таким образом закамуфлировали дыру, которую проделал у меня в брюхе ком раскалённого асфальта.
Нет, все это никуда не годилось! Я вцепился обеими руками в край гроба, пытаясь прийти в себя, по чувство протеста по-прежнему жгло меня с такой силой, будто мне вновь прожгли внутренности.
Я всегда представлял, что будет с моим телом после смерти. И то, что я увидел, этому представлению не соответствовало. У нас с мамой был договор. Звучит, может, на первый взгляд жутковато, однако на самом деле все правильно. Мама взяла с меня обещание, что, когда умрёт, я должен её кремировать, а прах развеять в лесах Голубых холмов. Если же мне суждено уйти первым, она сделает то же самое и со мной. От идеи, что нас после смерти забальзамируют до состояния химически стабилизированного объекта, выставят на всеобщее обозрение в деревянной коробке, а после зароют в землю, и её и меня попросту воротило.

Нам хотелось оставаться навеки с солнцем и свежим воздухом, пусть и невидимыми постороннему глазу пылинками.

— Прости меня, мама. Я не смог сдержать обещания. А теперь вот меня самого хоронят совсем не так, — проговорил я одними губами, и на глаза у меня навернулись слезы.

Ох, как же меня подмывало перевернуть гроб и поджечь это гнусное место! Но я должен был найти меч.

Вполне вероятно, он находился в гробу, но я пока его не видел. Набрав полные лёгкие воздуха и набравшись решимости, я повёл ладонь вдоль обшивки гроба, словно нашаривая потерянную монетку. Безрезультатно.

«А если опять волшебство вмешалось и меч стал невидимым?» — подумалось вдруг. Я простёр руку над гробом точно таким же образом, как на мосту Лонгфелло, но не почувствовал ни жара, ни вибрации.

Теперь оставался один вариант — проверить под телом.

Я кинул взгляд сверху вниз на Магнуса версия 1.0: «*Прости, чувак!*» и принял изо всех сил внушать себе, что это попросту неживая натура, ну вроде садового пугала. Совершенно не человек уж и, конечно, не я.

Короче, я перекатил его на бок. Оно оказалось куда тяжелее, чем можно было предположить. А главное, зря старался. Только и увидал булавки, которыми похоронщики подкололи пиджак на спине, чтобы лучше сидел, да этикетку на белой ткани обивки: «50 % сатин, 50% полиэстер. Сделано в Тайване».

Я опустил тело на спину. Волосы мёртвого Магнуса растрепались и вздыбились, будто какой-нибудь райский цветок. Старатально скрепленные кисти распались, а средний палец правой руки поднялся вверх в весьма характерном жесте.

Таким этот тип в гробу мне даже чем-то понравился. Хоть действительно стал на меня похож.

— Магнус? — дрожащим голосом раздалось у меня за спиной.

Я чуть не выпрыгнул из своей отстойной футболки.

В дверях стояла моя кузина Аннабет.

Глава XXVI

ЭЙ, Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ МЕРТВ, НО ПОЗВОНИ МНЕ КАК-НИБУДЬ

Даже не встретить я её два дня назад в парке, все равно бы сразу узнал. Волнистые светлые волосы, точно такие же, как и в детстве. И столь решительный взгляд серых глаз, словно вдали она чётко видела цель, которую поклялась себе уничтожить. Одежда её разительно отличалась от моей, своим качеством: оранжевая куртка «Норд Фейс», черные джинсы и зимние ботинки с высокой шнурковкой. Но все же внешне нас легко было принять за родных брата и сестру.

Она уставилась сперва на меня, а затем на гроб, и её лицо, искажённое потрясением, мало-помалу стало расправляться.

— Я знала, — произнесла она, наконец. — Знала, что ты не умер.

В следующий же миг я оказался в её объятиях. Как вы уже знаете, мне неприятно, когда меня кто-то касается, однако в объятиях Аннабет я расклеился и рассыпался.

— Ну вот... Видишь... — хрюкло выдавил я из себя, часто-часто моргая, чтобы скрыть подступившие слезы, и постарался как можно мягче высвободиться из её рук. — Действительно рад тебя видеть. Она, сморшившись, поглядела на труп в гробу.

— Ты вообще собирался меня осведомить? Я думала, ты умер, ты, задница.

Мои губы сами собой расплылись в улыбке. Десять лет минуло с той поры, как она последний раз обзвывала меня задницей. Мы задержались.

— Сложно объяснить.

— Я догадывалась. Тело фальшивое? — проговорила она. — Пытаешься всех убедить, что погиб?

— Не совсем. Хотя теперь уж пусть лучше так и считают, потому что...

«Потому что я умер», — умолкнув на полуфразе, добавил я про себя. — «Потому что попал в Вальхаллу, а теперь оттуда вернулся в компании гнома и эльфа». Ну как бы мне это все ей объяснить?

— Слушай. — я повернулся ко входу в часовню. — Вот ты на улице, возле двери, не видела эль... ну, одного типа такого? Это мой приятель там на стрёме стоит.

— Никого совершенно не видела, покачала головой она. — Просто вошла в открытую дверь.

Я сильно забеспокоился.

— Мне надо проверить.

— Только сначала ты мне объяснишь, — потребовала она.

— Я... Честно, не знаю, с чего начать. Ну, я, в общем, в опасности и не хочу тебя втягивать.

— Слишком поздно. — скрестила она руки на груди. — Имне многоеизвестно об опасных ситуациях. И, знаете, я ей с ходу поверил. Даже тени сомнения не испытал, что ей довелось пережить и узнать куда больше меня —возрождённого супервоина из Вальхаллы. От неё исходили такая твёрдость, такая уверенность в себе. А я научился безошибочно чувствовать подобное ещё в приютах, где мигом определял, кто из парней просто так разводит понты, а кто действительно самый опасный. Я не мог просто отмахнуться от неё, но в то же время не хотел втягивать в свои проблемы.

— Рэндорфа чуть не убили на этом мосту, — сказал я. — Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Она перебила меня свирепым смехом.

— Рэндорф? Клянусь, я когда-нибудь запихну его трость ему в глотку! А, ладно, — резко махнула она рукой. — Проехали. Короче, он так и не пожелал объяснить, зачем тогда тебя потащил на мост. Только все блеял, что ты в опасности из-за своего дня рождения, что это связано с нашей семейной историей, и онмол, пытался тебе помочь.

— Он рассказал мне, кто мой отец.

У Аннабет потемнели глаза.

— Ты никогда не знал своею отца.

— Да, но оказывается... — Я тряхнул головой. — Можешь, конечно, считать, что это звучит безумно... В общем, и происшествие на мосту, и гибель мамы два года назад, и то, кто действительно мой отец, — все это неразрывно связано.

Лицо Аннабет стало таким, словно домашний бассейн на её глазах вдруг превратился в Тихий океан.

— Магнус... О, боги!

«Боги, — мигом отметил я. — Она чётко употребила множественное число!»

Аннабет, молитвенно сложив руки, стала расхаживать взад-вперёд возле гроба.

—Я должна была догадаться, —с волнением начала она. —Рэндолф же постоянно трещал, что наша семья особенная и мы объект пристального внимания, но я даже не представляла, что ты... —Она резко остановилась и схватила меня за плечи. —Как жалко, что я не смогла узнать раньше. Мне удалось бы тебе помочь.

—Но я не уверен...

—Мой отец сразу же после твоих похорон улетает домой, в Калифорнию, —опять не дала договорить она. —А мне, по идеи, нужно ехать поездом в Нью-Йорк. Но школа может и подождать. Я должна сейчас остаться с тобой. Я знаю место, где ты будешь в безопасности.

Я отшатнулся.

Я не был уверен, знает ли Аннабет или думает, что знает. Она связана с Девятью Мирами? С каким-нибудь иным волшебным измерением? Или вообще говорила совсем о другом? Но при любом варианте каждый нерв в моем теле предостерегал меня: не говори ей всей правды!

Я был растроган её предложением о помощи. Это было действительно искренне. Но все же... эти слова: «Я знаю место, где ты будешь в безопасности». Ничто не активирует у бездомного ребёнка инстинкт бегства быстрее, чем эти слова.

Я напряжённо соображал, как бы поделикатней отвергнуть её предложение, когда в часовню ввалился Хартстоун. Левое веко его опухло, полностью закрыв глаз, а руки так бурно жестикутировали, что мне с трудом удалось понять:

—Торопись! Опасность!

Аннабет резко обернулась и, увидев Харта, спросила:

—Кто?..

—Мой друг, —торопливо откликнулся я. —Мне действительно нужно скорей уходить. —я взял её за руки. —Слушай, я должен справиться сам. Это как...

—Поиск? —перебила она.

—Я вообще-то хотел сказать, как гвоздь в.... но и впоиск вполне сойдёт, —согласился я. —И, если действительно хочешь помочь, прошу, сделай вид, будто вообще меня не видела. Дай мне только справиться. Потом, обещаю, я тебя отыщу, и ты все узнаешь. Ну ладно, мне надо идти.

Она судорожно вздохнула.

—Магнус, почти уверена, что смогла бы тебе помочь, но... —Она вытащила из кармана куртки сложенный вчетверо лист бумаги.—Недавно я на весьма тяжёлом собственном опыте убедилась: когда люди хотят что-то сделать самостоятельно, лучше не вмешиваться. Даже если они тебе очень дороги и важны. Поэтому просто возьми вот это.

Я развернул протянутый лист бумаги. Он оказался одним из тех самых флаеров, который Аннабет с дядей Фредериком раздавали прохожим.

—Второй из телефонных номеров мой, —пояснила она. —Позвони, когда спровоцируешься. Или если передумаешь. Или...

—Обязательно, —кинулся я и поцеловал её в щеку. —Ты самая лучшая.

—А ты всё-таки та ещё задница, —выдохнула она.

—Знаю. Спасибо на добром слове. Пока.

И я побежал к Хартстоуну, который от нетерпения уже прыгал на месте.

—Что случилось, и где ты был? —начал было расспрашивать я. Но он припустил по направлению к Арлингтону с такой скоростью, что мне даже на улучшенных Вальхаллой ногах едва удавалось за ним поспеть. А эльфы-то, оказалось, прекрасно бегают, когда им это надо.

Возле ступеней станционной платформы возник Блитцен. На нем были те самые широкополая шляпа и пальто, в которых он выступал на мосту Лонгфелло, только теперь к ним ещё добавились куда более крупные солнечные очки, лыжный шлем, закрывающий все лицо, кроме глаз, кожаные перчатки и шарф. В левой руке он держал чёрную холщовую сумку. Этакий человек-невидимка, собравшийся в боулинг.

—Стоп! Стоп! —вцепился Блитц в Харта, чтобы тот не упал. —Что с твоим глазом? А меч-то нашли? —выпалил он на одном дыхании.

—Меча нет, —шумно ловя ртом воздух, пояснил я. —А глаз его связан с какой-то опасностью.

Харт похлопал в ладоши, привлекая наше внимание.

—Меня выбили, —начал докладывать он руками. —Девушка спрыгнула на меня. Со второго этажа агентства. Приземлилась мне точно на голову. Очнулся в переулке.

—Девушка в похоронном агентстве? Аннабет? —вытаращился на Харта я. —Моя кузина?

Он покачал головой.

— Не она, а другая. Она была... — Руки Харта вдруг замерли в воздухе, и он впился взглядом в чёрную сумку Блитца. — Ты принёс... его? — изумлённо спросил он руками.

Слово «его» он показал буквально по буквам, поэтому я был уверен, что не ошибся.

Блитц чуть приподнял сумку вверх. Что выражало при этом его лицо, понять было трудно, однако ответ его прозвучал сурово:

— Да. Приказ босса. И первым делом нам надо... Магнус, — пронзил он меня испытующим взглядом из отверстий в своём лыжном шлеме. — Твоя кузина была в похоронном агентстве?

— Успокойся, с ней все в порядке. Она никому ничего не расскажет, — торопливо заверил я, мужественно борясь с желанием выяснить, что это за такой «он» лежит в его сумке.

— Но там была и другая девушка? — Взгляд Блитца по-прежнему оставался настороженным.

— Я не заметил её. Вероятно, увидела, как я входил в агентство, и поднялась на второй этаж — нашлось у меня наиболее логичное объяснение.

Гном повернулся к Харту.

— И значит, потом она выпрыгнула на тебя, ты вырубился, а ей в это время удалось скрыться?

Харт кивнул.

— Должно быть, тоже искала меч.

— И нашла, как ты думаешь? — задал новый вопрос Блитц.

Харт решительно покачал головой.

— С чего это ты так уверен? — вмешался я.

— Потому что она вон там, — прожестикуировал Харт.

Я глянул туда, куда он указывал. В четверти мили от нас по Арлингтон-авеню быстро шагала девушка в коротком коричневом пальто и зелёном платке, который я сразу узнал.

Заплыvший глаз Харта был славненьким сувениром от Самиры аль-Аббас, моей бывшей валькирии.

Глава XXVII

ДАВАЙТЕ ПОИГРАЕМ В ФРИСБИ С ОСТРЫМ ОРУЖИЕМ!

Достигнув северногоконца парка, Сэм пересекла Бэйкон-стрит и направилась к мосту через Сторроудрайв.

—Куда это она? — внимательно следил я за её передвижениями.

— Видать, к реке, — отозвался Блитц. — Останки твои проверила в похоронном агентстве и....

— А можно с чуть меньшим пренебрежением о моих останках? — перебил его я.

— В общем, она не нашла меч, — деловито продолжил он, — и теперь идёт проверять реку.

Сэм тем временем уже поднялась по винтообразному пандусу на пешеходную часть моста и с возвышения обернулась назад, заставив нас спрятаться за большим ноздревато-грязным сугробом. Летом, в наплыв туристов, следить за ней, затерявшись среди толпы, нам ничего бы не стоило. Но в чём прикажете затеряться, когда на тротуарах совершенно пусто?

—Не нравится мне это, — поправил съехавшие тёмные очки Блитцен. — Если её послали валькирии, ещё полбеды, но...

—Из валькирий её уволили, —внёс ясность я и, пока мы сидели за сугробом, успел рассказать, что произошло на торжественном обеде.

Хартпришёл в ужас. Заплывшее его веко стало точно такого же цвета, как лягушонок Кермит из «МаппетШоу».

—Дочь Локи? — безмолвно осведомился он. — Работает на своего отца?

—Не знаю, — пожал я плечами. — Но мне лично в это не очень верится.

—Потому что она спасла тебя? — задал новый вопрос Харт.

Я опять лишь пожал плечами. Никак не хотелось верить, что Сэм играет в Команде Зла.

Да и отец её, Локи, кто он на самом деле? Его заверения, что он полностью на моей стороне, все же, видимо, прочно запали мне в голову.

Указав на заплывший глаз Харта, я спросил знаком:

— Можнo?

И так как протеста с его стороны не последовало, дотронулcя. Подушечку моего пальца пронзила тёплая искра. Синяк под глазом начал тут же бледнеть. Опухоль спала.

Блитц фыркнул.

— Славно у тебя начинает получаться, Магнус.

Хартстоун схватил меня за руку и принялcя с такой тщательностью изучать мои пальцы, будто надеялся обнаружить па них остатки какого-нибудь волшебного эликсира.

— Да ладно тебе, — смущённо отдернул я руку. Мне совершенно не улыбалось стать парамедиком эльфов по имени Магнус Чейз. — Пока мы с вами здесь прохладляемся, она, между прочим, уходит, — напомнил я им о Сэм. — Пошли.

Сэм уже достигла эспланады, где протянулась дорожка для бегунов, но которой она и шагала вдоль течения реки. Мы двинулись по пешеходному мосту. Под нами двигалась бампер к бамперу плотная колонна постоянно гудящих машин. В этом заторе, судя по количеству строительной техники и мигающих проблесковых маячков на мосту Лонгфелло, был виноват лично я. Наша битва с Суртом вывела из строя почти целый его пролёт.

Мы уже начали подниматься на эспланаду, когда потеряли Сэм из виду. Я рассчитывал, что снова её замечу, едва мы минуем детскую площадку, однако моя экс-валькирия как испарилась.

— Лучше некуда, — посетовал я.

Блитц прохромал в тень, которую отбрасывала крыша неработающего киоска. Похоже, ему не слишком легко было двигаться с этой сумкой для боулинга.

— Ты как? — поинтересовался я.

— Ноги немного окаменели, а в остальном жить можно, не беспокойся, — произнёс он таким тоном, словно как раз и хотел, чтобы я о нем беспокоился.

Харт с задумчивым видом расхаживал взад-вперёд мимо нас.

— Вот был бы у меня лук, я бы её сейчас пристрелил.

Блитцен покачал головой.

— Лучше придерживайся магии, мой друг.

Харт зажестикулировал сердито и резко.

— Не могу читать по твоим губам! И с бородой-то ужасно, а с лыжной маской вообще ничего не понять.

Блитц, поставив на землю сумку для боулинга, принялся одновременно говорить и жестикулировать.

— У Харта великолепно выходит с рунами. Он в рунной магии сведущ больше всех живых смертных.

— Ты под смертными подразумеваешь людей? — решил уточнить я.

Блитц фыркнул.

— Сынок, люди не единственные смертные. Так что я подразумевал и их, и гномов, и эльфов.

Великанов в учёт не беру. Они странные. Боги, естественно, тоже случай особый. Ну и ещё предсказатели из Вальхаллы. Всю жизнь теряюсь в догадках, что они из себя представляют. Но вот среди тех трёх видов смертных, о которых я говорю, Хартстоун — лучший из магов, а возможно, вообще единственный. И уж наверняка первый, кто за последние столетия посвятил этому жизнь.

— Я краснею. — показал Хартстоун, явно не краснея.

— Я это к тому, — продолжал тем временем Блитц, — что к магии у тебя настоящий талант, а тебе зачем-то приспичило становиться лучником.

— Эльфы были великими лучниками, — возразил Харт.

— Тысячу лет назад, — поморщился Блитц и рубанул ребром ладони между большим и указательным пальцами другой руки — знак раздражения и досады тем, что друг хочет заняться совершенно не своим делом. — Харт просто романтик, — принялся объяснять он мне. — Мечтает о прежних днях. Он из тех эльфов, которые ездят на ренессансные фестивали.

Харт возмущённо крякнул.

— Всего один раз.

— Ребята, не лучше ли нам сейчас всё-таки поискать Сэм, — напомнил им я.

— Бессмысленно, — в бешеном темпе задвигались пальцы Харта. — Она обыщет реку. Пускай зря тратит время. Мы уже обыскали.

— А что, если мы с вами проворонили меч? — засомневался Блитц. — Вдруг ей известен какой-нибудь способ его найти?

— Но он не в реке, — сказал я.

Блитц и Харт разом уставились на меня.

— Откуда такая уверенность? — спросил Блитц.

— Не знаю, но просто теперь, когда мы находимся рядом с водой, ясно чувствую то же, что возле своего гроба, — проговорил я, глядя на реку Чарльз. По её поверхности проходила серая рябь и плыли ледяные глыбы. — Ну, это, знаете, все равно что взять в руки жестянную банку. Сразу ведь убеждаешься, пусто в ней или нет. Вот и с мечом у меня сейчас полное ощущение пустоты. Его нет поблизости.

— Взять в руки жестянную банку, — задумчиво повторил Блитц. — А ты не мог бы направить нас в таком случае к той, которая не пустая, а....

— Вот это бы было правильно, — прервал его голос Самиры аль-Аббас.

Стремительно вылетев из-за киоска, она пнула меня в грудь. Я врезался спиной в дерево. Мои лёгкие распластались, словно бумажный пакет, из которого хлопком ладони вышибли воздух. К тому времени, как я вновь обрёл возможность дышать и видеть, Блитцен валялся у стены, руны из кисета Харта рассыпались веером по земле, а над ним самим Сэм занесла свой топор.

— Прекрати! — попытался проорать я, но исторг лишь жалобное сопение.

Харт, увернувшись от топора, пошёл было в атаку на Сэм, которая тут же подсекла его коленом. Эльф плашмя рухнул на спину.

Блитцен предпринял попытку встать. Шляпа его при этом съехала набок, очки слетели, и кожа вокруг его глаз немедленно начала сереть от дневного света.

Сэм развернулась, намереваясь вдарить по нему топором. Я впал в бешенство. Рука сама потянулась к цепочке на поясе. Стоило моим пальцам коснуться её, она превратилась в меч. Моментально выхватив его из ножен, я им воспользовался как тарелкой фрисби. Со свистом пролетев по воздуху, он врезался в топор Сэм, выбил его у неё из рук и попутно едва не стесал ей лицо.

Она ошалело уставилась на меня, словно не веря происходящему.

— Какого Хельхайма?

— Ты первая начала, — парировал я.

Харт, изловчившись, вцепился руками ей в щиколотку. Она отфутболила его резким ударом ноги.
— Прекрати пинать моего эльфа, — потребовал я.

Она откинула назад платок, дав своим темным волосам рассыпаться по плечам, и приняла боевую позу в явной готовности сразиться со всеми нами одновременно.

— Не хочешь помочь мне, Магнус? Останься при мне моя прежняя сила, я бы вырвала из тебя душу за все беды, которые ты мне причинил.

— Допустим, — кивнул я ей. — Но может, лучше расскажешь, зачем ты здесь? Вдруг мы сможем договориться и даже помочь друг другу.

Блитцен в гневе затряс своими очками.

— Помочь? Ей? С какой это стати? За то, что она в похоронном агентстве оглушила Харта, а у меня по её милости глаза сейчас превратятся в два куска кварца?

— Не надо было устраивать слежку за мной, — огрызнулась Сэм.

— Фи! — Блитцен поправил шляпу. — Кому надо было следить за тобой, валькирия. Мы просто ищем одно и то же. Меч.

Харт, все ещё валявшийся на спине, показал из лежачего положения:

— Убейте её, пожалуйста, кто-нибудь.

— Он это что вздумал, показывать мне неприличные жесты эльфов? — свирепо воззрилась на него Сэм.

— Это просто АЯЖ — Американский Язык Жестов.

— Альфийский Язык Жестов, — уточнил Блитц.

— Не важно. — поднял я ладони вверх. — Устраиваем перемирие и пытаемся договориться. А перебить друг друга, если понадобится, успеем и позже.

Сэм походила взад-вперёд, бормоча себе что-то под нос, и в результате ей удалось отыскать сперва свой топор, а потом мой меч.

«Вот умница, Магнус. — пронеслось у меня в голове. — Теперь у неё все оружие».

Она кинула меч в мою сторону.

— Не надо было мне выбирать тебя для Вальхаллы.

Блитцен хмыкнул.

— Ну на это никто из нас точно уж возражать не станет. Если бы ты не встрияла тогда на мосту...

— Встрияла? — вырвался у неё возмущённый вопль. — Да я забрала его уже мёртвым. Ты и твой эльф что-то не очень ему помогли своими пищащими стрелами и дурацким дорожным знаком.

Блитц гордо выпрямился во весь рост и выпятил грудь, отчего, впрочем, не сделался ни грознее, ни выше.

— Спешу довести до вашего сведения, что мой друг — великий волшебник рун.

— Да неужели? — без тени почтения проговорила Самира. — Что-то я не заметила, чтобы он применил своё волшебство на мосту против Сурта.

У Хартстоуна сделался оскорблённым вид.

— Применил бы, — прожестикулировал он. — Но меня отвлекли.

— Вот именно, — поддержал его Блитц. — А что до меня, валькирия, то я обладаю множеством навыков.

— Например? — задиристо осведомилась Самира.

— Например, я в первую очередь привёл бы в порядок ваш безобразный костюмчик, — не остался в долгу обиженный гном. — Носить куртку такого цвета с зелёным платком совершеннейший моветон.

— И кто это, интересно, мне здесь даёт советы по стилю? — упёрла она руки в бока. — Гном в лыжном шлеме и темных очках?

— У меня непереносимость к солнечному свету, — закипятился Блитц.

— Ребята, прекратите. Заранее вам благодарен, — прервал я их и помог Харту подняться на ноги.

Он, кидая сердитые взгляды на Сэм, принялся собирать в кисет свои плашечки с рунами.

— Так, — снова заговорил я. — А теперь, Сэм, скажи, зачем ты ищешь меч?

— Затем, что он мой единственный шанс. Затем, что... — Голос у неё дрогнул, и ярости как не бывало.

— Затем, что я посчитала твою глупую храбрость достойной. Я наградила тебя Вальхаллой и в результате пожертвовала всем. Если я найду меч, есть надежда, что таны меня восстановят в правах.

Я докажу им, что я.... что я не...

— Не дочь Локи? — спросил её Блитцен, но на сей раз в его голосе не прозвучало никакого ехидства. Сэм опустила топор.

— Нет, с этим мне уже ничего не поделать. Но я работаю не на своего отца, а на Одина и верна ему.

Хартстоун смерил меня критическим взглядом, в котором легко читалось: «*И ты купился на это?*»

— Да, я ей доверяю, — произнёс я отчётиливо вслух.

Это тоже тебе подсказывает твой баночный инстинкт? — проворчал Блитц.

— Возможно, — ответил я. — Слушайте, мы все четверо хотим найти меч, ведь так? И хотим, чтобы он не попал в руки Сурта.

— Если только Сурт уже не успел его получить, — подхватила Сэм. — И, если сумеем разобраться в происходящем. И если предсказание норн окажется не таким ужасным, как прозвучало.

— Есть один способ это выяснить — Блитц поднял вверх свою сумку для боулинга.

Сэм чуть попятилась.

— Что там?

Харт, сложив ладонь ковшиком, дважды хлопнул себя по плечу: знак босса.

— Ответы, — сказал Блитц. — Хотим мы этого или нет, но должны посоветоваться с Капо.

Глава XXVIII

ГОВОРИ С ГОЛОВОЙ. ЭТО ВСЕ, ЧТО У НЕГО ЕСТЬ

Мы следом за Блитцем спустились по эспланаде, где пирс превратился в ледяную лагуну. У основания причала кренился к боку полосатый столб.

—Здесь летом катаются на гондолах, — сказал я. — Но не думаю, что ты сейчас хоть одну найдёшь.

—Нам сейчас просто нужна вода. — С этими словами Блитц сел на пристань и, потянув за «молнию», раскрыл свою сумку.

—О боги! — едва глянув внутрь, воскликнула Сэм. — Это что, человеческие волосы?

—Волосы? Да. Человеческие? Нет. — отрывисто проговорил Блитц.

—Ты хочешь сказать... — Сэм в полной оторопи прижала к груди скрещённые руки. — Нет, не может этого быть. Ты шутишь или действительно на него работаешь? И принёс сюда?..

—Он настаивал.

Блитц раздвинул и опустил края сумки, и нам явилась оттуда... Ну да. Ни больше, ни меньше.

Отрубленная голова. И хотите верьте, хотите нет, но после двух дней, проведённых в Вальхалле, я этому даже не удивился.

Лицо у отрубленной головы было явно мужского пола. Кожа, как у сморщенного яблока. Клочки рыже-ржавых волос прилипли к черепу. Кожа вокруг плотно сомкнутых впавших век потемнела. Поросший густой бородой подбородок по-бульджьюму выдавался вперёд, обнажая кривой частокол низких зубов.

Блитц совершенно бесцеремонным образом плюхнул голову вместе с сумкой в воду.

—Слушай, чувак, боюсь, речному начальству это совсем не понравится, — заметил я.

Голова покачалась немного. Вдруг вода возле неё закрутилась, пошла пузырями. Лицо начало раздуваться и розоветь. Морщины на коже разгладились. И этот мужик без тела открыл глаза.

Сэм с Хартом преклонили колено, и она наградила меня тычком вбок, призывая последовать их примеру.

—Лорд Мимир, вы нам оказываете большую честь, — почтительно обратилась к голове Сэм.

Лорд Мимир открыл рот, исторгнув фонтан воды, а из глаз, ноздрей и ушей у него вылилось её ещё больше. Ну выпитый кот, которого только что вытащили со дна озера.

—О, как же я ненавижу...

Голова вновь исторгла солидную порцию влаги, и глаза его, которые были до этого мига белыми, обрели ярко-синий цвет.

—Как же я ненавижу, когда приходится путешествовать в этой сумке!

Блитцен отвесил ему поклон.

—Извините, Капо, но выбор-то невелик. Либо сумка, либо аквариум, а он, как известно, средство для путешествия ненадёжное: черезсчур легко бьётся.

Голова заклокотала. Еёсиние глаза, скользнув по лицам присутствующих, остановились на моем.

—Долгий путь мне пришлось проделать, сын Фрея, чтобы поговорить с тобой. Надеюсь, ты это оценишь.

—Следовательно, вы и есть тот самый таинственный и секретный босс, — покивал ему я. — Выходит, Харт с Блитцем пасли меня целых два года по приказу отрубленной головы?

—Я бы на твоём месте, юнец, проявил бы всё-таки уважение. — Голос Мимира напомнил мне голоса грузчиков из «Юнион Холла», лёгкие которых были наполнены смесью табачных смол и морской воды.

—Говорил же тебе: «Капо», — хмуро глядя на меня зажестикулировал Харт. — К-А-П-О. В переводе с итальянского — голова. Так чему же ты удивляешься?

—Я Мимир, — объявил голова, — Когда-то я был одним из могущественных асов. Потом разразилась война с ваннами. И в настоящее время у меня собственное предприятие.

Внешность Мимира была столь отталкивающей, что я не мог точно определить: разозлился он на меня или у него просто рожа такая страшная?

—Фрэй отрубил вам голову? Вы из-за этогона меня злитесь? — спросил я.

—Злюсь? —хмыкнул он. — Отнюдь. Если бы это случилось, ты сразу бы понял. Мне сделалось любопытно, как такое на нем отражается? Может быть, начинает ещё шире пульсировать?

—Твой отец был и впрямь отчасти причастен к тем обстоятельствам, в силу которых я лишился своего тела. Согласно условиям мирного договора, боги той и другой стороны обменялись пленными. Фрей и его отец Ньерд стали жить в Асгарде, а я вместе с богом Хёниром перебрался в Ванахейм.

—И видимо, это переселение не стало для вас удачным, — предположил я.

Вода из ушей Мимира забила фонтаном.

—Выглядел я по сравнению с Фреем неважно. Он ведь был у ванов этаким выдающимся генералом. Красавец в блеске и золоте. Их с Ньёрдом и в Асгарде немедленно окружили всяческими почестями. А нам вот с Хёниром пришлось среди ванов совсем не так сладко. Ну, не произвели мы на них впечатления.

—Да как же так? — мне интересно было узнать причину.

—Ну, Хёнир, скажу прямо, особой харизмой не обладал, — заявил Мимир. — Ваны пытались советоваться с ним по поводу важных дел, а он в ответ на все их вопросы только невнятно бубнил: «*Ну, можно и так. И по-другому тоже, в общем, будет неплохо*». Я-то как раз пытался их направлять. Уговаривал, чтобы они занялись казино.

—Казино? — Мне показалось, что я его плохо расслышал.

—Именно, — подтвердил он. — В Ванахейм прибывают автобусы, полные пенсионеров. Быстрые, лёгкие деньги. А ещё я им говорил: «У вас же полно драконов. С ними можно устроить скачки на небе. Это вам принесёт огромную прибыль».

Я покосился на Блитца и Харта. Они с покорной почтительностью внимали боссу, и вид у них был такой, словно им уже приходилось слушать эту историю множество раз.

—Ну да что теперь говорить, — продолжал Мимир. — Ваны не поняли ценность и дальновидность моих советов. Мало того, ощутили себя обманутыми при обмене пленными. В виде протesta они отрубили мне голову и отправили её Одину.

—Возмутительно. А могли бы иметь казино и драконы бега, — живо отреагировал я.

Сэм постаралась меня заглушить громким кашлем, затем почтительно проговорила:

—Разумеется, что теперь и асы, и ваны вас чтут, великий Мимир. И Магнус совсем не хотел оскорбить вас своими словами. Он не так глуп.

И она кинула на меня полный ярости взгляд под названием в-жизни-ещё-не-встречала-подобного-идиота.

Вода вокруг головы Мимира забулькала в бешеном темпе. Она струилась теперь у него не только из глаз, но и из всех пор на коже.

—Забудь об обиде, сын Фрея. Я не держу её. Один тоже сдержался от мести, когда получил мою голову. Всеобщий Отец ведь мудр. Он понимал, что асам и ванам нужно объединиться против общего врага. Я имею в виду Триад.

—М-м-м. — протянул вдруг Блитцен, старательно поправляя шляпу. — Осмелюсь заметить, вы, вероятно, имели в виду великанов, босс?

—Нуда, их самых, — легко согласился с поправкой Мимир. — В общем, Один отнёс меня в Йотунхейм, где находится тайная пещера с волшебным источником, что питает корни дерева Игграсиль. Там он поместил мою голову прямо в колодец. Вода возвратила мне к жизни, и я впитал все знания Мирового Дерева. Мудрость моя увеличилась в тысячи раз.

—Но вы остались по-прежнему только... отрубленной головой. — снова не удержался я.

Голова в воде гордо вскинулась.

—Это ни в коей мере не мешает мне успешно действовать во всех Девяти Мирах. Защита. Игровые автоматы патинко...

—Патинко? — переспросил я.

—О-о, это огромный рынок, — покивала мне из воды голова. — К тому же я постоянно работаю над проблемой недопущения Рагнарёка. Он плох для бизнеса.

—Ну, наверное.

Убедившись, что эта беседа может продлиться ещё невесть сколько времени, я все же решился сесть. Сэм и Харт тут же последовали моему примеру. Вот трусы!

—Один тоже время от времени приходит ко мне за советами, — сообщила с гордостью голова. — Я его консультанты. Советник. Колодец знаний находится под моей охраной. Иногда позволяю испить его воду

путешественникам. Разумеется, не бесплатно. Такое должно иметь свою цену, – веско добавил он и слово «цена» накрыло всех нас, как тяжёлое душное одеяло.

Блитцен замер в столь неестественной позе, что я на какой-то момент испугался, не окаменел ли он. Хартстоун вперился взглядом в настил причала, словно его вдруг безумно заинтересовала структура дерева. Мне стала ясна причина, по которой мои друзья попали под власть Мимира. Испили из его вод. Простите меня за двусмысленность, и оказались вынуждены заплатить за это двухлетним наблюдением за мной. Интересно, стоили ли того знания, которые им открылись?

— Ну и что же вы от меня-то хотите, Великий Мимир С Большими Связями? – нарушил я молчание. Мимир выплюнул пескаря.

— Надо ли мне говорить тебе это юнец? Ты сам уже все знаешь.

Меня подмывало ему возразить, однако, чем дольше я его слушал, тем явственней ощущал себя так, будто бы вместо воздуха мои лёгкие заполнялись чистым кислородом. Не скажу, чтобы Капо сильно меня вдохновлял. Тем не менее, рядом с ним моя голова стала варить куда лучше прежнего и множество странностей, с которыми я столкнулся за последние несколько дней, сплелись в единый узор.

В памяти вдруг всплыла иллюстрация из детской книжки скандинавских мифов. Сюжет её был столь ужасен даже в малышевом варианте, что моё подсознание моментально меня от него заблокировало на многие годы. И вот теперь...

— Волк, – сказал я. – Сурт хочет освободить волка Фенрира.

У меня ещё теплилась надежда, что кто-нибудь начнёт мне возражать. Но Харт лишь склонил в согласии голову, а Сэм закрыла глаза, как в безмолвной молитве.

— Фенрир, – произнёс дрожащим голосом Блитцен. – Я полагал, что никогда не услышу больше этого имени.

Мимир продолжал исторгать ручьями из глаз ледяную воду. Губы его изогнулись в полуухмылке.

— Ну-ка, сын Фрея, рассказывай, что ты знаешь про волка Фенрира?

Я поднял до самого горла молнию на своей охотничьей куртке. Ветер с реки мне стал казаться слишком холодным.

— Поправьте меня, если я в чём-нибудь ошибусь. И, если честно, хотелось бы мне ошибиться.

Множество лет назад у Локи случился роман с великаншей, и у них родилось трое жутких детей.

— Я не одна из них, – быстро пробормотала Сэм. – И прошу воздержаться от шуточек. Я их все уже слышала.

Хартстоун дёрнулся с таким видом, будто она прочла его мысли.

— Первым у них родился огромный Змей...

— Йормунганд. – подсказала мне Сэм. – Мировой Змей, которого Один выкинул в море.

— Второй была Хель, – продолжил я. – Она стала кем-то вроде богини мёртвых преступников.

— А третьим был волк Фенрир, – тоном, исполненным боли и горечи, изрёк Блитцен.

— Говоришь так, будто знаешь его, – сказал я.

— Каждый гном знает о Фенрире, – принялся объяснять он. – Как раз в связи с ним асы к нам впервые и обратились за помощью. Фенрир к тому времени окончательно разошёлся и грозил сожрать всех богов. Они несколько раз его связывали, но он разрывал все цепи.

— И только гномы смогли сделать цепь, которая оказалась достаточно прочной, – вспомнил я.

— С тех пор-то, – кивнул мне Блитцен, – дети Фенрира и стали врагами гномов. – Он посмотрел на меня. Моё лицо отразилось в стёклах его очков. – Ты не единственный, кого волки лишили семьи, сынок.

Я испытал вдруг дикое для себя желание крепко его обнять. И разом перестал злиться на то, что он с Хартом следил за мной столько времени. Мы оказались братьями не только по бездомнй жизни, но и ещё по одной причине. И всё-таки что-то в последний момент удержало меня от нежностей. Из этого можно, наверное, вывести закономерность: если вам вдруг захотелось обнять гнома, значит, для вас настала пора двигаться дальше.

— В Рагнарёк, то есть в судный день, первым событием станет освобождение Фенрира.

— В предании точно не сказано, как именно это произойдёт, – дополнила меня Сэм.

— Один из путей – разрубить на нем путы, – сообщил Блитц. – Цепь Глейпнир практически не разрубаема, но...

— Меч Фрея, – заработал руками Харт. – Самый острый в Девяти Мирах.

— Сурт хочет освободить Волка мечом моего отца. Правильно? – обратился я к Мимиру.

—Недурно, —пробулькала одобрительно голова. —Вот мы и подходим к сути, стоящей перед тобой задачи.

—Остановить Сурта,—принялся формулировать её я.— Найти меч прежде, чем он... Ну если, конечно, Сурт ещё его не нашёл.

—Не нашёл. —убеждённо булькнул Мимир. — Уж можешь мне поверить. Такое событие повергло бы в трепет все Девять Миров, и воды Иggдрасиля приобрели бы вкус праха.

—Брр.—поёжился я.

—Ты даже представить себе не можешь, какой это был бы вкус, —покровительственно поглядел на меня Мимир. —Но суть в том, что тебе надо поторопиться.

—Предсказания норн? —спросил я. — «Девять дней к востоку» и тому подобное?

Вода пузырилась из ушей Мимира.

—Почти уверен, что норны не говорили «и тому подобное», но в остальном ты полностью прав.

Остров, где боги держат в плену Фенрира, доступен лишь в первое полнолунье каждого года. А оно начнётся ровно через семь дней.

—И кто только придумал такое правило?—возмутился я.

—Я придумал, —ответила голова. —Так что закрой рот и доберись до острова прежде Сурта.

Сэм подняла руку.

—Лорд Мимир, мне совершенно ясно, что нам обязательно нужно отыскать меч. Но я не понимаю, зачем нам везти его на остров? Ведь Сурт именно этого и добивается. Ну, чтобы он там оказался.

—Вы не понимаете, а я понимаю, —самодовольно запенилась водой голова.—Именно потому, мисс Аббас, я босс, а вы нет. Ясное дело, везти меч на остров очень рискованно. Сурт и впрямь может им воспользоваться и освободить Волка. Но, с мечом или без, он найдёт способ избавить его от пут. Я, кажется, упоминал, что могу видеть будущее, не так ли? Единственный, кто способен остановить Сурта, —это Магнус Чейз. При условии, если он найдёт меч и научится правильно с ним обращаться. Прошло с минуту, как я последний раз раскрыл рот, поэтому я себя счёл в полном праве нарушить столь затянувшееся молчание.

—Достопочтенный Лорд Пузырей!

—Мимир, —фыркнул на меня он.

—Если этот меч играет такую важную роль, как же ему позволили целую тысячу лет проваляться на дне реки Чарльз?

Мимир пенно вздохнул.

—Мои постоянные подручные не задают мне столько вопросов.

Блитц откашлялся.

—Вообще-то зодадаём, босс. Но вы просто нас игнорируете.

—Отвечаю тебе. Магнус Чейз, —не удостоила вниманием реплику пенная голова. —Найти меч дано только потомку Фрея, вступившему в возраст зрелости. Многие предпринимали попытки, но или погибли, или вернулись ни с чем. В данный момент ты —единственный из живущих потомков Фрея.

—Единственный? Во всём мире?

—Во всех Девяти Мирах. —уточнил Мимир. —Фрей последнее время мало куда выходит. Твоя мама была, вероятно, и впрямь особой немыслимо выдающихся качеств, иначе не привлекла бы до такой степени его внимание. С тех пор, как ты появился на свет, многие в Девяти Мирах стали ждать с нетерпением дня, когда тебе стукнет шестнадцать. И боги, и великаны, и букмекеры, ну и другие. Кто жаждет убить тебя, чтобы меч не попал в твои руки, а кто, наоборот, желает тебе успеха.

Затылок мне закололи тысячи раскалённых иголок. Мысль о том, что с самых первых дней жизни за мной, как за подопытным кроликом, пристально наблюдала в свои телескопы куча асгардских богов, повергла меня в ужасное омерзение. Маме, должно быть, вес это было известно, вот она и старалась изо всех сил обеспечить мне безопасность и привить необходимые навыки для выживания. А в ту ночь, когда волки напали на нашу квартиру, она пожертвовала своей жизнью, чтобы спасти мою.

Я встретился с сочащимся влагой взглядом Капо.

—Ну а вы чего хотите?

—Ты очень рискованная ставка, Магнус. В твоей жизни пересеклось множество судеб. Победив, ты отбросишь назад Силы Зла и отсрочишь приход Рагнарёка. А твой проигрыш, наоборот, ускорит его наступление.

Горло сжало спазмом. Я шумно сглотнул.

—Ускорит? Насколько?

—Ну как тебе, к примеру, следующая неделя?

—Ох! – только и вырвалось у меня.

—Но я все же решил на тебя поставить,—продолжила Голова. —Как только дети Фенрира расправились с твоей мамой, Харт и Блитц были посланы мной охранять тебя. Ты даже представить себе не можешь, сколько раз они спасали твою жизнь.

Харт показал мне семь пальцев.

Меня затрясло. Но совершенно не от открытия, что я семь раз был на грани гибели. Дети Фенрира, два омерзительных волка с голубыми глазами. Они меня повергали в дрожь.

— Эта маленькая команда тебе потребуется и дальше, чтобы добиться успеха,—указал взглядом Мимир на Блитца и Харта. —Хартстоун посвятил жизнь изучению магии рун. Без его знаний победить тебе не удастся. И без такого умелого гнома, как Блитцен, тоже. Он знаток гномых ремёсел. А ты возможно, встанешь перед необходимостью укрепить путы Волка или даже заменить их.

Блитцен заёрзal.

—Ну, босс, мои ремесленные навыки... Вы же знаете...

—Прекрати, – осадил его тот. Ни один гном не наделён столь отважным и преданным сердцем, как ты. Ни один гном не забирался столь глубоко в Девять Миров. И ни один гном не испытывает такого страстного желания навеки оставить Фенрира в его оковах, к тому же ты у меня на службе. Поэтому сделаешь то, что я прикажу.

Блитцен кивнул.

—Ну, если вы так вопрос ставите...

— А я? –вмешалась вдруг Сэм. —Какую роль вы отводите мне, лорд Мимир?

Он нахмурился, и вода вокруг его бороды пошла густо-зелёными пузырями.

—Ваше присутствие не входило в мой план. Ваша судьба скрыта облаком, мисс аль-Аббас. Отвести Магнуса в Вальхаллу! Совершенно вразрез всему. Это не должно было произойти.

Сэм отвернулась. Губы её крепко сжались и побелели от ярости.

— Нет, у неё должна быть роль, – решительно выступил я. —Совершенно уверен.

—Я не нуждаюсь в твоём покровительстве. Магнус, —сердито проговорила она.—А выбрала тебя потому, что...—Она осеклась.—Потому что это должно было произойти.

Я вспомнил, что она мне сказала в Трапезной Павших Героев: «Нет, выбор не мог быть неправильным... Ведь мне говорили... Мне обещали...» Кто говорил и что обещал? Но сейчас неуместно было ей задавать такие вопросы.

Мимир какое-то время внимательно на неё глядел.

— Ну что ж, мисс Аббас, возможно, вы были правы, —наконец сказал он.— Вынув впервые меч из реки, Магнус не слишком-то хорошо с ним управился. Будем надеяться, что, став эйнхерием, он обрёл достаточно сил. Если так, то решение ваше верно. Что, впрочем, не исключает, что вы внесли путаницу в его судьбу.

—Мы добьёмся успеха, —с ещё большим нажимом проговорил я. —Остаётся всего два вопроса: где меч и где остров?

Мимир кивнул, приобретя на мгновение сходство с гигантским поплавком.

—Вот мы и приблизились к сути проблемы, не правда ли? Для получения такой информации мне

придётся разорвать завесу между мирами, подмазать, где надо, и заглянуть в царства других богов.

— А мы не могли бы просто испить эту информацию из нашего волшебного колодца? —выдал самый короткий путь я.

— Могли бы, —подтвердил он. — Но это вам обойдётся... — Он выдержал паузу. — Вы с Самирой аль-Аббас готовы связать себя службой мне?

Лицо Харта застыло в тревоге. А Блитц напружинился, словно готовый с места подскочить ко мне с воплем: «Не соглашайся!».

—А не могли бы вы в качестве исключения сделать это бесплатно? — осведомился я у Капо. — У вас же тут свой интерес. Разве вы не хотите, чтобы работа прошла успешно?

—Исключения невозможны, юноша,—отрезал Капо. —Я не скрупой. Просто так уж устроено: сколько готов заплатить, ровно столько и получаешь. Доставшееся легко ничего и не стоит. В особенности это касается знания. Хочешь выиграть время, плати за необходимую информацию её цену. А не желаешь платить, ищи её сам. Только ведь это долгий и трудный путь.

—Прошу прощения, лорд Мимир.—скрестила почтительно на груди руки Самира,—но, хоть меня и выкинули из сестринства валькирий, я по-прежнему считаю себя на службе у Одина и к другому

хозяину перейти не могу. Магнус, конечно, может решать, как хочет, но...

—Мы сами все выясним, — подхватил я.

Наше решение привело Капо в полное замешательство. Он явно такого не ожидал.

—Интересный выбор, —изрёк он с досадливым плеском. — Что ж, счастливой попытки. Если добьётесь успеха и победите, предоставляю вам право бесплатно играть во всех моих заведениях с автоматами патинко. Ну, а в случае неудачи, увидимся на следующей неделе во время судного дня. Голова бога вдруг бешено закрутилась и исчезла в льдистой воде лагуны.

— Слился, —констатировал я.

Харт сделался даже бледнее обычного.

—И что теперь?

Я вдруг почувствовал жуткий голод. Со вчерашнего вечера у меня ведь ни крошки во рту не было, а организм мой, видать, успел уже изрядно избаловаться регулярной викингской кормёжкой на убой.

—Теперь? — сказал я. — Думаю, пообедать.

Глава XXIX

ОРЕЛ УКРАЛ НАШИ ФАЛАФЕЛИ

На обратном пути через парк мы в основном помалкивали. В воздухе пахло приближающейся метелью. Поднявшийся ветер по-волчьи выл. И может быть, просто посистывал, как обычно делает сильный ветер, а мне просто везде мерещился волчий вой.

Блитц, прихрамывая, перемещался от одной тени к другой. Ярко-полосатый шарф Харта совершенно не соответствовал мрачному выражению его лица. Мне хотелось его расспросить на предмет рунной магии, раз он такой знаток в этой области и вообще единственный из живущих смертных, кто ею владеет. В основном то меня интересовало, нет ли какой-нибудь руны, с чьей помощью можно взрывать волков, и желательно с безопасного расстояния. Но задавать Харту вопросы сейчас было явно бессмысленно. Он шёл, глубоко засунув руки в карманы, а это у него значило: не хочу разговаривать.

Мы как раз проходили мимо моего старого доброго спального места под мостом, когда Сэм проворчала:

— Мимири. Я должна была знать, что он в это дело замешан.

Я ехидно на неё глянул.

— А не ты ли только что была прямо сама вежливость? Лорд Мимири, вы оказали нам честь, мы польщены...

— Естественно, если уж он нам явился, я должна была обращаться к нему почтительно,—перебила она меня.—Как-никак, один из старейших богов. Но он совершенно непредсказуем. Всегда трудно определить, чью сторону он занимает.

Блитцен прыгнул в тень от ивы, спугнув нескольких уток.

— Капо всегда на стороне тех, кто не хочет умирать. Разве этого недостаточно?

Сэм язвительно фыркнула.

— Поэтому-тovы на него работаете, а? Исключительно по доброй воле и зову сердца. И, разумеется, вам даже мысли не приходило испить из его колодца в обмен на определённую плату.

Блитц и Харт понуро молчали.

— Ну, что и требовалось доказать, — тряхнула головой Сэм. — Но я не часть плана Мимири и пить его

*Кулэйд(прим. Товарный знак растворимого порошка для приготовления фруктовых прохладительных напитков; выпускается в нескольких вариантах)магических знаний не собираюсь.

— На Кулэйд непохоже. — возразил Блитц. — Больше напоминает пиво из корнеплодов с лёгким оттенком гвоздики.

Сэм повернулась ко мне:

— Тут явно что-то не складывается. Я понимаю, найти Меч Лета. Но зачем тащить его после этого на остров, именно туда, где Сурт им и намерен воспользоваться в своих целях? Это глупо.

— Но меч-то будет уже у меня в руках и....

— Магнус, — не дослушала меня она. — Твой отец отдал меч, и за это в Рагнарёк должен быть убит Суртом. Так уж назначено судьбой. По крайней мере, так написано в большинстве историй. А значит, меч все равно рано или поздно окажется у Сурты.

Меня от таких предсказаний кидало в жуть. Как кто-либо, и даже бог, мог сохранить рассудок, заранее зная в деталях о своей предстоящей смерти и веками вынашивая эту ужасную мысль?

— И почему Сурт так ненавидит именно моего отца?—не понимал я. — Гораздо логичнее ему было бы выбрать для этого какого-нибудь большого и сильного бога войны.

— Сынок, — с хмурым видом проговорил Блитцен. — Сурт жаждет сеять смерть и разрушения. Он жаждет пустить безудержный шквал огня по всем Девяти Мирам. Бог войны не в силах такого остановить, а Фрей в силах. Он — бог сезонов расцвета в природе. Бог здоровья и новой жизни. Он враг крайностей. Он сдерживает и лёд, и огонь. А Сурт не выносит препятствий у себя на пути.

Поэтому твой отец его естественный враг.

«*А как следствие, Сурт ненавидит меня*»,— отметил про себя я, а вслух поинтересовался:

— Но если Фрей точно знал, какая судьба его ждёт, то зачем расстался с мечом?

— Известное дело зачем. Любовь, — тяжело вздохнул Блитц.

— Любовь? — вытаращился на него я.

Сэм поморщилась.

—Ненавижу эту историю. Лучше, Магнус, решай скорее, куда поведёшь обедать? Что до меня, то какая-то часть моего существа просто жаждала услыхать эту историю, а другая напомнила мне слова Локи: «*Решишься ли ты искать то, чего жаждет твоё сердце, если тебе при этом будет известно, что после тебя ожидает участь твоего отца?*»

Я уже убедился: у большинства скандинавских историй одна и та же мораль: знание не всегда равноценно заплаченной за него цене. Мне бы следовало хорошенько подумать об этом. Но яна своё несчастье, всегда отличалася большим любопытством.

—Ну, обед, полагаю, нас ждёт вон там, впереди,—ответил я на вопрос Сэм.—Пошли.

Ресторанный дворик в так называемом Государственном Транспортном здании Бостона, конечно, не шёл ни в какое сравнение с Трапезной Павших Героев, но для бездомного был почти что Вальхаллой. Во-первых, располагался он в теплом атриуме, во-вторых, в него мог спокойно прийти кто угодно, в-третьих, там всегда оказывались свободные столики и, в-четвёртых, он охранялся не полицейскими, а только частной службой охраны. Достаточно стакана с каким-нибудь напитком или тарелки с недоеденной едой, и можешь сидеть там хоть целую вечность, пока тебя кто-нибудь не сдвинет. Едва оказавшись внутри, Блитцен с Хартстоуном направились прямиком к контейнеру, куда посетители скидывают с подносов обеды.

—Стоп, ребята, —гордо остановил их я. — Сегодня едим настоящую пищу. Я угощаю.

Харт, подняв удивлённо брови, изобразил вопрос:

—У тебя что, есть деньги?

—У него здесь есть друг. —тут же напомнил ему Блитц. — Парень, который торгует фалафелью.

Сэм замерла.

—Что?

И ей пришлось с таким видом озираться по сторонам, словно до неё только сейчас дошло, где мы находимся.

—Здесь круто, —поспешил её успокоить я. — Я действительно знаю парня, который работает в «Фалафельной Фадлане». Ты ещё мне спасибо скажешь. У них потрясающе вкусно.

—Нет... Я.... О, боги, —Сэм,похоже, ничуть не успокоилась и, натянув платок чуть не до самых глаз, тихо бросила:

—Я не могу. Может, мне лучше вас подождать снаружи?

—Не дури, —Блитц взял её за руку.—Если с нами увидят такую хорошенькую девушку, нам, возможно, достанется больше еды.

Сэм явно хотелось скорее сличить отсюда, но она все же позволила Харту и Блитцу усадить себя за столик. Видимо, следовало бы обратить побольше внимания на неё, а точнее, на то, как она неуютно здесь себя чувствует. Но стоит мне приблизиться на сто футов к «Фалафели Фадлане», как я забываю решительно обо всем на свете, кроме неё.

А с менеджером этого заведения Абделем я успел за два года бездомной жизни наладить крепкие дружеские отношения. Думаю, я для него был чем-то вроде благотворительного проекта.

У него всегда оставались излишки еды. Чуть зачерствевшая пита, вчерашняя шаурма, пересушенный под лампой подогрева кебаб... За деньги уже посетителям этого не продашь, но ведь вполне съедобно. И вместо того, чтобы выкинуть такую еду на помойку, Абдель отдавал её мне. Когда бы я ни явился к нему, мог наверняка рассчитывать на сэндвич с фалафелью или какую-нибудь другую вкуснятину. А в благодарность приглядывал за другими бездомными в атриуме, чтобы они прилично себя вели и не отпугивали посетителей, которые едят у Абделя за деньги.

В Бостоне вы не найдёте ни одного квартала, где бы не было какой-нибудь иконы свободы. Тропа Свободы, вымощенная красным кирпичом. Старая Северная церковь. Монумент Банкер-Хилл. И ещё многие в том же роде. Но лично мою свободу и независимость воплощали не все эти памятники истории, а «Фалафель Фадлане», которая надёжно поддерживала меня с той самой поры, как погибла мама.

Мне не хотелось смущать Абделя компанией, которую я притащил собой, поэтому я велел Блитцу и Харту оставаться за столиком, а к прилавку отправился вместе с Сэм. Она тащилась следом за мной так медленно, будто ей стало вдруг тяжело ходить, и проделывала при этом какие-то диковинные манипуляции со своим зелёным платком, похоже, стараясь в нем спрятаться.

—Что с тобой? —наконец не выдержал я.

—Может конечно, его сейчас здесь и нет. —с безумным видом пролепетала она. —Или лучше всего

сказать, что я твой репетитор.

Не вривившись, о чём она, я подошёл вплотную к прилавку, а Сэм предпочла задний план, явно пытаясь укрыться за фикусом в кадке.

—Абдель здесь? —спросил я у парня на кассе.

Не успел он мне ответить, как из кухни, улыбаясь и на ходу вытирая руки о фартук, вышел сын Абделя, Амир.

—Джимми, как жизнь? — поприветствовал он меня.

Я расслабился. После Абделя Амир здесь был следующим самым лучшим. Лет восемнадцати-девятнадцати, стройный и привлекательный, с прямыми темными волосами, татуировкой на арабском языке на бицепсе и такой ослепительной белозубой улыбкой, что мог бы спокойно продать целый грузовик отбеливающей зубной пасты. В Фалафельной он, как и все остальные, знал меня под именем Джимми.

—Жизнь нормально, — ответил я. — А как твой отец?

—Он сегодня в Сомервилле. Тебе как всегда?

— Мужик, ты лучше всех.

Амир рассмеялся:

—Да ладно тебе.

Тут он скользнул взглядом мне за плечо. Улыбку как стёрло с его лица, а сам он осталбенел.

—Самира? Ты что здесь делаешь?

Она, еле переставляя ноги, проковыляла вперёд.

— Привет. Амир. Я тут, видишь ли, помогаю Ма... то есть Джимми с уроками.

— Правда? — Амир упёрся локтями в прилавок, бицепсы на его руках напряглись.

Этот чувак целыми днями пахал во всех заведениях своего отца, умудряясь при этом не посадить ни единого пятнышка на футболку.

—Разве ты не должна быть сейчас на занятиях? —продолжал удивляться он.

— Да ты понимаешь, —медленно начала она, явно изобретая ответ на ходу, — мне за занятия с учениками вне кампуса начисляются дополнительные баллы. Вот я и взялась подтягивать Джимми и его одноклассников. —И она указала на столик, где Блитц с Хартом вели на языке жестов яростный спор, выписывая руками круги и другие фигуры. —По геометрии их подтягиваю, нобоюсь, они в ней безнадёжны.

—Безнадёжны. — немедленно поддержал её я. Но фалафель поможет нам заниматься получше.

—Ладно, если чего, я тебя прикрою, — заговорщицки посмотрел Амир на Самиру. — А тебя, Джимми, рад видеть. Так здорово, что с тобой все в порядке. А то вчера эта история на мосту... В газетах была фотография погибшего парня. Он так похож на тебя. Имя, конечно, другое, но мы все равно встревожились.

А мне, из-за полной зацикленности на фалафели, даже в голову не пришло, что они запросто могут все сопоставить.

—Ах да. Я тоже видел газеты, — постарался, как мог, спокойно проговорить я. — Но со мной-то порядок. Видишь, с преподавательницей геометрией занимаюсь.

—Ну-ну,—улыбнулся Самире Амир.

Неловкость сгустилась такая, что хоть топором разрубай.

—Ладно, Самира, большой привет от меня Джиду и Биби, — к счастью, заторопился он. — Идите к своим за столик. Сейчас принесу вам еду.

Сэм пробубнила нечто невнятное. То ли «спасибо большое», то ли «убейте меня прямо сейчас», и мы присоединились к Блитцу и Харту.

—Что это было? — спросил я у неё. — Откуда ты знаешь Амира?

Самира надвинула ещё ниже платок на лоб.

—Не садись так близко ко мне. —процедила она сквозь зубы. —И постарайся выглядеть как ученик, с которым мы обсуждаем исключительно геометрию.

—Треугольники, —начал отчётливо я. —Четырёхугольники. Только не понимаю, чего смущаться-то? —перешёл я почти на шёпот. —Амир — классный парень. А если ты знаешь семейство Фадлан, то ты для меня как рок-звезда.

—Он мой кузен, —сердито выпалила она. — Двоюродный, а может, троюродный. Ну, что-то в этом роде.

Я перевёл взгляд на Харта. Он сердито уставился в пол. Блитцен сидел без маски и очков.

Искусственный свет, вероятно, ему не вредил. Лицо его было мрачно, руки нервожно водили вперёд-назад пластиковую вилку по столу. За время нашего с Сэм отсутствия они явно успели хорошенько поссориться.

— Но почему ты так нервничаешь? — вновь обратился я к Сэм.

— Ты можешь забыть об этом? — раздражённо спросила она.

Я в виде капитуляции поднял вверх руки.

— Кажется, лучше начать по новой. Привет всем. Я Магнус, и я эйнхерий. Если уж мы не собираемся изучать геометрию, может, хотя бы обсудим, с чего начать поиски Меча Лета?

Ответа ни от кого из троих не последовало. Мимо, клюя на ходу какие-то крошки, вразвалку проковылял голубь.

Я оглянулся на фалафельную. Амир по каким-то причинам опустил металлическую штору. Странно. Ни разу раньше не видел, чтобы он в обеденное время закрывал заведение. Меня одолела тревога. Что, если он на Сэм за что-то обиделся и теперь снимет меня с довольствия?

Если так, это полная катастрофа. Просто с ума сойти.

— Что случилось с нашей едой? — произнёс я вслух.

— Могу посодействовать с тем и с другим вопросом, — тоненьким голосом просипел у моих ног.

Я глянул вниз и, закалённый событиями последней сумасшедшей недели, не только не вздрогнул, но даже особенно не удивился, поняв, кто со мной говорит.

— Братцы, — спокойно посмотрел я на остальных. — Этот голубь нам вроде хочет помочь.

Голубь тут же вспорхнул на наш стол. Харт вздрогнул, едва не свалившись со стула. Блитц воинственно выставил вперёд пластиковую вилку.

— Здесь иногда обслуживают очень медленно, — просипел голубь. — Я, однако, могу ускорить доставку вашего заказа, а также сообщить, где следует искать меч.

— Это не голубь, — схватилась за топор Сэм.

Тот скосил на неё оранжевую бусинку глаза.

— Может, и нет, — не опроверг он её утверждения, — но, если убьёшь меня, никогда не получишь обеда, не найдёшь меч и не увидишь снова своего суженого.

Глаза у Сэм стали такие, словно от них сейчас во все стороны полетят разрывные пули.

— О чём это он? Что там и где ещё сужено? — не совсем разобрался я.

Голубь заворковал.

— Если хотите, чтобы «Фалафельная Фадлана» снова открылась...

— Да ты нам, никак, войну объявишь? — разозлился я.

Меня подмывало схватить беспардонную птицу, однако что-то мне подсказывало в последний момент, что даже при всех эйнхериевских рефлексах попытка вряд ли пройдёт успешно. Поэтому я просто спросил:

— Что ты сделал с Амиром?

— Пока ничего, — небрежно просипел он. — И обед вам сейчас доставят. Только одно условие: я начину есть первым.

— Ну, предположим, я тебе поверил, — осторожно произнёс я. — Что ты хочешь в обмен за сведения о мече?

— Услугу за услугу, — внесло некоторую ясность нахальное пернатое. — Допускаю возможность торга. Ну, мы договорились или фалафельное заведение останется навсегда закрытым?

Блитцен покачал головой.

— Нет. Магнус.

Харт показал:

— Голубям доверять нельзя.

Сэм, не мигая, смотрела в упор на меня, и веё взгляде мольба смешалась с безумием. То ли фалафель ей нравился даже больше, чем мне, то ли её волновало что-то совсем другое.

— Ладно, — сказал я голубю. — Тащи наш обед.

Железная штора немедленно взмыла вверх. Парень за кассой стоял, замерев неподвижной скульптурой, прижимающей к уху мобильник, однако мгновенье спустя разморозился, глянул через плечо и прокричал названия блюд в заказе столь будничным тоном, словно вообще ничего не произошло.

Голубь взлетел и умчался в сторону магазина, скрывшись за прилавком. Кассир, кажется, даже и не заметил его. Как, впрочем, не обратил внимание и на то, что почти тут же из его заведения вылетела

птичка куда больше голубя, а именно лысый орёл, держащий в когтях поднос, с которым и приземлился в центр нашего стола.

—Значит, теперь ты орёл, — отметил я очевидное.

—Да, —произнёс он прежним осипшим голосом. — Обожаю модификации. Вот ваша еда.

На подносе стояло все, что я только мог пожелать. Парящие квадратики прямого рубленого мяса в тесте. Горка бараньих кебабов с мятым йогуртовым соусом. Четыре свежих питы, украшенные сверху кусочками маринованных овощей и начинённых шариками из путевой пасты с тахинной подливой.

—О Хельхейм! О, да!— Я с торжествующим воплем жадно потянулся к подносу, но орёл меня клюнул в руку.

—Погоди, погоди. Я первый.

Вы когда-нибудь видели, как орёл поедает фалафель? Эта ужасающая картина теперь преследует меня вочных кошмарах.

Не успел я и глазом моргнуть, как эта лысая тварь впрылесосила с подноса все, кроме крохотного кусочка маринованного огурца.

—Эй! — жалобно взывал я.

Сэм, вскочив на ноги, занесла над птицей топор.

—Это великан. Другого и быть не может.

—Уговор есть уговор, — спокойно отреагировав на её слова, сытно рыгнул орёл. — Что ж, перейдём к проблеме меча.

С яростным кличем мужчины, лишившегося своей законной фалафели, я выхватил меч и плашмя ударил им орла.

Не самый, согласен, разумный поступок с моей стороны, но я в тот момент был зол и ужасно голоден. К тому же не выношу, когда меня надувают, и питаю мало симпатии к лысым орлам.

Меч пришёлся птице по спине и прилип к ней, словно намазанный суперклеем. Я попытался его оторвать, но держался он намертво, а руки мои столь же фундаментально приросли к рукояти.

—Ладно, —презрительно просипел орёл.—Можем и так позабавиться.

И, волоча меня за собой, он со скоростью шестьдесят миль в час (*прим. перевод: примерно 96 км/ч*) понёсся сквозь дворик атриума.

Глава XXX

ЯБЛОКО В ДЕНЬ УБЬЕТ ТЕБЯ

Я самым решительным образом добавил в свой список ненавистных занятий сёрфинг с орлом. Этот кретин с лысой башкой, по сути, не должен был взлетать, таща с собой на буксире достигшего зреального возраста Магнуса Чейза. Орлам такое не по силу. Тем не менее, он именно это и сделал. Блитц и Сэм за моей спиной выкрикивали крайне полезные рекомендации вроде: «Остановись! Не надо!» пока орёл знал себе тащил меня через ресторанный дворик, колотя моим бедным телом о столы, стулья и растения в кадках. Таким образом, мы с ним добрались до раздвижных стеклянных дверей, пролетев сквозь которые проклятый орёл взмыл вместе со мной над Чарльз-стрит. Мужик, спокойно себе обедавший в своей столовой на десятом этаже дома напротив, выстрелил изо рта картечью крошек из сырных кукурузных палочек «Читос». Вот так, видать, он удивился, когда мы просвистели мимо его окна, на котором остался хорошенъкий отпечаток моей обуви.

— Отпусти меня! — проорал я лысой пернатой твари.

— А ты уверен? — сипло прохходотал этот гад. — Береги голову.

Я извернулся, лишь чудом избежав в последний момент столкновения с промышленным кондиционером, и, протаранил грудью кирпичную трубу, пропахал дальше за орлом, пошедшем пике по другую сторону дома.

— Ну? — просипел он. — Ты созрел до переговоров насчёт услуги за услугу?

— С голубем-мутантом, крадущим фалафели? Нет уж, благодарю покорно! — был мой ответ.

— Как тебе будет угодно.

И он, резко поменяв курс, впечатал меня в пожарную лестницу. Я услышал треск собственных рёбер. Грудь пронзило столь сильной и резкой болью, словно будто кислота разрывала её изнутри. Мой пустой желудок свернулся от спазма, и хорошо ещё, что был при этом пустым, иначе у них на пожарной лестнице вышло бы не аккуратненько.

Мы с орлом взмыли над церковью на Бойлстон-стрит, и он закружил меня над её шпилем. В моей обалдевшей башке почему-то всплыли строки Лонгфелло о герое войны за независимость Поле Ревирие, который огнями на Северной церкви должен был подать знак своим, откуда их собираются атаковать англичане: «Коли пехота один огонь, а коли корабли, то два».

Я. видите ли, вдруг задумался, сколько бы этому Полу Ревириу понадобилось огней, коли он вдруг увидел бы над своей головой орла с таким чуваком, как я, на буксире?

Я попытался восстановить повреждения в своём теле, но сконцентрироваться не удалось. Во-первых, боль была слишком сильной, а во-вторых — я все ещё впечатывался в стены и выбивал окна.

— Услуга за услугу — вот все, что мне от тебя требуется, — просипел орёл. — Я могу сообщить тебе, как найти меч, но ты должен в процессе поиска кое-что мне доставить. Ничего такого особенного. Всего лишь яблоко.

— В чем подвох? — спросил я, уворачиваясь от очередного препятствия.

— Подвох в том, что если ты не согласишься, то... Ой. Гляди-ка! Противоголубиные шипы! — радостно сообщил мне лысый летун.

Впереди нас, по краям гостиничной крыши и впрямь тянулся частокол металлических шипов. Тот, кто видел когда-нибудь колючую проволоку времён Первой мировой войны, может легко себе представить, как это выглядело. Шипы на крыше, конечно, сделали не для уничтожения человечества, а, чтобы птицы сюда не садились, но, ясное дело, живот мой они тоже были способны чудесно обработать.

Я тихо взывал в предвкушении. Не люблю слишком тесных контактов с колющими и режущими предметами. К тому же мой живот ещё живо помнил шар из расплавленного асфальта.

— Нет, нет! Никаких шипов! — тут же вырвалось у меня. — Я согласен!

— Скажи: клянусь своей верностью, что принимаю твои условия, — потребовал этот лысый с крыльями, по-прежнему буксируя меня в опасной близости от противоголубиных шипов.

— Но я ведь даже не знаю, что это значит! — проорал я.

— Скажи.

— Клянусь своей верностью, что принимаю твои условия. Яблокам да! Шипам нет! — грянул я.

Он стал набирать высоту, скрежетнув носами моих ботинок по острию шипов. Мы взмыли в небо и

описали торжественный круг над площадью Копли и приземлились на крышу Бостонской публичной библиотеки.

Меч тут же отклеился от спины орла, а руки мои освободились от рукояти. Это было бы здорово во всех отношениях, найди я ещё другую точку опоры. Ухватиться-то мне теперь оказалось не за что, а ноги едва держались на выгнутой красной черепице крыши, которая шла вниз под крайне опасным углом, грозя низвергнуть меня с восьмидесятифутовой высоты на землю, покрытую сплошь смертоносным асфальтом. Чтобы не сверзиться, я сел на корточки и лишь после этого осторожно убрал в ножны меч, который тут же опять превратился в цепочку.

Я шумно перевёл дух. Ребра болели. Руки были почти выбиты из суставов. Грудь до сих пор с такой ясностью ощущала каждый кирпичик трубы, в которую я втесался, словно мне сделали татуировку с её изображением.

Слева от меня, царя над бронзовыми грифонами, украшающими цоколь крыши, сидел на громоотводе орёл.

Никогда прежде не думал, что у орлов существует какое-нибудь выражение лица, но на морде у этого сейчас было написано явное самодовольство.

— Рад, что ты внял доводам разума, — свысока заявил он мне. — Но, если честно, мне доставила удовольствие наша маленькая прогулка по городу, да и вести беседы наедине с тобой мне приятно.

— Ох, я краснею. — проворчал я. — Хотя, погоди-ка, нет, это у меня кровь по всему лицу.

— Чем тратить время на пустословие, выслушай лучше необходимую информацию, — продолжил орёл. — После того как твой меч упал в реку, его снесло вниз по течению, и им завладела богиня Ран. Множество ценных вещей в итоге попадает к ней в сети.

— Ран? — никогда не слышал о такой я.

Орёл щёлкнул клювом.

— Морская богиня, у которой имеется сеть. Тебе нужно быть в курсе, кто есть, кто.

— Но где я её найду? Надеюсь, мне не придётся спускаться на дно морское?

— Она может быть где угодно, сказал орёл. Твоя задача — привлечь её внимание. А ты сделаешь это при помощи одного моего знакомого по имени Харальд. Он держит лодку на Рыбьем пирсе и организует экскурсии по воде. Скажешь ему, что ты от Большого Парня.

— Большого Парня? — на всякий случай переспросил я.

— Ну, это одно из моих имён. Харальд сразу поймёт, кого ты имеешь в виду. Уговори его взять тебя на рыбалку в Массачусетском заливе. Если сумеешь там навести достаточный беспорядок, то Ран не оставит тебя без внимания. Вот сразу и начинай с ней переговоры. Проси меч и одно из яблок Идунн.

— Эдем? — опять вынужден был переспросить я.

— Ты что собираешься по сто раз повторять каждое имя, которое я тебе называю? — просипел недовольно орёл. — И-д-у-н-н. — произнёс он по буквам. — Яблоки бессмертия, благодаря которым боги сохраняют молодость и энергию. У Ран наверняка завалялось хоть одно лишнее яблочко. Самато она, доложу тебе, отнюдь не всегда вспоминает, что их следует регулярно есть. Да тебе, как только её увидишь, это сразу же самому станет ясно. Ну вот, значит, получи яблоко, доставь мне его сюда, и я освобожу тебя от клятвы.

— Два вопроса. Первый: ты сбрендил?

— Нет, — отозвался с уверенным видом Большой Парень.

— Второй вопрос: каким образом можно поднять рыбалкой такую шумиху в заливе, чтобы на него обратила внимание сама морская богиня?

— Сматывая какая рыбалка. Скажешь Харальду, что тебе нужна специальная наживка. Он мигом смекнёт. А коль заартачится, говори: «Большой Парень настаивает».

— Понятия не имею, о чём ты — признался я. — Но, предположим, встретишься я с Ран. Каким образом мне проводить с ней сделку?

— Это уже целых три вопроса, — уточнил орёл. — Наводку ты от меня получил, а остальное — твои проблемы.

— Последний вопрос, — кинул я ещё один пробный шар.

— Четвёртый. — не преминул мне напомнить он.

— Что, например, если меч я добуду, но не стану возиться с этим твоим яблоком?

— Но ты ведь поклялся, — сказал орёл. — Своей верностью. А твоя верность — это твоё слово, твоя вера, честь и твоя душа. Это очень серьёзная клятва, особенно для эйнхерия. Нарушишь? Ну что же. Возможно, вдруг самовозгоришься или вдруг обнаружишь себя в ледяном сумраке Хельхейма...

Я задумчиво пожевал губу: ни один из предложенных вариантов мне как-то не улыбался.

— Пожалуй, я клятву все же сдержу.

— Вот и ладненько. — Орёл, покрутил своей лысой башкой, помахал крыльями. Твои друзья на подходе, значит, пора мне уматывать. Увидимся снова, когда доставишь мне свеженький фрукт. И, резко взмыв вверх, он исчез за стеклянными стенами небоскрёба Хэннок, предоставив мне право самостоятельно искать выход с крыши.

Блитцен, Хартстоун и Сэм неслись внизу во весь дух, по площади Копли. Они достигли уже занесённой снегом лужайки, когда Сэм углядел меня на крыше и, резко остановившись, принялась указывать остальным в мою сторону.

Я в ответ замахал руками. С такой высоты я не мог ни услышать её, ни разглядеть лица, но по её жестам легко прочёл: Какого черта ты там делаешь?

Я с некоторым трудом поднялся на ноги. Благодаря Вальхалльскому оздоровлению, травмы мои уже начали заживать, но тело все ещё сильно болело и двигаться было трудно.

Добравшись до края крыши, я глянул вниз и предпринял манёвр, который для Магнуса версии 1.0. оказался бы просто немыслим. Сигая десятифутовыми прыжками с крыши на оконный карниз, с него — на кронштейн для флага, потом ещё на какие-то небольшие выступы, наконец, мои ноги коснулись ступеней парадного подъезда, после чего в голове у меня пронеслось. — «Как раз плюнуть».

Друзья приветствовали меня на тротуаре.

— Кто это был? — немедленно поинтересовался Блитцен. — Великан?

— Понятия не имею. — выдохнул я. — Мне только известно теперь, что его зовут Большой Парень и он любит яблоки.

И я подробно пересказал им весь наш разговор.

Хартстоун, хлопнув себя полбу, прожестикулировал:

— И ты поклялся своей верностью?

— Либо это, либо противоголубиные шипы, так что да, я поклялся.

Сэм с воинственным видом уставилась на небо, явно в надежде увидеть орла и метнуть в него свой топор.

— Ничем хорошим это не кончится, — бросила она мрачно. — Сделки с великанами до добра не доводят.

— Ну, как-никак, Магнус все же узнал, где находится меч, — был более оптимистично настроен Блитцен. — К тому же Ран все же богиня, а значит, должна занимать нашу сторону, правда ведь? Сэм фыркнула.

— Видать, ты не слышал о ней того, что известно мне. Но выбора-то у нас действительно нет. Пошли искать Харальда.

Глава XXXI

ИЛИ ВЫБИРАЙ ВОНЬ, ИЛИ ИДИ ДОМОЙ

Я никогда ещё никогда не пугался лодок, пока моим глазам не предстала во всей красе лодка Харальда.

На носу се крупными буквами значилось: «Глубоководные экскурсии Харальда с экстремально-смертельными испытаниями». Не многовато ли слов для двадцатифутовой шлюпки? Палуба была завалена мешаниной из верёвок, вёдер и коробок со снастями, а на бортах, словно украшения на рождественской ёлке, висели сети и буи. Корпус, когда-то по-видимому ярко-зелёный, выцвел и приобрёл цвет использованной мяты жвачки.

Поблизости от своего роскошного судна сидел на причале сам Харальд в заляпанном пятнами жёлтом комбинезоне и такой грязной майке, что в сравнении с ней моя рубашка из бака с одеждой для пожертвований казалась верхом совершенства и элегантности. Объёмом этот мужик был с борца сумо. Одни руки его чего стоили. Толстые, как куски мяса на вертеле «Фалафельной Фадлана». Ну да, я по-прежнему думал о еде.

Но самой странной частью его внешности были волосы. И спутанные лохмы на голове, и борода, и густая поросьль на руках отливали беловато-голубым цветом, словно он провёл всю ночь на улице и его хорошенько хватило морозцем. Когда мы к нему подошли, он поднял на нас глаза от верёвки, которую сворачивал кольцами.

— Гном, эльф и двое людей явились на мой причал... Похоже на начало анекдота.

— Надеюсь, что нет, — ответил я. — Мы пришли арендовать у вас лодку для рыбалки. И нам требуется специальная наживка.

Харальд фыркнул, словно хотел нас подальше отплюнуть.

— Вы? Рыбачить на моей лодке? Размечтались.

— Нас прислал Большой Мальчик, — поторопился сообщить я.

Харальд сильно наморщил лоб. С его всклокоченной шевелюры лёгкой метелью посыпался снег, который заметно припорол ему щеки.

— Большой Мальчик? — уставился он на меня. — А вы к нему каким боком?

— Ну, это совершенно вас не касается. — выступила вперёд Сэм.

Порывшись в кармане пальто, она достала большую монету и кинула ей прямо в руку замороженному амбалу.

— Одну монету красного золота прямо сейчас, — деловито проговорила она. — И ещё пять по завершении рыбалки. Ну, лодку даёте?

— А что такое красное золото? — шепнул я ей в самое ухо.

— Валюта Асгарда и Вальхаллы, — тихим голосом отозвалась она. — Но с удовольствием принимается и в других мирах.

Харальд шумно понюхал монету, сияющую таким насыщенно тёплым светом, что казалось, она горит.

— Э-э, девочка, — протянул устроитель экскурсий с экстремально-смертельными испытаниями. — А в твоих жилах-то явно течёт великанская кровь. Сразу видать по твоим глазам.

— Это тем более вас не касается, — вспыхнула Сэм.

— Что ж, плата достойная. Но лодка моя рассчитана только на двух пассажиров. Беру тебя и человеческого парня. Про гнома и эльфа забудьте.

Руки у Блитцена были в перчатках, но даже сквозь них до меня отчётливо донёсся возмущённый хруст его пальцев.

— Эй ты, мерзлот! — задиристо выкрикнул он.

— Я бы на твоём месте поостерегся называть морозного великана мерзлотом, — осадил его Харальд. — Мы этого на дух не переносим. К тому же ты, гном, по-моему, наполовину окаменел, а мне лишний якорь не требуется. Что же до эльфов, они вообще состоят из света да воздуха и на судне предмет бесполезный. Короче, два пассажира, и точка. Согласны — значит договорились. А нет, так проваливайте.

Кинув взгляд на друзей, я поманил их в сторонку.

— Обсудим?

Мы отошли подальше, чтобы Харальд не смог нас услышать.

—Этот чувак морозный великан? —спросил я.

Руки Хартстоуна замелькали перед моим носом:

— *Ледяные волосы. Безобразный. Большой. Да!*

— Но... Я замялся, ища слова поточнее. — Конечно, мужик он крупный, но все же не великан, ведь правда?

По гримасе, которую скорчила Сэм, мигом можно было понять, каким ограниченным и тупым показался ей мой вопрос. Подозреваю, она была не самым терпеливым репетитором по геометрии.

— Великаны не обязательно огромные. Некоторые — да. Другие обыкновенного роста, но могут, когда хотят, становиться громадными. А каких-то вовсе от человека не отличить. И размеры их, и повадки столь же разнообразны, как у людей. Ну, и есть среди них такие, которые могут перевоплощаться в кого угодно орлов, голубей и ещё во всякоеразное.

— И чем, интересно, морозному великану так понравился причал в Бостоне? Доверять-то ему хоть можно? — задал я целых два новых вопроса.

— Ответ первый, — откликнулся Блитцен. — Морозных великанов везде полно. В особенности на севере Мидгарда. А можноли им доверять? Категорически нет. С него станется просто вас завезти прямиком в Йотунхейм и бросить там в подземелье. Или он, например, превратит вас в наживку для своих экстремально-смертельных рыболовок. Нет. Магнус, тебе непременно следует настоять, чтобы мы с Хартом отправились с вами.

Харт похлопав его по плечу, принялся объяснять на пальцах:

— *Великан прав. Я ведь тебе говорил: слишком много дневного света. Ты каменеешь, но из упрямства не признаешься.*

— Да нет. Я в порядке, — упорствовал Блитцен.

Харт окинул взглядом причал. Он увидел металлическое ведёрко, поднял его и нахлобучил его на голову Блитцу. Блитц не отреагировал, но ведро тут же промялось под форму его черепа

— Ладно, — подтвердил он, — Может, я немножко каменею, но...

— Уди на какое-то время со света. — сказал я ему, Харт, найди ему поскорее какое-нибудь подземное или другое убежище без дневного света.

Харт согласно кивнул и поделился на пальцах ближайшими планами:

— *Мы попытаемся выяснить побольше всего о Фенрире и его цепях. Встретимся вечером. Снова в библиотеке?*

— Идёт, — сказал я. — Сэм, пошли на рыбалку.

Мы возвратились к Харальду, который опять возился с верёвкой, превращая Её в мастерски сделанную скользящую петлю.

— Ладно. Согласны. Два пассажира, — объявил ему я. — Но нам нужно как можно дальше зайти в Массачусетский залив и необходима специальная наживка.

— Всегда пожалуйста, маленький человек, — указал мне Харальд на ангар с отодвигающейся дверью. — Выбирай там наживку по вкусу, если, конечно, сможешь её унести.

Стоило нам с Сэм отодвинуть дверь, на нас пахнуло такой жуткой вонью, что я чуть не грохнулся в обморок, а у моей экс-валькирии перехватило дыхание.

— Глаз Одина! — скривилась она от подступающим рвоты. — На поле боя и то пахнет лучше!

В ангаре свисала с мясных крюков впечатляющая коллекция гниющих туш, самой маленькой из которых оказалась креветка, длиною без малого с человека среднего роста, а самой крупной — бычья голова размером с автомобиль «Фиат».

Я зажал нос рукавом куртки. Ноль эффекта. У меня было ощущение, что кто-то начинил гранату тухлыми яйцами, ржавым металлом и сырьим луком, а потом взорвал её у меня в носу.

— Дышать больно, — прогудел я в рукав. — Как по-твоему, что из этих вкусняшек можно назвать специальной наживкой?

— Или играем по-крупному, или идём домой? — она указала на голову быка.

— Сказала она бездомному парню.

Я усилием воли принудил себя её разглядеть. Черные выгнутые рога, розовый вывалившийся из пасти язык, похожий на волосатый надувной матрас. Белая шерсть, от которой поднимался пар, и блестящие слизью кратеры ноздрей.

— Как этот бык ухитрился вырасти до такого монстра?

— Видно, он родом из Йотунхейма, — предположила она. У них там скот вырастает гораздо более

крупным.

— Да уж. Есть хоть какое-то представление, что мы должны на это ловить?

— На глубине обитает полно разных чудищ, — пояснила мне Сэм. — Хорошо только, если это не... — Не важно, — отмахнулась она. Будем надеяться, это будет просто морское чудище.

— Просто морское чудище, фыркнул я. Ох, как же ты меня успокоила.

Я бы с большим удовольствием обошёлся гигантской креветкой и вылетел с ней поскорее вон, но ощущение мне подсказывало, что для шумихи, которой должен привлечь внимание морской богини, требуется наживка куда серьёзнее.

— Ладно, хватаем голову, — в итоге решился я.

Сэм подняла топор.

— Я не уверена, что она вообще поместится в лодку Харальда, но...

И не договорив, она метнула топор точно в цепь, на которой висела наша специальная наживка.

Голова быка рухнула на пол, как огромная безобразная пиньята, топор же самостоятельно прилетел прямиком в руку своём хозяйки.

Мы с ней вместе вцепились в крюк для мяса и потащили свою смердящую добычу прочь из амбара. Даже с помощью кого-либо, раньше я бы её с места не сдвинул, но моя сила эйнхерия пришлась весьма-таки кстати.

Умри мучительной смертью. Отправься в Вальхаллу. И обрети способность таскать ко причалу огромные тухлые отрубленные головы! Ура Магнусу Чейзу версии номер два!

Мы наконец доплелись до лодки. Я изо всех сил дёрнулся за цепь. Голова быка рухнула с пирса и врезалась в палубу.

Плав средство Харальда угрожающе накренилось, но каким-то неясным мне образом снова выровнялось. Жуткая голова заняла половину его пространства, свесив с кормы язык и закатив левый глаз, будто у неё начиналась морская болезнь.

Харальд лениво поднялся со своего ведра. Если его и обозлила или шокировала моя манера кидать пятисотфунтовую голову к нему в лодку, он ничем своих чувств не выразил.

— Амбициозный выбор наживки, — только и бросил он с равнодушным видом, оглядывая гавань.

Небо заметно темнело. В воздухе закружилась изморозь и как иголками заколола поверхность воды.

— Ну что ж, отправляемся, — скомандовал Харальд. — Поистине, славный денёк для рыбалки.

Глава XXXII

МОЕ УВЛЕЧЕНИЕ "БАССМАТЕРС 2000" С ЛИХВОЙ ОКУПАЕТСЯ

Это был ужасный день для рыбалки.

Море вздыпалось огромными волнами, и в такт им вздыпалось все у меня внутри, из-за чего я был вынужден то и дело свешиваться через борт лодки, сами догадываетесь, с какой целью. Холод меня доставал несильно, но лицо жалили льдистые струны дождя, а ноги морская болезнь превратила в игрушки-пружинки. А вот морозный великан Харальд спокойно себе стоял за штурвалом и громко пел на каком-то непонятно-гортанном языке, по-видимому, на йотунском.

Сэм тоже качка и шторм были явно нипочём. Облокотившись о поручень на носу, она пристально взглядывалась в серую мглу, и зелёный Её платок то раздувался под ветром, то опадал, как жабры у выброшенной на берег рыбы.

—Давно у тебя хотел спросить. —нарушил молчание я. —Что ты все время возишься с этим платком? То на голову натянешь, то на шею повязываешь.

Она крепко прижала ладони к зелёному шёлку.

—Это хиджаб. Я ношу его или, когда хочу, или, когда считаю, что мне нужно его носить. Ну, например, по пятницам, когда вожу бабушку в мечеть, или...

—Или, когда видишь Амира, —подхватил я.

—А я уже почти надеялась, что ты на это не обратил внимания, —с досадой проговорила она.

—Голубь сказал, что Амир твой суженый, —не дал я Самире уйти от ответа. —Вы что, с ним *обручены*? Тебе сколько? Шестнадцать?

—Магнус...

Она смерила меня очень тяжёлым взглядом, но я и тут не заткнулся:

—Просто вот моё мнение, что, если это один из таких организованных браков, по-моему, это ужасно. Ты ведь валькирия. Значит, должна...

—Магнус, заткнись, пожалуйста!

Лодка ударила о большую волну, окатившую нас фонтаном ледяной солёной воды. Самира вцепилась в поручень.

—Моя бабушка с дедушкой — люди старых традиций. Они же в Багдаде выросли, но от режима Саддама Хуссейна сбежали в Штаты.

—И?..

—Они всегда дружили с Фадланами. Они наши дальние родственники. Очень успешные люди. А ещё очень добрые и хорошие.

—Знаю, — вполне разделял её мнение я. — Абдель потрясающий. И Амир тоже классный. Но все равно выходить по решению родственников насиливо замуж, если сама человека не любишь...

—Да что ты несёшь. —перебила она. —Я с двенадцати лет влюблена в Амира.

Лодка скрипела, то поднимаясь на волнах, то ухая вниз. Харальд продолжал исполнять йотунский вариант американской национальной туристической песни «Девяносто девять бутылок пива».

—Оу, — сказал я.

—Хотя по-любому это не твоё дело, — хмуро бросила она мне.

—Ну да. Конечно. — Я уже сам был не рад, что затронул такую тему.

—Во многих наших даже традиционных семьях не просто стараются подыскать девушке хорошего жениха, но и прислушиваются к Её мнению. сообщила она.

—И это прекрасно, — одобрил такую позицию я.

—Мне стало многое ясно, когда я подросла, —продолжала она. — Бабушка с дедушкой взяли меня к себе после смерти мамы. Но она то без мужа меня родила, и для старшего поколения это весьма щекотливым вопрос.

—Понимаю, — покивал я. оставив при себе уточнение: «*В особенности если твой незаконный родитель отец зла Локи*».

— Мама была врачом. Она обнаружила Локи в отделении скорой помощи, — похоже, прочла мои мысли Сэм. —Не знаю уж точно, что с ним случилось. Вероятно, перерасходовал энергию, пытаясь материализоваться в Мидгарде, часть его застряла между мирами, и в Бостоне он возник слабый, беспомощный, почти в предсмертной агонии.

—А она его вылечила, —догадался я.

Сэм сняхнула с запястья капли морской воды.

—Можно и, так сказать. Отнеслась к нему очень по-доброму и внимательно. Все время, пока он не выздоровел, находилась подле него. Ведь Локи способен очаровать, когда хочет.

—Знаю, —вырвалось у меня, но я тут же спешно поправился:—Из всяких преданий, конечно. Ты сама токогда-нибудь с ним встречалась?

Она смерила меня хмурым взглядом.

—Мне не нравится мой отец. В харизме, конечно, ему не откажешь, но что с того, если он лжец и убийца. Несколько раз являлся меня навестить, но я говорить с ним отказывалась. Это сводит его с ума. По-моему, для него хуже нет наказания, чем, когда его игнорируют. Скромным и незаметным его уж точно не назовёшь.

—Скромный и незаметный бог Локи, —повторил я, прекрасно её поняв.

Она закатила глаза.

—Каким бы он ни был, —вздохнула Сэм, —мама меня воспитывала и основном одна и так, как считала нужным. Она была очень упорная, волевая и всегда поступала по-своему. А в местной общине меня, конечно, считали товаром порченым. А как же иначе. Я ведь незаконнорождённая. Поэтому дедушка с бабушкой считают большим велением, что Фадланы благословили мой будущий браке Амиром. Я ведь ему ничего не прибавлю. Богатства у меня нет, уважением наша семья теперь тоже не пользуется, значит...

—Да перестань! Ты умная, сильная. Настоящая валькирия. И я поверить не могу, что сейчас я нахожу причины, чтобы поддержать твой вынужденный брак...

Темные Её волосы метались под сильным ветром, вбиная в себя крошки льда.

—С валькирией тоже проблема. Моя семья... Ну в общем, в ней по-другому на это смотрят. У нас со скандинавскими богами длинная-длинная история.

—А точнее? —заинтересовался я.

Она махнула рукой.

—Слишком долго рассказывать. Но если им станет известно про эту мою другую жизнь... Боюсь, мистер Фадлан не будет в восторге, что его старший сын берет в жены девушку, которая занимается сбором душ для языческих богов.

—Ну, если в этом смысле...

—Я как могу, прикрываю своё отсутствие.

—Репетиторством по математике.

—Ну и немного валькирийского волшебства. Н порядочной мусульманской девушке не полагается шляться со всякими странными типами, да ещё без сопровождения старших.

—Со странными типами? —хихикнул я. —Спасибо тебе на добром слове.

И тут я весьма живо представил себе: вот Сэм сидит, например, на уроке английского, вдруг мобильник её начинает гудеть, и на экране высвечивается: «Вызывает Один». Она срывается в туалет, напяливает там на себя валькирский прикид и выпархивает из ближайшего окна прочь.

—Ну а когда тебя выгнали из Вальхаллы... Нет, мне очень жаль, конечно, что это случилось, но неужели ты в тот момент не подумала: «*А может, и к лучшему? Хоть поживу спокойно!*».

—В том-то и дело, что нет.— покачала головой она.— Мне нужны обе жизни. И за Амира выйти хочу, когда придёт время, и летать. Я ведь с самого детства об этом мечтала.

—Летать как *на самолёте* или носиться, но небу *всадницей на волшебном коне?*—спросил я.

—И то и другое, —сказала Сэм. — Я в шесть лет рисовала одни самолёты. Мечтала пилотом стать. Вот только ты много знаешь женщин-пилотов арабо-американского происхождения?

—Полагаю, если тебе удастся, ты станешь первой.

—Мне *нравится* эта мысль. Вот спроси меня про самолёты любой вопрос. Я уверена, что смогу ответить.

—То есть, когда ты стала валькирией... —начало кое-чтоходить до меня.

—Для меня это стало таким потрясением. —подхватила она. Ну как сбывающийся сон. Взлететь, когда хочешь. В любое мгновение. И к тому же ещё делать что-то хорошее. Разыскивать честных, отважных и благородных людей, которые жизнью пожертвовали, защищая других, и отводить их в Вальхаллу. Ты хоть представляешь, как мне сейчас этого не хватает?

В её вопросе звучала боль. *Честные, отважные и благородные люди...* Меня она тоже таким посчитала. И теперь, когда на неё из-за этого обрушилось столько бед, мне хотелось сказать ей, что

все будет отлично и мы обязательно найдём способ вернуть се вторую жизнь.
Но я промолчал. Что я ей мог обещать, когда даже не был уверен, что мы выживем в этой славной морской прогулке?

Из рубки раздался вопль Харальда:

—Смертные! Насаживайте на крючки наживку! Мы приближаемся к месту славной рыбалки!

—Нет. — покачала головой Сэм. —Плы́вём дальше.

Толстую рожу Харальда перекосило от злобы.

—Дальше небезопасно. Там...

—Ты своё золото получить то хочешь? —спокойно отреагировала на его злобный вид Сэм.

Харальд ещё сильнее скривился, пробормотал какое-то явно неприличное йотунское ругательство, однако послушно прибавил обороты в моторах, и лодка устремилась вперёд.

—Откуда ты знаешь, что нам нужно дальше? —повернулся я к Сэм.

—Просто чувствую. Видимо, это передалось мне с кровью отца. Одно из немногих преимуществ родства с ним. Всегда могу точно определить, где прячутся самые злобные монстры.

—Вот радость и счастье, —поёжился я.

Нас окружала почти непроглядная серая мгла. Вглядываясь в неё, я вспомнил про Гиннунгагап, первобытный туман между льдом и огнём, и мне показалось, что мы в него то сейчас прямиком и вплываем. Море, наверное, вот-вот исчезнет, а нас поглотит мир вечного забвения. Или я все-таки ошибаюсь? Дедушка с бабушкой ведь наверняка заволнуются, если Сэм не придёт домой к ужину.

Лодка содрогнулась. Море потемнело.

—Ну вот. Теперь чувствуешь? Мы перешли из Мидгарда в воды Йотунхейма, —сообщила Сэм.

Я указал налево. В нескольких сотнях ярдов от нас в тумане виднелась гранитная башня.

— Но это же Грейвский маяк. Мы совсем близко от порта.

Сэм схватила одну из удочек великана, больше похожую не на орудие для рыбалки, а на шест для прыжков в высоту.

—Мирры нахлестываются один на другой. Магнус, особенно в районе Бостона. Беги за наживкой, —бросила она на одном дыхании.

При моем приближении Харальд сбавил до минимума обороты в моторах.

—Рыбачить здесь слишком опасно. —попытался он меня остановить. — Да и наживку эту вам вряд ли удастся забросить.

—Заткнись, Харальд! —выкрикнул я и, чуть не сбив его с ног торчащим в сторону рогом быка, поволок голову к носу лодки.

Мы с Сэм внимательно изучили крюк, основательно закреплённый в череп наживки.

— Вполне сойдёт за рыболовный крючок. —заключила Сэм, — Давай-ка привяжем эту цепь.

Мы пропыхтели несколько минут, соединяя цепь с тонким, плетёенным из стальной проволоки тросом, из-за которого катушка на удлинище весила никак не меньше трёх сотен фунтов. Совместными усилиями мы скатили голову быка с носа лодки за борт.

Она стала медленно погружаться в ледяную пену, и до их пор, пока не исчезла из вида, мёртвый глаз быка взирал на меня с укоризной, словно пытаясь сказать: «*Некрутко, чувак*».

Харальд проковылял тяжёлой походкой к нам. волоча за собой огромное кресло, которое погрузил для устойчивости всеми четырьмя ножками в имевшиеся на палубе отверстия для якорных цепей, а затем ещё зафиксировал стальными тросами.

— Будь я тобой, человек, пристегнулся бы. —указал он на кожаные ремни, которыми было снабжено кресло.

С кожаными ремнями оно очень напоминало электрический стул, но Сэм держала удочку, а я сел в него и пристегнулся.

— Так почему именно я в этом кресле? —спросил я.

—Ты ведь поклялся своей верностью, —напомнила мне она. — Теперь пути назад нет.

— Верность отстой, — из ящика с принадлежностями гиганта я достал пару перчаток, которые были всего лишь на четыре размера больше, и надел их.

Сэм передала мне удочку и подобрала перчатки себе.

Вдруг у меня в голове всплыло воспоминание, как, когда мне было десять, мы с мамой смотрели фильм «Челюсти», потому что она настояла на этом. Она предупредила меня, что он очень страшный, но всё время просмотра я или скучал из-за медленного темпа повествования, или смеялся над

барахольной резиновой акулой.

—Пожалуйста, пусть я поймаю резиновую акулу,—пробормотал я.

Харальд вырубил зажигание, и нас окутала тишина. Ветер стих. Волны исчезли, словно морс вдруг затаило дыхание. Лишь морось шуршала о лодку со звуком песка, ударяющего об лобовое стекло машины.

Сэм, стоя у поручней, метр за метром травила трос, и голова быка уходила все глубже в пучину.

Наконец трос обмяк.

—Наживка уже на дне? — спросил я.

Сэм закусила губу.

—Не знаю, но думаю...

Договорить она не успела. Трос издал такой звук, словно кто-то изо всех сил вдарил огромным молотком по пиле, и натянулся. Сэм отпустила его и избежала того, чтобы внезапно улететь в космос. Удочку чуть не вырвало у меня из рук, но мне все же каким-то чудом удалось Её удержать.

Кресло скрипело с жалобным стоном. Ремни впились мне в ключицы. Лодка крепилась вперёд, едва не черпая носом воду. Борта угрожающе трещали, из них с громким хлюпаньем начали вылетать заклёпки.

—Кровь Имира! —возопил Харальд. — Мы разваливаемся на части!

— Нужен трос длиннее! — Сэм схватила ведро и начала поливать водой трос, который дымился от трения о поручень.

Я стиснул зубы. Мышцы мои превратились в тёплое дрожжевое тесто. Но в тот момент, когда руки мои уже готовы были разжаться, тянуть перестало. Трос гудел, как провод на высоковольтной вышке, и светился в воде, словно лазерный луч.

—Что происходит?— поинтересовался я. — Оно отдыхает?

Харальд, исторгнув ругательство на йотунском, добавил:

— Не нравится мне все это. Морские монстры обычно так себя не ведут. Даже самые крупные экземпляры...

—Крути катушку! — скомандовала Сэм. — Прямо сейчас.

Я повернул рукоятку. Представьте себе, что вы соревнуетесь в армрестлинге с Терминатором, и вам станет ясно, насколько легко у меня это получилось. Удилище гнулось. Катушка скрипела. Сэм поддерживала трос, чтобы он не тёрся поручень, но даже и с Её помощью дело у меня продвигалось туго. Плечи мои онемели. Спину скрутило от боли. Пот, несмотря на холод, лился с меня градом. Все тело дрожало от напряжения, и сил почти не осталось. Предположение меня посетило только одно: наверное, я тяну со дна затонувший в годы Второй мировой эсминец.

Сэм изо всех сил подбадривала меня воодушевляющими восклицаниями:

Время от времени, Сэм выкрикивала воодушевляющие вещи, вроде: «Нет же, идиот! Тяни!»

Наконец, в воде перед лодкой море потемнело по форме тёмного овала диаметром где-то в пятнадцать метров. Волны вскипали и бушевали.

Харальд, которому сверху, из капитанской рубки, было виднее, что происходит в воде, взвизгнул совсем не по-великански:

—Руби трос!

—Нет —решительно возразила Сэм. — Слишком поздно.

Харальд, схватившись за нож, кинул его в направлении носа, но Сэм метко сбила его полет своим топором.

—Прочь, великан! — проорала она.

— Но мы не имеем права вытаскивать это! — взвыл жалобно Харальд. — Это же...

—Да знаю я, знаю, —отмахнулась от него Сэм.

Удилище начало выскользывать у меня из рук.

—Помоги! —крикнул я.

Сэм рванула ко мне и ухватилась за удочку. Она втиснулась рядом со мной в кресло, чтобы помочь, но я был слишком усталым и напуганным для того, чтобы чувствовать себя неловко.

— Может, мы все погибнем, — пробормотала она, — но определённопривлечём внимание Ран.

— Почему? —спросил я. Что мы такое поймали?

Наша добыча вылетела на поверхность и открыла глаза.

—Познакомься с моим старшим братом, Мировым Змеем, —ответила Сэм.

Глава XXXIII

СТАРШИЙ БРАТЕЦ СЭМ ПРОСЫПАЕТСЯ НЕМНОГО НЕ В ДУХЕ

Вы думаете Змей открыл просто два обычных глаза? Да нет, он врубил два зелёных прожектора, каждый размером с батут. Радужки его глаз светились так ярко, что я был уверен: отныне всю свою жизнь, все вещи, которые я буду видеть, будут иметь оттенок желе из лайма.

Хорошие новости: «всей моей жизни», по-видимому, оставалось длиться недолго.

Бугристый лоб монстра и его сужающаяся к пасти морда придавали ему больше сходства с угрем, чем со змеем. Его шкура блестела, словно коричневые, жёлтые и зелёные лоскуты камуфляжа. (Это я его спокойно описал сейчас. Тогда же единственной моей мыслью было: «БОГИ! ГИГАНТСКАЯ ЗМЕЯ!») Монстр разверз свою жуткую пасть и оглушающе зашипел, истогнув горячее облако пара, от которого у меня задымилась одежда, а дыхание спёрло коктейлем из вони протухшей головы быка и змеиного яда. Зубной пастой и освежающими полосканиями для рта эта тварь явно пренебрегала, а вот зубной нитью, похоже, пользовалась. Зубы Мирового Змея сияли двумя рядами ослепительно-белых треугольников. Впечатлял и размер самой пасти. В неё запросто поместились бы лодка Харальда вместе с дюжиной ещё таких же.

Крюк для мяса прочно засел в глотке змея там, где у нас расположен маленький язычок. И мне показалось, что Змей был не очень рад этому.

Он пытался освободиться, наклоняясь то вперёд, то назад; трос скрежетал по его зубам; моя удочка завалилась набок; лодку мотало гак, что заклёпки вновь начали вылетать, борта трещали, но мы каким-то образом до сих пор оставались на плаву. Трос не рвался.

—Сэм, почему он нас ещё не убил? —тихонько спросил я.

Она прижалась ко мне так близко, что я ощутил Еёдрожь, и шепнула:

—Кажется, он к нам приглядывается, а может, даже пытается поговорить.

—И что же, по-твоему, он говорит?

Она шумно слготнула.

— По-моему? «Как вы посмели?».

Змей опять зашипел, выплюнув порцию яда, капли которого зашипели и запузырились на палубе, точно серная кислота.

—Бросьте удочку, дураки, — проскулил за нашими спинами Харальд. — Из-за вас он нас всех убьёт. Я попытался поймать взгляд змея.

—Привет, мистер Йормунганд! Можно я буду вас называть мистер Йо? Уж извините, что потревожили. Ничего личного. Просто нам с вашей помощью нужно привлечь кое-чью внимание. Мистеру Йо слова мои не понравились. Он резко взметнулся вверх, голова его зависла над нами, а затем резко ухнула вниз у самого носа лодки, подняв высоченные волны.

Мы с Сэм оказались в зоне этого водопада, и я вместо фалафели досыта пообедал солёной морской водой, а также ею надышался или верней, окончательно пришёл к выводу, что мои лёгкие не способны дышать морской водой. Глазам моим её тоже досталось в большом количестве. Но самое то прикольное, что лодка наша так и не потонула.

Когда качка наконец унялась, а плеск воды стих, я обнаружил себя по-прежнему крепко сжимающим в руках удочку, а монстра на тросе, который выдержал его натиск и не порвался. Змей в упор взирал на меня, и в светящихся его фарах без труда читался вопрос: «Почему ты вообще ещё жив?» Я тоже не сводил глаз с мистера Йо, но боковым зрением одновременно засек, что поднятое им цунами пронеслось дальше и, достигнув маяка, с чудовищной силой ударило в него. «Не хватало ещё мне вдобавок к катастрофе на мосту устроить наводнение в Бостоне», — с ужасом пронеслось у меня в голове.

Я вспомнил, почему Йормунганда прозвали Мировым Змеем. Согласно древним легендам, он обладал таким длинным телом, что оно опоясывало землю и простипалось по дну морей, словно огромный телекоммуникационный кабель. Большинство времени монстр держал свой хвост во рту — ну, я не расставался с соской до двух лет, так что не мне судить — но, видимо, он решил, что наша наживка в виде головы быка стоит того, чтобы внести перемены.

А самое главное вот в чём: едва Мировой Змей принимался шевелиться и сотрясаться, как весь мир

делает то же самое.

— Ну и теперь то что? — ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил я.

— Магнус. — сказала Сэм странным тоном. — Постарайся не впадать в панику. Но посмотри за правый борт.

Я представить себе не мог, что может быть более пугающим, чем мистер Йо, пока не увидел женщину в водовороте.

По сравнению со Змеем, она казалась крохотной — всего около трёх метров в высоту. Возможно, когда-то она была красивой, но сейчас её перламутровая кожа вся высохла, глаза цвета морских водорослей помутнели, а волнистые светлые волосы пересекали седые пряди, словно болезнь растений на пшеничном поле.

Нижняя часть тела была гораздо страннее. Вокруг талии женщины, словно юбка танцовщицы, крутилась в водовороте рыболовная сеть диаметром около ста метров. Внутри неё, словно стекляшки в калейдоскопе, мелькали льдинки, мёртвые рыбы, пластиковые мешки для мусора, автомобильные шины, продуктовые тележки и самые разнообразный плавающий мусор. По мере того, как эта женщина подплывала к нам, края сети бились о борта нашей лодки и царапали шею Мировою Змею.

— Кто посмел отвлечь меня от работы? — грозным баритоном осведомилась она.

Морозный гигант Харальд вдруг завизжал так пронзительно, словно рвался завоевать первое место по визгу среди своих собратьев, и, перебравшись на нос, кинул за борт горсть золотых монет, а затем повернулся к Сэм:

— Быстрее, девочка! Деньги, которые ты должна мне! Отдай их сейчас же Ран!

Сэм нахмурилась, но бросила пять монет за борт.

Вместо того, чтобы уйти на дно, красное золото завертелось в сеть Ран и присоединилось к карусели из мусора.

— О великая Ран. — завыл Харальд. — Сжалься! Не убивай меня! Бери мой якорь! Бери двух этих людей! Можешь взять даже мою коробку с обедом!

— Молчать! — грянула морская богиня, и Харальд, мигом заткнувшись, стал, приседая и лебезя, отступать к корме.

— Я буду в трюме, — всхлипнул он. — Молиться.

Ран перевела на меня изучающий взгляд. Так смотрят охотники на добычу, прикидывая, достаточно ли она крупна для мясного филе.

— Отпусти Йормунганда, смертный. — потребовала она. — Мне совершенно не нужно, чтобы сегодня произошёл всемирный потоп.

Мировой Змей поддержал её громким шипением.

— А ты вообще заткнись, мурена-переросток. Твои дрыганья поднимают ил со дна. Я не могу абсолютно ничего увидеть. Сколько раз я тебе говорила не проглатывать старые, протухшие бычьи головы? Протухшие головы в этих водах не водятся.

Мировой Змей раздражённо рявкнул и попытался отцепить стальной трос от своего рта.

— О великая Ран, обратился к богине я. — Меня зовут Магнус Чейз, а это Самира аль Аббас. Мы прибыли сюда, чтобы заключить с вами сделку. И, кстати, мне интересно, неужели вы сами не можете перерубить этот трос?

Ран исторгла поток скандинавских ругательств, которые буквально превратили воздух в пар. Теперь, когда она была ближе, я мог разглядеть очень странные вещи, крутящиеся в её сети — призрачные бородатые лица, задыхающиеся и очень напуганные, пытающиеся достичь поверхности воды; руки, хватающиеся за саму сеть.

— Бесполезный эйнхерий. — сказала богиня. — Ты прекрасно знаешь, что натворил.

— Разве? — спросил я.

— Ты дитя Ван. — Богиня нахмурилась, явно пытаясь что-то сообразить. — Сын Ньёрда? — произнесла она с вопросительной интонацией и шумно втянула ноздрями воздух. — Нет. Скорее ты ему внук. Пахнешь гораздо слабее.

— Верно! Магнус, ты сын Фрея, а он сын Ньёрда — бога кораблей, моряков и рыбаков. Вот почему наша лодка не утонула. Вот почему нам удалось поймать змея. — Она посмотрела на Ран. — Эм... Всё это мы, разумеется, знали и раньше.

— А известно ли тебе, эйнхерий, рявкнула морская богиня, — что с тем, кто вытащил на поверхность Мирового Змея, он связан не только тросом и удочкой, но и судьбой! Решай же немедля, перерезать ли тебе сейчас трос, чтобы Змей оказался снова на воле и снова впал в сон, или позволить ему

окончательно пробудится и уничтожить твой мир.

В шее у меня будто щёлкнула ржавая пружина – возможно, это был остаток моего мужества. Я взглянул на Мирового Змея. И только сейчас заметил, что его сияющие зелёные глаза были покрыты тонкой прозрачной мембраной – вторыми веками.

— То есть, он только наполовину проснулся?

— Если бы он проснулся полностью, – сказала Ран, – Все ваше восточное побережье уже ушло бы под воду.

Я промямлил что-то невразумительное, изо всех сил сопротивляясь порыву откинуть подальше от себя удочку и став уменьшенней копией Харальда. с паническим визгом кинуться прочь по палубе.

— Ладно уж, отпущу его, – всё-таки удалось мне взять себя в руки. – Но сперва, о великая Ран, ты должна нам пообещать, что согласна провести с нами доверительные переговоры. Предлагаем бартер.

— Бартер с тобой? – завертела с удвоенной скоростью своей юбкой-сетью богиня. Лёд и пластик потрескивали и хрустели, тележки из супермаркетов с лязгом врезались одна в другую. По всем правилам ты, Магнус Чейз, должен принадлежать мне, – властно произнесла она. Ты ведь погиб в воде. А утонувшие души – моя безраздельная собственность.

— На самом деле, – сказала Сэм, – он погиб в бою, так что он принадлежит Одину.

— Технические летали! – с досадой рявкнула Ран.

Лица в сети Ран разевали рты и задыхались, моля о помощи. Сэм как-то сказала мне: «*Есть места гораздо хуже, чем Вальхалла, куда можно поспать после смерти.*» Представив себя запутавшимся в этом серебряной паутине, я внезапно ощущил прилив благодарности к моей валькирии.

— Ну что же, тогда ладно. – сказал я, – Я полагаю, я могу просто позволить мистеру Йо проснуться окончательно. У меня всё равно не было никаких планов на сегодняшний вечер.

— Нет! – прошипела Ран. Ты даже не представляешь, как трудно шерстить дно, когда Йормунганд разволнуется! Отпусти его!

— И ты обещаешь провести с нами доверительные переговоры? – повторил вопрос: я.

— Да, да. Договорились. Я не желаю, чтобы сегодня начался Рагнарёк.

— Скажи: *клянусь честью...*

— Я богиня и знаю, что этим клясться нельзя. – заартачилась Ран.

Я обменялся взглядами с Сэм. Она пожала плечами и протянула мне свой топор, которым мне удалось с одного удара перерубить трос.

Йормунганд, вспенив поверхность воды пузырями кипящего зелёного яда, кинул на меня злобный взгляд:

В ДРУГОЙ РАЗ УЗНАЕШЬ. МАЛЕНЬКИЙ СМЕРТНЫЙ!

Едва он исчез, юбка-сеть Ран замедлила ход до скорости небольшого шторма.

— Прекрасно, эйнхерий, – сказала богиня. Мы договаривались о бартере на доверии. Что тебе требуется?

— Меч Лета. – ответил я. Он был со мной, когда я упал в реку Чарльз.

У Ран заблестели глаза.

— Ладно, отдам тебе меч, но в обмен хочу тоже кое-что ценное. Твою душу. Думаю, это будет эквивалентный обмен.

Глава XXXIV

МОЙ МЕЧ ЕДВА НЕ ПРОДАЛИ ПО EBAY

—А я так не думаю,— возразил я.

Ран оглушительно рыкнула, словно кит, страдающий изжогой.

— Ты, внук того самого назойливого Нёрда, пришёл сюда с просьбой о бартере, потревожил Мирового Змея, оторвал меня поисков, и теперь не хочешь соглашаться на разумную сделку? Меч Лета — самый ценнейший артефакт, попавший в мою сеть за много лет. Твоя душа — это очень маленькая цена для такого обмена.

— Леди Ран, — Сэм забрала у меня свой топор и поднялась кресла, — На душу Магнуса уже предъявил право Один. Он эйнхерий. Это невозможно изменить.

— К тому же моя душа вряд ли окажется ценным приобретением для вашей коллекции, нашёлся я. Она у меня совсем маленькая. Н работает как-то не очень. Да я вообще так давно ей не пользовался, что даже не знаю, в исправном ли она у меня состоянии.

Ран явно заколебалась, боясь прогадать. Юбка-сеть завертелась с бешеною скоростью. Пленённые души забились в попытке обрести волю. Пластиковые пакеты для мусора начали лопаться, как пупырчатая плёнка. Пространство вокруг заполнил столь удушающий запах гниющей рыбы, что я с сожалением вспомнил о нашей старой доброй наживке для мистера Йо.

— В таком случае, что ты мне предлагаешь? — требовательно спросила богиня, — Что может быть равноценно по стоимости этому мечу?

«Хороший вопрос,» — подумал я.

Я напустил на себя задумчивый вид. Ну, словно прикидываю варианты, хотя, если честно, у меня в тот момент их не было ни одного, и мне оставалось лишь тупо следить за коловоротием юбки-сети. Впрочем, она то и натолкнула меня на одну идею.

— Вы говорите, я помешал вашим поискам. А что именно вы искали? — вкрадчиво начал я.

Выражение лица богини смягчилось. Её глаза засверкали жадным оттенком зелёного.

— Множество вещей. Монеты. Души. Утерянные ценности. Прямо перед тем, как вы разбудили Змея, я приметила колпак для колеса от «Шевроле Малибу», цена которого сорок долларов, — Значит, вы подбираете всякий хлам, то есть я, конечно, имел в виду прекрасные ценные вещи, — спешно исправил ошибку я.

Сэм кинула на меня взгляд из-под прищуренных век. По-моему, ей показалось, что я окончательно спятил, хотя на самом деле все было наоборот! Мне только сейчас начала становиться ясной система ценностей Ран.

— Вы слыхали о мусорном пятне в Тихом океане? — простёрла она мечтательно обе руки по направлению к горизонту.

— Да, я слышала, леди Ран, — откликнулась Сэм. Это плавающая свалка размером со штат Техас. Жуткое дело.

— Она прекрасна! — сказала богиня. — Когда я впервые её увидела, то была потрясена. Моя коллекция по сравнению с ней — ничто. На протяжении веков, все кораблекрушения в северных водах по праву принадлежали мне. Все, что потерялось в пучине, доставалось мне. Но стоило мне увидеть все чудеса этой кучи мусора, как я тут же поняла, насколько жалкими были мои усилия. С тех пор, я провожу всё своё время, обследуя дно в поисках дополнений к моей коллекции. Я могла бы вовсе не найти твой меч, если бы не была такой быстрой!

Я кивнул ей с симпатией. Теперь я мог вместить эту Северную богиню в мировоззрение Магнуса Чайза. Ран была дамой-помоечницей. Я мог сработать с дамой-помоечницей.

Я взгляделся в плавающий мусор. Серебряная чайная ложка балансировала на маленьком островке пенопласта. Мимо проплыло вращающееся велосипедное колесо, разрезая призрачную голову потерянной души.

— Леди Ран, — начал я. Ваш муж Эгир ведь бог моря, правда? И вы с ним живете в золотом дворце на самом дне океана.

Богиня настороженно нахмурилась.

— К чему ты клонишь?

— Да вот просто мне интересно, а что ваш муж умеет о вашей прекрасной коллекции.

— Эгир! — богиня ругнулась, — Великий виновник штормов на море. Ныне единственная вещь, которой он хочет заниматься — так это варить свою медовуху. Он *всегда* был пивоваром, но в последнее время это просто глупо. Он проводит все своё время в магазинах, торгующих хмелем, или в турках по медоварням со своими дружками. Я уж не говорю о его фланелевой рубашке, подвёрнутых облегающих штанах, очках и его манере подрезать себе бороду. Он все время говорит о мелких партиях свежесваренной медовухи. У него котёл шириной в целую милю! Как он может варить маленькие партии?

— Верно, — сказал я. — это, должно быть, очень раздражает. Он не ценит всей важности Ваших сокровищ.

— У него свой стиль жизни, — сказала Ран, — У меня свой.

Сэм выглядела очень озадаченной, но для меня всё это имело смысл. Я знал одну даму-помоечницу из Чарльзтауна, муж оставил ей особняк стоимостью в шесть миллионов долларов на Пикон-стрит, но пребывание дома одной заставляло её чувствовать себя подавленной, одинокой и несчастной. Так что, вместо этого, она жила на улицах, изо дня в день толкала свою корзинку из супермаркета, собирая пластиковые украшения для газона и жестяные банки. Это наполняло её жизнь смыслом. Ран нахмурилась.

— О чём это мы там говорили?

— О Мече Лета, — сказал я. — О том, что я могу предложить в обмен на него.

— Да!

— Так вот, моё предложение. Вы отдаёте мне меч, а за это наша коллекция остаётся у вас, — ответил я.

Сеть мигом подёрнулась льдом.

— Ты грозишься я забрать мои вещи? — воинственно про творила богиня.

— Нет, что вы. Разве я мог бы пойти на такое? Вполне понимаю всю ценность...

— Любой предмет здесь уникален! — не дала мне договорить она. — Взять хоть эти подсолнухи, — указала она на вращающиеся в воде жёлтые пластиковые цветы на длинных зелёных стеблях. Они давно сняты с производства. Мне любой за них десять долларов выложит.

— Ясное дело, — не стал спорить я. — Но, если вы мне не вернёте Меч Лета, сюда явится его искать Сурт вместе с полчищем огненных великанов, и я сомневаюсь, что они вам окажут такое же уважение.

Ран презрительно фыркнула.

— Сыновьям Муспеля до меня не добраться. Водное королевство для них смертельно опасно.

— Вы забыли, наверное, что у Сурта полно союзников. — вступила в беседу Сэм, наконец понявшая ход моих мыслей. — Они начнут вам мешать, станут вас раздражать и в конечном итоге присвоят ваши сокровища. Сурту необходим Меч Лета, и он в погоне за ним способен на все. А как только его захватит, начнётся Рагнарёк, и вы не сможете ничего собирать. Океан закипит, а ваша коллекция будет попросту уничтожена.

— Нет! — проверещала богиня.

— Да, — возразил решительно я. Но, если вы отадите мне меч, он у меня окажется в безопасности и у Сурта не будет причины вас беспокоить.

Ран помолчала, задумчиво глядя на мусор, который крутился у неё в юбке.

— И каким же образом ты, сын Фрея, намерен хранить безопасность надёжней меня? —
поинтересовалась она. — Ты же не сможешь вернуть этот меч своему отцу. Фрей отказался от права владеть им в тот самый момент, когда уступил его Скирниру.

Мне в очередной раз захотелось найти отца, этого летнего богарезну ну или как следует ему врезать. Что его дёрнуло отдавать свои меч? Любовь? Неужто боги такие же идиоты, как люди? По идеи они должны быть умнее. Хотя вон богиня Ран охотится за всяkim мусором вроде колпаков для автомобильных колёс, а ей муженёк как одержимый варит медовуху.

— Сам стану им пользоваться, — ответил я Ран. — Или в Вальхаллу сдам на хранение.

— Другими словами, ты не знаешь, — богиня подняла свои водяные брови и посмотрела на Сэм. — А ты, дочь Локи, почему ты встаёшь на сторону богов Асгарда? Твой отец им не друг — *больше нет*.

— Я не мой отец, — сказала Сэм, — Я валь... Я была валькирией

— Девушка, грезящая полётами, которую таны выдворили из Вальхаллы, — с кривой улыбкой проговорила Ран. — Не понимаю, зачем ты по-прежнему лезешь из кожи вон, чтобы заслужить их

одобрение? Для полётов они тебе не нужны. Знаешь прекрасно, что с кровью отца...

—Отдайте нам меч, леди Ран,— сердито оборвала её Сэм.—Это единственный способ отложить Рагнарёк.

—Ты даже звучишь, как Локи.—с затаённой обидой притворила морская богиня. —Он тоже умеет так хорошо убеждать. Сперва льстит, но потом переходит к угрозам. Как-то даже заговорил мне зубы до такой степени, что я отдала ему свою сеть. Ну и пошли проблемы. Он сумел разгадать мою тайну плетения сети. Сперва этому научились боги, а потом люди. И вскоре это мог делать каждый, кто захотел. Моя наработка! Мой товарный знак. Вот почему с тех пор меня не так легко уговорить. —Лучше оставлю меч у себя и рискну пообщаться с Суртом.

Я, отстегнув ремни, встал с рыбачьего стула, переместился на нос и уставился в глаза Ран.

Дам-помоечниц мне в общем, скорее жалко, и я до этого никогда их не запугивал. Носейчас я хотел, чтобы Ран принимала меня всерьёз.

—Видите эту цепочку на моем поясе? Это подлинный меч из Вальхаллы. Вряд ли у вас в коллекции есть что-нибудь подобное.

Ран потянулась было ко мне, но отдернула на полпути руку.

—Вижу сквозь волшебство, не врёшь. Но зачем мне меняться на...

—Новенький меч взамен старого,—быстро проговорил я. —Клинок у него блестит куда лучше. Он вообще только раз побывал в бою. Без проблем двадцать баксов выручите. А вот у Меча Лета продажной цены вообще нет.

Богиня явно заколебалась.

—Ммм, это правда, но...

—Другой вариант, —не давал ей опомниться я. Я просто забираю Меч Лета. Ведь он моя собственность.

Ран зарычала. Ногти на пальцах у нёс вытянулись и стали похожи на зубы акулы.

—Ты, никак, угрожаешь мне, смертный?

—Нет, —сохранял из последних сил я спокойствие,—Просто вы должны знать. Я чувствую свой меч в ваших сетях.

Ох, как же я нагло ей лгал!

—Просто говорю правду, —сказал я, пытаясь оставаться спокойным.—Я чувствую меч в Вашей сети (Это была полнейшая чушь.) Однажды я уже его вытащил его с глубины. И я могу снова это сделать Меч — это самое острое оружие всех девяти миров. Вы действительно хотите, чтобы он разрезал Вашу сеть, рассыпал все Ваши сокровища и освободил все эти пленённые души? Если они станут свободными, как думаете, они будут драться за Вас, или против Вас?

Глаза Ран заметались.

—Ты не посмеешь.

—Меняю меч на меч, —ровным голосом повторил я. Ну и, как компенсацию за все наши хлопоты, подкиньте ещё яблочко Идунн.

—Ты раньше не говорил про яблоко,—прошипела она.

—Ну, это же простая просьба. —сказал я. —Я знаю, что у Вас есть одно лишнее яблоко бессмертия, крутящееся где-то в этом водовороте. И мы уйдём с миром. Мы остановим Рагнарёк, а Вы сможете вновь вернуться к своим поискам сокровищ. Иначе... —Я пожал плечами. —Вы узнаете, что сын Фрея может делать с мечом его отца.

Прозвучали мои слова очень дерзко и самоуверенно, а вот душа у меня уходила в пятки. Я был почти уверен, что Ран расхохочется мне в лицо, потопит лодку, а души наши сделает частью своей коллекции. Но, невзирая на это, я продолжал ей твёрдо смотреть в глаза.

Только после того, как я досчитал до двадцати — это было достаточно для того, чтобы капля пота скатилась по моей шее и превратилась в льдинку на моей кофте — Ран наконец прорычала:

—Очень неплохо.

Богиня махнула рукой, и Меч Лета, вылетев из Её юбки сети. очутился в моей ладони, взбадривая своим тихим гулом каждую клетку моего тела.

Я бросил цепочку за борт.

—Жду яблоко.

Из сети вылетел фрукт. Если бы не хорошая реакция Сэм, оно бы угодило ей прямо между глаз.

Яблочко не выглядело очень аппетитно— просто пожухлый Голден Делишес — но Сэм держала его так аккуратно, будто бы оно было радиоактивно. Она засунула его в карман своей куртки.

— А теперь идите, как и обещали. — сказала Ран. — Но вот что я скажу тебе, сын Фрея: Ты щёлкаешь об этих переговорах. Я отныне твой враг. Муж мой Эгир, лорд волн, узнает об этом тотчас, как мне удастся его извлечь из очередной лавки, торгующей хмелем. Гак что очень рекомендую тебе никогда не пускаться больше по морю. В следующий раз родство с Ньёрдом тебя не спасёт. Если попадёшь в мои воды, я утащу твою душу на самое дно.

— Ну. — сказал я. — Это определённо то, чего стоит ждать.

Ран начала кружиться, пока Её силует не стал походить на воронкообразный туман. Юбка-сеть обернулась вокруг неё, как скрученные в клубки спагетти. Затем все это погрузилось в воду и скрылось.

— Интересный у вас какой разговор с ней вышел, — содрогнулась всем телом Сэм.

За нашими спинами заскрипели ступени лестницы. Из трюма показалась голова Харальда.

— Интересный? Ты назвала это *интересным* разговором?

Он поднялся на палубу, сжав угрожающе кулаки и буравя нас гневным взглядом. Сегосине-ледяной бороды струилась капель.

— Рыбалка на Мирового Змея — это ещё куда ни шло. Но гневить Ран? Если бы я знал, никогда бы не взял вас на борт — и не важно, что там сказал Большой Мальчик! Я зарабатываю на жизнь океаном! Я должен был выбросить вас за борт, как только...

— Я удвою Ваш гонорар. — сказала Сэм. — Десять монет из красного золота. Только доставьте нас обратно в порт.

— Хорошо, — не смог устоять мерзлот Харальд и обречённопоплёлся в рубку.

Я разглядывал обретённый Меч Лета. Он был у меня в руках, но мне пока не было ясно, как с ним поступить. Сталь клинка сияла словно бы изнутри. Руны на ней светились серебром. От меча шло тепло. Оно прогревало воздух вокруг, растопило лёд на поручнях лодки, а меня наполнило ощущением той самой силы, которое приходило, когда я начинал кого-то лечить. В моих руках было скорее не оружие, а магический ключ, открывающий те ощущения, которые я считал для себя навсегда потерянными. Ну будто мы с мамой вновь гуляем в Голубых холмах и солнечный ветерок ласкает моё лицо.

Сам вдруг протянула рукув огромной кожаной перчатке и стёрла слезу у меня со щеки.

А я и не понял, что плачу!

— Извини — выдавил я из себя севшим голосом.

— Ты действительно мог вызвать меч из сети морской богини? — глянула она на меня с тревогой.

— Понятия не имею, — пожал я плечами.

— В таком случае это было просто безумство с твоей стороны, — покачала головой Сэм. — Но получилось у тебя потрясающее.

Я опустил меч. Он продолжал гудеть, будто пытаясь что-то сказать.

— Что имела в виду Ран? — спросил я. — Она сказала, что тебе не нужно быть валькирией, чтобы летать. Что-то связанное с кровью твоего отца

Доверительность с выражения лица Сэм исчезло даже быстрее, чем сеть Ран.

— Не важно.

— Ты уверена?

Она, старательно отводя от меня глаза, медленными движениями прикрепила топор к поясу.

— Так же уверена, как и ты в том, что мог вызвать Меч Лета.

Моторы взревели. Лодка начала разворот.

— Постою возле Харальда у руля, — объявила Сэм. — Хочу убедиться, что он действительно нас везёт в Бостон, а не в Йотунхейм.

Но мне-то было совершенно ясно: она просто хочет сейчас отойти от меня подальше.

Глава XXXV

НЕХОРОШО ГАДИТЬ НА ГОЛОВУ ИСКУССТВУ

Отдав мне немножко пожухлое яблоко бессмертия, Сэм оставила меня на пристани и ушла. Не из-за того, что ей этого хотелось, объяснила она, но бабушка с дедушкой собирались убить её, а на это мероприятие нельзя было опаздывать. Мы договорились встретиться следующим утром в общественном парке.

Я направился в сторону площади Копли. Тащиться по улицам с ярко сияющим мечом было довольно дискомфортно, и я решил с ним немного на эту тему посовещаться. (Потому что это вообще не странно.)

— Ты не можешь напустить на себя немного волшебства и превратиться во что-нибудь поменьше? — спросил я его. Надворе-то не девяностые.

Меч не ответил (ага, представьте себе), но мне показалось, что его гудение пробрело вопросительную интонацию, будто бы он спрашивал: «*Во что, к примеру?*»

— Я не знаю. Во что-нибудь карманное и безобидное. Может, в авторучку?

Меч запульсировал, словно в приступе хохота. Думаю, он сказал: «*Меч-авторучка. Это самая глупая вещь, которую я когда-либо слышал.*»

— У тебя есть идея получше? — спросил я его.

Меч сжался в моей руке, переплавившись в рунный камень на золотой цепочке. Маленький белый камушек был украшен черным символом:

—Руна Фрея, — пробормотал я. —Не очень люблю украшения, ну да ладно.

Надевая кулон на шею, я понял, сколь мудро он был устроен. Держался он на цепочке как на магните. Достаточно потянуть, и рунная плашечка оказывалась у меня в руках, а как только это происходило, она превращалась в меч. Если же он мне больше не требовался, мне надо было только послать ему мысленный сигнал, и готово дело: на ладони моей лежала белая плашечка, и я мог Её примагнитить к цепочке.

— Круто, —подтвердил я.

Возможно, меч действительно услышал мою просьбу. Я ли сам сотворил это волшебство? Или у меня просто глюки, а в действительности на шее моей висит огромный светящийся клинок?

Но так как никто из прохожих не обращал на меня внимания, я убедился, что все же ношу на шее рунный кулон. Онто точно не мог никого насторожить. Руну Фрея большинство посчитают за элементарную латинскую букву «Ф». Ну, вроде как я ношу Её, таким образом обозначив, что моя жизнь фуфло.

К тому времени как я добрался до площади Копли, стало совсем темно. Не найдя в условленном месте встречи ни единого признака Блитцена и Хартстоуна, я встревожился. Куда они делись?

Библиотека то уже закрыта. Мысли мои перекинулись на Большого Мальчика. Если он ожидает меня на крыше библиотеки, то мне неохота карабкаться вверх по стенам.

Этот день выдался слишком тяжёлым и длинным. С силой супервоина эйнхерия или нет, я совершенно вымотался и меня трясло от голода. Если Большому Мальчику нужно яблоко, пускай сам и приходит за ним. Иначе я его просто слопаю.

Я сел на ступени, ведущие в библиотеку, камни подо мной качались, будто бы я до сих пор был на лодке Харальда. По обе стороны от меня возвышались бронзовые статуи двух леди, откинувшихся назад на своих мраморных тронах. Я вспомнил, что одна из них символизировала Науку, другая — Искусство. Вид у них тоже был каком-тоусталый: руки вяло лежали на подлокотниках тронов, словно им очень хотелось уйти и передохнуть. Головы дам были прикрыты металлическими шлямами, а глаза взирали на меня из-под полуприкрытых век с немым вопросом: «*Ну что, молодой человек, тяжёленькая неделька вам выдалась?*»

Это был первый раз, когда я был один, и мне не угрожала неизбежная опасность, после...

Похоронного бюро? Считалось ли, что человек один, если он пялился на своё собственное мёртвое

тело?

Мои похороны наверняка уже давно состоялись. Я представил себе, как мой гроб опустили в промёрзшую землю могилы. Дядя Рэндолф, опираясь на трость, скорбно хмурится. Дядя Фредерик в разных носках и ботинках потрясён и расстроен. Аннабет... Вот что она, интересно, чувствовала, провожая и последний путь моё тело?

Кинулась в Бостон, надеясь меня разыскать. Узнала о моей смерти. Затем выяснила, что я не умер, но все равно оказалась вынуждена идти на мои похороны и скрывать, что мы с ней только что виделись. Я верил, что она сдержала обещание, но наша встреча вывела меня из равновесия. Некоторые вещи, которые она сказала: «*Я могу помочь тебе. Я знаю место, где ты будешь в безопасности.*»

Я выудил потрёпанную листовку из кармана моей кофты: «ПРОПАЛ! МАГНУС ЧЕЙЗ, 16 ЛЕТ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗВОНИТЕ.» Я изучил номер Аннабет, фиксируя его в памяти. Я должен ей объяснения, но время для них ещё не настало. Из-за меня Хартстоун получил по голове и упал без сознания, Блитцен почти окаменел, а Сэм выгнали из валькирий. Я не мог так рисковать и втягивать кого-то ещё в мои проблемы.

Но предсказанию норн, волк Фенрир через семь дней будет освобождён от пут. Если я не сумею это предотвратить, грянет Рагнарёк и Сурт поглотит огнём все Девять Миров, а я уже никогда не найду маму и не добьюсь, чтобы те, кто убили се, понесли наказание.

Я был готов помешать планам Сурта, однако стоило мне представить себе встречу с самим Фенриром, как внутри у меня все сжималось, оставляя единственное желание забиться поглубже в свой старый спальный мешок, крепко зажмурить глаза, заткнуть пальцами уши и мысленно повторять: «Тебе просто почудилось, Магнус. Ничего страшного не происходит».

Надо мной нависла широкая тень, и мгновенье спустя орёл Большой Мальчик, избрав себе в качестве посадочной площадки статую слева от меня, сделал свои дела ей на голову.

—Чувак, ты только что нагадил на голову самому Искусству. — проинформировал его я.

—Да неужто? — приподнял хвостовые перья Большой Мальчик, изучая плоды своей деятельности. — Ну да. Так и есть. Но, полагаю, дама сия к такому давно привыкла. А ты то, как я погляжу, умудрился выжить на своей рыбалке.

—Удивлён? — спросил я.

—Изрядно, — подтвердил лысый орёл Большой Мальчик. — Яблоко мне доставил?

Я вынул заветный плод из кармана и бросил ему.

Большой Мальчик, схватив его левой лапой, тут же принялся есть.

—Да. То самое, — с довольным видом подтвердил он.

Я, как вы уже знаете, повидал много странного. Но орёл, пожирающий яблоко на обгаженной голове Искусства, уверенно занял место в верхней двадцатке моей коллекции.

—Может, теперь мне всё-таки скажешь, кто ты на самом деле? — счёл я момент подходящим для выяснения.

Большой Мальчик рыгнул.

—Что ж, полагаю, что ты заслуживаешь ответа. Признаюсь, на самом деле я не орёл.

—Ну, я просто в шоке от такой твоей откровенности.

Орёл отклавал щёл кусок яблока.

—И ёщё, я сомневаюсь, что ты заведёшь себе много друзей среди богов, когда они узнают, что ты помог мне.

—Вот спасибо за хорошую новость. Я и так уже в чёрном списке у Ран и Эгира.

—О, эти двое не совсем боги. Не асы и не ваны. а так, серединка на половинку. Их можно скорей отнести к великанам. Хотя разделение на богов и великанов никогда не отличалось особенной внятностью. Наши кланы за все годы заключили множество смешанных браков.

—Наши кланы? — переспросил я. Ты имеешь в виду...

Орёл начал расти. Вокруг него смыкались тени, добавляясь к его размеру, будто дополнительный снег к снежному кому, подчёркивая и без того гигантскую фигуру пожилого мужчины, резвящегося на коленях у статуи Искусства.

На нём были подкованные железом сапоги, кожаные бриджи и туника из орлиных перьев, которая явно противоречила закону об охране исчезающих видов животных. Его волосы были седыми, а лицо ссохшимся в силу возраста. На его предплечье был надет золотой нарукавник, инкрустированный кровавыми камнями — такие же носили таны в Вальхалле.

—Вы лорд? — спросил я.

—Вообще-то, точнее, король. —Большой Мальчик откусил ещё кусок молодильного яблока, после чего его волосы потемнели, а часть морщин на лице исчезла. —Утгард-Локи твоим услугам.

—Локи? —рука моя потянулась к кулону с руной. —Локи, который прямо *Локи Локи*?

Лицо короля великаны сделалось кислым.

—Ты не представляешь, сколько раз мне приходилось отвечать на этот вопрос. *Вы тот самый «знаменитый» Локи?* —он изобразил в воздухе воздушные кавычки при слове «знаменитый». —Агрх! Меня называли Локи ещё до того, как *он* вообще родился. Это очень популярное имя среди великанов! В любом случае — нет, Магнус Чейз, я не связан со *знаменитым* Локи. Я Утгард-Локи, что означает Локи Внешних Земель, король горных великанов. Я уже много лет за тобой наблюдаю.

— Я уже много раз это слышал.

—Ну, ты гораздо интереснее, чем эти тупые дети Тора, которые вечно бросают мне вызовы. Из тебя выйдет отличный враг!

Я почувствовал сильное давление в моих барабанных перепонках.

— Мы теперь враги?

—Ой, перестань, —покачал головой король. —Нет у тебя пока никакой нужды вытаскивать меч. А кулончик-то стильненький. —пригляделся он. —Когда-нибудь мы с тобой и впрямь обнаружим себя по разные стороны баррикады. Чему быть, того не миновать. Но на данный момент я доволен, что могу ограничиться наблюдением. Очень мне любопытно, как ты научишься пользоваться мечом. Надеюсь, сумеешь не убить себя. Этого старого мешка с дымом Сурта давно пора хорошенъко унизить.

—Рад, если этим вас позабавлю, —усмехнулся я.

Запихнув в рот остаток яблока, великан проглотил его не разжёвывая, после чего стал выглядеть лет этак на двадцать пять. Крупный стройный красавец в расцвете лет с рельефным лицом без единой морщинки.

—Кстати о Сурте, —сказал он. —Огненный Лорд ни за что не позволит тебе оставить этот меч. У тебя времени... примерно до утра, потом он поймёт, что ты нашёл его.

Я отпустил ладонь от кулона. Мои руки наполнились тяжестью, словно мокрые мешки с песком.

—Я проткнул его, отрезал ему нос и сбросил его в ледяную реку. Это даже не замедлило его?

— О, напротив! Сейчас он ни что иное, как кипящий безносый шар огня, беснующийся в Муспельхайме. Он должен накопить силу, чтобы как следует проявить себя в день полной луны.

—И тогда он попробует освободить волка, —уточнил я.

Может, мне и не следовало выбалтывать это самопровозглашённому своему врагу, но что-то в меня вселяло уверенность, что он превосходно осведомлён.

— Сурт как никто другой жаждет, чтобы Рагнарёк начался. Он знает, что это позволит ему поглотить все Девять Миров огнём, и это то, чего он ждал ещё с начала времён. Что до меня, меня и сейчас всё устраивает. Я веселюсь. Что до огненных великанов... Ну, их не уговоришь. У них на уме только одно: жечь, жечь, жечь. В любом случае, хорошая новость в том, что Сурт не будет в состоянии убить тебя собственоручно до дня полной луны. Он для этого пока слишком слаб. А теперь новость похуже: у Сурта полно подручных.

—Ненавижу подручных! —вырвалось у меня.

—И, между прочим, опасность тебе грозит не только с их стороны, —продолжал Утгард-Локи. Бывшие твои товарищи по Вальхалле тоже тебя разыскивают. Им не понравилось, что ты без спроса удрал. Мне живо представилось, как капитан Гунилла кидает в меня молоток, который, кружась, врезается в мою переносицу.

—Ну зашибись, как все здорово, —проговорил я вслух.

— Если бы я был тобой, Магнус, я бы покинул Мидгард ещё до рассвета. Это должно сбить твоих преследователей со следа, по крайней мере, временно.

—Покинуть землю. И впрямь, что может быть проще? —хихикнул я.

Утгард-Локи, соскользнув с колен Дамы Искусства, предстал мне в свой полный рост. Такая вот каланча, длиной не меньше двенадцати футов.

—Я знал, Магнус Чейз, что ты быстро учишься. Нам с тобой предстоит новая встреча. Наступит момент, когда ты будешь нуждаться в помощи, и оказать тебе её сможет только Утгард-Локи. Но сейчас... твои друзья хотели бы взять слово. До скорого!

Тень вокруг великана резко стутилась, и он исчез, а на том месте, где он стоял, возникли невесть откуда Блитцен и Хартстоун.

Харт метнулся от меня в сторону, как напуганная кошка. Блитцен уронил сумку.

— Рог Хеймдалла, сынок! Откуда ты взялся?

— Откуда? Да я уже битый час здесь торчу. С великаном беседовал.

Харт подкрался ко мне вплотную и ткнул пальцем в грудь, явно желая удостовериться в моей подлинности.

— Мы *пробыли здесь уже много часов*, — показал он на пальцах. — Ждали тебя. Мы поговорили с великанином. Ты только что появился.

Мне стало немного не по себе.

— Давайте обменяемся информацией.

И я первый начал рассказывать обо всем, что произошло с тех пор, как мы с ними расстались. Про рыбалку с Харальдом, мистера Йо, помоечную даму Ран (*классное, между прочим, имечко для рэперского гогодуэта!*) и, наконец, про свой разговор с королём великанов Утгардом-Локи.

— Не нравится мне все это, — потеребил бороду Блитцен. С наступлением темноты он избавился от своей противосолнечной одежды, и теперь гардероб его составляли баклажанного цвета костюм-тройка с зелёной гвоздикой в петлице ирозовато-лиловая рубашка. — Часть из того, что тебе сказал великан, мы с Хартом тоже от него слышали, но нам он по имени непредставился.

— *Сюрприз!* — показал мне пальцами Харт и своими указательными и большими пальцами широко раскрыл свои глаза, что я перевёл как: «Bay!»

— *Утгард-Локи.* — чётко прожестикулировал он. — Самый могущественный колдун Йотунхейма. Может создать любую иллюзию.

— Нам *ещё* повезло, — подхватил Блитц. Ему ничего бы, но стоило заставить нас сделать или увидеть все что угодно. Например, шагнуть с крыши или случайно убить друг друга. И даже сожрать стейк-тартар, скривился он от омерзения. Вообще-то мы и сейчас вполне можем *ещё* пребывать под властью иллюзии, с подозрением поглядел Блитц на меня и Харта. Вдруг великан прикинулся кем-то из вас? Ион с силой врезал Хартстоуну по руке.

— *Ауч!* — прожестикулировал и наступил Блитцу на ногу.

— Ну, вроде бы нет, — чуть успокоился гном. Но все равно это очень плохо. Ты дал яблоко бессмертия королю великанов.

— И... Что это значит?

— Честно сказать, не знаю, — потеребил он зелёный цветок у себя в петлице. — На самом деле, я не уверен. Я никогда не понимал, как работают эти яблоки. Думаю, это сделает Утгарда-Локи как моложе, так и сильнее. И, скажу вам точно, когда наступит Рагнарёк, он точно будет не на нашей стороне.

— *Если бы я только знал, что это был Утгард-Локи. Я бы мог спросить у него про магию,* — с запоздалым сожалением прожестикулировал Харт.

— Хмм... Ты и так много знаешь. — не поддержал его Блитц. — А великанам нельзя ни в чём доверять. Он запросто мог бы тебе наплести какую-нибудь чушь. Мне кажется, вам двоим сейчас лучше лечь и поспать. Эльфы не могут долго бодрствовать без солнечного света, да и ты, Магнус. выглядишь так, словно вот-вот упадёшь от усталости.

Блитц не преувеличивал. Ноги у меня подкашивались, а друзья двоились в глазах, и тут нечего было сваливать ни на какие иллюзии. Я просто элементарно устал.

Мы разбили наш маленький лагерь в дверном проёме библиотеки. Прямо как в старые добрые времена, с той только разницей, что теперь были гораздо лучше экипированы. Блитц вытащил из сумки три пуховых спальных мешка, смену свежей одежды для меня и бутерброды, которые я уплёл с такой скоростью, что даже не разобрался, с чем они были. Харт забрался в мешок и немедленно захрапел.

— Отдыхай, — сказал мне Блитц. — Я заступлюна ночную вахту. Завтра мы навестим моих родственников.

— В мире гномов? — мои мысли были уже очень нечёткими. — На твоей родине?

— На моей родине. — голос Блитцена звучал очень обеспокоенно. — Некое исследование, которое мы провели сегодня с Хартом — кажется, нам понадобится чуть больше информации о цепи, которая связывает Фенрира. А получить эту информацию мы можем только в Нидавеллире. — он посмотрел на цепь вокруг моей шеи. — Могу я взглянуть на него? На меч?

Я отцепил кулон от цепочки, и между нами вытянулся меч, озаряя лицо Блитца медным светом в темноте.

— С ума сойти. — пробормотал он. — Костяная сталь. А может, даже *ещё* что-нибудь куда более

редкостное.

— Костяная сталь... Ти Джей в Вальхалле упоминал о ней.

Блитцен провёл рукой в воздухе вдоль клинка, не касаясь его.

— Обычная сталь—это сплав железа с углеродом. Кузнецы используют уголь. Но в него можно добавить и кости. Врагов, чудовищ и даже умерших предков.

Я поглядел на клинок, размышая, нет ли в его составе частиц каких-то моих далёких пра-пра... ну там бабушек или дедушек?

— Когда меч правильно выкован. — продолжи тем временем свою лекцию Блитц. — костяная сталь способна разить существ сверхъестественных. Такое оружие представляет опасность даже для великанов и богов. Но чтобы оно таким стало, оно должно быть закалено в крови ижелательно в крови того существа, против которого меч должен быть наиболее смертоносным, по твоему желанию.

— Меч Лета сделан именно так? — поёжился я.

— Не знаю. — к счастью, ответил Блитцен. — Меч Фрея был разработан ванами. Их методы для меня тайна. Возможно, они ближе к магии Харта.

Моя душа куда-то канула. Я всегда думал, что гномы мастера оружейного ремесла. Где-то внутри себя я надеялся, что Блитц сможет раскрыть мне некоторые секреты меча.

Я покосился на Харта, по-прежнему самозабвенно хранившим в своём мешке.

— Ты как-то сказал, что Харт очень много знает о магии. Я не критикую. Я просто никогда не видел, чтобы он сотворил хотя бы... Ну, разве что волшебное открытие двери. Что ещё он может делать?

Блитц положил руку рядом с ногами Харта, будто пытаясь защитить его от меня.

— Магия вытягивает из него силы. Он очень серьёзно относится к её использованию. К тому же, его семья...

Блитц глубоко вздохнул.

— Современные эльфы не одобряют занятия магией. Родители очень сильно осуждали Харта за то, что он ей увлёкся. Он до сих пор чувствует себя неуверенно, когда пользуется заклинаниями на людях. Он оказался не тем сыном, которого желали видеть его родители, из-за магии и, ну, ты знаешь... — Блитц коснулся ушей. — Ну, сам понимаешь.

Мне очень захотелось сказать что-нибудь очень грубое о родителях Хартстоуна на языке жестов.

— Разве Харт виноват, что родился глухим!

— Эльфы, — пожал плечами Блитц. — У них пониженная толерантность. Воротят носы от всего, что не кажется им идеальным. И от музыки, и от литературы, и от изобразительного искусства, и даже, как видишь, от собственных детей.

Я чуть не крикнул, что это ужасно, но вовремя спохватился: люди-то в данном случае от эльфов мало чем отличаются.

— Ты все же ложись скорей спать, сынок, — пытался уговаривать меня Блитцен. Завтра у нас будет важный и трудный день. Чтобы Фенrir был надёжно связан, нам придётся прибегнуть к помощи одного гнома, и она обойдётся недёшево. А ты для прыжка в Нидавеллир должен быть бодрым и полным сил.

— Для прыжка? — спросил я. Что ещё за прыжок?

Блитц кинул на меня обеспокоенный взгляд, будто бы мне скоро предстояли ещё одни мои собственные похороны.

— Утром ты должен суметь взобраться на Мировое Дерево.

Глава XXXVI

УТЯТА!

Можете назвать меня психом.

Но я считал, что Мировое Дерево – это очень большое дерево, а не ряд из бронзовых уток.

— Узрите! — сказал Блитцен. — Перекрёсток вселенной!

Хартстоун с благовением преклонил колени.

Я глянул на Сэм, которая присоединилась к нам после смелого побега с урока физики. Она не смеялась

— Итак... — сказал я. — Я просто обращаю наше внимание на то, что это всего лишь статуя «Уступите дорогу утятам!».

— А ты не улавливаешь в этом странное совпадение? — спросил Блитц. — Девять миров? Девять уток? Да вся эта символичность просто кричит: *портал*. Это место — суть всего созданного, центр Дерева, место, где проще всего прыгнуть от одной утки — я имею в виду, от одного мира — в другой.

— Ну, если ты так уверен...

Я тысячу раз проходил мимо вот этих самых бронзовых уточек. Какой там ещё портал? Они были основаны на сюжете какой-то там детской книжки, в которой мама утка с утятами переходили одну из бостонских улиц. Ну, симпатичная сценка. Вполне миленько смотрится в общественном парке.

Водителям с детишками в тёплое время года полюбилось фотографироваться на Её фоне. А в Рождество на головы утки с утятами надевают маленькие красные санта-клаусовские шапочки. Но при чём тут центр мироздания?

Сейчас на утке с утятами шапочек уже не было, их по самые шеи запорошил снег, и выглядели они весьма одиноко.

Хартстоун провёл над скульптурной группой руками тем самым жестом, которым проверяют на электроплите, не горячая ли конфорка, а затем, повернувшись к Блитцу, покачал головой.

— Что и требовалось доказать, — сказал тот.

— Как я и опасался, — сказал Блитц. — Мы с Хартом слишком часто путешествовали. Мы не сможем активировать уток. Магнус, нам понадобится твоя помощь

Я ожидал разъяснений, но Блитц просто молча взирал на скульптурную группу. Сегодня он облачился в новый головной убор, который решил протестировать. Это был белый шлем с темной вуалью, доходящей ему до самых плеч. Ткань Её, по его словам, была разработана лично им и блокировала девяносто девять процентов солнечного света, позволяя одновременно видеть его лицо и не скрывая его модного костюмчика. Выглядел он, как пчеловод в трауре.

— Хорошо, я попытаюсь. — сказал я. — Как мне активировать уток?

Сэм изучала наше окружение. Она выглядела так, словно не спала всю ночь. Её глаза были припухшими. Её руки были в ссадинах и мозолях после нашей вчерашней рыбалки. Она переоделась в чёрную шерстяную полушиньель, но в остальном, была одета в то же, что и вчера: зелёный хиджаб, топор, щит, джинсы, зимние ботинки — полное снаряжение модной экс-валькирии.

— Делай это, как хочешь, — сказала она. — Но делай быстро. Мне не нравится, как близко мы к вратам в Вальхаллу.

— Но я не знаю, как. — запротестовал я. — Это же вы постоянно прыгаете из мира в мир.

— Даже слишком часто. — прожестикулировал Харт.

— Парень, — сказал Блитц. — чем чаще ты путешествуешь между мирами, тем сложнее это становится. Это что-то вроде перегревания мотора. В какой-то момент, ты должен остановить машину, и дать ей остыть. К тому же, просто так, наобум прыгать из одного мира в другой — это одно дело. А путешествовать на важном задании — совсем другое. Мы не можем быть уверены, куда именно нам надо попасть.

— Ну а ты? — посмотрел я на Сэм.

— Пока я была валькирией, это мне было легко, но теперь... Она покачала головой столь же решительно, как и Хартстоун. — Ты. Магнус, сын Фрея — бога роста и плодородия. У тебя, надеюсь, получится уговорить ветви Иggдрасиля. Они ведь должны поплотнее сомкнуться, чтобы нам удалось на них прыгнуть. К тому же ведь поиск-то твой. Значит, и шансов определить направление у тебя

больше, чем у всех нас. Попробуй представить себе, что скульптура центр, и найди от неё самый короткий путь.

Начни она мне объяснять что-то из области высшей математики, я и то, наверное, понял бы лучше. Ощущая себя совершенным кретином, я все же послушно, опустился на колени перед любимой скульптурной группой бостонской малышни и коснулся ладонью утёнка, замыкавшего бронзовый строй. По моей руке пополз холод. Меня словно окутали лёд, темнота, туман, – словом, что-то настолько враждебное и неприветливое, что от этого было впору кинуться без оглядки прочь.

—По-моему, это самый короткий путь в Нифльхейм. – объявил я друзьям.

—Молодец, – похвалил меня Блитц. – Туда нам как раз и не надо.

Я уже потянулся к следующему утёнку, когда издали крикнули:

—Магнус Чейз!

Где-то в двухстах ярдах от меня, на другой стороне Чарльз-стрит, стояла капитан Гунилла. По бокам от неё стояли ещё две валькирии. За ними стоял строй эйнхериев. Я не мог разглядеть их лица, но мрачно-серую физиономию полутролля Икса невозможно было не увидеть. Гунилла переманила моих соседей по этажу сражаться против меня.

Я со злостью сжал кулаки. Мне захотелось взять крюк для мяса и пойти на рыбалку. С Гуниллой в виде наживки. Я потянулся к подвеске.

— Магнус, нет. – сказала Сэм. – Ты должен сконцентрироваться на утках. Мы должны поменять миры *немедленно*.

Прибывшие вместе с Гуниллой валькирии, выхватили из-за спин сияющие копья, направили их острия в мою сторону и скомандовали эйнхериям приготовить оружие. Гунилла метнула в нас два из своих молоточков.

Одни из них Сэм отразила щитом, второй сбила с курса в воздухе топором, и вместо нас он вонзился, но самую рукоятку в ствол ивы. Три валькирии на той стороне улицы взмыли в воздух.

Я не смогу сразить всех их. – предупредила Сэм. – Или уходим сейчас, или будем схваченными.

Мой страх перешёл в панику. Я посмотрел на ряд из бронзовых уток, но моя концентрация уже была разрушена.

— Я... Мне нужно больше времени.

— У нас *нет времени!* – как раз в этот момент отбила щитом ещё один молоточек Сэм. Удар был таким сильным, что её щит треснул почти до середины.

—Харт, – ткнул эльфа в руку Блитцен. – Сейчас самое время.

Эльф крепко нахмурился, сжал губы и, запустив руку в кисетик, достал из него рунную плашечку, сжал в ладонях, как держат пойманную птицу, и что-то принялся ей бормотать безмолвно, лишь губы его шевелились, а затем подбросил плашечку в воздух, и она взорвалась над нами, превратившись в пылающую золотым светом руну:

Расстояние между отрядом карателей Гуниллы и нами будто бы растянулось. Валькирии продолжали лететь к нам на бешеною скорости. Мои товарищи по этажу вытащили оружие и ринулись на нас в атаку. Однако ни те, ни другие не приближались к нам ни на шаг.

Мне это напомнило дешёвые мультики 70х, в которых герой перемещался, но фон за ним не менялся. Чарльз-стрит спиралью вилась вокруг наших преследователей, как колесо для хомяков. В первый раз я понял, что имела в виду Сэм, когда говорила, что руны способны менять реальность

—Райдо. – с одобрением сказал Блитц. – Руна дорог и путей. Хартстоун добыл тебе немного времени.

—Всего несколько секунд. – прожестикулировал Харт. – Торопись.

Я быстро провёл руками по всем утятам. На четвёртой я остановился. Я почувствовал тепло, безопасность... Ощущение правоты.

— Эта. – сказал я.

— Ну так открывай! – подогнал меня Блитцен.

Я поднялся на ноги и, не очень понимая, что делаю, отцепил кулон от цепочки. В моих руках появился Меч Лета. Его клинок урчал, как безумный кот. Я постучал им по бронзовой утке, а затем рубанул снизу-вверх воздух. Воздух разделился, будто раздвинутые занавески. Впереди меня, вместо тротуарной дорожки, возникли три ветви. Ближайшая к нам, шириной с Никон-стрит, нависая над чёрной мглой, простиралась тремя футами ниже наших ног.

— Быстрее! — сказал я. — Прыгайте!

Блитцен не колебался. Он прыгнул.

На другой стороне улицы в ярости кричала Гунилла. Она и две её валькирии всё ещё крутились в своём мультишном, хомячём колесе. За ними, спотыкаясь, следовали эйнхерии.

— Ты обречён, Магнус Чейз! — проорала Гунилла. — Мы будем преследовать тебя до конца...

Заклинание Харта распалось с громким хлопком. Эйнхерии от неожиданности попадали на мостовую лицами вниз. Валькирий сила инерции протащила мимо нас дальше. Судя по звону стекла, они.

вероятно, втесались в окна какого-то здания на Арлингтон-стрит.

Не дожидаясь, пока мои боевые соседи по этажу подоспевают сюда, я схватил Харта за левую руку, а

Сэм за правую, и мы втроём прыгнули на Мировое Дерево.

Глава XXXVII

БЕЛКА ЗАБИЛА МНЕ ГОЛОВУ НЕХОРОШИМИ МЫСЛЯМИ

По деревьям я лазить любил всегда.

Мама к этому относилась нормально и начинала нервничать, только когда я забирался выше двадцати футов.

Моя мама относилась к этому с пониманием. Она волновалась лишь тогда, когда я забирался выше двадцати футов. Тогда в её голос закрадывались тревожные нотки. «Тыковка, эта ветка может тебя не выдержать. Ты не мог бы немного спуститься?»

На Мировом Дереве, любая ветка выдержала бы меня. Самые широкие были больше, чем Межштатная автомагистраль 93 (*прим. перевод: самая загруженная автомагистраль в США – идёт от границы с Канадой в штате Мэн на севере до юга Флориды*), а самые маленькие и хилые могли потягаться объёмом со стволами красного дерева. Про ствол самого Иggдрасиля вообще молчу.

Степень его огромности просто не с чем сравнить. Каждая расщелина в его стволе, казалось, вела в другой мир, будто бы кору дерева обернули вокруг огромной колонны с телевизионными мониторами, показывающими миллионы разных фильмов одновременно.

Ветер ревел, чуть не срывая с меня мою новую джинсовую куртку. Пространство за листвой дерева тонуло в мутно-белом мерцающем мареве. Внизу не ощущалось никакой тверди, лишь сплошное перекрестье веток. Я понимал, конечно, что дерево где-тогораздо ниже пустило корни в твёрдую почву, но ощущение было таково, что оно целиком парит в воздухе, и от этой головы у меня кружилась. Казалось, Иggдрасиль со всем своим содержанием, включая родной мой Мидгард, просто плавает в туманном небытии Гиннунгагапа.

Только бы не упасть. Иначе я в лучшем случае ударюсь о какую-нибудь из нижних ветвей и сломаю шею. а в худшем обреку себя на вечное падение в Великое Белое Ничто.

Наверное, я уже начал падать вперёд, потому что Блитцен схватил меня за руку.

— Осторожно, парень. Первый прыжок на Дерево может вызвать головокружения.

— Да, я заметил.

Хартстоун по-прежнему висел между мной и Сэм. Несколько раз он делал попытку встать на ноги, но ноги его подгибались под какими-то немыслимыми для людей углами.

Сэм споткнулся. Разбитый щит выскользнул у неё из руки икружась, рухнул в бездну.

— Иggдрасиль нравился мне куда больше, когда я могла летать.

— Что насчёт Гуниллы и остальных? — спросил я. — Они не смогут последовать за нами?

— Им будет нелегко это сделать. — сказала Сэм. — Они могут открыть портал, но он обязательно будет вести на эту же самую ветку. В любом случае, мы должны двигаться дальше. Пребывание на Иggдрасиле очень плохо влияет на твою психику.

Хартстоуну удалось как-то встать на ноги.

Он прожестикулировал: «*Я в порядке. Пойдём.*»

Хотя, его руки так сильно тряслись, что это было больше похоже на: «*Ты кроличья нора.*»

Мы двинулись дальше по ветке.

Меч Лета гудел в моих руках, тянув меня за собой, будто бы знал, куда мы идём. Ну, по крайней мере, я надеялся, что он знал.

Ветер усилился и теперь дул на нас отовсюду. Ветки под ним раскачивались, бросая густые тени и лучи блестящего света на наш путь. Над нами пронёсся лист величиною с каноэ.

— Не расслабляйся. — сказал мне Блитц. — То чувство, которое ты испытывал, когда активировал портал. Попробуй снова его включить. Выведи нас отсюда.

Пройдя ещё четверть мили, мы обнаружили тонкую ветку, которая проходила слева направо ровно под нашей. Меч загудел сильнее и потянул меня вправо.

— Полагаю, нам надо туда, —глянул на остальных я.

Перебираться с ветки на ветку звучит легко. Но это включается в себя соскользнуть вниз десять футов с одной неровной поверхности на другую, когда ветер дует тебе в лицо, а ветви раскачиваются в разные стороны. Удивительно, но нам удалось сделать это так, чтобы никто не пострадал и не упал

в забвение.

Ориентироваться на более узкой ветке было сложнее. Она более опасно извивалась под нашими ногами. Сначала меня чуть не расплюснуло листом – будто бы огромный зелёный брезент упал на меня из неоткуда. Ещё через какое-то время я посмотрел вниз и увидел, что стою на трещине в коре. Где-то в полукилях внизу, *внутри* ветки, я мог видеть заснеженную горную цепь, будто бы стоял на стеклянном полу в самолёте.

Вскоре мы оказались вынуждены лавировать сквозь лабиринт из кочек лишайника, похожих на кучи горелой настилы и столь же липких. Я совершил ошибку и дотронулся до одной. Моя рука увязла там по запястье, и я еле вытащил её.

Наконец, лишайник уменьшился и стал уже похож не на холмы, а на диваны из сгоревших зефирок. Мы следовали по нашей ветки, пока она не разошлась на полдюжины маленьких веток. По которым невозможно было забраться. Меч Лета, кажется, взял перерыв и заснул в моей руке.

— Ну? — выжидающе глянула на меня Сэм.

Я глянул вниз. Где-то в тридцати футах под нами раскачивалась большая ветвь. Посередине её было дупло, размером с джакузи, которое светилось тёплым, мягким светом.

— Вот он. – сказал я. – Вот выход.

— А ты уверен? – как-то наморщился Блитцен. – Нидавеллир не тёплый и не светится.

— Я просто говорю – меч, кажется, думает, что это и есть наш пункт назначения.

Сэм тихо присвистнула.

— Нехилый прыжок. Если мы промахнёмся и не попадём в дупло...

Харт прожестикулировал по буквам:

— З-Н-А-К.

Нас ударили порыв ветра, и Харт споткнулся. Прежде, чем я успел поймать его, он упал прямо в лишайник. Его ноги крепко застяли в зефирной жиже.

— Харт! – Блитц схватил Харта за руки и попытался вытянуть его, но мерзкая субстанция не хотела его отпускать.

— Мы можем попытаться вырезать его. – сказала Сэм. – Твой меч, мой топор. Только это займёт много времени. Надо ведь осторожно, иначе ноги ему заденем. Но, в общем то, все могло обернуться хуже.

Ну и, как только она об этом сказала, хуже и обернулось.

— Гав! – неожиданно оглушило нас сверху.

Блитцен резко присел. Чёрная вуаль на его белом шлеме взметнулась вверх.

— Рататоск. – Проклятая белка, прошёл он сквозь зубы. – Всегда возникает в самый неподходящий момент. Поторопитесь там со своим вырезанием.

Сэм рубанула лишайник, и топор в нем увяз.

— Все равно что рубить плавящуюся резину, – с досадой проговорила она. – Быстро не справимся.

— ИДИТЕ. – прожестикулировал Харт. – Оставьте меня.

— Не вариант. – сказал я.

— Г-А-В! – взорвалось ещё ближе и громче, и дюжиной веток выше над нами пронеслось что-то тёмное и громадное.

Я взял меч наизготовку.

— Ну что ж, зададим Рататоску жару, а?

Сэм глянула на меня как на психа.

— Даже не вздумай. Он совершенно неуязвим. У нас только три варианта: бежать, прятаться или умереть.

— Бежать без Харта мы не можем, – ответил я. – И я уже дважды умирал на этой неделе.

— В таком случае прячемся – сорвала она с головы хиджаб. – Я имею в виду себя и Харта. Больше двоих накрыть не сумею. Так что вы с Блитцем бегите на поиски гномов. Встретимся позже.

— Что? – я задумался, не сделал ли что-нибудь Утгард-Локи с её разумом. – Сэм, ты не сможешь спрятаться под зелёным кусочком шёлка! Эта белка не может быть такой глупой...

Сэм потрясла платком. Он вырос до размеров простыни, цвет пошёл волнами, пока не стал таких же коричневых, жёлтых и белых цветов, как лишайник.

— Она права. – прожестикулировал Харт. – ИДИТЕ.

Сэм присела рядом с ним, набросила хиджаб на них обоих, и они исчезли, прекрасно слившись с лишайником.

—Сейчас или никогда, Магнус, —дёрнул решительно меня за руку Блитцен и указал выразительным взглядом на нижнюю ветку.

Дупло значительно сузилось и было готово вот-вот закрыться.

Листва над нашими головами зашуршила, и сквозь неё прорвался Рататоск.

Вам когда-нибудь приходилось видеть танк «Шерман»? Тогда представьте себе на минуту, что он оброс густой рыжей шерстью и несётся на полной скорости вниз по стволу необъёмного дерева. Но даже это было бы мене жутко, чем Рататоск. Зубы его белели, как воплощённый ужас, когда на лапах смахивали на остройшие ятаганы, а жёлтые, цвета серы, глаза горели от ярости.

От его оглушительного боевого клича мои барабанные перепонки едва не лопались, а в мозг устремились потоком, вытесняя все остальные мысли, отвратительные оскорблении:

Ты проиграл.

Никто не любит тебя.

Ты мертвец.

Шлем у твоего гнома дурацкий.

Ты не смог спасти маму.

Я упал на колени. Дыхание перехватило, горло сжалось от спазма. Возможно, я прямо там, на месте, и умер бы, но верный мой Блитцен, собравшись из всех своих гномьих сил, поднял меня рывком на ноги и влепил звонкую пощёчину.

Сбитый с толку и оглушённый, я не слышал его, но смог прочесть по губам: «СЕЙЧАС, ПАРЕНЬ!». Ивцепившись мне в руку своими твёрдыми мозолистыми пальцами, он спрыгнул с ветки, увлекая меня за собой в бушующий ветер.

Глава XXXVIII

Я ВЛАМЫВАЮСЬ В ФОЛЬКСВАГЕН

Я стоял на залитом солнцем лугу, не имея понятия, как попал сюда.

Вдали тянулись гряды зелёных холмов, покрытых яркими полевыми цветами. Ветерок нёс запах лаванды. Свет был тёплый и густой, как будто воздух превратился в масло.

Мои мысли двигались очень вяло. Свет... Солнечный свет губителен для гномов. Я был точно уверен, что путешествовал с гномом – с кем-то, кто дал мне пощёчину и спас мою жизнь.

— Блитц?

Он стоял слева от меня, держа свой шлем у себя под мышкой.

— Блитц, твоя шляпа!

Я испугался, что он уже превратился в камень.

Потом он развернулся. Его взгляд был мрачным и задумчивым.

— Всё в порядке, парень. Это не обычный солнечный свет. Мы больше не в Мидгарде.

Его голос звучал так, будто он говорил сквозь вошённую бумагу. Лай белки до сих пор трещал в моей голове, и теперь всякие мерзкие мысли колотились в моём разуме.

— Рататоск... — было начал я, по продолжить не смог. Стоило мне произнести вслух его имя, как захотелось забиться куда-нибудь в угол и там свернуться калачиком.

— Ну да, — понимающе кивнул Блитц. Его лай гораздо страшней, чем его укусы. Белка... — Он, опустив глаза, начал часто-часто моргать. Самое разрушительное существо на Мировом Дереве. Носится взад-вперёд по стволу и передаёт оскорблений от орла, который живёт на самой вершине, дракону Нидхёггу, который живёт в корнях дерева, и обратно.

Я прислушался. Со стороны холмов доносилась негромкая музыка, если это только были не глюки в моих контуженных лаем ушах.

— Зачем белке это делать?

— Он изо всех сил старается как можно больше навредить дереву, — принялся объяснять мне Блитц. — Вот и поддерживает постоянно ярость в орле и драконе. Врёт им. Несёт друг про друга всякие мерзости. Дракон, впав в злобу и раздражение, жуёт и раздирает когтями корни Мирового Дерева, чтобы его уничтожить. А взмахи орлиных крыльев сеют смерчи и ураганы, от которых ломаются ветви дерева и происходят кошмарные разрушения во всех Девяти Мирах. Рататоск не жалеет сил, чтобы ярость обоих животных не проходила. Вот они постоянно и соревнуются, кто скорее погубит свою часть Иggдрасиля.

— Но это... безумно. Белка живёт на дереве.

Блитц со скорбной гримасой развёл руками.

— Все мы живём на нём, парень. У людей есть очень разрушительные побуждения. Некоторые из нас хотят увидеть весь мир в руинах просто ради веселья... Даже если мы все будем разрушены вместе с миром.

Слова Рататоска эхом отзывались у меня в голове: *Ты проиграл. Ты не смог спасти маму.* Белка довела меня до отчаяния, но я смог заметить, что его лай активировал и другие эмоции: отвращение, горечь, ненависть к самому себе.

Зловредная тварь расчётиливо била по самым болезненным точкам, повергая в отчаяние и лишая способности соображать. Я вполне мог представить себе, до какой ярости и жажды мести доводил Рататоск своим гавканьем орла и дракона.

— Как ты смог остаться в здравом уме? — спросил я у Блитца. — Когда белка лаяла, что ты услышал? Он пробежался пальцами по краю своей шляпы, зажимая край чёрной вуали.

— Всё то же, что я говорю самому себе каждый день. Мы должны идти.

Он пошёл по направлению к холмам. Несмотря на его неширокий шаг, мне пришлось поспешить, чтобы не отставать.

Мы перешли ручей, в котором, как на картинке в какой-нибудь детской книжке, сидела на листке лилий маленькая симпатичная лягушка. В небе над нашими головами пролетали спиральными голуби и соколы. Казалось, они затеяли игру в салочки. Обстановка вокруг была до того идиллической, что я совершенно не удивился бы появившись вдруг из зарослей полевых цветов хор милых пушистых зверей,

исполняющих диснеевские песенки.

—Догадываюсь, что это не Нидавеллир. —сказал я. когда мы начали подниматься на холм.

Блитцен фыркнул:

— Нет. Гораздо хуже.

—Альфхейм? — пробовал угадать я.

—Хуже. — Блитц остановился, чуть не дойдя до гребня холма. — Иди сюда. Давай покончим с этим.

На вершине холма я поражённо остановился.

— Bay.

По другую сторону, зелёные поля простились прямо до горизонта. Они бы сплошь усеяны разноцветными пледами для пикников. Толпы людей отдыхали там — ели, смеялись, болтали, играли на музыкальных инструментах, запускали воздушных змеев, играли с пляжными мячами.

Вообразите, себе самый большой концерт на открытом воздухе минус сцену и вступление знаменитых артистов, и вы поймёте, что мне открылось с вершины холма. На одном из этих участников гигантского пикника я заметил воинские доспехи и оружие, которое, судя по мирному и благостному их лицу, применять им не сильно то и хотелось.

Две девушки вроде затеяли вялый поединок на мечах, но, скрестив их пару раз, опустили руки и с удовольствием занялись болтовней. Ещё один тип развалился с мечом в шезлонге изанятый флиртом с девушкой, которая сидела слева от него, время от времени лениво парировал выпады чувака, отдыхающего в шезлонге по его правую руку.

Блитц указал мне на гребень холма, возвышавшегося на расстоянии полукилометра от нас. На вершине его поблескивал замок из золота и серебра, формой смахивающий на перевёрнутый Ноев ковчег.

—Сессрумнир. — объяснил мне гном. Дворец множества мест. Надеюсь. нам повезёт и её не окажется дома.

—Кого?

Вместо ответа, он помахал рукой в толпу.

Едва мы туда спустились, с одного из ближайших пледов раздался окрик:

— Эй, Блитцен! Как дела, чувак?

Блитцен стиснул свои зубы так сильно, что я услышал, как они скрипнули.

— Здравствуй, Майлз.

— Да, у меня всё прекрасно. — Майлз рассеянно поднял свой меч, в то время, как другой парень в пляжных шортах и жилетке нацелил на него свой боевой топор.

— Умри! Ха-ха, просто шучу. — и он просто прошёл мимо, поедая шоколадный батончик.

— Итак, Блитц. — сказал Майлз. — Что же привело тебя в этот Обалденный Дом?

— Был рад повидаться, Майлз. — Блитц схватил меня за руку и потащил дальше.

— О'кей, круто! — сказал сзади нас Майлз. — Оставайся на связи!

— Кто это был? — спросил я.

— Никто.

— Откуда ты его знаешь?

— Я его не знаю.

Пока мы добирались до перевёрнутого здания-ковчега, ещё несколько людей остановились и поздоровались с Блитценом. а от некоторых удостаивался приветствия даже я. Сыпались щедрые комплименты. Иные расхваливали мой меч, другие ботинки или волосы, а одна девушка даже восхлинула: «Ну до чего же симпатичные уши!», что вообще не имело никакого смысла.

— Все тут такие...

— Глупые? — предположил Блитцен.

— Я собирался сказать *приветливые*.

Он прыснул.

—Это Фолькванг. Поле армии. Можно перевести как Народное Поле Боя.

Я изучил толпу, гадая, нет ли здесь моей мамы, но я не могу представить её в таком месте, как это. Слишком уж неподходящая для неё была обстановка. Все с удовольствием предаются безделью. Ни намёкахочь на какую-нибудь активность. Моя мама заставила бы этих воинов подняться на ноги, повела бы их на десятимильный пеший поход, а потом заставила бы поставить палатки, заявив, что иначе они не получат ужина.

— Они как-то не очень похожи на армию.

—Возможно, и так, согласился Блитцен. Но все же они в своё время тоже пали в бою, а отвагой и мощью ничем не уступают эйнхериям. Просто у них отношение к жизни другое. Это же филиал Ванахейма. Ну, как бы та же Вальхалла, только её обратная сторона, по версии ванов.

Я попытался вообразить, что мне предстоит здесь оставаться навечно. В Вальхалле о таких пикниках или игре в пляжный мяч оставалось только мечтать, но зато для скуки не было времени. Нет, вряд ли мне тут бы понравилось больше.

Я попытался представить себя, проводящим здесь всю вечность. У Вальхаллы были свои преимущества, но, как я мог судить из того, сколько пробыл там, там не было пикников или пляжных мячей, так что я точно не описал бы её, как *приветливое* место. И всё же... Я не был уверен, что в Фолькванге мне понравилось бы больше.

— То есть, половина падших отправляется сюда, — припомнил я. — А половина в Вальхаллу. Как они решают, кто куда пойдёт? Подбрасыванием монетки?

— В этом хоть был бы какой-то смысл, — отозвался он.

— Все же не понимаю, — продолжал я. Я вроде нашёл портал в Нидавеллир. Почему же мы здесь очутились?

— Но я пытался отправить нас в Нидавеллир. Почему мы оказались здесь?

Блитцен уставился на строение на вершине холма.

— Ты искал путь, которые был нам нужен для задания. И этот путь повёл нас через Фолькванг. К сожалению, я думаю, что знаю, почему. Пойдём выразим наше уважение, пока я не потерял самообладание.

Когда мы оказались возле ворот, я наконец смог отчётливо разглядеть дворец. Он не просто был выстроен в формеперевёрнутого корабля, а им и являлся на самом деле. Ряды высоких сводчатых окон были в действительности прорезями для множества весел. А строительным материалом для покатых стен служили положенные внахлест золотые пластины, которые скреплялись серебряными гвоздями. Над парадным входом нависал козырёк, который, если вернуть корабль в нормальное положение, превратился бы в трап.

—Почему корабль? — посмотрел я на Блитцена.

—Что? —нервно щипал он зелёную гвоздику у себя в петлице.—Напрасно ты так удивляешься. В этом нет ничего необычного. Все согласно традиции твоих древнескандинавских предков. Они часто делали здания, просто перевернув свои корабли. Ну а в случае с Сессрумниром, как только придёт судный день, его достаточно будет перевернуть, и на воду встанет корабль достаточного размера, чтобы в него поместились все воины Фолькванга, которые на нем двинутся навстречу собственной смерти. Ну,примерно, как мы сейчас.

Он завёл меня внутрь.

Я ожидал, что меня окутает сумрак корабельного трюма, однако внутри дворец походил на готический собор. Потолок устремлялся ввысь и, постепенно сужаясь, доходил до самого киля. Воздух пронизывали полосы мягкого света, струившегося из окон. Дворец состоял из огромного единого пространства ни комнат, ни перегородок. Просто много удобных диванов, кресел, напольных подушек и гамаков, каждый из которых висел на отдельной стойке, и большинство из них было занято самозабвенно хранившими воинами.

Я надеялся, что полумиллиону обитателям Фолькванга нравится проводить время в компании друг с другом, потому что здесь не было *никакой* приватности. Если быть честным, то больше всего меня волновала мысль, куда они все ходили в туалет.

Центр помещения занимал выстланный персидским ковром проход, по обе стороны которого выстроились рядами жаровни с округлыми золотыми боками, а в самом конце находился помост, и на нем стоял трон.

Блитц пошёл по направлению к трону, игнорируя воинов, которые приветствовали его фразами, вроде: «Чувак!», и «Здорово, гном!», и «Добро пожаловать домой!»

Добро пожаловать домой?

Перед помостом плясал в очаге весёлый огонь, и повсюду блестели кучки украшений с драгоценными камнями, словно сперва они валялись по всему иолу, а затем кто-то их смел в аккуратные островки-холмики. На другой стороне ступеней обосновалась ситцевая кошка, величиной с саблезубого тигра.

Трон был из резного белого дерева —мягкого, маслянистого, как местный свет. Мне показалось, что это липа. Спинка, задрапированная накидкой из ткани, похожей на пух под крыльями сокола, даже на

взгляд поражала какой-то уютной мягкостью. Ну а на троне сидела самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

Выглядела она лет на двадцать. Сияющая вокруг неё золотая аура объяснила мне слова Блитца о том, что свет здесь особенный. Его излучала на все эта прекрасная энергичная женщина.

Свои светлые волосы она заплела в длинную косу, падавшую ей на красивое загорелое плечо, которое белый тоник с американской проймой оставил открытым, как и гладкий живот. Юбка, длиной до колена, была схвачена на талии пояском из плетёного золота. На нем внесли нож в ножнах и связка ключей. Шею женщины обхватывало воротничком прекрасное украшение кружевное ожерелье из золота и драгоценных камней, напоминающее фактурой сильно уменьшенную сеть Ран, у которой вместо мусора краснели рубины и сияли бриллианты.

Женщина посмотрела на меня. От взгляда её лазурно-голубых глаз и улыбки по моему телу от головы до ног разлилось тепло. Я был заполнен им без остатка и испытывал лишь одно желание: пусть она вечно не отводит от меня глаз и вечно станет мне так улыбаться. Вели она мне прыгнуть с Мирового Дерева в никуда, я бы без размышлений кинулся вниз.

Я вспомнил картинку из своей детской книжки по мифологии и понял, как ужасно авторы этой книги недооценивали красоту этой женщины.

Богиня красоты была очень красивой! У неё были кошки

Я бухнулся на колени перед своей родной тётей, сестройблизняшкой своего отца.

—Фрейя.

— Мой дорогой Магнус. — сказала она. — Как приятно встретиться с тобой лично.

Она повернулась к Блитцену, который сердито смотрел на свои ботинки.

— А как ты поживаешь, Блитцен? — спросила богиня.

Блитцен вздохнул.

— У меня всё хорошо, мама.

Глава XXXIX

ФРЕЯ ХОРОШЕНЬКАЯ! У НЕЁ ЕСТЬ КОШКИ!

—Мама? — Я был так поражён, что даже и не заметил, как произнёс это вслух. — Погоди... Вы, Блитцен. Мама?

Гном пнул меня в щиколотку. Фрейя продолжала мне улыбаться.

—Полагаю, мой сын тебе не сказал. Он довольно скромный. Блитцен, дорогой, ты замечательно выглядишь, но не мог ты поправить воротничок?

Блитцен послушался, бормоча себе под нос.

— Был несколько занят, спасая свою жизнь бегством.

—И, дорогой,—продолжала Фрейя. —ты уверен насчёт жилета?

— Да. мама, — проворчал он. Совершенно уверен. Жилеты опять возвращаются в моду.

— Ну, тебе виднее, — Фрейя и подмигнула мне — Блитцен просто *гений* по части фасонов и тканей.

Гномы недооценивают его мастерство, но я считаю, что это потрясающее. Он хочет открыть свой собственный...

— В любом случае. — сказал Блитцен чересчур громким голосом. — мы на задании.

Фрея хлопнула в ладоши.

— Я знаю! Это очень захватывающее. Вы стремитесь попасть к Нидавеллир, чтобы выяснить там побольше о цепи Глейпнир. И, естественно, Мировое Дерево направило вас сперва ко мне.

Одна из кошек принялась драть когтями персидский ковёр. размочалив на пух и нитки кусок стоимостью в несколько тысяч долларов. Я старательно отгонял от себя невольно пришедшую в голову мысль, на сколько клочков эта зверюга способна разделать меня, если ей что-нибудь не понравится.

— Итак, леди Фрейя, —обратился я к тёте, —вы сможете нам помочь?

— Конечно! — сказала богиня. — А что ещё важнее, вы можете помочь *мне*.

—Ну, началось,—буркнул Блитцен.

— Сын, будь вежливым. В первую очередь, Магнус, как ты там справляешься со своим мечом?

Моё сердце пропустило один удар.

Полагаю, я просто всё ещё не думал о Мече Лета, как о *моём* мече.

Я снял с цепочки рунный кулон. Он тут же превратился в Меч Лета.В присутствие Фрейи, он был тихим и неподвижным, будто бы притворялся мёртвым. Может, он просто боялся кошек.

—У меня пока даже времени не было им попользоваться им.—объяснил я тёте. —Я его только что забрал у Ран.

—Да. Знаю. — По чуть наморщенной переносице Фрейи можно было понять, что морская богиня не пользуется у неё симпатией.А потом ты доставил Утгарду-Локи в уплату за информацию молодильное яблоко. Возможно, это был не самый умный ход, но я не буду тебя осуждать.

— Ты только что сделала это. — сказал Блитцен.

Фрея проигнорировала его комментарий.

— Ну, по крайней мере, ты не обещал *меня* Утгарду-Локи. Обычно, когда великаны что-то требуют, они просят яблоко и меня в качестве жены. — она перекинула косу на другое плечо. — Это очень утомительно.

Мне было очень сложно просто смотреть на Фрейю, а не восхищённо пялиться на неё. Главное было не смотреть на — её глаза, её губы, её пупок. Я мысленно ругал себя: «Это мама Блитцена! Это моя *тётя*!» Я решил сфокусировать взгляд на её левой брови. В левой брови не было ничего чарующего.

— В любом случае. — сказал я. — Я ещё не убил никого этой бровью... Я имею в виду, этим мечом.

Фрея нагнулась вперёд.

— Не *убил* никого?О, дорогой, убивать—самая скромная из его возможностей. Тебе первым делом следуетс ним подружиться. Ты ещё не пытался?

Я живо представил себе, как мы с Мечом Лета сидим рядышком в кинотеатре, а между нами стоит картонное ведёрко с попкорном. Или вот, например, волоку его на поводке прогуливаться по парку.

— Как можно подружиться с мечом?

— Оу... Ну, если ты вынужден спрашивать...

— Послушайте, тётя Фрея. — сказал я. — Могу я отдать меч Вам на хранение? Это оружие ванов. Вы сестра Фрея. У Вас есть несколько сотен тысяч прекрасно вооружённых, сонных воинов, чтобы защитить его, если Сурт...

— О, нет. — с грустью сказала она. — Меч уже в твоих руках, Магнус. Ты призвал его из реки.

Предъявил своё право им владеть. Теперь нам осталось только надеяться, что Сумарбрандер, Меч Лета, позволит тебе собой пользоваться. Охранять его от Сурта теперь *твоя* работа, до тех пор, пока ты жив.

— Ненавижу свою работу! — выкрикнул я.

Блитц угостил меня локтем по рёбрам.

— Не говори так, парень. Ты оскорбляешь меч.

Я опустил глаза на клинок с сияющими рунами.

— Прости меня, длинный острый кусок металла. Я задел твои чувства? Кстати говоря, если *в твоей власти* позволить кому-нибудь или нет тобой пользоваться, то зачем же тебе давать разрешение злому огненному гиганту? Почему ты не хочешь вернуться к Фрею, или к его миленькой сестре?

Меч не ответил.

— Магнус. — сказала богиня. — Это не шутки. Меч обречён принадлежать Сурту, рано или поздно. Ты знаешь это. Меч не может избежать своей судьбы, также, как и ты не можешь избежать своей.

Я представил, как смеётся Локи, развалившись на высоком кресле Одина: «*Наши решения могут изменять детали. Вот как мы бунтуем против нашей судьбы.*»

— К тому же. — тем временем говорила мне Фрейя, — меч никогда не подарит мне своей дружбы. Я ведь тоже отчасти ответственна за его потерю, и он возмущён мной не меньше, чем Фреем. — Может быть, у меня в тот момент чересчур разыгралось воображение, но я вдруг почувствовал, что Сумарбрандер заметно потяжелел и стал холоднее.

— Но всё-таки он меч Фрея, — возразил я.

— Был им, — буркнулся Блитцен. — Я говорил тебе, сынок: он отдал его за любовь.

Кошка, сидевшая справа от трона Фрейи, перекатилась через бок и лёжа на спине, потянулась. Яглянул на Её пушистый живот, прикидывая, скольких воинов она сможет съесть и переварить за один присест.

— Увы, я и впрямь причастна к этой истории, — продолжала Фрейя. — Твой отец сел на трон Одина из замены. Я в тот момент переживала скверный период и бродила в скорби и одиночестве по всем Девяти Мирам. Фрей хотел, чтобы трон помог ему меня отыскать, а увидел с него мечту сердца морозную великаншу Герд. И влюбился в неё без памяти.

Я таращился на тётины левые брони. Не могу сказать, что её рассказ улучшил моё представление об отце.

— Он влюбился с первого взгляда... В морозную великаншу.

— О, она была так красива. — сказала Фрейя. — Серебро к его золоту. Холод к его теплоте. Зима к его лету. Ты слышал, что противоположности притягиваются? Она была ему прекрасной парой. Но она была великаншей. Она бы никогда не согласилась выйти замуж за вана. Её семья не позволила бы ей. Зная это, Фрей впал в отчаяние. Посевы прекратили расти. Лето лишилось тепла. Тут-то слуга и лучший друг Фрея и стал выяснять, что с ним происходит.

— Скирнир, — сказал я. — Чувак, которому достался меч.

Фрея нахмурилась.

— Да. *Он*.

Блитцен попятился с таким видом, будто ждал, что мама сейчас взорвётся, а я убедился, что Фрея способна быть не только прекрасной, но и вселяющей ужас своим могуществом. Попадись она мне на поле боя, скачущая с копьём и щитом вместе с валькириями, точно бы уж постарался сбежать подальше.

— Скирнир пообещал, что сможет доставить Герд в течение девяти дней. — сказала богиня. — Всё, что он просил взамен — совсем маленькое вознаграждение за такую услугу — Меч Лета. Фрей был настолько очарован любовью, что даже не спрашивал никаких вопросов. Что до меча... Воображаю, что он почувствовал, когда его любимый хозяин его предал. Он позволил Скирниру собою пользоваться, но вынужденно и безо всякой охоты.

Фрея вздохнула.

— Вот почему меч никогда не позволит Фрею снова собой пользоваться. И вот почему, когда начнётся Рагнарёк, Фрей обречён умереть, потому что у него не будет этого оружия.

Я не знал, что сказать. Даже «полный облом» прозвучало бы слишком мягко.

Я вспомнил предупреждение, как Локи предупреждал меня по поводу трона Одина, что оно трон будет искать желание моего сердца. А чего жаждал я? Узнать местонахождение моей мамы. Отдал бы я меч ради того, чтобы найти её? Конечно. Готов с риском погибнуть или даже ускорить наступление судного дня? Да. Так что, скорее всего, я не мог судить своего отца.

Блитц схватил меня за руку.

Блитцен схватил меня за руку.

— Не будь таким угрюмым, парень. Я верю в тебя.

Взгляд Фрейи снова стал мягким и ласковым.

— Да, Магнус, ты *научишься* пользоваться мечом — и не просто размахивать им, как неумёха. И когда ты познаешь все его способности, ты станешь по-настоящему грозным.

— Я полагаю, инструкции по пользованию с ним в комплекте не идёт?

Фрея вежливо рассмеялась.

— Мне жаль, что ты не попал ко мне в Фолькванг. Ты был бы ценным приобретением для лагеря моих последователей. Но раз Вальхалла первой заполучила тебя, значит, именно так и следовало.

Я хотел возразить ей, что норны, эйнхерии и капитан Гунилла придерживаются на сей счёт противоположного мнения, но мысль о капитане Гунилле тут же заставила меня вспомнить о нашем стремительном бегстве на Мировое Дерево и о том, что Сэм и Хартстоун, видимо, до сих пор там прячутся под волшебным платком от белки-убийцы.

— Тётя, наши друзья... — начал я. Ну, нам пришлось разделиться с ними на Иггдрасиле. Вы не знаете, удалось им добраться сюда в безопасности или нет?

Фрея словно взгляделась куда-то вдаль.

— Да, я их вижу... Они не в Фолькванге. Ох. Погодите-ка, вроде бы потеряла. Ай! —Она поморщилась, но почти тут же с облегчением выдохнула—Ну, кажется, обошлось. На данный момент ними полный порядок. Очень находчивая парочка. Но, чувствую, здесь они не появятся. Пора вам продолжить путь. Они будут вас ждать в Нидавеллире, что возвращает нас к вашим поискам.

— И к тому, что просишь нас чем-то помочь тебе.—вставил Блитцен.

— Именно, мой дорогой, —подтвердила Фрейя. Вас привела сюда необходимость. Она ощущается очень сильно, когда путешествуешь по Мировому Дереву Именно из-за этого мой бедный сын оказался рабом Мимира.

— Давай-ка не будем снова об этом. —вскинулся Блитцен.

— Хорошо-хорошо.—не стала с ним спорить Фрейя.

Фрея вскинула свои прекрасные руки.

— Хорошо. Вернёмся к главному. Как вы уже знаете, гномы сделали цепь Глейпнир, которой связан волк Фенрир.

— Стихотворения, которое учат в детском саду?—уставился на него я, ибо в жизни не учил, не читал и не видел ничего подобного.

— Да, мама,— сказал Блитц, закатывая глаза. — Все учат это стихотворение в детском саду.

— Стихотворения, которое учат в детском саду?— уставился на него я.

Ну да, ответил мне Блитц и продекламировал:

Поставили гномы важную цель:

Сделали славную крепкую цепь.

Прочна и надёжна их цепь Глейпнир.

Закован навеки в неё Волк Фенрир.

—Разве люди этого в детстве не учат? —удивлённо спросил он.

— Ээ... Ничего подобного.—пожал я плечами.

—Как бы там ни было, —вмешалась богиня, гномы многое могут тебе рассказать о конструкции этой цепи и о том, как можно её заменить.

— Заменить? — я превратил меч в подвеску. Но даже так, вися на моей шее, мне показалось, что он весил где-то сотню фунтов. (*прим. перевод.: примерно 45 кг*)— А я думал, нам нужно просто не допустить Сурта к старой.

— Э... —Фрея с задумчивым видом коснулась пальцем верхней губы. — Не хочу разочаровывать тебя, Магнус, но все же предупреждаю: даже если ты не позволишь Сурту отобрать меч, а семьдесят пять процентов из ста что у тебя это получится. он все равно найдёт способ освободить Фенрира. Вот тогда вам и станет необходима новая цепь, чтобы он вновь оказался связан.

—Воодушевляющая перспектива, —произнёс я одеревеневшим вдруг языком.—Кажется, прошлый раз, когда волка решили лишить свободы, связан он оказался только после того, как все боги объединили усилия.

—Потребовались целых три попытки, множество хитростей и уловок, —начала мне рассказывать Фрея. Бедный Тюр на этом потерял руку. Но не волнуйся. Волк больше не купится, если ты тоже положишь ему руку в пасть. Еслийдёт до того, что его нужно будет связывать, ты будешь вынужден изобрести какую-нибудь новую хитрость.

Я готов был поклясться, что Майлз и близко не сталкивался на народном поле боя с такими проблемами. Может, пойти и предложить ему махнуться на время. Пускай поднимет адреналин, погоняется за Фенриром, а я пока вместо него пляжный мяч поминаю.

— Фрейя, а вы хоть знаете, где сейчас этот волк находится?

—На Лингви. Острове Вереска. —Она коснулась подбородка.—Дайте-ка сообразить. Сегодня шестнадцатое. День Тора.

—Вы хотите сказать, четверг? —влез я с новым вопросом.

—Именно это я и сказала. Значит, Остров появится через шесть дней. В полнолуние. Двадцать второго. Это День Одина.

—Это будет среда? —опять потребовал уточнения я.

—Именно,—подтвердила богиня. Поэтому у вас есть достаточно времени до того, как найдётся волка, чтобы добыть мне серёжки. К несчастью, координаты его каждый год меняются. Виной тому ветви Иггдасиля, которые раскачиваются на ветрах пустоты. Но. полагаю, гномы смогут вам подсказать верный маршрут. Во всяком случае, отец Блитцен умел это делать, и видимому умеют и остальные. При слове «отец» Блитцен нахмурился, посуворел и, аккуратно вытащив из петлицы гвоздику, швырнул её в огонь очага.

—Что именно, мама, ты хочешь и какую роль и этом отводишь нам? —осведомился очень официальным тоном он.

— О, желание моё очень просто, —легонько прошлась она пальцами по золотому ожерелью-воротничку. —Я хочу, чтобы ты заказал мне серёжки, которые смогут составить достойный ансамбль моему ожерелью Бринсингамен. Что-нибудь симпатичное. Не слишком яркое, но эффектное. В этом я Блитцен, вполне доверяю твоему прекрасному вкусу.

Блитцен кинул исполненный ярости взгляд на ближайшую кучку драгоценностей, в которой, среди всего прочего, поблескивали дюжины, если не сотни, серёг.

—Ты же знаешь, с кем мне придётся встретиться и говорить в Нидавеллире, —угрюмо произнёс он.

—Только ему одному хватит навыков для создания цепи взамен Глейпнира.

—Знаю, —кинула Фрея. —К счастью, он также и превосходный ювелир и вполне сможет выполнить оба заказа.

—К несчастью, именно этот конкретный гном желает моей смерти,—угрюмо глянул на маму Блитцен.

—Спустя столько времени? Да быть не может. —небрежно отмахнулась она.

—Гномы очень злопамятны, мама, —явно не разделял её оптимизма Блитцен.

—Ну, в таком случае его может смягчить щедрость вознаграждения. а это я вам обеспечу. — И Фрейя крикнула звонко:

— Дмитрий! Ты нужен мне!

С одного из диванов тут же резко вскочили на ноги три молодых парня и, подхватив музыкальные инструменты, кинулись к трону. Одежда на них была одинаковая: гавайские рубашки, шорты-бермуды и сандалии. Причёсками эти парни тоже не различались длинные волосы, волнами забранные назад. Один держал гитару, второй барабаны бонго, третий треугольник.

Чувак с гитарой отвесил Фреи поклон.

—К вашим услугам, миледи.

Тётя мне заговорщики улыбнулась, будто вот прямо сейчас я узнаю о чем-то необычном.

—Магнус, это Дмитрий и его группа «Do-Runs», —торжественно объявила она. —Самая лучшая группа из всех, о которых ты никогда не слышал. Они умерли в 1963 году, можно сказать, как раз на пороге грядущей славы. Очень грустная и трагическая история. Спасая от неизбежного столкновения

школьный автобус. полный детей, со своей машиной, они свернули с шоссе в обрыв, где погибли, а я их за самоотверженность взяла в Фолькванг.

—Мы вам так благодарны, миледи. —подхватил Дмитрий. —быть вашей домашней группой для нас сплошное наслаждение.

—Дмитрий, мне надо поплакать. —объявила Фрейя.—Будь любезен, исполни песню про моего пропавшего мужа. Я её обожаю.

— А я ненавижу, —буркнул едва слышно Блитцен.

Треугольник в руках гавайского чувака загудел. Дмитрий врезал по струнам гитары.

—А зачем твоей маме плакать? —шепнул на ухо Блитцену я.

Он, повернувшись ко мне поднёс два пальца ко рту, будто бы собираясь вызвать рвоту.

— Сейчас сам все поймёшь.

Тут Дмитрий с трагическим видом завыл:

O, Одур, Одур, Одур

Где же Одур, где моя любовь?

Два остальных музыканта группы подхватилихором:

Далеко блуждает Од, мой Одур пропал, странно до одури без твоих поцелуев

Мой Одур! Мильй Од, Одур

Треугольник. Соло на бонго (*прим. перевод.: сдвоенный барабан*)

—Её мужем-богом был ас по имени Одур. —прошептал мне Блитцен под прикрытием этого шума. — Сокращённо его звали Од.

— И он пропал? —спросил я, мысленно прикидывая, какое из имён этого аса мне кажется более идиотским, сокращённое или полное?

—Две тысячи лет назад. —внёс ясность Блитцен. — Фрейя отправилась на его поиски, и сама исчезла почти на столетие. Она его так и не нашла, но вот по какой причине Фрейя сел в кресло Одина. Хотел узнать, где сестра

Богиня наклонилась вперёд, поднося к лицу сложенные третьью ладони, судорожно вздохнула, и мы вдруг увидели, что она плачет, но не слезами, а маленькими гранулами розового золота.

—О, Одур! —всхлипывала она. — Почему ты меня покинул? Мне до сих пор не хватает тебя!

—Од Одур. Любовь моя, где же ты и где же я? —продолжало заливаться трио.

Горсть Фрейи тем временем наполнилась золотом, и в тот момент, когда его оказалось в ней с верхом, она прокричала:

— Спасибо, Дмитрий! Достаточно!

Дмитрий с друзьями отвесили синхронный поклон, и группа, которую я лучше вообще никогда бы не слышал, отправилась восвояси.

Фрея подняла сложенные горстью ладони. В воздухе тут же возник мешочек из кожи и завис прямо под её руками. Она высыпала в него наплаканное золото.

—Вот, сын, держи. —передала она мешочек Блитцену. Если Эйтри-младший будет хоть мало-мальски разумен, такого вознаграждения ему покажется более чем достаточно.

—Проблема как раз в том, что он неразумен, —без особого воодушевления принял золото из рук матери сын.

—Но все равно ты добьёшься успеха, —с уверенным видом проговорила Фрейя.—Судьба моих серёжек твоим рукам.

Я поскрёб затылок.

—Леди Фрейя... спасибо вам, за слёзы и все такое прочее, но только не понимаю, почему вы не хотите сами пойти Нидавеллир? Неужели вам не доставило бы удовольствия выбрать серёжки самой? Ведь половина удовольствия от покупки — это сам процесс шопинга.

Блитцен смерил меня предупреждающим взглядом.

Голубые глаза Фрейи похолодели, и она нервно прошлась изящными пальцами по ажурному ожерелью.

—Процесс шопинга в Нидавеллире, Магнус, для меня решительно *исключён*. Ты же знаешь, что приключилось, когда я покупала у гномов Бринсингамен. Тебе хочется повторения?

Если честно, то я понятия не имел, о чём идёт речь, но она, не дав мне возможности расспросить, продолжала.

—В Нидавеллиресо мной каждый раз случается какая-нибудь беда. Это не моя вина! Просто гномам известно какую слабость яитаю к изысканным украшениям. Поверь уж, будет гораздо лучше, если я пошлю туда вас. Ну, а теперь прошу меня извинить. Настало время нашего ежевечернего пира на свежем воздухе с необязательным боем. До свидания. Магнус. До свидания, дорогой Блитцен. Пол разверзся у нас под ногами, и мы рухнули вниз.

Глава XLI

МОЙ ДРУГ ПОЯВИЛСЯ ИЗ... НЕТ, Я СТЕСНЯЮСЬ ЭТО ПРОИЗНЕСТИ

И не помню, как приземлился.

Просто вдруг обнаружил себя на темной холодной улице в разгар ночи. Вдоль тротуаров тянулись ряды обшитых вагонкой трёхэтажных домов. В конце квартала, светились давно не мытые окна таверны с неоновой вывеской над входом.

—Мы где-то на южной окраине Бостона, в районе Ди Страт,— бросил я Блитцену.

Он покачал головой:

—Мы в Нидавеллире, сынок. Это и впрямь похоже на южную сторону Бостона, а точнее, она походит на Нидавеллир. Я уже много раз тебе повторял: Бостон— это связующее звено между Девятью мирами. Они здесь сливаются воедино и взаимодействуют друг с другом. На южной окраине определённо присутствует дух гномов.

—Мне казалось, что Нидавеллир со всеми его пещерами находится глубоко под землёй. А на самом деле здесь даже клаустрофобии не испытываешь.

—Сынок, над твоей головой и есть потолок пещеры. Просто он на большой высоте и прячется над задымленным воздухом. Дня здесь не бывает. Постоянно темно, как сейчас.

Я, задрав голову, посмотрел на свинцовые облака. После царства Фрейи мир гномов казался гнетущим. Но это также, казалось, более привычным, более ... настоящими. Любой нормальный бостонец, занеси его в земли Фрейи, скорее решил бы, что у него крыша съехала, чем поверил в реальность происходящего. А вот помести ему в это холодное место с грязными облаками пару другую закусочных «Данкин Донатс», он и не врубится, что это уже не его родной город.

Блитц откинул тёмную вуаль на шлем, и все это хитроумное сооружение превратилось в маленький Чёрный носовой платок, который он сунул в карман пиджака.

—Нам пора двигаться.

— Не хочешь поговорить о том, что произошло в Фолькванге? — спросил я.

—А о чём, собственно, говорить? — пожал он плечами.

— Ну, во-первых, что мы кузены.

Блитц снова пожал плечами.

— Мне, разумеется, это приятно, сынок, но дети богов не придают особенного значения подобным вещам. Семейные связи здесь так перепутаны. Стоит задуматься, так с ума сойдёшь. Все друг другу в какой-то степени родственники.

— Но ведь ты полубог, и это, по-моему, здорово, — возразил я.

— Полубог, — поморщился Блитцен. — Не выношу это слово. Предпочитаю формулировку «рождённый с мишенью на спине».

— Формулируй, как хочешь, Блитц. Но Фрея твоя мама. Достаточно важное сведение, ноты мне почему-то забыл о нем сообщить.

— Ну да, она моя мама, но я не единственный: многие другие свартальфы тоже ведут своё происхождение от неё. Поэтому здесь, внизу, родство с ней не особо то и котируется. Она же как получила Бринсингамен? Несколько тысяч лет назад отправилась прогуляться по Нидавеллиру, и ей на глаза попались четыре гнома, которые делали ожерелья. У нихтоона и увидела Бринсингамен, который настолько Её поразил, что ей захотелось им обязательно завладеть. Гномы были не против, но на своих условиях. В качестве платы они потребовали, чтобы каждый из них стал на один день мужем Фрейи.

— И она... Я едва было не буркнул: «Вышла за четырёх гномов? Какая гадость!», но вовремя вспомнив, кто мне об этом рассказывает, спохватился и промолчал.

— Да, — подтвердил с несчастным видом Блитц. — Она приняла их условие, и у неё родились четыре ребёнка-гнома, по одному от каждого из однодневных мужей.

Я задумался.

— Погоди. Если она выхолила за каждого из четырёх гномов-ювелиров только на один день, а беременность длится... Нет, что-то здесь нестыкуется.

— Ой, только не начинай, — схватился за голову Блитцен. — Боги живут по своим законам. Ожерелье она получила, но после ей стало стыдно. Ей хотелось сохранить в тайне эти замужества, но любовь к

украшениям отправляла Её вновь и вновь в Нидавеллир, и она выбирала себе ещё что-нибудь. Гномы за это каждый раз...

— Ничего себе!

Блитцен ссунулся.

— Теперь понял разницу между темными эльфами и обычными гномами? Свартальфы, как правило, выше ростом и гораздо красивее, ведь в нас течёт кровь ванов. Мы все потомки Фрейи. Вот ты назвал меня полубогом, а я ощущаю себя счётом, ну, или чеком за покупку. Отец мой сделал для Фрейи пару серёжек, а она за них расплатилась замужеством. Не устояла перед его мастерством. А он перед Её красотой. Теперь старые серьги наскучили ей, и она жаждет новых, но отправила за ними, ясное дело, меня. Асгард не разрешил ей делать это самой. Не хочется оставаться ещё с одним маленьким Блитценом на руках.

Горечь, с которой он это сказал, была способна вызвать сочувствие даже у куска железа. Мне захотелось его утешить, заверить, что все понимаю, но слова застряли у меня в горле. Куда мне понять глубину его горечи! Отца своего я, конечно, не знал, зато у меня была любовь мамы, а больше мне ничего не требовалось.

А что было у Блитцена? Он ведь сказал мне тогда у лагуны Эспланада, мол, я не единственный, кого волки лишили родных. Имел в виду своего отца?

— Пошли, — отвлёк он меня от дальнейших мыслей поэтому поводу. — Если мы ещё хоть ненадолго останемся на этой улице, нас ограбят за это мешок слез. Гномы ведь красное золото чуют за милю. Он указал на неоновую вывеску. Заскочим-ка мы с тобой в таверну Набби. Угощу тебя чем-нибудь.

Таверна Набби подтвердила мою веру в гномов, ведь это был на самом деле клаустрофобный тоннель. Потолок был опасным и ограниченным в высоте. Стены таверны были увешаны старыми постерами боев с изображениями гномов-качков в масках для реслинга и подписями под ними вроде: «Донор-Уничтожитель против Мини-Убийцы. Всего один бой!».

Несоответствующие столы и стулья были заняты десятком несоответствующими гномами — некоторые были свартальфами как Блитцен, кто мог бы спокойно сойти за человека, другие, намного короче, которые могли бы легко сойти за садовых гномов. Несколько постоянных посетителей оглядели нас. Но, кажется, их совершенно не удивило, что в таверну вошёл человек. Может быть, они просто во мне такого не распознали. «Неужели я так похожу на гнома?» — меня порядком встревожила эта мысль.

Но самой нереалистичной вещью была звучащая на полную громкость песня Тейлор Свифт «Blank Space» («Пустое пространство»).

— Гномы любят человеческую музыку? — спросил я Блитцена.

— Ты хотел сказать, люди любят *нашу* музыку?

— Но...

Я представил себе картинку: Фрея и мама Тейлор Свифт устраивают в Нидавеллире весёлый девичник.

— Неважно.

Но мере того как мы с Блитценом двигались по проходу в направлении бара, мне все отчётливей становилось ясно: мебель здесь была разная не просто. Каждый стол и стул представляли собой уникальные экземпляры. Видимо, ручной работы из различных металлов, с различным дизайном и обивкой. Даже ткань и рисунок обивки на стульях ни разу не повторялись. Один из столов был сделан в форме повозки со стеклянной столешницей. Другой выглядел как шахматная доска с кисточками, инкрустированными оловом и латунью. Разнообразие стульев впечатляло не меньше, от вполне традиционных, до таких, у которых вручную регулировалась высота сиденья, или с помощью пульта менялся наклон спинки, и другие параметры, или вмонтированный в конструкцию вентилятор, при желании мог охладить перегревшегося посетителя.

У левой стены три гнома играли в дартс. Кольца мишени вращались и выпускали пар. Один из гномов как раз кинул дротик, который, жужжа и вращаясь, полетел к цели, словно миниатюрный дрон. Он ещё не достиг мишени, когда второй игрок ловким броском поразил его в воздухе и сбил на пол.

— Отличный удар. — только и оставалось буркнуть первому игроку.

И этот момент мы как раз добрались до дубовой стойки бара, где нас встретил сам Набби. Я сразу понял, что это он благодаря моим высокоразвитым способностям дедукции, а во-вторых, надпись: «Привет! Я Набби», которая красовалась на его заляпанном жёлтом фартуке.

Сперва я решил, что это самый высокий гном, которого мне приходилось до сих пор видеть, но, глянув за стойку, заметил, что он просто стоит на довольно высоком табурете. Собственного же роста в нем не больше двух футов, включая обширную шевелюру, торчавшую на его голове, как иглы морского ежа. Глядя на гладко выбритое лицо Набби, я понял, почему гномы по большей части предпочитают отпускать бороды. Подбородок у него просто отсутствовал, а ротик был кисло поджат.

—Привет тебе, Блитцен, сын Фрейи, — смерил он нас столь брезгливым и неприязненным взглядом, словно мы перед тем как к нему явиться, вывалились в грязи. — Надеюсь, на сей раз в баре не будет никаких взрывов?

—Я тебя тоже очень рад видеть, Набби, сын Лоретты, — поклонился Блитцен. — А про те взрывы... Хочу заметить: гранаты принёс не я. А теперь познакомься с моим другом Магнусом, сыном... Натали Набби кивнул мне, и я заметил, что брови у него двигаются, как живые гусеницы.

Я хотел было забраться на барный стул, но Блитцен меня остановил.

—Позволь спросить, Набби. можно ли моему другу воспользоваться этим прекрасным стулом и какое у него имя, а также история? — с крайне официальным видом произнёс он.

—Имя он носит *ОТДЫХ ДЛЯ ЗАДНИЦЫ*. — сообщил Набби. Смастерили его Гонда, и в своё время он служил надёжной опорой для тухеса знаменитого мастера-кузнеца Алвиса. Пользуйся им на здоровье, Магнус, сын Натали. А ты, Блитцен, садись на *ДВОРЕЦ ДЛЯ СЕДАЛИЩА* — один из прославленных стульев среди множества остальных, изготовленных вашим покорным слугой. Ему довелось пережить и выстоять Великую Барную Битву в четырёхтысячи сто девятом году п. л.

—Большое спасибо, — начал усаживаться Блитцен на стул из полированного луба с обитым вельветом сиденьем. — Отличный *ДВОРЕЦ ДЛЯ СЕДАЛИЩА*, — похвалил он.

Набби перевёл взгляд на меня, определённо ожидая ещё одного комплимента. Я покосился на сооружение из стали без малейшего признака мягкой обивки, и оно показалось мне не *ДВОРЦОМ ДЛЯ СЕДАЛИЩА*, а скорее *МАГНУСОИСПЫТАНИЕМ*, но тем не менее я с улыбкой ответил:

Отличная вещь.

Блитцен постучал костяшками пальцев по прилавку.

—Налей-ка мне медовухи, Набби, а моему другу...

—Мне, если можно, содовой или чего-то ещё в этом вроде — Торопливо проговорил я.

Медовуха, конечно, штука отличная, по все же бьёт по мозгам, а мне хотелось в этом гномьем краю сохранить абсолютно светлую голову.

Набби, кивнув, наполнил два кубка и поставил их перед нами. Тот, что предназначался Блитцену, был золотым внутри, а снаружи серебряным с очень искусной резьбой и орнаментом, изображавшей танцующих гномов.

—Твой кубок зовут Золотой Чашей, пояснил ему он. Сделал его отец Дерби. — А этот, указал он на кубок из золота, стоявший передо мной, называется Папа Бум и автор его ваш покорный слуга. Если не хочешь, чтоб он сделал бум, проси доливать его прежде, чем осушишь до дна.

Я очень надеялся, что это он просто прикалывается, но все же стал из опаски, как бы и впрямь не было взрыва, пить маленькими глотками, следя за степенью убывания газировки.

А Блитц с удовольствием дул свою медовуху.

—Отличный кубок, — начал расхваливать он. — Просто создан, чтоб от души насладиться выпивкой. — Спасибо, Набби за гостеприимство, но у нас вообще-то к тебе есть дело. Нам нужно поговорить с Джунiorом.

У хозяина бара набухла и запульсировала жилка на левом виске.

—Может, хочешь какие-то желания перед смертью высказать? — мрачно осведомился он.

Блитц, вытащив из кожаного мешочка одну слезу из красного золота, пустил её по прилавку к хозяину заведения.

— Это тебе. Просто за то, что его позовёшь. Скажи Джунiorу: у нас есть ещё. Все, что нам требуется, это получить шанс на бартер.

При слове «бартер» я ощутил дискомфорт куда больший, чем моя задница от *ДВОРЦА ДЛЯ СЕДАЛИЩА*. У меня ещё были вполне свежие ощущения от переговоров с богиней Ран. Набби, похоже, тоже не был в восторге. Какое-то время на его хитром лице чередовались с частотой проблесковогомаяка выражения страха и жадности. Наконец наша победила. Он схватил золотую кайлю.

—Ладно. Вы наслаждайтесь пока напитками, а я пойду позову.

Набби спрыгнув со своего помоста, он скрылся за дверью кухни.

—Несколько вопросов,— требовательно посмотрел я на Блитца.

—Всего несколько? — хмыкнул он.

— Что значит четыре тысячи сто девятый и. л.? Это год или...

—Гномы ведут летоисчисление от момента создания нашего вида, — не дослушав меня, принялся объяснять Блитцен.

— Что? — Я заподозрил, что на моем слухе опять стали сказываться последствия лая, проклятого Рататоска.

—Сотворение мира, — продолжил Блитцен.— Ты разве не знаешь об этом? Боги убили самого большого великана Имира и воспользовались его плотью для создания Мидгарда. И под ним возник Нидавеллир. Это случилось после того, как личинки прогрызли в мёртвом теле Имира туннели. Некоторые из этих личинок и превратились при содействии богов в гномов.

Блитцен явно гордился этой историей, но мне она показалась не слишком -то симпатичной, и я решил, что сделаю все от себя зависящее, чтобы скорей Её удалить из своей долговременной памяти.

—Перейдём к следующему вопросу, — сказал я.— Зачем моему кубку потребовалось давать имя?

—Гномы очень гордятся тем, что они ремесленники, и уважают вещи, которые делают, — ответил Блитцен.Вы, люди, производите тысячи плохих стульев, которые год спустя просто выходят из строя и отправляются на помойку. Гном же делает стул с расчётом, что он прослужит владельцу всю жизнь, а кроме того, будет единственным в своём роде. Кубки, мебель, оружие... У каждой вещи, которую мы создаём, есть душа, а значит, она достойна носить своё имя. Я внимательно разглядывал гравировку на своём кубке. Как же изящно вплетались руны в волнообразный орнамент! Я конечно бы предпочёл, чтобы мастер назвал его *НИ ЗАЧТО НЕ ВЗОРВУСЬ*, но все равно вещь была превосходной.

—А почему ты назвал Набби сыном Лоретты, а меня сыном Натали? — задал я новый вопрос.

—У гномов матриархат, и наши родословные прослеживаются по материнской линии. По-моему, гораздо логичнее вашего патриархального метода. Каждый из нас ведь рождается лишь от одной биологической матери. Ну, разумеется, если ты не бог Хеймдалль. У него было девять биологических матерей. Но, сам понимаешь, с ним случай отдельный.

В моем мозгу, кажется, начали плавиться нервные клетки, п я вновь поспешил сменить тему.

—Сэм мне сказала, что красное золото —это валюта Асгарда. Но почему же Фрея его выплаивает?

—В Асгарде золото не такое чистое, а у Фрейи оно самой высшей, подлинно 100% пробы и представляет собой огромную ценность. За этот мешочек его, который она нам дала, любой гном не задумываясь пожертвовал бы правым глазом.

— То есть этот чувак Джуниор за него с нами договорится?

—Или договорится, или он порубит нас на мелкие кусочки. — ответил Блитцен. — Поешь-ка начос, пока мы ждём.

Глава XLI

БЛИТЦ ЗАКЛЮЧАЕТ ПЛОХУЮ СДЕЛКУ

Должен отдать Набби должное: он нам подал отличные предсмертные начос с соусом гуакамоле. Я успел съесть половину, когда в таверне возник Джуниор. При виде его у меня вдруг как-то сразу возникло желание опустошить *ЛАПУ БУМА* и взорваться. Слишком уж хилыми показались мне наши с Блитцем шансы в переговорах с этим старым гномом.

Выглядел Джуниор лет на двести. Края его лысины, усеянной старческими пигментными пятнами, облепляли редкие клочки серых волос. Реденькая борода выглядела как потрёпанная мочалка. А глаза были карие, злобные и метались, но бару с таким выражение, словно при каждом взгляде на что-нибудь он говорил: «Я это ненавижу. И это-то же. А это вовсе терпеть не могу». Сам он по части физической формы выглядел совершенно не устрашающе. С ногами у него вообще было явно что-то не то, и шёл он, опираясь на позолоченные ходунки. Зато его с двух сторон сопровождаю по гному ему охраннику, каждый из которых мог запросто претендовать на роль манекена для тренировок национальной футбольной лиги.

Все посетители, кроме нас с Блитценом, живенько смылись. Ну просто сценка из старого вестерна. Мы с Блитцем встали. Блитц поклонился.

—Спасибо, что согласился встретиться с нами, Джуниор.

—Плюнуть и растереть мне твоё спасибо! – рявкнул милым старым гномом.

—Садись, пожалуйста, на мой стул, – вежливо продолжал Блитцен. – Его зовут *ОТДЫХ ДЛЯ ЗАДНИЦЫ* работы мастера...

—Нет уж, – отрезал Джуниор. – Лучше постою на своих ходунках *БАБКАКОВЫЛЯЛКА*. Самая знаменитая вещь из гериатрических товаров. Изготовленные Няней Бемби, моим личным ассистентом.

Я до боли закусил щеку, полагая, что если сейчас рассмеюсь, то вряд ли улучшу и так напряжённую обстановку.

—Это Магнус, сын Натали. – поторопился меня представить Блитцен.

Старый гном перевёл на меня злобный взгляд.

—Знаю я, кто он. Нашёл Меч Лета. Не мог подождать, пока я умру. Слишком уж я стар для Рагнарёка.

— Ну, извините уж, – развёл я руками. – В следующий раз, когда захочу, чтобы Сурт меня убил, а после в Вальхаллу отправиться, обязательно прежде спрошу у вас разрешения.

Блитцен зашёлся от нервного кашля. Оба телохранителя жадно глянули на меня в явной надежде, что благодаря моей скромной персоне день для них пройдёт не так скучно, как можно было предполагать.

—А ты мне нравишься, – последовала неожиданная реакция Джуниора. – Дерзкий такой. Ну-ка давай поглядим на твой клинок.

Я продемонстрировал ему фокус с кулоном. Руны на клинке под тусклым неоновым освещением таверны переливались оранжевым и зелёным.

Оглядев внимательно меч, старый гном цокнул языком.

—И впрямь Меч Фрея. Плохая новость.

—Может, теперь ты готов нам помочь? – попытал удачу Блитцен.

—Помочь? Тебе? – просипел Джуниор. – Твой отец был моим заклятым врагом. Ты подорвал мою репутацию. И после этого смеешь ко мне обращаться за помощью? Железные у тебя нервы Блитцен, отдам тебе должное.

Вены на шее у Блитца вздулись, а мышцы так напряглись, что пуговица на тщательно накрахмаленном воротничке его рубашки только каким-то чудом не оторвалась.

— То, о чём, я хочу тебя попросить, к нашей семейной вражде отношения не имеете. – все же нашёл в себе силы спокойно проговорить он. Мы должны помешать Фенриру освободиться.

—Ну да, конечно. Речь только об этом. – отозвался с глумливым видом Джуниор и кинул взгляд на телохранителей, которые тут же заухмылялись, выказывая поддержку хозяину. – К твоему сведению, мой отец, Эйтри старший, оказался единственным из всех гномов, которому хватило мастерства способностей создать цепь Глейпнир. В то время как твои папаша всю жизнь сомневался в качестве его работы? Как это тебе? К делу, конечно, отношения не имеют значения, да?

Блитцен вцепился в мешочек с золотыми слезами. У меня было сильное опасение, что он сейчас

долбанёт им Джуниора по лысой башке, но он к на сей раз проявил завидную выдержку:
—Меч Лета находится здесь. Через шесть мидгардских ночей Сурт планирует освободить Волка. Мы собираемся сделать все, чтобы его остановить. Цепь Глейпнир до сих пор служила верой и правдой, но, согласись. Джуниор, она могла выработать свой срок. Поэтому нам нужна точная информация о Её состоянии и чтоещё важнее, иметь при себе новую цепь на случай, если потребуется замена. А ты единственный, у кого хватит таланта Её сделать.

Джуниор приложил ладонь к уху.

— Повтори последнюю фразу, пожалуйста.

— Ты талантливый, старый, упрямый... — Блитцен осёкся. — Ты единственный, у кого хватит таланта Её сделать. покорно повторил он.

—Что верно - то верно,— самодовольно ухмыльнулся Джуниор. И уж так вышло, что у меня уже готова цепь на замену. Прошу только учесть: я сделал Её не из-за каких-то проблем с Глейпниром и не из-за поганых отзывов твоего семейства о Её качестве. Просто люблю быть заранее ко всему готовым. В отличие, должен добавить, от твоего родителя, который, как последний идиот, в одиночку отправился проверять волка Фенрира и, конечно же, был убит.

Мне вовремя удалось преградить путь Блитцену к Джуниору, иначе он точно бы на него напал.

— Эй, парни! — крикнул им я. — Сейчас не время. Джуниор, если у вас есть новая цепь, то давайте обсудим цену. Плюс нам потребуется ещё пара крутых серёжек.

—Ха! — громко выдохнул старый гном и вытер ладонью губы. — Ясное дело, потребуется. Их, без сомнения, заказала мать Блитцена. Чем платить-то собираетесь?

—Покажи ему, Блитцен, —потребовал я.

Глаза у него ещё были бешеные от ярости, но он всё-таки, развязав мешочек, высыпал на ладонь несколько золотых слезинок.

—Гм-мм, — протянул Джуниор, теребя свою хилую бороду. — Цена вроде приемлемая, точнее, была бы такой, если бы мне Её предложил не Блитцен. Я продам вам и то, и другое за этот кисет с золотыми слезами, но прежде должен с тобой поквитаться за честь семьи. Язываю тебя на поединок, сын Фрейи. Традиционные правила и традиционные ставки.

Блитцен попятился к бару, где, прижавшись к прилавку, до того съёжился, что я вдруг почти поверил в его происхождение от личинки (Срочно удалить из долговременной памяти!).

—Джуниор, — жалобно проговорил он. —Ты же знаешь, я не могу. Никак не могу.

—Скажем, завтра, когда засветится мох. — словно не слыша его, сказал старый гном. — Команду судей пускай возглавит нейтральная сторона. Ну, к примеру, хоть Набби, который, конечно же, не подслушивает нас сейчас под прилавком.

С внутренней стороны барной стойки послышался грохот.

—Сочту для себя за большую честь, — раздался оттуда же голос Набби.

—Ну вот и славненько. — ухмыльнулся Джуниор.

—Я бросил тебе вызов по всем правилам. Значит, согласно нашим древним традициям, мне предстоит отстоять честь своей семьи, а тебе своей.

—Я... — Голова у Блитцена упала на грудь. — Где мы встречаемся? — глухо осведомился он.

—У кузнечных горнов на площади Кеннинг, — назвал место Джуниор. — О, это будет занятно! Ну а теперь пойдёмте, мальчики. — указал он охранникам в сторону улицы. — Нужно как можно скорей рассказать Няне Бемби.

Едва он, шаркая и стуча позолоченными ходунками, исчез вместе с двумя своими охранниками.

Блитцен безвольно опервшись грудью о стойку, осушил до дна свой кубок.

Над прилавком тут же возникла голова Набби. Он начал наливать Блитцену новую порцию медовухи. Его гусеничные брови выписывали тревожные зигзаги.

—За счёт заведения, подвинул он услужливо кубок к Блитцену. — Приятно было с тобой общаться. Вскоре он удалился на кухню, оставив нас с Блитцем в обществе Тейлор Свифт, жаривший во всю мощь из колонок песню «Я знаю разные края», которая здесь, в подземном мире гномов, звучала особенно выразительно.

—Может, всё-таки объяснишь, что случилось? — потребовал я от угрюмо молчавшего друга. — Какой такой ещё поединок, когда засветится мох? Но когда этот мох засветится?

Блитцен уставился на содержимое кубка.

—Мох начинает светиться утром. Это гномий вариант рассвета. А поединок... — Голос его сорвался. Да ерунда все это. Уверен, ты сможешь продолжить поиски и без меня.

Именно в этот момент дверь бара резко отворилась, и Сэм с Хартстоуном влетели внутрь так стремительно, словно их выпихнули из пронёшшейся мимо машины.

—Они живы! — радостно проорал во всю глотку я. — Блитц, посмотри!

Харт стремительно поприветствовал Блитца, едва не выбив его со стула. Но тот с рассеянным видом только похлопал его по плечу.

— Ну да дружище, я тоже рад тебя видеть.

Хартстоун, кажется, от избытка чувств утратил способность общаться жестами, а может, у него просто были заняты руки, потому что оними стискивал Блитца в крепких объятиях.

Сэм, в отличие от него, меня обнимать не стала, но по её улыбке было понятно, что и она очень рада. Её кожу покрывали царапины, к одежде и волосам прилипли листья и мелкие веточки, но серьёзных травм она явно не заработала.

— Классно. Магнус, ты ещё не умер! — воскликнула она весело. — Я всё-таки предпочла бы, чтобы это случилось в моем присутствии.

— Спасибо тебе, аль Аббас, на добром слове. Что там с вами случилось после того, как мы ушли?

— Ну, мы, сколько могли, продержались в укрытии под хиджабом.

— Кстати, а как это получается? У тебя что хиджаб-невидимка?

— Не невидимка, а камуфляж. Всем валькириям выдают платки из лебяжьего пуха, чтобы при случае можно было под ними спрятаться. Вот я свой и превратила в хиджаб.

— Но ведь вы с Хартом превратились не в лебедей, а в кочку лишайника.

— Платок может в разное превращаться. В общем, мы дождались под ним, пока Рататоск не унёсся. Мне, между прочим, от его лая до сих пор плохо, а вот на Харта он не подействовал. Ну а потом мы полезли дальше по Игграсилю.

— Нас пытался съесть лось, — жестами подхватил пришедший в себя Хартстоун.

— Лось? — переспросил я.

Харт раздражённо хмыкнул и начал показывать мне по буквам: О-л-е-н-Ь.

Для него тот же жест, что для лося.

— Теперь понял, — покивал я. — Значит, олень вас пытался сожрать?

— Да, — подтвердила Сэм. Это был то ли Двалинн, то ли Дунейр. Один из оленей, которые бродят, но Мировому Дереву. Мы сумели удрать от него, но вспыхах попали не на ту ветку, и нас занесло в Альфхейм.

Хартстоун, вздрогнув, подал мне знак: Ненавижу!

— Короче, мы всё-таки выбрались и теперь уже здесь, — подытожила Сэм. — Вы-то как? — озадаченно поглядела она на Блитца, на котором просто лица не было.

Я торопливо рассказал им с Хартом о визите к Фрейе и встрече с Джунiorом. Услышав о вызове на поединок, Харт покачнулся и вынужден был схватиться одной рукой за барную стойку, чтобы не рухнуть на пол, а другой показал мне по буквам:

— И-з-г-о-т-о-в-л-е-н-и-е.

Затем он отчаянно потряс головой.

— Что значит изготовление? — не понял я.

— Так называется поединок гномов, — пробубнил в кубок Блитц. — Состязание в ремесленных навыках. Сэм постучала пальцами по своему топору.

— Судя по твоему виду, ты не очень доверяешь собственным навыкам.

— У меня мусорный уровень ремесла, — продолжал смотреть в кубок Блитц.

— Это неправда. — энергичными жестами возразил Харт.

— Но будь я даже великолепным ремесленником. Джунior самый искусный из ныне живущих гномов, — ничуть не воодушевила Блитца поддержка друга. — Он уничтожит меня.

— Да ладно. Все ты отлично сделаешь. — стал уверять его я. — А нет, найдём другой способ добыть эту цепь.

Блитц исторг тяжкий вздох.

— Все обстоит куда хуже, сынок. Проигравший платит традиционную цену, то есть лишается головы.

Глава XLII

ПИР СО СПРИНГРОЛЛАМИ В ПРЕДДВЕРИИ ОТСЕЧЕНИЯ ГОЛОВЫ

Мы завалились в квартиру Блитцена. Может это и мало, о чём вам скажет, но по гноминым меркам мы забрались на огромную высоту, а точнее, на третий этаж таунхауса, который стоял на противоположной стороне от Торгового центра Свартальфмарт (вполне себе настоящего Торгового центра, вточности как у людей).

Блитцен повёл себя как радушный хозяин. Не просто-таки удивительно, если учесть предстоящую ему завтра утром потерю головы. В первую очередь он извинился, что у него не убрано (хотя, на мой взгляд, квартира была стерильно чистой). Затем засунул в микроволновку спринг-роллы и вытащил из холодильника литр диетического напитка «Сержант Пеппер» и упаковку с шестью бутылками медовухи Фьяла. Каждая из бутылок являла собой изделие уникальной формой, и цветом стекла. Очередная ручная работа.

Мебели в доме Блитцена оказалось немного, но она отличалась стильностью и удобством. Диван в форме буквы «г», кресла, которые наводили мысль о космической эре. Вероятно, у каждой из этих вещей тоже были свои имена, и они пользовались заслуженной славой среди другой мебели для гостиных, но Блитцен нам их не представил. На кофейном столике лежала аккуратная стопка журналов обозрение последних тенденций гномьей моды и гномых интерьеров. Пока Сэм и Харт, усевшись на диванчике по обе стороны от Блитца, пытались его ободрить. Я охваченный злостью на самого себя, бродил взад-вперёд по гостиной. Конечно же, все случилось исключительно, но моей вине. А ведь Блитц и до этого целых два года постоянно рисковал из-за меня жизнью, хотя мог преспокойно жить здесь, наслаждаясь спринг-роллами и пенящейся медовухой. Он чуть не погиб на мосту, защищая меня от Сурта дорожным знаком. А вот теперь вообще сложит голову в ремесленном поединке с злым старым гномом.

Эта гномья философия ремесла сильно перевернула моё отношение к миру вещей. В Мидгардебольшинство из них производят непрочными. Да к ним и относятся как к чему-то временному. Сломалось или надоело выброси на помойку и купи новое. Этот мусор сильно меня поддерживал во время бродячей жизни. Коечем из выброшенного другими людьми я ещё мог воспользоваться, иное даже продавал, а уж совсем никуда не годное служило мне топливом для костра.

Я попытался представить себе, как живут в Нидавеллире, где каждая вещь представляет собой произведение искусства и сделана до тогоочно, что может служить владельцу пожизненно. Все. вплоть до чашки или какого-нибудь там стула. Это что же, каждое утро перечислять заслуги своих ботинок, когда сущь в них ноги? По-моему, утомительно и раздражает. Но, с другой стороны, почему бы нет, если ботинки действительно классные?

Мысли мои перeskочили на Меч Лета. Фрея сказала, мне нужно с ним подружиться. Тогда, выходит, он может думать и чувствовать? Но ведь и Блитцен мне объяснял, что у каждого сделанного вручную предмета обязательно есть душа. В таком случае я, вероятно, неправильно до сих пор обращался с Мечом Лета. Видимо, надо к нему относиться как к Блитцену, Харту, Самире. Ну, чтобы он себя ощутил ещё одним моим верным спутником.

— Блитцен! — отвлёк меня возглас Сэм. — Но у тебя неё же должна быть какая-нибудь специальность. — Чему тебя обучали в коммерческой школе?

— Моде. — жалобно шмыгнул он Сэм. — Я сам создал программу курса обучения. Но кутюре среди гномов непризнанное ремесло. А они предполагают, что я буду чеканить золотые слитки или возиться с какими-нибудь механизмами. А я в этих областях почти совершенно некомпетентен.

— Ничего подобного! — активно выразил возражение Харт.

— Ну, кое-что, конечно, могу, — отозвался Блитц. — Но не на поединке.

— Одного не пойму, — вмешался я. — Почему проигравший должен умереть? И вообще, как они определяют, кто выиграл?

Блитцен мрачно уставился на обложку журнала «Новые тенденции гномьей моды. Весна-лето. Сто вариантов одежды из волчьей кожи».

— Каждый из соревнующихся делает три предмета по выбору. А судьи оценивают каждый из них с точки зрения качества, красоты, точности исполнения, ну и прочего. Выигрывает получивший

большее количество баллов. А проигравшего ожидает смерть.

—Думаю, все же у вас не очень часто происходят такие поединки, предположил я: прикинув, что если бы каждого второго мастера здесь лишали головы, то все эти прекрасные вещи давно уже некому было бы создавать.

—Ну, голова — это традиционная ставка. — объяснил Блитцен. — Большинство гномов теперь на ней не настаивает. Просто Джуниор упрям и старомоден, да к тому же меня ненавидит.

— Из-за цепи Глейпнир и твоего отца?

Харт резко мотнул головой, призывая меня заткнуться, но Блитцен похлопал его, но колену.

— Все нормально, дружище. Я им расскажу. Они это заслужили.

Он откинулся на спинку дивана. Лицо его неожиданно стало спокойным. Казалось, что он смирился с идеей собственной гибели, и это уже сильно обеспокоило меня. Лучше бы он метался по комнате и колотил кулаками по стенам.

—Как вы уже знаете, предметы, которые делают гномы, имеют пожизненную гарантию, — начал он.

— А ведь гномья жизнь может длиться несколько сотен лет.

Я глянул на бороду Блитца. Она и впрямь у него без единого седого волоса или он красит её?

— Тебе то сколько лет?

—Двадцать, — ответил он. — А вот Джуниору уже около пятисот. Отец его Эйттри, был одним из прославленных ремесленников за всю историю гномов. Он прожил больше тысячи лет и сделал множество важных предметов для богов.

Даже я о нем слышала, кивнула Сэм, откусив маленький кусочек от спринг-ролла. Про него говорится в старых легендах. Он сделал молот Тора.

—Да. Но самая главная из его работ, несомненно. Глейпнир. Она гораздо важнее, даже чем Молот Тора... Ведь благодаря ей Волк не может освободиться и начать судный день.

—Ну, пока что ты не сказал мне ничего нового, — отметил я.

—Проблема в том, что цепь делалась вспыхах. Боги потребовали срочной помощи. Они уже дважды пытались связать Фенрира мощными цепями и знали, что их окно возможностей закрывается. Волк же день от дня все больше креп и дичал, и было ясно: вскоре он станет неуправляемым. А Эйттри... В общем, он сделал, что мог. Учитывая, как ему пришлось торопиться. До сих пор цепь держалась, но тысяча лет очень много даже для гномьей цепи. Особенно если Её постоянно пытается разорвать самый сильный волк во Вселенной. Мой отец Били, —то же великий мастер цепей, долгие годы пытался убедить Джуниора, что пора изготовить Глейпниру замену. Но тот ничего не хотел слушать. Мол, он постоянно наведывается на остров, где находится Волк, проверяет состояние цепи и убеждён, что она в полном порядке. Ему казалось, что мой отец попросту подрывает репутацию его семьи. Кончилось тем, что папа...

Голос Блитца сорвался.

Хартстоун показал ему: Ты не обязан рассказывать дальше.

—Нет, я в порядке, — провёл по глазам ладонью гном. — Джуниор пользовался влиянием и сумел настроить народ против моего отца. Наша семья потеряла доходы. Никто не хотел покупать изделия Били. Кончилось тем, что отец сам собрался на остров для проверки Глейпнира. Хотел таким образом доказать свою правоту и вынудить Джуниора замяться изготовлением новой цепи для замены. Назад он не вернулся. Спустя несколько месяцев гномий патруль обнаружил... Блитц, уставившись на пол, покачал головой.

—Разодранную одежду. На берег вынесло. — договорил за него руками Хартстоун.

Сэм приложила ко рту подушечки пальцев, то ли она успела уже освоить язык жестов, то ли это у неё вышло случайно, но получилось у неё: Блитц, мне так жаль!

— Ну, — вяло пожал тот плечами. — В общем, теперь вы все знаете. А Джуниору смерти моего отца мало. До сих пор пытает злобой. Хочет меня опозорить и убить.

Я поставил стакан на кофейный столик.

—Думаю, выскажу общее мнение. Надо заставить этого Джуниора запихнуть свою *БАБКУ-КОВЫЛЯЛКУ* себе в....

—Магнус! — остановила меня Сэм.

—Да этот старый паршивый гном просто обязан завтра потерять свою голову! Вот и давайте соображать, как поступим, чтобы Блитцен выиграл поединок.

—Спасибо тебе за поддержку, сынок. — с трудом поднялся на ноги Блитцен. — Но тут уже ничего не поделаешь. Вы извините, но я....

И он побрёл в спальню, войдя в которую закрыл за собой дверь.

Сэм стиснула добела губы. Я заметил, что у неё из кармана до сих пор Торчала веточка Иггдрасиля. Хартстоун, размотав шарф, бросил его на диван. Было заметно, что темнота Нидавеллира плохо оказывается на его самочувствии. Вены на шее позеленелисильнее обычного, волосы наэлектризовались и вздыбились, как ветви дерева или стебли цветов, тянувшихся к солнцу.

—Джуниор очень хорош, — показал он и начал изображать, будто рвёт в воздухе лист бумаги, а затем отбрасывает клочки в сторону. — Безнадёжно.

Меня подмывало схватить одну из бутылок и как следует швырнуть ею в стену.

—Но Блитц ведь что-то все же умеет делать руками. Ты сам говорил. Или просто старался его утешить?

Харт не ответив мне, встал и дойдя до серванта в столовой нажал на его поверхности невидимую постороннему глазу кнопку. Крышка серванта немедленно распахнулась, как ракушка, и мы увидели, что под ней находится световая панель, которая в следующий момент засветилась тёплыми солнечными лучами.

—Солярий! — воскликнул я и вдруг догадался, каким образом Блитцен спас Харту жизнь. — Когда ты впервые попал в Нидавеллир, он сделал для тебя это, чтобы ты не погиб без дневного света, да?

Харт кивнул.

—Когда я впервые попробовал магию руну меня получилось не совсем правильно. Я случайно попал в Нидавеллир и чуть не умер. Блитцен хороший, умный и может работать руками. Но не под давлением. Состязание не для него.

Сэм, сгорбившись, обхватила руками колени.

— Но мы-то что-нибудь можем для него сделать? Неужели у тебя нет какого-нибудь волшебства ему в помощь?

—Кое-что есть — подтвердил Харт. Использую перед поединком. Но недостаточно.

Я перевёл его ответ для Самиры, а потом спросил:

—Может, я тоже что-нибудь могу сделать?

—Защищти его, — тут же начали объяснять руки Харта. Джуниор готовит какую-то подлость.

—Готовит подлость? — Не ожидал я такого от гномоприверженца старых традиций. Но это же против правил.

— Я слышала о таком, — сказала Сэм. В гномьих поединках можно сколько хотите противника подставлять. Если никто не заметил, то все в порядке. Подлость должна быть обставлена как случайность, ну или хотя бы так, чтобы судьям оказалось нечего предъявить. Но, если я правильно понимаю, Джунинору для победы над Блитценом совершенно не требуется прибегать ни к каким уловкам.

— Он будет прибегать! — Харт показал жестами крючок в защёлке. — Злоба.

— Ну, значит, буду защищать Блитца, — согласился я.

—Этого мало, — вновь зажестикулировал Харт и, повернувшись к Самире, добавил: Надо подставить Джунинора.

Толькотогда у нас будет победа.

Стоило мне сказать ей это, она посерела, как гном на полуденном солнце.

—Нет! — с яростью замахала она указательным пальцем перед лицом Хартстоуна. — Категорически нет!

—Тогда Блитц умрёт, — хмуро показал Харт. Да ты ведь раньше это делала.

— Что ты делала раньше? О чём он? — не понял я.

— Хартстоун, ты обещал никому об этом не говорить, — с возмущением посмотрела она на него, а затем повернулась ко мне с таким видом, что было ясно: на свой вопрос я ответа не получу.

—Извините, мне нужно на воздух, — только бросила она нам, выбегая за дверь квартиры.

—Она что, взбесилась? — уставился я на Харта.

Он враз как-то съёжился. Было видно, что утратил надежду.

— Ошибка, — ответил он мне скромным жестом, а затем влез в солярий и повернулся лицом к свету. От его тела на полу возникла волкообразная тень

Глава XLII

НАЧИНАЕМ СОЗДАНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ВОДЯНЫХ ПТИЦ

Площадь Кенниг походила на баскетбольную площадку, ну разве что не было корзин для мяча. Как прямоугольник потрескавшегося асфальта, обнесённый оградой из проволочной сетки. Но одну её сторону тянулся ряд каменных колонн с резьбой, как на тех темных столбах: драконы головы, многоножки и лица троллей. С другой расположились трибуны, заполненные гномской публикой. А в центре площадки стояли две открытые кузницы с разными видами наковальнями, мехами для раздувания пламени в горне, несколькими крепкими столами и стеллажами, полными множества инструментов, сильно смахивающих на пыточные.

Зрители явно готовились провести здесь много часов. Они притащили с собой еду в корзинках для пикников и даже в портативных холодильниках и пледы. Несколько предпримчивых гномов припарковали с внешней стороны ограды свои фургоны-лавочки с едой. На одной из них с надписью: «Сладости Лири ручной работы» красовался логотип: вафельный конус с выглядывающими сверху тремя шариками разноцветного мороженого. Возле другой, с вывеской «Буррито от Бамбурра к завтраку», уже выстроилась очередь из двадцати гномов. Я пожалел, что перед выходом из квартиры Блитца наелся только чёрствыми пончиками.

Появление Блитца на площадке для поединка публика встретила аплодисментами. Впрочем, я не назвал бы их бурными и переходящими в овацию. Сэм с нами не было. Она так вчера и не возвратилась в квартиру Блитцена и здесь пока тоже не появилась, и я не знал, злиться ли мне на псе за это или, наоборот, впасть в тревогу.

Джуниор уже находился на месте и стоял в выжидющей позе, опираясь на свою позолоченную **БАБКУ-КОВЫЛЯЛКУ**. Два охранника вытянулись с ним рядом. Одежда на всех троих была одинаковая: комбинезоны и кожаные рукавицы.

- Мох уже десять минут как светится, Блитцен, - презрительно объявил старый гном. - Что, голову от полушки пораньше не мог отодрать?

У Блитцена был такой вид, будто он вообще эту ночь не спал. Глаза ввалились и покраснели. Лицо осунулось. Утром он извёлся, решая, что на себя надеть, и в результате остановил выбор на серых брюках с черными подтяжками, стильной белой рубашке, остроносых черных туфлях и мягкой шляпе с круглой плоской тульей с загнутыми кверху полями. Словом, как бы там ни сложилось с поединком, но первый приз в номинации «самый элегантный кузнец» ему точно был обеспечен. Он рассеянно огляделся.

—Начнём?

Толпа отреагировала приветственными возгласами. Блитцен направился к кузнице. Следом за ним шёл Хэртстоун. После ночи в солярии лицо его приобрело розоватый оттенок, словно кожу ему натёрли паприкой. Перед тем как мы вышли из квартиры, он совершил рунный заговор, вселяющий в Блитца бодрость, сосредоточенность и уверенность в своих силах, из-за чего сам в результате изрядно лишился сил и с трудом на чём-либо сосредотачивался. Все же, собравшись, он начал бросать дрова в огонь, а Блитц в это время бродил по кузнице, разглядывая стеллажи с инструментами и корзину с железной рудой.

Джуниор уже развёл у себя бурную деятельность, носясь взад-вперёд на своих ходунках и покрикивая на телохранителя, от которого требовал подать ему-то кусок железа, то мешок с колотыми костями, то ещё что-нибудь. Второй из охранников это время стоял на страже, кидая бдительные взгляды по сторонам и изо всех сил следя, чтобы какая-нибудь внезапность не помешала работе босса.

Я пытался нести такую же вахту для Блитца, но, полагаю, внушал окружающим куда меньшее опасение, чем накачанный гном в комбинезоне. (Ну да, сравнение с ним самооценку мою абсолютно не поднимало.)

В течение часа игравший во мне изначально адреналин полностью выработался, и я стал отчётливо понимать, зачем зрители притащили с собой еду, питье и все прочее. Работа руками - спорт весьма медленный. Время от времени, когда Джуниору удавалось с особенной ловкостью ударить молотом по заготовке или в нужный момент охладить раскалённый металл в бочке с водой, трибуна

разражалась аплодисментами и одобрительным гулом. Набби и два других судьи постоянно расхаживали между кузницами, делая записи в своих планшетках. Я же топтался на месте с мечом в руках, изо всех сил стараясь не выглядеть идиотом.

Впрочем, как вскоре выяснилось, стоял я не зря. Мне так и осталось неясно, откуда вдруг вылетел дротик, который точно устремился в сторону Блитцена. Прежде чем я хоть что-то сообразил, мой меч, взметнувшись в воздух, вырезал его на лету из неба. Зрители разразились аплодисментами. Был бы им очень признателен, если бы ощущал ХОТЬ в какой-то мере свою заслугу.

Некоторое время спустя из задних рядов вдруг вынесся на площадку какой-то внезапный гном.

—Смерть!— завопил он, взмахивая топором и целясь им в Блитца.

Я врезал ему по лбу рукоятью меча. Гном свалился на землю. Благодарная публика снова вежливо мне похлопала, и двое каких-то гномов из первых рядов уволокли террориста прочь.

Джуниор деловито выковывал из раскалённого докрасна металла цилиндрическую конструкцию, размером со ствол дробовика. На столе у него уже были сложены какие-то более мелкие летали, которые он, по всей видимости, собирался объединить стой, что делал сейчас. В чём заключалась его задумка, я не догадывался, но работал он быстро и ловко. Как ни странно, *БАБКА-КОВЫЛЯЛКА* совершенно не замедляла темпа его действий. То есть передвигался он в пространстве, конечно, с трудом, но на месте держался вполне уверенно, руки же у него, несмотря на возраст, вполне сохранили крепость и ловкость. Видимо, он успел их здорово накачать, размахивая несколько сотен лет подряд молотком у наковальни.

Блитцен, низко склоняясь над рабочим столом, соединял при помощи миниатюрных плоскогубцев со щёчками, тонкими как иголки, причудливо согнутые металлические фрагменты. Харт, весь в испарине, стоял рядом, поднося ему инструменты, то раздувая мехами пламя в кузнечном горне.

Я старался изо всех сил отогнать от себя тревогу и по поводу абсолютно измученного вида Харта, и из-за того, что Сэм по-прежнему так и не появилась, и, конечно же, из-за Блитцена, который, похоже, уже рыдал над своим проектом, ведь инструменты уже несколько раз падали у него из рук.

—Десять минут до первого перерыва! — громким голосом возвестил Набби.

Блитцен, всхлипнув, прикрепил очередной кусочек металла к уже оформленной конструкции, которая теперь походила на утку. Причём большая часть зрителей следила не за его работой, а за кузнецом Джуниора, который, пристроив к своему цилинду другие детали, проковылял к горну и принял нагревать все сооружение. Наконец оно заалело. Старый гном, осторожно придерживая его щипцами, опустил на наковальню и занёс для удара молот.

Мгновением позже что-то пошло не так. Джуниор взвыл. Молот, ещё не дошедший до цели, свернул резко вбок. От удара цилиндр расплющился, пристроенные к нему детали ветром разлетелись в разные стороны. Джуниор, бросив молот, прижал ладони клипу и попятился на подкашающихся без *БАБКИО-ВЫЛЯЛКИ* ногах.

— Что? Что случилось? — бросились ему в подмогу охранники.

Мне не все удалось расслышать из их разговора, но главное я усёк: в момент, когда Джуниор опускал молот на наковальню, его тянуло между глаз какое-то насекомое.

—Вы его поймали? — поинтересовался один из охранников.

— Нет, улетела, сволочь, — махнул рукой старый гном. — Да чего вы стоите?! Скорей! — разорался он.
— Металл остывает!

—Время! — возвестил Набби об окончании первого тайма.

Джуниор, вцепившись в свою *КОВЫЛЯЛКУ*, затопал ногами и разразился многоэтажной бранью, срывая зло на охранниках, а я пошёл к Блитцену.

Он ссугутился над наковальней. Шляпа сдвинута на затылок. Одна из подтяжек лопнула.

—Как дела, чемпион? — спросил бодренько его я.

—Ужасно, — указал с обречённым видом он на своё творение. — Я сделал утку.

— Оу... это... да... — принял шарить я у себя в блоке памяти, пытаясь нашарить что-то для комплимента. — Классная утка, — наконец констатировал я, ощущая себя полнейшим болваном. — Вот у неё здесь крылья, а здесь вот клюв.

Хартстоун в полном изнеможении сел на асфальт.

—Утки, — принял он показывать мне. — Как что, так одни только утки.

—Мне очень жаль, — простонал Блитцен, — но в стрессовых ситуациях меня всегда тянет к водоплавающим птицам. Почему, сам не знаю.

— Да перестань ты волноваться, — сказал ему я. — У Джуниора вообще получился полный облом.

Первый тур для него считай, что накрылся.

Блитц уныло пытался отчистить белую рубашку от сажи.
Не будем строить напрасных иллюзий. Для Джуниора первый подход всегда что-то вроде разогрева.
У него осталось ещё два шанса, и он уничтожит меня.

— Знаешь, что, Блитц, прекрати, — перебил я его нытье и вынул из нашей сумки бутылки с едой и крекеры с арахисовым маслом.

Харт накинулся на еду и питье, как эльф, которого не кормили неделю. Блитцен же только выпил глоток воды.

Утолив голод и жажду, Хартстоун откинулся на спинку и направил себе на лицо луч фонарика, стремясь хоть подобным образом насытить свою кожу светом.

— Никогда не испытывал склонности к этому, — причитал тем временем Блитцен. — Волшебные предметы. Ремесленные поединки. Нет, мне хотелось совсем другого. Создавать качественную одежду и продавать её по разумной цене в собственном магазине.

Я вспомнил, что говорила Фрея: «Блитц гениален по части фасонов и тканей. Гномы недооценивают его мастерство, а я считаю, он просто нашёл себя в этом и создаст прекрасные вещи. Знаешь, он собирается открыть собственный...» Вот оно, слово, которое Блитц не дал ей произнести. Он мечтает о магазине собственной одежды.

— Значит, ты пил из колодца Мимира, чтобы найти ответ, каким образом сможешь осуществить мечту? — только сейчас меня осенило.

— Не только, — нахмурился он. — Я хотел, чтобы гномы перестали смеяться над тем, что я делаю. И ещё — отомстить за смерть папы и восстановить доброе имя своей семьи. Но все это как-то не сочеталось друг с другом. Вот я и пошёл за ответом к Мимиру.

— И что ты узнал от него? — спросил я.

Блитцен пожал плечами.

— Назначил четыре года служить ему. Вроде как именно в этом процессе я получу ответ в знания, которые мне и необходимы. Только пока мне так ничего не стало яснее. А теперь я просто умру.

— Нет, нет! Твоя мечта сбудется! — тут же решительно возразили ему жесты Харта.

— Интересно, каким это образом? — бросил на него Блитц потерянный взгляд. — Знаешь, без головы не очень легко кроить и шить.

— Да не останешься ты без головы, — твёрдо проговорил я, и это были не просто слова утешения, потому что в груди и в области солнечного сплетения у меня вдруг потеплело.

Я мог бы запросто объяснить такое явление изжогой от съеденных утром пончиков, если бы вместе с ним в моей голове не начали с лихорадочной скоростью вращаться мысли. Мой меч способен превращаться в кулон... Хиджаб Сэм может служить камуфляжем... значит...

— Блитц, — выдохнул я. — Ты сможешь создать целых два необыкновенных предмета.

— Больше похоже, что я опять впаду в панику и наделаю уток, — обречённо произнёс он.

— Но ты же любишь делать одежду, — вот ей и займись, — принял я излагать ему план.

— Сынок, это не ателье, а кузница, — немедленно возразил мне он. — Да и искусство моды почему-то у гномов не пользуется.

— А что ты скажешь насчёт доспехов? — уже подходил я к сути.

Блитцен задумался.

— Это, пожалуй, годится, но...

— Модная бронированная одежда, — навёл я наконец его прямиком на тему.

Блитцен, раскрыв рот, с минуту таращился на меня, затем воскликнул:

— Злата Бальдра! Возможно, это идея, сынок!

И, вскочив резко на ноги, он засуетился у кузницы, собирая разбросанные инструменты.

Харт повернулся ко мне с сияющим лицом. Буквально сияющим, потому что он продолжал светить на него фонарём.

Улыбнувшись, он постучал кулаком свободной руки себе по затылку, что означало: «Ты гений».

С началом следующего тайма я поменялся с Хартом обязанностями. Он встал на стражу, а я возле горна, поддерживая мехами огонь. Работка, скажу я вам, та ещё. Все равно что крутить педали на велотренажёре возле раскалённой духовки.

Потом Блитцен меня отозвал с мехов помочь. Я в подобной работе полный профан, и он был вынужден мне постоянно давать указания.

— Нет, сынок, это ты положи на место, а мне подай другие щипцы. Держи ровнее и так, чтобы оно у тебя в руках не тряслось. Нет, не под этим углом, то и дело одёргивал меня он, но, как я убедился, это ему определённо пошло на пользу, и с каждым подобным окриком в нем прибавлялось

уверенности и споровки.

Вскоре я потерял счёт времени. Что именно делает Блитцен, мне было не особенно ясно. Из-под рук его появлялся какой-то узкий довольно длинный предмет из крепко соединённых друг с другом колечек. Мысли мои перескочили на Меч Лета, который снова стал рунным кулоном у меня на шее. Я вспомнил, как едва двигаясь от голода и усталости, шёл с ним вместе от доков к площади Копли и пытался понять, почему он-то гудит, то молчит, то сам ведёт мою руку, или тяжело повисает в ней без малейших признаков жизни. «Но, если у него и впрямь есть душа, - думал я, исполняя одновременно все указания Блитцена, - значит, наверное, мне следует с ним обращаться не как с колюще-режущим предметом, а как личностью».

—Спасибо, - произнёс я тихо – зато, что ты снёс тот дротик. Без твоей помощи мой друг бы погиб. Прости, что сразу тебя не поблагодарил.

Мне показалось, кулон стал тепле, но утверждать это наверняка не берусь. Ведь я стоял возле пылающего горна. Но мне все равно захотелось спросить: «Сумарбрандер, ответь мне, пожалуйста, тебе нравится, когда я с тобой разговариваю? Мне очень жаль, что я раньше был к тебе невнимателен».

Кулон загудел с таких интонаций, будто не верил моим словам.

Нет, я теперь уверен: "Ты не просто оружие, которым можно рубить, продолжал убеждать его я. Ты..."

Меня отвлёк громкий возглас Набби:

—Десять минут до обеденного перерыва!

—О боги! – засуетился Блитцен. - Ну не могу я быстрее. Дай мне, сынок, молоточек для текстурирования.

Руки его теперь просто мелькали, подхватывая инструменты, которыми он наводил последние штрихи на своё творение, или, точнее, длинную узкую полоску сцепленных колец. Я так и не усекал пока, что это за штука, но Блитц трудился над ней так страстно и тщательно, словно от результата зависела его жизнь, как, впрочем, и обстояло на самом деле.

Сложив и сгруппировав все кольца в определённом порядке, он сложил получившуюся кольчужную ткань и, придав таким образом ей задуманную форму, запаял шов.

—Галстук! – сообразил я. – Блитцен, я понял!

—Спасибо. Заткнись, - осадил он меня и, подняв на вытянутой руке паяльную лампу, громко выкрикнул: - Я закончил!

Ровно в этот момент со стороны кузницы Джуниора послышался грохот, сменившийся тут же столь оглушительным воплем старого гнома, что вся публика повскакала на ноги.

Джуниор, уронив молот, прижал ладони к лицу продолжая выть, сел на асфальт. Телохранители уже сутились вокруг хозяина.

—Проклятая тварь! – убрав ладони с лица, свирепо прорычал Джуниор, у которого из переносицы сочилась кровь. Он глянул на руки, но, видимо, трупа тяпнувшей его твари не обнаружил, потому что взревел:

—Где ж она? Я ведь её прихлопнул!

Набби и два других судьи кинули и нашу сторону хмурые нагл яды. Похоже, они заподозрили, что налёт насекомого камикадзе наших рук дело. Мы трое лишь развели руками и пожали плечами. Да кажется, судьи и сами додумались, что нам такое было бы не под силу, даже при всем горячем желании.

—Время обеда! – объяви Набби. Последний тайм состоится во второй половине дня.

Наша компания в темпе поела. От уныния Блитца даже следа не осталось, и он рвался скорее продолжить работу.

—Я понял, что сделаю, – елозил на месте от нетерпения. - Поймал идею. Сынок, я теперь у тебя в долгу.

Я посмотрел на кузницу Джуниора. Телохранители буравили меня угрожающими тяжёлыми взглядами и словно бы невзначай поигрывали в воздухе увесистыми кулаками.

—Замечательно, делай, – ответил я Блитцену. Главное, дожить до конца поединка, потому что может быть, нам придётся биться за право уйти отсюда. Эх, жалко всё-таки, что с нами нет Сэм. Не успел я произнести Её имя, Харткинул на меня очень странный взгляд.

—Ты чего? – спросил я.

Но он, покачав головой, продолжил уписывать сандвич с кресс-салатом.

Третий тайм кончился весьма быстро я даже и не заметил, как прошло время, настолько был занят на сторожевом посту. Джуниор, видимо, не поскупился нанять ещё несколько саботажников, и мне, но их милости постоянно приходилось сталкиваться с чем-нибудь новеньkim. То из толпы зрителей стремительно вылетало копье, то метко пущенное сиплое яблоко угрожало врезаться Блитцену в голову. Меч Лета сбил в воздухе паровой дрон. Затем нам с ним пришлось отражать атаку трёх гномон в зелёных комбинезонах из спандекса, вооружённых бейсбольными битами. Верный Сумарбрандер вовремя направлял мою руку, и теперь я не забывал его благодарить.

Я почти научился распознавать слова за его гулом.

—Нуда, — отвечал он мне. — Вроде неплохо сработали.

Он словно постепенно оттаивал от обиды за моё прежнее равнодушие.

Блитц теперь плёл из колец что-то крупное. Кольчужная ткань у него получалась широкой и необычной формы. Хартстоун, пыхтя, носился вокруг, поднося необходимые материалы и инструменты.

—Удача! — кинув на стол ролик для вальцевания, выкрикнул Блитцен.

И в тот же момент Джуниор потерпел своё самое сокрушительное поражение. Не помогло даже то, что телохранители весь третий тайм стояли вплотную к нему, бдительно охраняя от нового нападения насекомого-камикадзе. Джуниор как раз наносил завершающий удар молотом, когда с небес на него спикировала чёрная точка. Слепень укусил старого гнома в лицо с такой силой, что-то тот по инерции крутанулся вбок. Воя и спотыкаясь, он махал во все стороны молотом, угодив сначала в телохранителей, которые рухнули без сознания на асфальт, а затем расплющил все, что лежало на двух рабочих столах, а в итоге одним ударом отправил третье своё творение прямо в пламя кузнецкого горна и лишь после этого сам рухнул поблизости от своих бездыханных охранников.

Окажись это кто другой, мне бы стало его очень жалко. Но так как это произошло со мстительным, злобным и подлым Джуниором, честно признаюсь, я засмеялся.

События были в разгаре, когда раздался звон колокольчика Набби.

—Поединок окончен! — объявил он. — Время оценивать созданное соперниками и убить проигравшего.

Глава XLIV

ДЖУНИОР ВЫИГРЫВАЕТ МЕШОЧЕК СО СЛЕЗАМИ

Именно в этот момент в поле моего зрения возникла Сэм. Я увидел, как она пробивается в мою сторону сквозь толпу. Платок её был опущен на поллица, куртку покрыли сажа и пепел, словно она ночевала в печной трубе. Я чуть не начал с ходу орать на неё за то, что она так надолго пропала в момент, когда нам очень не помешала бы Её помочь, но стоило мне приглядеться к Её лицу, злость моя испарилась. Под глазом у Сэм красовался фингал, губа распухла.

— Что с тобой? Ты в порядке? — встревожился я.

— Ничего страшного, — поморщилась она. — Так, небольшая стычка. Давай-ка послушаем, что скажут судьи.

Зрители теперь сгрудились возле двух столов, на которых лежали произведения Джуниора и Блитцена. Друг наш стоял, заложив руки за спину с вполне уверенным в себе видом, несмотря на то, что рубашка его была вся усеяна копотью и пятнами, брюки держались только на одной помощи от подтяжек, а шляпа была не только грязна, но и мокра от пота.

Джуниор выглядел несравненно хуже. Лицо в крови, перекошено. Руки вцепились в ходунки, но было заметно, что даже с их помощью он едва стоит на ногах. Взгляд тяжёлый и угрожающий. Ну, вылитый киллер, у которого что-то пошло не так на работе, и он в результате сам едва сумел смыться.

Тroe судей расхаживали вокруг столов, изучая со всех сторон изделия соперников и отмечая что-то на своих планшетках.

Наконец Набби повернулся к зрителям. Его брови-гусеницы торжественно выгнулись, губы растянулись в многозначительной улыбке.

— Ну, стало быть, — начал он, — в первую очередь позвольте мне высказать благодарность всем, кто почтил присутствием этот впечатляющий поединок, спонсировали который Таверна Набби, весьма знаменитая среди прочих известных таверен, построенных Набби, а также Дом Крепкой Медовухи Набби, единственный раз, отведав которой вам никакой другой уже не захочется. Ну а теперь попросим участников поединка рассказать нам о своих творениях номер один. Блитцен, сын Фреи, начнём с тебя.

— Это утка, — был краток наш друг.

— И в чем её смысл? — выжидающе глянул на него Набби.

— Вот я нажимаю ей на спину, — именно это и сделал Блитцен. Утка медленно начала раздуваться в длину и ширь и в результате сделалась в два раза больше, став похожей на перепуганную рыбушар. — Вот. Сами изволите видеть, — прокомментировал произошедшее автор изделия. — Она увеличилась.

Второй судья почесал озадаченно бороду.

— И это все?

— Да, — с достоинством подтвердил Блитцен. — Незаменимая вещь для тех, кому нравятся как маленькие металлические утки, так и металлические утки размером побольше.

— Коллеги, — повернулся к Набби и второму судье третий арбитр. — Это, на мой взгляд, возможно, вполне применимо в качестве либо садового украшения, либо приманки во время охоты, либо в качестве темы для обсуждения.

— Спасибо, Блитцен, — снова взял слово Набби. — Теперь послушаем Джуниора, сына Эдны. Каково твоё первое творение?

Старый гном, стерев с лица кровь, которая продолжала сочиться у него из переносицы, поднял со стола, что-то было первоначально железным цилиндром, а теперь представляло собой расплющенную фигню с какими-то криво приделанными по бокам штуковинами и пружинками.

— Самонаводящаяся противотролливая ракета, — принялся пояснять он. Если б она не пострадала, смогла бы уничтожить любого тролля за полумилю отсюда. Оружие потрясающей мощи и многоразового использования.

По толпе пронесся одобрительный гул.

— Оно в рабочем состоянии? — осведомился второй судья.

— Нет! — рявкнул Джуниор. — Пострадала после последнего удара молота. Но если б работала...

— Но она не работает, — вмешался третий судья. — И в таком случае, позвольте полюбопытствовать,

что же оно собой практически представляет?

—Бесполезный и погнутый цилиндр, смерил его взглядом убийцы Джуниор. - И в этом не моя вина. Судьи тихо посовещались, снова пометили что-то в своих планшетках, и Набби сказал:

- Итак, результатом первого тайма явились увеличивающееся-уменьшающаяся утка против бесполезного погнутого металлического цилиндра. Должен отметить, соперники пока идут почти на равных. Блитцен, пожалуйста, продемонстрируй нам свой второй результат.

Блитцен с гордостью поднял над головой свой кольчужный галстук.

—Пуленепробиваемый галстук! – Торжественно провозгласил он.

Судьи синхронно опустили планшетки.

— Что? – вытаращился на Блитцена Набби.

— Ну-ка, признайтесь, – будто, не слышав его вопроса, продолжил тот. - Не испытывал ли кто из вас затруднения, когда, надев пуленепробиваемый жилет, убеждался, что не может подобрать к нему соответствующий пуленепробиваемый аксессуар?

Из толпы поднялась одинокая гномья рука.

— Что и требовалось доказать, – кивнул Блитцен. - А мой галстук не только моден, но и убережёт вас от любой пули, вплоть до тридцати восьмого калибра. Вы можете повязать его как в классическом варианте, так и в виде шейного платка.

Судьи, нахмурившись, застroчили в планшетках, публику же охватывало все большее воодушевление, и многие гномы кидали такие взгляды на свои рубашки, словно им сделалось совершенно ясно, что без кольчужного галстука они просто как бы не до конца одеты.

—Джуниор, – обратился к старому гному Набби. Покажи теперь ты второе изделие.

—Кубок бесконечности, – ткнул пальцем в кусок покорёженного железа старый гном. - Может вместить в себя бесконечное количество любой жидкости. Превосходное приспособление для собравшихся в путешествие по безводным пустошам.

— Только он, как бы это сказать, выглядит несколько деформированным, – явно старался выразиться поделикатней Набби.

—Степень? Молоток ему в задницу, снова мне все испохабил, – хрюпlo прорычал Джуниор. – Превратил моё творения в мусор.

—В мусор, – отозвался, как тихое эхо Набби, сделав соответствующую запись в планшетке. —Ну, Блитцен, давай-ка ты.

Блитцен поднял со стола блестящую ткань.

—Кольчужный жилет. Применим как в ансамблe с кольчужным костюмом, так и в качестве верхней одежды, если вы предпочли неформальный стиль. Великолепно смотрится с джинсами, с элегантной рубашкой...

—И со щитом, – жестами подсказал Хартстоун.

—И со щитом, разумеется, – озвучил его слова автор бронебойного жилета.

Третий судья подался к нему поближе и внимательно разглядел кольчужную ткань.

—Полагаю, ведь это может служить неплохой защитой, коллеги, – объявил он. – Во всяком случае, в ней вы не пострадаете, если кто-то на дискотеке вам нанесёт удар ножом в спину.

Второй судья, кивнув, сделал пометку.

—А какие-нибудь волшебные свойства к этому прилагаются? – посмотрел он на Блитца.

—Нет, – ничуть не смущился наш друг. Зато он двусторонний. Серебряный снаружи и золотой внутри. Так сказать, два жилета в одном. Какие бы украшения вы ни надели, вы можете...

—Ясно, – прервал его Набби и сделал себе пометку, а затем повернулся к Джуниору. - Ваш последний предмет, пожалуйста, сэр.

Старый гном до такой степени рассвирепел, что у него даже сжатые кулаки стали красные.

—Подлое жульничество! – рявкнул он. – Я никогда ещё не проигрывал ни одного поединка. Всем вам известна сила моего выдающегося дарования. А этот подлец... Этот ничтожный Блитцен подлым образом изловчился разрушить моё... мой...

—Эйтри Джуниор, сын Эдны, – осадил его строгим голосом Набби. – Каков ваш последний предмет?

Джуниор резко выкинул свой томатного цвета кулак в сторону горна.

—Какого тролля теперь болтать, чем он был! Нет его больше. Туда улетел, там и спёкся. толпа потрясённо затихла. Судьи, сбившись в кружок, начали совещаться. Зрители в немом нетерпении ёрзали.

—Нам трудно далось решение, – наконец обратился к присутствующим Набби. – Обстоятельства

вынудили нас делать выбор между расплавленной кучей мусо... – осёкся он. – Бесполезным хла... снова осечка. Пострадавшими цилиндрами, – наконец выговорил хоть что-то взятое он, - и кольчужной жилеткой, кольчужным галстуком и увеличивающее-уменьшающейся уткой Блитцена. Пошло половчее дело у главы судейской коллегии. Надо отметить, что дуэлянты шли, я бы так выразился, ноздря в ноздрю, однако победу мы всё-таки присудили Блитцену, сыну Фреи. Публика зааплодировала. Многие зрители изумлённо охали, словно не веря происходящему, а одна гномиха и форме медсестры, возможно, она и была известнейшей среди других медсестёр Нидавеллира Няней Бемби, вообще упала в обморок.

Хартстоун прыгал на месте, и концы его полосатого шарфа реяли в воздухе не хуже любого знамени победы. Я искал взглядом Сэм, но она пряталась где-то в гуще толпы.

Джуниор злобно таращился и у него были по-прежнему крепко сжатые кулаки. По-моему, он прикидывал, не стоит ли врезать себе самому по лицу, а потом заорал:

— Ну и пошли вы все! Подавитесь моей головой! Не желаю жить в мире, где Блитцен одерживает победу в поединке ремесленников!

— Нет, Джунинор, я не буду тебя убивать, – устало произнёс Блитцен, в котором одержанная победа явно не вызвала ни гордости, ни злорадства.

— Не хочешь убить?, – раскрыл от удивления рот старый гном.

— Нет, – подтвердил Блитц. – Ты просто отдашь мне серьги и цепь, как было условлено. И ещё публично признаешься, что мой отец был полностью прав насчёт старой цепи. Она нуждалась в замене ещё много лет назад.

— Никогда! – провопил Джунинор. – Подрывать репутацию своего отца не позволю!

— Как знаешь. – махнул рукой Блитц. – Придётся мне, видимо, все же идти за своим топором. Боюсь только, он у меня чуть-чуть затупился.

Джуниор с таким шумом сглотнул, что, наверное, стало слышно даже в задних рядах, и уставился с вожделением на пулленепробиваемый галстук.

— Ладно, была, в общем, у Билли своя доля правды, – выдавил из себя старый гном. – Нуждалась Глейпнир в замене.

— А ты был не прав, очерняя его, – с укором проговорил Блитцен.

У старого гнома начался тик сразу в обеих щеках.

— Был не нрав. Признаю.

Блитцен резко откинул голову, словно пытался что-то найти в мутной сере, служившей здесь небосводом. Губы его беззвучно зашевелились. Я не большой мастак читать беззвучные речи, но все же уверен, что он сказал:

— Я очень люблю тебя, папа. Прощай.

Затем Блитц требовательно посмотрел на старого гнома, тот щёлкнул пальцами. Один из охранников, голова у которого была тую перебинтована, а ноги после контузии молотом едва двигались, подковылял, пошатываясь, к Блитцену.

— Вот, вручил он ему маленьку бархатную коробочку.

— Серьги для твоей мамы, – последовало пояснение Джунинора.

Блитцен открыл коробочку. Внутри лежали две крохотные кошки из золотой филиграни с золотом точь-в-точь как на ожерелье Бринсингамен. Драгоценные зверьки вдруг потянулись. словно бы пробуждаясь от сна, и. поморгав изумрудными глазками, задрыгали бриллиантовыми хвостами. Блитц захлопнул крышку.

— Пойдёт. А где цепь?

Телохранитель бросил ему моток, похожий на свёрнутую верёвку для запуска змеев.

— Издеваетесь? – спросил я. – Разве этой фигней удержишь Волка Фенрира?

Джуниор смерил меня своим фирменным взглядом убийцы.

— Лучше уж помолчал бы, сопляк, коль ничего не смыслишь в таких делах. Ты ж о Глейпнир представления не имеешь. А она такая же тонкая и лёгкая. Прочность ей придают парадоксальные ингредиенты. Но эта, новая, будет гораздо прочней.

— Парадоксальные ингредиенты? Это ещё что такое? – повернулся я к Блитцу, который, ощупав верёвку, кивнул и даже присвистнул от одобрения.

— Он имеет в виду компоненты, которые, по идеи, не могут существовать. Работа с ними безумно сложна и очень опасна. Глейпнир состоит из сплава звуков кошачьих шагов, птичьей слюны, дыхания рыб и женских бород.

— Ну тот компонент, который был в твоём списке последним, не так уж парадоксален, – возразил я.

— У чокнутой Элис из Чайнатауна есть борода, и довольно густая.

Джуниор фыркнул.

—Она, говорю тебе, намного сильней, чем Глейпнир. Имя я ей дал Линдскоти, -то есть Противник. И состоит она из самых зубодробительных парадоксов во всех Девяти Мирах. Wi-fi без лагов, искренность политиков, принтеры, не дающие сбоев в работе, блюда во фритюре, полезные для здоровья, и захватывающие лекции по грамматике.

— О да, отдал я должное старому злыдню. – Такого действительно не существует.

Блитц бережно спрятал цепь и серёжки в рюкзак, а из него извлёк мешочек с золотыми слезами.

Спасибо тебе, отдал он его Джуниору. Будем считать. наша сделка завершена. Ещё только один вопрос. Как добраться до острова, где связан Фенрир?

— Я бы сказал тебе. Блитцен, если бы мог. – покачал на ладони мешочек с золотом Джуниор. – Уж поверь, что не отказался бы от удовольствия поглязеть на Волка, который тебя раздирает на части, как твоего папашу. Но, увы, где остров, не знаю.

—Да ведь ты говорил...

—Говорил, что время от времени проверяю цепь, только это неправда. А на самом-то деле мало богов и гномов знают, где появляется Остров Волка. Те же, кому известно, поклялись сохранять это в тайне. Как уж отцу твоему удалось найти, его ума не приложу. Но если тебе позарез приспичило, попробуй у Тора выведать. Во-первых, он точно знает, а во-вторых, болтлив,

—Но где нам его найти? - спросил я.

—Без понятия. – признался Джуниор.

—Спросить у Сэм, – показал Хартстоун. - Она про богов много знает.– точно, обрадовался я и крикнул: – Сэм, иди к нам! Что ты прячешься?

Толпа перед ней расступилась.

У Джуниора при виде Самиры выкатились глаза, а из горла вырвался сдавленный писк;

—Ты! Это ты!

Сэм поднесла ладонь к разбитой губе, изо всех сил тягаясь её прикрыть.

—Простите, мы разве с вами знакомы?

— Хватит прикидываться! И старый гном при активной поддержке *БАБКИКОВЫЛЯЛКИ* ринулся в Её сторону. Лысина у него стала цвета углей в раскалённом горне, казалось, даже остатки волос стали розовыми. Знавал я и раньше оборотней! – выкрикивал он на ходу.

—Этот платок у тебя того же цвета, что и крылья слепня! И фингал я тебе поставил, когда пытался прихлопнуть! Ты в сговоре с Блитценом! Друзья! Коллеги! Честные гномы! Убейте этих мошенников!

Меня охватила гордость. Вот так бы работали в каждой команде. Мы не сговариваясь сделали синхронный разворот и подобно машине с хорошим мотором, рванули прочь во имя спасения собственных шкур.

Глава XLV

Я ЗНАКОМЛЮСЬ С ДЖЕКОМ

У меня неплохо выходит сосредотачиваться на нескольких делах одновременно. Вот и сейчас я, охваченный ужасом, целеустремлённо смывался с места событий и вместе с тем разговаривал с Сэм.

—Слепень? — орал я на бегу. — Ты можешь в него превращаться?

Она ловко пригнулась, и вовремя: над Её головой просвистел и унёсся прочь дротик на паровом ходу.

—Сейчас не время, — бросила она коротко.

—Ой, простите, — издевательски поклонился ей я, одновременно надбавив хода. — Я, конечно же, должен у вас спросить о месте и времени, когда мы сможем поговорить о технике оборотней. Хартстоун и Блитцен шпарили впереди нас, а за ними неслась орава из тридцати озверевших гномов, дистанция между ними и нами, увы, стремительно сокращалась, а выражения на их лицах, равно как и широкий ассортимент имевшегося при них оружия уникальной ручной работы, не предвещали, что встреча будет приятной.

—Сюда! — нырнул в переулок Блитцен.

Хартстоун в этот момент на него не смотрел, а потому призыв не услышал и побежал с торпедной скоростью мимо.

— Мать! — раздался из переулка вопль Блитцена. Я посчитал было это, зачином какого-то длинного гномьего ругательства, но продолжения не последовало. Мы с Сэм добежали до поворота, и нам все стало ясно. Блитцен барабанился и сопротивлялся в сети из световых лучей, которая возносила его стремительно ввысь. — Моя мать. Хочет скорей получить проклятые новые серьги! Догоняйте Хартстоуна! Яс вами встречусь...

И в этот миг гном наш исчез.

—Это действительно сейчас было? — покосился я на Самиру.

—Меня в данный момент больше занимают другие проблемы, — вскинула она на готовку свой топор, и была права.

Орава гномов нас, наконец, нагнала, и мы оказались в полуокольце оскалов, белеющих сквозь густые гномья бороды, бейсбольных бит и острых палашей. Я сперва не понял, чего они медлят, но вскоре из-за их спин послышался голос Джуниора.

—Погодите, — прохрипел он. — Я... — Хрип. — Убью... — Снова хрип. — Первым.

Толпа расступилась. Старый гном шёл к нам на своей *КОВЫЛЯЛКЁ* в сопровождении двух охранников. Он глянул сперва на меня, а потом на Сэм.

— Где Блитцен и эльф? — просипел он. — Ну да ладно. Отыщем и их. Ты, сопляк, особо меня не интересуешь. Беги. Возможно, я даже позволю тебе остаться живым. А вот девчонка, явно дочка Локи. И прямо сейчас погреёт в жутких корчах, зато, что меня укусила и испохабила моё творчество. Я сорвал рунный камень с цепочки. В руке у меня засиял Меч Лета. Гномы попятались. Учуяли опасность.

— Не собираюсь бежать, — объявил я Джуниору. — Придётся уж вам иметь дело с нами двоими. Меч загудел, и я, внимательно его выслушав, не счёл лишним добавить:

—Маленькая поправочка. Нас не двое, а трое. Его зовут Сумарбрандер, Меч Лета! Не знаю уж, кем он сделан, но он точно уж знаменитость среди других знаменитых мечей и сейчас собирается нападать вам по коллективной заднице.

—Спасибо за правильный перевод, — поблагодарил меня меч.

Сэм изумлённо присвистнула, а потрясённые лица воинства гномов красноречив её слов свидетельствовали, что слова меча не плод моего воспалённого воображения.

Я поднял Сумарбрандера вверх.

—Ты говоришь? Ну конечно же, ты говоришь. У тебя множество обалденных способностей.

—Вот именно.

Голос у Сумарбрандера был несомненно мужской, и я наконец увидел, что он исходит из рун на клинке, которые при каждом произнесённом им слове начинали вибрировать и ярко мигать, как световой индикатор на эквалайзере.

Я окинул гномье войско высокомерным и наглым взглядом. Вот, мол, у меня есть диско-меч, а у вас даже близко к нему ничего не лежало.

—Как, Сумарбрандер, ты смотришь на то, чтобы заняться этой бандой? — осведомился я вежливо у меча.

—А почему бы и нет, — немедленно проявил он готовность. — Ты хочешь их мёртвыми или...

Гномы в панике отступили ещё подальше.

—Нет, просто сделай так, чтобы они отсюда свалили, — конкретизировал задачу я.

—Какой-то ты скучный, — разочарованно выдохнул меч. — Ну ладно, если ты так уж хочешь. Теперь отпусти меня.

Я конечно, уже доверял ему, но на какой-то миг меня все-таки одолели сомнения. Согласитесь, когда тебя окружили, не самый разумный шаг расстаться с оружием.

Старый гном Джуниор, уловив мои колебания, заорал:

—Взять его! Этот малыш даже мечом своим не умеет пользоваться!

—Зато рядом с ним стоит экс-валькирия, и она то великолепно умеет пользоваться своим топором! — тут же воинственно-звонко воскликнула Сэм.

—Ха! — вызверился на неё Джуниор. — Берём их, ребята! *БАБКАКОВЫИЛЯЛКА*, активизируйся! Из ходунков тут же вылезли спереди два ряда кинжалных лезвий, а сзади забушевали огненным выхлопом два ракетных мини-двигателя, и Джуниор устремился к нам на умопомрачительной скорости, равной одной миле в час. Воодушевлённое его войско взревело и перешло в наступление. Я отпустил меч. Он завис на секунду в воздухе, а затем взялся за дело. Вы не успели бы даже скороговоркой выпалить «сын Эдны» за тот миг, как все гномы лишились оружия, которое, частью разрубленное пополам, а частью вообще на мелкие кусочки, усеяло землю. Кинжалные лезвия и ракетные двигатели с *КОВЫЛЯЛКИ* Сумарбрандер попросту сбил. Та же участь постигла и тридцать множественных гномьих бород, которые, покачиваясь в воздухе, мягко легли на траву, оставив в скорби и изумлении своих недавних владельцев. Между прочим, могли бы порадоваться, что хоть на головах волосы сохранились.

—Кому-то добавить? — спросил меня меч, вися между мной и гномами.

Гномы, живенько развернувшись, рванули прочь.

Джуниор тоже рванул ковылять обратно на своей *БАБКЕ*, сыпля проклятия в адрес своих охранников, чесавших уже на квартал впереди него, а затем склонным голосом проверещал через плечо мне:

—Это ещё не конец, сопляк! Сейчас возвращусь назад с подкреплением!

Сэм опустила топор.

—А неплохо все вышло, да?

—Мне тоже так кажется, — вполне разделял её мнение я. — Большое спасибо тебе, Сумарбрандер.

—Де надо, — почему-то ответил мне по-испански он, но я понял, что это значит «не за что».

—Но я вот о чём тебе хочу сказать, — голос его стал задумчивым. Сумарбрандер какое-то слишком длинное имя. Оно мне, в общем-то, никогда и не нравилось.

—Допустим.

Разговор получался какой-то сверхдоверчивый. При таком неплохо бы посмотреть в лицо собеседнику и в глаза, а у него то на что смотреть? На руны? На острие клинка?

—И как тебе хочется, чтобы я тебя называл? — обратился непосредственно к мигающим рунам.

—А тебя как зовут? — задумчиво прогудел меч.

—Магнус.

—Хорошее имя, — одобрил он. — Зови меня Магнус.

—Ты не можешь быть Магнусом, — постарался поделикатнее объяснить ему. — Меня ведь уже так зовут.

—А как её имя?

—Сэм. Но ты и Сэм быть не можешь, — торопливо добавил я. — Мы ведь иначе запутаемся.

Меч покачался легонько из стороны в сторону.

—Ну а какое другое хорошее имя мне подойдёт со всеми моими талантами?

—Ну, я ещё недостаточно хорошо тебя знаю...

Вопрос привёл меня в некоторую растерянность, и я кинул взгляд на Сэм, но она только головой помотала: твой меч, тебе и решать.

—Если честно, ну, может быть, Джек, — ляпнул я первое, что пришло в голову.

—Джек! Замечательно! — воскликнул меч.

С волшебными говорящими мечами трудность одна: лиц то у них не имеется, а значит, и выражения не увидишь. Вот и пойми, когда они шутят, а когда говорят на полном серьёзе.

— То есть ты хочешь, чтобы я называл тебя Джеком?

— Да, — подтвердил он. — Это благородное имя, достойное королей и острых режущих предметов.

— Договорились. Тогда ещё раз большое спасибо, Джек, за то, что спас меня с Сэм! Ну а теперь ты не возражаешь?

Я потянулся к нему, собираясь вновь превратить в кулон, но он увернулся.

— Я бы не советовал. Оборотная сторона моих выдающихся способностей. Едва ты положишь меня снова в ножны или повесишь в виде кулона на шею, на тебя сразу накатит такая усталость, как будто бы ты сам сделал все, что я.

Я даже представить себе не мог, как бы себя почувствовал, если бы мне действительно удалось покромсать на клочки столько оружия, да ещё побрить такое количество гномов. Видать, валялся бы на земле бездыханной тушей.

— Но что-то я раньше усталости не замечал.

— Так ты раньше меня ни для чего серьёзного и не использовал, — объяснил мне Джек.

Железная логика, не споришь. Впрочем, какой ей ещё быть у меча?

Вдалеке завыла сирена воздушной тревоги. Я с ходу отмёл подозрение в том, что этот подземный кран хоть раз подвергся налётам бомбардировщиков. Значит, эта сирена орала в честь наших скромных персон.

— Пора двигаться, — сказала Сэм. — Во-первых, нужно скорее найти Хартстоуна, а во-вторых, сомневаюсь, что Джуниор пошутит насчёт подкрепления.

Первую задачу оказалось решить проще простого. Не прошли мы и двух кварталов, как буквально влетели в Харта, который нёсся на всех парах отыскивать нас.

— Какого Хельхайма вы ещё здесь? — спросил он. — И где Блитцен?

Я рассказал про золотую сеть Фреи.

Он обещал с нами встретиться позже. И вот Джуниор прямо сейчас созывает Национальную Гвардию Гномов.

— Твой меч улетает, — предупредил меня Харт.

Я повернулся к зависшему в небе Джеку.

— Извините, забыл познакомить вас. Джек, это Харт. Харт, это Джек.

— Он говорит? — зажестикулировал эльф. — Я у мечей по губам читать не могу.

— Что он сказал? — спросил в свою очередь Джек. — Я не умею читать жесты эльфов.

— Ребята, с этим потом, — указала взглядом за наши спины Сэм.

Из переулка в нескольких кварталах от нас на улицу заворачивало железно-монументальное транспортное средство на гусеничном ходу с орудийной башней.

— Танк? — удивился я. — У Джуниора и это есть?

— Бежать нам надо, — порекомендовал Джек. — Разумеется, я потрясающий, но, если танк покромсаю, усталость может тебя убить.

— Лучше не надо, — внял его доводам я. — Но каким образом мы сможем выбраться из Нидавеллира?

Хартстоун похлопал в ладоши и, когда я к нему повернулся, скомандовал:

— Нам сюда.

Мы помчались следом за ним, петляя, но переулкам и сшибая неожиданно попадавшиеся на пути мусорные баки уникальной ручной работы, у которых, возможно, тоже имелись души и имена.

Позади что-то глухо ахнуло. Нас обдало горячей воздушной волной. Окна в домах затряслись.

Сверху дождём посыпались мелкие камешки.

— Танк сотрясает гномье небо! — проорал я на полном ходу. — Кажется, нам кранты.

Харт свернул на какую-то новую улицу, и мы понеслись вдоль двух бесконечных рядов таунхаусов, обшитых светлой вагонкой, на крылечках которых сидели гномы, сопровождавшие наш пробег мимо приветственными помахиваниями. Иные из этой публики даже успевали заснять нас на видео с помощью уникальных смартфонов ручной работы, а значит, как я понимал, наша попытка бегства вскорости станет достоянием гномьего интернета, весьма знаменитою среди других известнейших интернетов.

Продолжив стремительный кросс, мы ещё какое-то время спустя достигли наконец-то улицы, в которой должна была находиться южная оконечность Бостона. Тут-то нас и подстерегла неожиданность. Улица не перешла в М Стрит Бич, а завершилась глубоким крутым обрывом.

— Ой, ну это нам очень кстати, — пропыхтела, осадив бег, Сэм.

—Базуки!— донёсся до нас голос Джунiorа.— Целься по правому флангу!

Мы замерли на краю пропасти. На дне её угрожающе ревела река.

— Прыгаем, — показал нам Хартстоун.

— Ты шутишь?— не сомневался в последствиях я.

— Мы с Блитценом раньше так делали, — сообщил Харт.— Река уносит из Нидавеллира.

— Куда? — хотелось на всякий случай узнать мне.

— По-разному,— получил я весьма туманный ответ от эльфа.

— Как-то не слишком воодушевляет — поёжилась Сэм.

Хартстоун указал назад. На противоположной оконечности улицы уже собирались гномье воинство, оснащённое танками, джипами, грана-то метами и примкнувшей ко всему этому целой оравой геронтологических гномов на бронированных ходунках.

— Прыгаем, — не видел иного выхода я.

Меч Джек завис рядом со мной.

— Вот сейчас тебе лучше бы взять меня, босс, — посоветовал он.— А то вдруг опять потеряюсь.

— Но ты говоришь, я тогда окажусь таким вымотанным...

— Может быть, даже сознание потеряешь.— подтвердил Джек. — Но, с другой стороны, похоже, ты и так умрёшь.

Учитывая глубину разверзшейся перед нами пропасти, у него, извините за пессимизм, были все основания для подобной гипотезы.

Я превратил меч в кулон и едва повесил его на шею, как ноги мои подкосились.

Сэм успела меня подхватить.

— Хартстоун, бери, с другой стороны, — скомандовала она.

На глаза мне надвинулась мутная пелена. Сознание уплывало, но я ещё ощутил, как Сэм с Хартом помогли мне спрыгнуть с обрыва. А для чего же ещё нужны друзья?

Глава XLVI

СУДНО МИРОВЕЦКОЕ ИЗ НОГТЕЙ МЕРТВЕЦКИХ

Когда мне во сне вдруг начало сниться, будто я вдруг проснулся, мне сразу сделалось ясно, что со мной случилась беда.

Мы с Локи стояли на палубе огромного корабля.

— Вот и ты, — наконец, сказал он. — А я-то уж волновался, куда пропал?

— Что это на вас? — поразила меня его одежда.

— Впечатляет, да? — широко улыбнулся он иссечённым шрамами ртом.

На нем был белый адмиральский китель, увешанный сияющими медалями, а под ним, совсем не по форме, чёрная майка с принтом, изображающим Джека Николсона, как он выглядел в фильме «Сияние», с надписью: «А воот и Локи!».

— Где мы? — спросил я.

— Ну конечно же, нас обоих здесь нет, — старательно начал полировать медали рукавом кителя Локи.

— Я все ещё крепко привязан к каменной плите, и на лицо мне капает яд змеи, а ты умираешь на берегу реки в Йотунхейм.

— Что я делаю?

— Ну, может, ты ещё и выживешь, а может, нет, — не очень-то обнадеживающие прозвучали слова бога. — Так что, вполне вероятно, сейчас нам выдалась последняя возможность поговорить. Мне было надо, чтобы ты это увидел. Нагльфар — корабль из ногтей. Он почти достроен.

Судно стало видно отчётливее. По форме корабль викингов, по размерам с авианосец. На главной палубе запросто можно было устроить Бостонский Марафон. Поручни оснащали щиты. От кормы до носа протянулись изваяния тридцатифутовых волчьих голов с хищно оскаленными зубами. Ну а каких, интересно, ещё можно мне было здесь ожидать изваяний?

Я глянул в просвет между двумя щитами. Корабль стоял у доков, пришвартованный плетёными металлическими тросами. Серое море кишило льдинами. Я провёл ладонью по поручню, выкрашенному белой эмалью. Поверхность оказалась шероховатой, как рыбья чешуя. Словно не высохшую ещё краску присыпали жемчужной крошкой. Палуба мне показалась сперва стальной, но, приглядевшись, я понял, что она сделана из какого-то другого материала. Не дерево и не пластик, но что-то очень знакомое.

— Из чего он построено-то? — обратился я к Локи. — Вы вроде сказали, что он из гвоздей, но я тут ни одного не вижу.

— Слушай внимательно, — расхохотался он. — Я сказал, не из гвоздей, а из ногтей. Естественно, гвозди здесь ни к чему. Судно полностью состоит из ногтей с пальцев рук и ног мертвцев.

Палуба поплыла у меня перед глазами. Не знаю, реально ли испытать тошноту во сне, но меня вполне явственно замутило от отвращения. Я словно стоял на трупах, невольно пытаясь представить себе, скольких покойных лишили ногтей, чтобы построить такую громадину.

— Но зачем это было надо? — полюбопытствовал я у Локи, немного придавая себе.

— Потрясающе омерзительно, правда? — На изувеченных губах Локи заиграла столь заразительная улыбка, что я едва сам не заулыбался ему в ответ. — Твои далёкие предки, жившие в старые добрые времена, знали: ногти сохраняют частицу души, или сущности, или, как вы теперь выражаетесь ДНК своего владельца. Поэтому смертные обязательно в течение всей своей жизни предавали огню обрезки состриженных ногтей. После кончины их ногти тоже сжигали, чтобы они не пошли на строительство этого вот корабля. Однако, как видишь, нашлось все же много таких, кто этим правилом пренебрегал.

— Вы выстроили себе боевой корабль из ногтей?

— Ну, вообще-то он сам себя строит, — заговорщицки подмигнул мне Локи. — И формально находится во владении Сурта и огненных гигантов, но с наступлением Рагнарёка из гавани его выведу я, а его экипаж составят многие сотни бесчестных мёртвых из Хельхейма, возглавляемых капитаном Гимиром. Все они беззаботно или несчастливо померли без оружия в руках, похоронены без соблюдения ритуалов и посмертного маникюра-педикюра. Я поведу это судно в Асгард, и мы уничтожим богов. Славное можешь поверить мне, будет зрелице!

Я посмотрел на берег в опаске, что там уже собирается вся эта армия, но туман вдруг настолько сгустился, что мне теперь не было видно даже причала. Промозглая сырость пронизывала меня до

костей. У меня, несмотря на обычную холодостойкость, начали стучать зубы.

—Зачем вы мне это показываете?

—Затем, что ты, Магнус, мне нравишься. У тебя есть чувство юмора, драйв. Крайне редкие качества для полубога. И ещё более редкие для эйнхериев. Рад, что дочка моя тебя отыскала.

—Самира... – только сейчас сопоставил я. – Вот почему она может превращаться в слепня. Она оборотень. Как и ты. Это у неё от тебя.

—О да, – кивнул горделиво Локи. – Она папина дочка. И не любит этого признавать, но многое от меня унаследовала. Способности, красоту, острый ум. И в других умеет распознавать таланты не хуже, чем я. Вот и тебя ведь заметила, друг мой.

Чуть не взвыв от пронзившей меня резкой боли, я схватился за живот.

—Мне что-то плохо.

—Стоит ли удивляться такому на грани смерти? Вообще-то, надеюсь, ты все же проснёшься. Ведь если сыграешь в ящик прямо сейчас, твоя смерть окажется просто бессмысленной, а всё, что ты успел сделать, потеряет значение.

—Большое спасибо вам за моральную поддержку.

—Я тебя вызвал сюда, чтобы ты понял перспективы. С наступлением Рагнарёка вместе с цепью Фенрира порвутся и все остальные связи. Швартовы у этого судна. Пути, удерживающие меня. Даже если Сурту окажется не под силу отобрать у тебя меч, это будет лишь временная отсрочка. Одна связь порвётся, и лопнет все. Распустится, как большой гобелен, если из него вытянуть связующую нить.

—Хотите уговорить меня отказаться? А я-то думал, вам тоже нужно отсрочить Рагнарёк как можно на дольше.

—О да. Мне нужно, – он резко поднял вверх обе руки. Запястья его оказались ободраны и кровоточили, словно он долго пробыл в слишком тугих наручниках. – Я, Магнус, полностью на твоей стороне. Взгляни-ка на изваяния этих волчьих голов. Они ещё не завершены. А разве может быть что-то стыдная, чем вступать в сражение на недостроенном корабле?

—Ну и чего вы хотите?

—Того же, о чём мы с тобой говорили раньше. Помочь тебе изменить детали твоей судьбы. Кто ещё из богов, кроме меня, озабочился бы разговором с тобой по-дружески и на равных.

Глаза у них с Сэм были очень похожи, яркие, напряжённые, будто в их недрах, как в земном шаре, кипела раскалённая лава. Но у Локи на это накладывались жестокость и холодный расчёт, которые совершенно противоречили его подкупающе дружелюбной улыбке. Мне поневоле вспомнилось, как Сэм без обиняков назвала его вором, лжецом и убийцей.

— То есть, значит, теперь мы с вами друзья и на равных? – проговорил я вслух.

—Вполне можем стать ими, – ответил он мне. – Знаешь, у меня есть идея. Выкинь из головы Остров Волка. Забудь о необходимости встречи с Суртом. Я знаю место, где меч окажется в безопасности.

—У вас?

Локи рассмеялся.

—Не искушай меня, парень. Нет, нет и нет. Я имею в виду твоего дядю Рэндолльфа. Он понимает, как важен и ценен меч. Всю жизнь посвятил его поискам и мечтал изучить его свойства. Может, ты и не знаешь, его дом защищён очень сильной магией. Отнеси меч ему, и он его сохранит, а сам воспользоваться им не сможет. Главное, меч таким образом не попадёт в руки Сурта, а значит, мы выиграем много времени.

Первым моим желанием было, расхохотавшись ему в лицо, ответить твёрдое «нет». Ясно, что он пытался меня обмануть. Но, как и зачем, я пока не понял, поэтому счёл за лучше унять эмоции.

—Подозреваешь, что это ловушка? – продолжил вкрадчивым голосом он. – Что ж, я вполне понимаю тебя, только прошу на минутку задуматься, зачем Мимир посоветовал доставить меч ровно туда, где он нужен Сурту? Какой в этом смысл? Может быть, эта старая отрубленная голова просто играет с тобой? Знаешь, скольких он надувает при помощи автоматов патинко? Сам-то сообрази: откажешься от его плана, значит, и Сурт не сможет мечом завладеть. Так зачем же идти на риск?

Аргументы его обволакивали меня мягким уютным коконом.

—Говорите вы гладко, – резко принялся выбираться я. – Вам бы поддержаными машинами не торговать.

Локи задорно мне подмигнул.

- Теперь принято говорить «побывавшими в чём-то употреблении». Но, Магнус, настал момент

сделать выбор. Возможно, ты больше не обретёшь способности говорить. Но если сейчас согласишься внясть моим доводам, обещаю, что подслушау наш с тобой договор весьма недурным бонусом. Мы с моей дочерью Хель тут поговорили на одну тему...

—Поговорили, о чём? — заколотилось у меня сердце.

—Лучше я предоставлю ей рассказать об этом самой, — ушёл от ответа Локи. — А сейчас... —Он склонил голову словно прислушиваясь к чему-то. - Наше время уже на излёте. Возможно, ты очень скоро проснёшься.

—Вы ведь кого-то убили? За это и связаны, да? — вырвалось у меня прежде, чем я даже успел подумать, что ляпну такое.

Улыбка его стала каменной. Вокруг глаз собрались злые морщинки, которые разом его состарили лет на десять.

—Значит, решил хороший разговор испортить? Да, я убил бога света Бальдра прекрасного и бессиящего своей идеальностью сына Одина и Фригг. - Локи шагнул вперёд и, тыкая пальцем мне в грудь при каждом произнесённом слове, отчеканил:— И вернись все назад, я сделал бы это снова.

Разум мой просто вопил: «Стоп, Магнус, хватит!», но вы же знаете: я не больно прислушиваюсь к голосу разума.

—И почему вы его убили?

У Локи на выдохе, пахнувшем миндалём, как цианистый калий, вырвался краткий хриплый смешок.

—Тебе ведь уже было сказано: он приводил меня в бешенство. Фригг так пеклась о нем: «Ах, бедный мой мальчик, измучился от кошмарных снов по поводу собственной смерти!» Добро пожаловать в реальность, Бальдр. Каждому ведь иногда снятся дурные сны. Но Фригг охватывал ужас, даже когда её дорогое дитя стукалось обо что-нибудь своей драгоценной маленькой ножкой. Словом, она взяла обещание у всего сущего, что никто и ни что не причинит ни малейших страданий её дорогому сынику. Ей дали клятву боги, деревья и даже камни. Ты только представь, каково это выудить клятву у камня, но Фригг удалось. А потом в честь свершившегося события боги устроили праздник и принялись просто так, для прикола, швырять в прекрасного Бальдра стрелы, мечи и даже друг друга. Все от него отскакивало, не долетев, словно этот красавчик был окружён силовым полем. Мистер Совершенство превратился в мистера Неуязвимость. Прошу прощения, но мне стаю от этого тошно.

Я заморгал от рези в глазах. Ненависть в голосе Локи жгла воздух.

— И вы нашли способ его убить?

Локи самодовольно хмыкнул.

—Омела белая. Фригг совершенно о ней забыла. И впрямь, казалось бы, сущая малость. Но я сделал из неё дротик и вручил его слепому брату Бальдра, богу по имени Хёд. Он так расстраивался, что не может принять участия в общем веселье. Ну, я и утешил беднягу. Направил его руку с дротиком прямо в братца. И худшие опасения Фригг сбылись. Получил идеальный юноша по заслугам.

—За то, что был слишком красивым и популярным?

—Да, — кивнул Локи.

— За то, что все любили?

—Именно. — Он склонился ко мне так близко, что мы едва не уtkнулись друг в друга носами. — Только не убеждай меня, будто не совершил никогда ничего подобного. Воровство из машин, из карманов. Ты ведь выбор свой останавливал на тех людях, которые тебе не нравились: богатых, красивых, заносчивых снобах, потому что они тебя раздражали.

Мне стало ещё холоднее. Зубы выбивали громкую дробь.

—Ой, да оставь, пожалуйста. — Локи, вновь отступив назад, разочарованно поглядел на меня. — Ну убил я одного бога. Большое дело. Он отправился прямиком в Хельхейм, где отныне почётный гость во дворце моей дочери. А вот меня наказали... Хочешь узнать, как меня наказали?

—Связали и положили на каменную плиту. А сверху на вас капает яд змеи. Я Её знаю.

—Знаешь? — переспросил Локи, задрав рукава, под которыми обнажились запястья в шрамах. — Это следы вечной пытки, но богам показалось мало обречь на муки меня одного. Они ещё отыгрались на двух любимых моих сыновьях Вали и Нарви. Вали был превращён ими в волка, и боги себе на потеху смотрели, как он раздирает брата. Потом застрелили и Нарви. Выпотрошили кишки из обоих моих ребят... - Голос у Локи сорвался. - В общем, Магнус Чейз, я не стану ходить вокруг да около. Связали меня не верёвками.

В моей груди вдруг возник на месте чего-то важного опустошающий холодок. Возможно, меня покидала вера, что, но Вселенной есть справедливость.

—И это боги?

—Именно, Магнус, боги, — глухо протараторил он. — Помни об этом, когда повстречаешь Тора.

— А я повстречую его?

— По-видимому. Боги даже не трудятся делать вид, что ставят добро выше зла. Асов подобные мелочи не касаются. Для них кто сильней, тот и прав. Вот после этого и скажи мне: ты хочешь выступить в бой на их стороне?

Палуба затряслась у меня под ногами, на ней заклубился густой туман.

— Пора тебе уходить, — быстро проговорил Локи. — Помни наш разговор. Пусть искусственное дыхание от козла принесёт тебе максимум пользы и наслаждения.

— Что? Что вы имели в виду?

Локи, окинув меня злорадным взглядом, махнул рукой и растворился вместе со своим судном в мутно-сером ничто.

Глава XLVII

Я ПСИХОАНАЛИЗИРУЮ КОЗЛА

Локи мне не соврал: я и впрямь очнулся с козлиной мордой у себя на лице.

Время для небольшого признания. До сих пор я целовался всего единственный раз с Джеки Молотов в седьмом классе за рядом скамей в школьной аудитории для тайцев. Слабовато, конечно, для человека шестнадцати лет, но, знаете, после мне было как-то не до того. Сами знаете, жизнь на улице и все такое прочее. Прости меня, Джеки, но я и вспомнил о тебе только во время процесса этого удивительного искусственного дыхания.

Меня всего скрючило и начало выворачивать наизнанку. Очень мило со стороны реки, что она оказалась рядом со мной, иначе бы вышло неаккуратненько. Ощущал я себя совершенно разбитым. Ноги словно сломали в нескольких местах, а потом наспех склеили скотчем. Во рту стоял вкус травы и старых медных монет.

—О, да ты жив, — проблеял козел скорее не радостно, а разочарованно.

Я с тихим стоном принял сидячее положение. Козел оказался с большими рогами и густой свалившейся шерстью, в которой запутались веточки, листья и всякая другая фигня.

Вопросы, вопросы, вопросы... Что это за такой искусственно дыхательный говорящий козел? Почему у него такой странный запах со рта? Неужели он и впрямь ест монетки? Но в первую очередь я спросил о другом:

—Где мои друзья?

—Эльф и девушка? Ой, да они мертвые, — весело проблеял мой рогатый реаниматор.

—Нет! Нет!

Мне стало холодно, пусто и жутко.

Козел указал острием рогов чуть в сторону. Там, на каменном пляже, лежали в застывших позах Хартстоун и Сэм.

Подобравшись к ним на ёщё не твёрдых ногах, я приложил руки к шеям обоих. Пульс прощупывался. У меня потемнело в глазах, но уже не от горя, а от нахлынувшего облегчения.

—Они живы, — слабым голосом сообщил я козлу.

—Ох, — выдохнул он в ответ. — Несколько часами больше,ическими меньше, потом все равно умрут.

—Да что с тобой не так? — раздражал меня его пессимизм.

— Всё, — проблеял меланхолично козел. — Весёлая жизнь — это одна сплошная...

— Неважно, — мешала мне сконцентрироваться его болтовня. — Просто немножечко помолчи, а?

— Конечно, зачем тебе знать о моих проблемах. Никто не поинтересуется, если я стану плакать или ёщё что-нибудь, не обращай внимания.

Продолжая держать пальцы на шеях друзей, я старался влить им их артерии как можно больше тепла. Сэм отреагировала на моё лечение почти сразу. Веки её затрепетали, глаза открылись, она вздохнула, повернулась на бок, и ей стало тошнить, что показалось мне добрым знаком. На глазах возвращалась к жизни.

Харт, увы, пребывал в состоянии куда худшем. И я ощущал сквозь кончики пальцев, что дело гораздо серьёзнее охлаждения и воды, которой он наглотался полные лёгкие. Где-то в недрах самой его сущности сгустился плотный комок темных эмоций, подавлявший желание жить. Эту беспросветную черноту я мог сравнить только с собственным состоянием в момент гибели мамы. Поэтому вдруг невольно и вспомнил, как руки мои соскользнули с пожарной лестницы, а надо мной взорвались окна нашей квартиры.

Но горе Хартстоуна было даже сильнее этого. Не знаю уж, что там он пережил, но шедшая из него чернота готова была меня поглотить. Я усилием воли заставил себя подумать о чём-то счастливом, и перед мысленным моим позором почти наяву возник один из самых радостных дней. Мы с мамой собираем дикую чернику на Хэнкок-Хилл. Воздух столь чист, что нам внесён вдали Куинси-Бей, блестящий на горизонте. Я ухватился за эту картину и направил поток тепла в грудь Харта.

Глаза его наконец распахнулись.

С минуту он на меня потрясённо таращился, а затем, ткнув мне легонько пальцем в лицо, показал знак сплета.

—Что ты имеешь в виду? — растерялся я.

Сэм застонала и, опираясь на руку, немного приподнялась.

—Магнус... почему ты сияешь?

Я поглядел себе на руки. Можно было подумать, меня окунул в свет Фолькванга. Тёплая маслянистая аура на глазах бледнела, но я чувствовал, как она покалывала мне кожу.

—Похоже, когда приходится много лечить, я начинаю светиться, — не находил другого объяснения я.

—Красиво, конечно, — улыбнулась уголком рта Сэм. — Но всё-таки постарайся не вспыхнуть. Что с Хартом?

Он с моей помощью уже сумел сесть.

—Как себя ощущаешь, дружище?

Сложив колечком большой и указательный пальцы, он сделал вид, будто подкидывает воображаемый круг. Знак, что он себя ощущает ужасно.

Это не удивило меня. Скорей было странно, что он не кричит от боли, стоявшей комом в его душе. В процессе лечения мне отчётливо передались его мысли. Они прямиком текли в мою голову, точно таким же образом, как слова меча Джека, когда я впервые понял, что он со мной говорит.

—Харт, когда я тебя лечил, то ...

Он решительным жестом отверг продолжение:

—Позже. А пока просто спасибо тебе...брат.

Я молча кивнул. Продолжать расспросы было бессмысленно.

—Ты должен лучше заботиться о своём эльфе, — подковыляв к нам поближе, назидательно проблеял козел. — Ему требуется полноценный солнечный свет, а не эта Йотунхеймская тусклость. В реках же эльфы, что бы ты знал, не тонут.

—Козел говорит? — напрягся Хартстоун.

—Ну да. Говорит, — оставалось лишь подтвердить мне.

— Я умею читать язык жестов, — горделиво проблеял козел. — Кстати, позвольте представиться.

Меня зовут Тангниостр*, что означает Скрипящий Зубами, потому что... Ну, и общем, это у меня происходит на нервной почве. Полным именем меня никто не называет. Так что зовите меня просто Отис.

Сэм с усилием встала на ноги. Хиджаб её сполз с головы и болтался на шее.

—Что же тебя привело сюда. Отис, как это место ни называлось бы? — полюбопытствовала она. Отис вздохнул.

—Я потерялся, что характерно. Пребывал в процессе весьма тщетных поисков обратной дороги в лагерь, но вместо этого обнаружил здесь вас. Полагаю, вы теперь меня убьёте и съедите на обед?

Я поглядел на Сэм.

—Ты собирались убить козла?

—Нет, а ты?

Я, покачав головой, перевёл взгляд на Отиса.

—Мы совершенно не собираемся убивать тебя.

—Но, если вам надо, не возражаю, — к большому нашему удивлению сказал он. — Хозяин постоянно меня убивает.

—Да неужели? — даже не удивился я.

—Именно так, — продолжал козел. — Я, видите ли, говорящая еда на четырёх копытах. Мой психоаналитик усматривает в таком положении основную первопричину того, что мой жизненный тонус понижен. Но сам я больше склоняюсь к мнению, что корень проблемы зарыт в моих детских годах.

—Извини, а кто твой хозяин?

—Тор е-с-т-е-с-т-в-е-н-н-о, — по буквам показал Харт.

—Правильно, Тор, — подтвердил Отис, — только его фамилия не Естественно. Вы, случайно, его, но пути сюда не встречали?

—Нет.

Я подумал о своём сне. В носу у меня до сих пор не выветрился запах миндаля, а в ушах звучало предупреждение Локи: «Боги даже не трудятся делать вид, что добро ставят выше зла. Асов подобные мелочи не касаются. Для них кто сильней, тот и прав. Помни об этом, когда повстречашь Тора». Джуниор посоветовал нам найти Тора. Река принесла нас каким-то образом прямиком туда, где он должен быть. Вот только я теперь не был уверен, что мне хочется здесь находиться.

Сэм подняла хиджаб на голову.

—Я не большая поклонница Тора, но, если он сможет нам указать путь к Острову Волка, с ним надо

поговорить.

—Замечательное решение,— усмехнулся я.— Вот только козел заблудился и тоже теперь не знает, где он.

—Спроси у Джека, — указал на рунный кулон у меня на шее Хартстоун.

Я взял в руки камень. Едва он превратился в меч, как принял возбуждённо гудеть и мигать рунами.

—Слушай, я рад, что ты выжил, - голос его звучал весело -. Ой, а это ведь Отис! – воскликнул он. – Значит, Тор должен быть где-то поблизости.

—У тебя, значит, есть говорящий меч, – восхитился козел. – Меня ни разу ещё не убивали говорящим мечом. Наверное, это прикольно. Хорошо бы ещё у тебя это получилось одним ударом по горлу.

—Отис, – вмешался Джек. – Неужели ты даже не узнаешь меня? Я меч Фрея, Сумарбрандер. Мы встречались на пикники в Бильскирнире. Вы с Локи ещё перетягивали канат.

—Ой, да, – покивал рогами козел. – Я тогда был столь смущён.

—Джек, – спешно вмешался я. – Мы ищем Тора. Ты не можешь нам указать, в каком направлении надо идти к нему?

—Плёвое дело, – немедленно потянул меня за собой меч. – Я считаю в этом направлении сильную концентрацию грома и горячего воздуха.

Мы с Сэм помогли Харту встать на ноги. Выглядел он так себе. Губы бледно-зелёные, а походка такая, будто он только что покрутился как следует на громадной карусели.

—Нельзя ли нашему другу сесть на тебя верхом? – нашла выход из ситуации Сэм. – Так мы смогли бы добраться быстрее.

—Да милости просим, – проявил широту души козел.– Ездите на мне. Все, что угодно, только вот должен предупредить вас: это Йотунхейм. Если мы пойдём по неправильному пути, то напоремся на великанов. И тогда нас всех изрубят в куски и пустят на жаркое.

—Мы не пойдём по неправильному пути, – пообещал я.– Правда ведь, Джек?

—О да, – прогудел он.– Скорей всего, да. Шестьдесят процентов за то, что мы выживем.

—Джек... – замедлил я ход.

—Не напрягайся. Шучу, – хохотнул он.

И мы двинулись под его командой вверх по течению, сквозь туманное утро с крутящимися снежинками и 40% шансом превратиться в жаркое для великанов.

Глава XLVIII

ХАРТСТОУН ТЕРЯЕТ СОЗНАНИЕ КУДА ЧАЩЕ, ЧЕМ ДЖЕЙСОН ГРЕЙС (ХОТЯ Я ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮ, КТО ЭТО)

Йотунхейм с виду походил на Вермонт, только с меньшим количеством рекламы о разнообразной продукции из кленового сиропа. Вершины темнеющих гор припорошены снегом, у подножия просто заносы, так что проходы практически заткнуты, а сосны щетинятся сосульками.

Джек висел в воздухе во главе нашего маленького отряда, указывая нам путь вдоль реки, русло которой петляло зигзагами сквозь скованные морозом каньоны. Нам приходилось карабкаться по крутым тронам вдоль подмёрзших водопадов, и от усилий меня кидало то в жар, то в дрожь, ибо испарину, выступающую на теле, немедленно остужал леденящий ветер.

Словом, весело было, аж жуть.

Мы с Сэм старались держаться поближе к Харту. Она просто для подстраховки, я же в надежде влить в неё ещё сколько-нибудь фрейского света, который во мне пока ещё оставался. Увы, он сейчас почему-то на это не реагировал, по-прежнему был очень слаб, и нам оставалось только следить, чтобы он ненароком не соскользнул с козла.

— Ты там держись,— напутствовал ею я.

Он ответил мне едва заметным жестом. Вероятно, хотел сказать: «*Извини*», — но не уверен, что это действительно так.

— Просто расслабься и отдохай. — Не хотелось мне, чтобы он понапрасну расходовал силы. Он что-то сумрачно пробурчал и, пошарив в кисете с рунными платочками, вложил мне одну из них в ладонь, одновременно тыкая себя в грудь. Мол, вот моя руна.

Я такой руны не знал:

Сэм, поглядев на неё, нахмурилась.

— Это перт.

— И что это значит?

Сэм внимательно посмотрела на Харта.

— Ты пытаешься объяснить, что случилось с тобой? Хочешь, чтобы Магнус узнал?

Хартстоун сделал глубокий вдох, будто готовясь к спринту, и отозвался жестом:

— Магнус почувствовал боль.

Я стиснул в кулаке плащечку с руной.

— Ну да. Что-то тёмное. Когда лечил тебя.

— Мне рассказать ему? — снова внимательно посмотрела Сэм на Хартстоуна.

Тот ей кивнул с трудом и, уронив голову на шею козла, закрыл глаза.

Мы прошли ещё чуть вперёд, прежде чем Сэм начала:

— Когда мы с Хартом попали в Альфхейм, он рассказал мне о своём прошлом. Всего я, конечно, не знаю, но его родители... они... — Она мучительно подбирала слова.

— Пожалуйста, продолжай, — проблеял козел. — Я обожаю печальные саги.

— Заткнись, — угрюмо бросила Сэм.

— Ладно, — согласился козел.

Я смотрел на лицо Хартстоуна. Во сне оно выглядело таким безмятежным.

— Я знаю от Блитцена, что родители Харта так и не примерились с его глухотой, — сообщил я Сэм.

— На самом деле все обстояло гораздо хуже. — сердито проговорила она. — Гадкие же они у него.

В её голосе вдруг послышались ядовитые интонации Локи, словно она была бы совсем не прочь выпустить в предков Харта по дротику из омелы.

— Брат Хартстоуна, Эндирон, умер в детстве. Хартстоун был в этом совершенно не виноват, но родители начали вымешивать своё горе на нем. Он постоянно слышал от них, что лучше бы умереть ему, а не брату. Ну, конечно же, — горько усмехнулась она. — Эльф-инвалид. Кара богов.

Разочарование для родителей. Что он ни делал, все вызывало у них лишь одно раздражение. Я стиснул в кулаке рунную плашечку.

—И боль от этого до сих пор терзает его.

Сэм положила руку на щиколотку спящего Харта.

—Он не рассказывал мне, в какой обстановке рос, но, думаю, это было худшее из всего, что мы с тобой можем себе представить.

Я посмотрел на руну. Теперь мне было понятно, почему ему так хотелось стать магом.

—И этот символ...

—Ну как бы пустая чаша, которая опрокинулась набок, — подхватила Сэм. — то ли из неё что-то вылилось и её надо снова наполнить, то ли встряхнуть ней и кинуть кости судьбы.

—Сложно все как-то, — похлопал глазами я.

Сэм сняла с брючины Харта прилипшую козью шерсть.

—По-моему, он себя с этой руной отождествляет. Вода из колодца Мимира предоставила Харту на выбор два варианта. В первом он обретал дар речи и слух, но должен был бы отправиться снова в Альфхейм и вести там обычную жизнь для эльфа, оставив мечты о магии. А во втором...

—Он познал бы магию, — уже догадался я, — но остался таким, как есть. Глухим и немым, нелюбимым семейством. Жуткий выбор. Сволочь все-таки этот Мимир. Знать бы тогда, наступил бы ему ботинком на рожу.

Сэм покачала головой.

—Мимир в данном случае просто чётко озвучил выбор. Магия совершенно несовместима с нормальной жизнью. Способность осваивать её тайны приходит лишь к тем, кто познали огромную боль. Надо себя опрокинуть, превратиться в пустую чашу. Так пришлось поступить даже Одину. Он пожертвовал глазом, чтобы испить из колодца Мимира, но это было всего лишь началом.

Охваченный жаждой познания рун, Один заставил себя провисеть в петле на ветви Мирового Дерева целых восемь дней без питья и еды.

—Как-то, по-моему, это неправильно, — стало корёжить меня от одной мысли о такой самопытке.

—Но необходимо, — возразила Сэм. — А он ещё перед тем, как влезть в петлю, пронзил себе бок копьём и висел, изнывая от боли, жажды и голода, пока руны ему не открылись. Невыносимые физические страдания превратили его в пустой сосуд, свободный для тайны рун.

Я поглядел на Хартстоуна. Даже не знаю, чего мне больше хотелось. Обнять его, ободряюще хлопая по спине, или, разбудив, назвать полным психом? Он сознательно сохранял в себе боль. Да никакая магия таких жертвы не стоит.

—Но мне-то магия безо всяких там мук достается, — начал я спорить с Сэм. — А ведь я с её помощью и лечил, и в огонь входил, и оружие у врагов из рук выбивал.

— Это другое, Магнус, — сказала она. — Волшебство у тебя в крови. Оно передалось тебе от отца. А способности, как известно, от нас не зависят. Они или есть от рождения, или нет. И кстати, эльфсейдер, которым ты пользуешься, гораздо слабее возможностей рун.

— Слабее? — Я не хотел спорить, чья магия лучше, но то, что делал при мне Хартстоун, на мой личный взгляд, не очень-то впечатляло.

— Я же, по-моему, говорила тебе ещё в Вальгалле: руны тайный язык Вселенной, тот, кто их изучил, способен настолько менять реальность, насколько ему позволяют сила и воображение.

— Тогда почему же все не изучат рунную магию?

— Именно потому, что это связано с неимоверной жертвой. Большинство скорее расстанется с жизнью, чем обречёт себя на муки Хартстоуна.

Я поправил ему размотавшийся шарф. Мне теперь кое-что становилось ясно. Он принёс себя в жертву рунной магии из-за своего прошлого. Видимо, пережив такое, заманчиво оказаться в силах менять реальность. Вот, например, когда я лечил его, он назвал меня братом. Легко ли ему далось это? Ведь единственный его брат умер.

— Ну да, — произнёс я вслух. — Он и впрямь превратил себя в руну перт. Полая чаша.

— И наполняет себя новой силой, — добавила Сэм. — Я не знаю всех значений этой руны, но перед тем, как мы прыгнули с обрыва в реку, он достал и подкинул в воздух именно плашечку с ней.

Моё сознание помутилось тогда в тот самый момент, когда я коснулся Джека, поэтому я ничего не помнил.

— И что случилось, когда он её подкинул? — спросил я у Сэм.

— Нас вынесло сюда, — проговорила она с ударением на последнем слоге, — а Харт впал в то состояние, в котором до сих пор и находится, — покосилась она на по-прежнему крепко спящего

эльфа.– Может, конечно, я ошибаюсь, но, по-моему, перт для него как последний бросок, ну, последний шанс, когда других просто не остаётся и полагаешься лишь на волю судьбы. Я давно уже с такой силой сжимал плашечку Харта, что на ладони появились синяки. Раз он вручил её мне, я просто обязан её сохранить для него. А Харт пусть пока хоть какое-то время передохнет. Никто не в силах волочь такую ношу один. С этими мыслями я засунул руну в карман.

Теперь мы шли молча. Джек завис над стволом упавшего над водой дерева, чтобы мы по нему пересекли реку. Я перед тем, как ступим, на него, огляделся, страшась нападения какой-нибудь великанской белки. Но все было вроде спокойно, и мы с осторожностью перебрались на противоположный берег.

Снег на нем оказался такой глубокий и рыхлый, что мы к основному продвигались вперёд прыжками с валуна на валуи, а козел Отис громким блеанием строил гипотезы, кто из нас первым упадёт и умрёт.

—Лучше бы ты первым заткнулся. – осадил его я. – Эх, нам бы сейчас снегоходы.

—Для этого тебе нужен Улль, – на полном серьёзе воспринял моё пожелание Отис.

— Это ещё кто такой?

—Бог снегоходов, – проблеял козел. – Он-то и изобрёл их. А ещё лыжи, луки и много всего остального, но что конкретно, не знаю.

Понятия до сих пор не имел о наличии снегоходного бога, но не поскупился бы и тот момент, вылети он нам навстречу, ревя мотором, из чащи леса. Увы, он не вылетел, и мы потащились дальше без вспомогательных средств.

Чуть подойдя впереди на вершине горы, замаячил каменный дом. То ли сероватым светом, то ли горы играли шутки с моим восприятием окружающего, но я был не способен определить: или дом очень маленький и нам до него рукой подать, или, наоборот, он очень большой, но находится далеко от нас? Впрочем, я не особенно удивлялся такому. Знал ведь уже: великаны не только живут иллюзиями, но даже дышат ими.

—Видишь тот дом? – сказал Джек. – По-моему, лучше в него не входить.

И возражений с моей стороны не последовало.

Мы шли, шли и шли. Серый свет не мерк, значит, до вечера было, судя, но всему, ещё далеко. Русло реки несколько сузилось, и вода превратилась в ревущий поток. Вдоль противоположного берега выселись скалы. За деревьями слышался рёв водопада.

— Ну да. Вот теперь я вспомнил, – сказал вдруг Отис.

— Что именно? – полюбопытствовал я.

—Зачем ушёл. Должен был привести кого-то на помощь хозяину.

— Но в чём же Тору потребовалась помощь? – стряхнула с плеча снег Сам.

—Пороги, – откликнулся Отис. – Я полагаю, нам следует поторопиться. Мне же велели: «Возвращайся как можно скорей», а я целый день за вами пронаблюдал.

— Это что же, выходит, мы целый день провели без сознания? – не верилось мне.

—Как минимум.– подтвердил Отис.

—Он прав, – утвердительно помотался в воздухе Джек. – Согласно моим внутренним часам, сегодня воскресенье, девятнадцатое число, а сражались мы с этими гномами в пятницу. Следовательно, ты всю субботу проспал.

—Целый день потеряли! – поморщилась от досады Сэм. Троє суток всего осталось до появления острова, а мы ещё даже не знаем, где Блитцен.

—Возможно, это моя вина, – смущённо проблеял Отис.

—Я конечно же, я должен был вас спасти раньше. Но реанимировать человека дыханием рот в рот... Не сразу мне удалось на такое решиться. Конечно, мой психоаналитик порекомендовал мне комплекс специальных дыхательных упражнений...

—Вот что, ребята, – прервал его Джек. – Мы на сей раз действительно близко.

И он полетел через лес, а мы следовали за ним, пока деревья не кончились.

Теперь перед нами был пляж, усеянный острыми камнями и ледяными глыбами.

Берег напротив вздымался чёрными утёсами, которые устремлялись вершинами в небо.

Порожистость русла здесь достигала пятого уровня, и вода вела вечный бой с огромными валунами, чуть выше течение по бокам сжимали дне каменные колонны, высотой с небоскрёбы, и река, вздыбившись, пробиралась вперёд, как поставленный вертикально лист стали. Походило это скорее не на водопад, а на лопнувшую посередине дамбу.

Здесь Йотунхейм утратил сходство с Вермонтом и стал больше напоминать Гималаи или другое

подобное место, не предназначеннное для смертных.

Бушующие водопады настолько притягивали внимание, что какое-то время не удавалось сосредоточиться ни на чем другом. Поэтому я не сразу заметил небольшой лагерь. Палатка. Яма для костра. И.... нервно трусящий взад-вперёд козел с густой темной шерстью, который, увидав нас, перешёл на галоп и понёсся навстречу.

—Это Марвин, мой брат, — перекрикивая шум водопада проблеял Отис. — Настоящее его имя Таннгриснир, — то есть Скалозуб, но...

—Отис! Отис! — орал на бегу Марвин. — Где ты был?

—Я совершенно забыл, что делал! —прокричал в ответ Отис.

Было заметно, что чёрный козел раздражён. Губы его задрались, обнажив два ряда передних зубов.

Видимо, за такое своё умение он себе и заработал соответствующе имечко.

—Аэто ты называешь, помощь привёл? — уставился на нас жёлтыми глазами навыкате Марвин. — Два полуживых человечка и мёртвый эльф.

—Он не мёртвый, — внёс ясность я. — Где Тор?

—Там, — указал Марвин рогами на реку. — Бог грома вот-вот потонет. Если вы не придумаете, как ему помочь, я нас убью. Кстати, рад познакомиться.

Глава XLIX

ТВОЯ ПРОБЛЕМА МЕЧ В НОСУ

Я ничего не мог поделать с собой.

При звуке имени «Тор» у меня немедленно возникал в мозгу образ такого смешного большого комического супергероя из фильмов и комиксов. Яркие колготки из спандекса, красная накидка, из-под шлема с маленькими пушистыми голубиными крыльышками выбивается светлая шевелюра, как у златовласки.

Реальный Тор оказался гораздо страшнее. И краснее. И рыжее. И грубее. И ругался не хуже матроса с богатым словарным запасом.

—Сколько ещё, вам, тупым ничтожествам, можно шляться? — орал он.— Где моя, забодай вас олени, помочь?

Дальше шло ещё много всего, так сказать, с наилучшими пожеланиями в разные части тела. Я, конечно, наслушался таких похожих слов за годы жизни на улице, но столь забористых и смачных ругани мне ещё никогда не приходилось слышать.

Он стоял возле противоположного берега, утопая по грудь в бурно пенящейся воде, и, если бы не держался за одинокий кустик, Торчаций из совершенно гладкого каменного утёса, его унесло бы вниз по течению, где острые пороги разделяли реку на несколько водопадов, попав в которые Тор был бы мигом размолот в паштет.

Кустик уже трещал, готовый в любой момент вырваться с корнем, а Тор орал:

—Лысо-бородый сын помойки! Это ты, что ли, Отис? Где моя артиллерию? Где поддержка с воздуха? Куда, Хельхейм тебя подери, делась моя кавалерия?

Нас от него ещё отделяло достаточное расстояние, и бог грома виделся мне сквозь туман и взвесь воды весьма фрагментарно. Рыжие волосы до плеч, густая курчавая рыжая борода, руки с бицепсами-шарами, как у культуриста, выглядывавшие из-под кожаной рубашки. Железные рукавицы, в которых его руки напоминали руки робота. И кольчужный жилет, который Блитцену наверняка показался бы очень модным.

—Я здесь, босс,— проблеял, едва мы приблизились, Отис.— Привёл двух ребят и мёртвого эльфа.

—Он не мёртвый, — снова внёс уточнение я.

—Он полумёртвый, — согласился на компромисс Отис.

—Какого толку от них?! — взревел Тор.— Мне нужно, чтобы эту великаншу убили! Убили немедленно!

—Великаншу?— начал в недоумении озираться по сторонам я.

—Этот глупый,— легонько боднул меня Марвин. — Туда вон гляди, указал он мне рогом в сторону водопада.

Туман на вершине утёса как раз в это время рассеялся, и я наконец усёк суть проблемы.

— Святой Хеймдалль.— сдавленным голосом проговорила Сэм.

То, что мне показалось сначала каменными колоннами величиной с небоскрёб, было на самом деле ногами. Огромнейшими ногами с такой серой и грубой кожей, что они ни фактурой, ни цветом не отличались от каменных утёсов. Великанша была столь высокой, что Годзилла бы рядом с ней показался карликовым пуделем, а небоскрёб Сирс Тауэр вы и я дел бы дорожным предупредительным конусом. Платье, доходящее до середины бёдер, было сшито из стольких шкур, что, похоже, на него пришлось извести по несколько дюжин различных видов животных. Лицо великанши, находящееся где-то в области стратосферы, мрачно каменным

выражением напоминало физиономии президентов, выбитые на горе Рашмор. На голове Её ураганом вились густые черные волосы. Она обхватила своими гигантскими кулачищами вершины холмов, по обеим берегам реки. Видимо, даже ей нелегко давалось сдерживать потоки воды.

Взгляд великанши был направлен туда, где крошка громовой бог, извиваясь и корчась, боролся с течением, губы её кривились в злорадной улыбке, ноги сдвигались плотней и плотней, и вода, бурля возле ее лодыжек, устремлялась к Тору со все более сокрушающей мощью.

Он пытался кричать, но вода заливала ему в рот. Голова уже уходила под воду. Кустик чудом ещё держался, но скособочился, и корпи у него лопались один за другим.

— Она смоет его вникуда! — проблеял трагически Марин.— Сделайте что-нибудь, люди!

«Что, например?» пытался сообразить я, а вслух произнёс:

—Он ведь бог. Что ему стоит улететь или вдарить по великанию молнией? Или молотом. У него что, нет молота?

Марвин оскалился и зарычал. Рычать у него получалось не хуже, чем скалиться.

—И как же мы, идиоты, сами такого не сообразили? — наградил он меня убийственно ироничным взглядом. — Да если бы Тор мог сделать хотя бы одно из того, о чём ты сказал, не отпуская при этом куст, думаешь, стал бы он столько времени в ней прохладиться?

У меня вертелся на языке вопрос, каким образом великана может смыть Тора в никуда, то есть убить, если он бог, а значит, бессмертен? Но мне тут же вспомнился Мимир, который навечно теперь живёт в виде отрубленной головы, и Бальдр, сражённый дротиком из омелы и превратившийся в вечного гостя Хель. Сложно все как-то было у этих богов.

Я глянул на Сэм.

Оналишь развела руками.

—Против такой великаниши у меня средств нет.

Хартстоун что-то пробормотал во сне. Веки его трепетали. Он просыпался, но было ясно, что творить магию он сможет ещё не скоро.

Я понял: из всех друзей рассчитывать сейчас можно только на одного.

—Джек, — обратился я к висевшему рядом со мной мечу.

—Да? — погудел в ответ он.

—Видишь огромную великанишу, которая перекрыла реку?

—Технически я вообще ничего не вижу, потому что у меня нет глаз, — отозвался Джек. — Но всё-таки да, я вижу её.

—А как ты думаешь, тебе удастся взлететь, ну, и убить её, что ли? — подошёл я к сути проблемы.

Джек загудел в замешательстве.

—Хочешь, чтобы я справился с великанишей ростом в две тысячи футов?

— Ну да, что-то вроде.

— Тогда хватай меня и подкинь с такой силой, как ты никогда ещё ничего не кидал, — принялся объяснять мне он. — При этом ты должен быть убеждён, что мы с тобой поступаем правильно. И будь готов испытать весьма неприятные ощущения, когда снова возьмёшь меня в руки. Ну, как если бы ты с великанишей справился сам.

Ну, естественно, я от такого мигом дам дуба, но выбора то никакого нет, подумал я с вдруг накатившим спокойствием. Тор нам необходим. Мы без него не отыщем остров.

Я скользнул взглядом на Сэм. Хартстоуну и двум асоциальным говорящим козлам. Для каждого из них я сейчас был последней надеждой.

—Давай всё-таки сделаем это, Джек.

Теперь надо было сосредоточиться. Был ли я убеждён, что поступаю правильно? Судьба Тора меня не сильно беспокоила. Я ведь даже не знал его, и мне было по сути плевать, что у него там за тёрки с великанишей и почему её так забавляет процесс его утопления методом перекрытия русла реки. Но мне было совсем не плевать на Сэм, Блитцена и Хартстоуна.

Они рисковали жизнями, чтобы помочь мне сюда добраться. И, сколько ни убеждал бы меня в обратном Локи, мне обязательно надо было остановить Сурта. Волк должен оставаться в цепях. Он воплощал для меня все зло на свете. Маму убили два его сына. Мимир говорит, Фенрир послал их убить меня, но мама пожертвовала собой, чтобы я не погиб, и жертва её не должна оказаться напрасной.

Огромная серая великаниша стояла преградой, которую, что я должен был совершить. А значит, от неё надо как можно скорее избавиться.

Я со всей силой подкинул меч.

Джек устремился вверх со скоростью бумеранга на ракетной тяге, а потом...

Ну, в общем-то, я не совсем уверен, что правильно разглядел. Слишком уж на большой высоте это все творилось. Джек вроде бы влетел этой гигантской тётке ровно в ноздрю. Она выгнула спину. Её злобная рожа скривилась, будто она вот-вот чихнёт. Кулаки, сжимающие вершины утёсов, разжались. Руки плетями повисли вдоль серого тела. Колени великаниши начали подгибаться, и в тот момент, когда Джек показался из её носа наружу, она стала падать прямо на нас.

— Уходите! — крикнул Джек, спиралью снижаясь ко мне.

—Бегите! — проорал я друзьям.

И тут великаниша рухнула ничком в реку.

Я не усёк процесса. Чёресчур уж стремительно все развивалось. Мне только на дереве стало ясно,

что нас всех туда закинула поднявшаяся стена воды. Впрочем, мы остались живы, и ладно. Тело великанши коренным образом изменило ландшафт. На месте реки образовалось обширное ледяное болото. Оно пузырилось, плевалось брызгами. Это река, ударяясь о тело мёртвой леди великанши, пробивала себе новое русло. Пляж ушёл на шесть под воду. Тора тоже не наблюдалось.

—Ты убил его, — проблеял мне Отис.— Великанша, видать, на него и свалилась.

Правая рука великанши вдруг начала подниматься. Я чуть не рухнул с дерева. Если Джек её не убил, а лишь временно вырубил, нам всем кранты. Рука, однако, вновь рухнула в воду, а из подмышки чудища-тётки, кряхтя, отплёвываясь и ругаясь, с трудом вылез Тор.

Пока мы слезали с дерева (Харту пришлось немного помочь), бог, прошествовав по спине великанши, спрыгнул и болото и направился к нам. Голубые глаза его были воспалены, а лицо выражало такую ярость, что дикие кабаны, взглянув на него, давно бы уже смылись к мамочкам.

—Ну, и как вам понравилось это, сеньор?— горделиво завис со мной рядом, поблескивающий от соплей великанши Джек.

—Если в ближайшие две минуты выживу, то отвечу, — пообещал я.

Разъярённый бог грома и молний подступал ко мне. Вода текла с его рыжей бороды на упакованную в кольчугу обширную грудь. Кулачищи в железных перчатках были крепко сжаты.

—Это, — губы его вдруг расплылись в улыбке, — было потрясающее.

Кулак, размером с кувалду, разжался, и он с такой силой хлопнул ладонью мне по плечу, что суставы у меня хрустнули.

—Приглашаю тебя на обед. Забыём Отиса и Марвина.

Глава L

НИКАКИХ СПОЙЛЕРОВ. ТОР НЕ СМОГ ПОСМОТРЕТЬ НОВЫЕ СЕЗОНЫ ЛЮБИМЫХ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ

Да, мы убили обоих козлов.

До этого Тор, что утром они возродятся как новенькие, и что главное - не сломать им кости. Отис принялся уверять, будто регулярная смерть с последующим «рождением» чрезвычайно способствует его психотерапевтическому лечению». Марвин попросту рявкнул: «Мол, чем вести себя как трусливый хиляк, лучше взялся бы поскорее за дело».

Марвина забивать было гораздо легче.

За два года бездомной жизни я узнал о всех трудностях добывания пищи, однако убийство животного и разделка его туши для собственного ужина стали для меня совсем новым опытом. Вытаскивать от голода из урны недоеденный бутерброд, конечно, дело привычное, но попробуйте-ка освежевать козла, резать мясо, а затем заняться жаркое на вертеле, тщательно игнорируя козы головы, которые таращаются на вас мёртвым взглядом из кучи отбросов.

Только не думайте, что я после этого превратился в вегетарианца.

Едва мой нос учゅяли запах готовой козлятины, меня одолел жуткий голод, и я, совершенно позабыв об ужасной сцене забоя козлов, накинулся на кебабы из Отиса, вкуснее которых не ел ничего на свете.

Тор за слой спорна говорил о йотунхеймских великанах, а затем принялся рассуждать о телесериалах из Мидгарда, для которых он оказался большим охотником и смотрел их с каким-то религиозным рвением (если, конечно, возможно употребить слова «религиозное рвение», когда ведёшь речь о боже).

— Великаны! – с отвращением тряс головой Тор. – Могли бы за столько столетий задуматься и прекратить набеги на Мидгард. Так нет же! Лезут и лезут, как лига убийц в сериале «Стрела»^{(прим. Переводчика: лига наёмных убийц в комиксах DC под предводительством Ра'с аль Гула. Кроме Оливера также являются врагами Бетмена (Бетмен: начало). Все время лезут. Но я людей в обиду не дам. Вы, ребята, – мой самый любимый вид из всех организмов.}

Он потрепал меня по щеке. Руки он после разделки козлов вымыть не потрудился. Ну, хорошо хоть железные рукавицы снял, иначе попела бы моя физия.

Хартстоун, устроившись возле огня, ел кусок бедренной части Марвина. Кажется, нашему эльфу стало гораздо лучше, хотя и сейчас видок у него, прямо скажем, был неблестящий. Хотелось покрепче обнять его, может, даже напечь ему кучу печений, повторяя при этом, насколько мне жалко, что на его долю досталось такое паршивое детство. Вот только я знал: Хартстоун не примет жалости. Он хочет, чтобы я относился к нему как прежде. И всё-таки, плашечка с руной, обозначающей пустую чашу, лежала в моем кармане тяжёлым грузом.

Сэм тоже сидела возле огня. Она старалась устроиться как можно дальше от Тора и не только помалкивать, но и почти не двигаться. Поэтому громовой бог в основном уделял внимание мне. Он абсолютно все делал с энтузиазмом. Ему нравились тошнить мясо своих козлов. Он с наслаждением ел его и хлебал медовуху. Из него просто сыпались одна история за другой. И ещё он от души пукал. Часто пукал. Когда же что-нибудь приводило его в восторг, из рук его, и ушей, и всех остальных частей тела, которые вы только можете себе представить, летели во все стороны искры. И отличие от киношных Торов, реальный ничем не напоминал манекен. Лицо его было хоть и красиво, но вдоволь, но ношено и побито, словно он много лет провёл на боксёрском ринге. Кожаные штаны и рубаха потёрты до оттенка грязного снега. Кольчуга грязная. Руки покрыты татуировками. На левом бицепсе я увидел сердечко, а внутри него надпись: «Сив». Вокруг правого предплечья вился стилизованный Мировой Змей, а на пальцах синели печатными буквами имена. На одной руке «Магии», на другой «Моди». Имя «Магии» заставило меня какое-то время понервничать. Мне как-то не улыбалось фигурировать в виде татуировки на громовом боге. Но Сэм мне, но тихому сообщила, что я зря волнуюсь. Магии, мол, с Магнусом не имеет ничего общего. Тор тем временем распространялся о том, что, по его мнению, было бы здорово устроить смертельную битву Дэрила из «Ходячих мертвецов» с Майклом из «Во все тяжкие». В период, когда я болтался по тротуарам Бостона, я был бы счастлив поддержать такой разговорчик. Но сейчас мне

предстояло важное дело, и Тор мне требовался совсем не для пустой болтовни. Да и какой вообще смысл в обсуждении, чем что продолжится в новом сезоне по телику, если, возможно, через три дня все Девять Миров поглотит смертоносное пламя. Тор, однако, настолько завёлся, что унять его мне было не по силам.

— Так кто же, по-твоему, будет лучшим сериалным злодеем в новом сезоне? — допытывался у меня он.

— Трудный вопрос. — пожал я плечами и, глядя га его пальцы, поинтересовался: Актотакие Магии и Моди?

— Мои сыновья, — просиял бог. Из пальцев его посыпалась искры, и, так как бороду он за едой порядком вымазал жиром, меня долели сильные опасения, что он может воспламениться. Сгорит ещё, прежде чем мы уснем хоть что-нибудь выяснить. — У меня много сыновей, но эти двое самые любимые, — к счастью, не загоревшись, продолжал рассказывать Тор.

— И сколько им лет? — спросил я.

Тор в задумчивости наморщил лоб.

— Мне очень стыдно, но я не знаю. Возможно, они ещё вовсе не родились.

— Как же они тогда могут быть самыми...

— Магнус, — спешно помнилась в нашу беседу Сэм, — сыновьям лорда Тора — Магии и Моди — суждено пережить Рагнарёк. Их имена присутствуют в предсказаниях норн.

— Совершенно верно, — повернулся Тор к Сэму. — Напомни-ка мне, пожалуйста, кто ты?

— Сэм, милорд.

— Кого-то ты, девочка, очень напоминаешь мне, — поднял вдумчиво рыжие брови он. — Вот только никак не соображу кого.

Сэм отползла чуть назад.

— Может, валькирию? Я ею раньше была.

— А-а, — облегчённо махнул рукой Тор. — Наверное, и этом-то все и дело. Я принял участие в трёх тысячах ия тс гах шести последовательных развёрнутых военных кампаниях по сдерживанию великанов на восточном фронте. Но потому, ясное дело, немного нервичаю.

Хартстоун знаками показал:

— И многое пугает.

— Что говорит этот эльф? — громко рыгнув, спросил Тор. — Я не знаю языка жестов.

— Интересуется, как это вы умудряетесь оставаться в курсе всех сериалов по ящику, когда постоянно находитесь на поле боя, — нашёлся я.

Тор расхохотался.

— Ну, надо же чем-то отвлечься, чтобы с ума не сойти.

— И помогает? — спросил Хартстоун.

— Вот видите, эльф совершенно со мной согласен? — понял по-своему его Тор. — Я могу где угодно смотреть сериалы. Во всяком случае, мог, — вздохнул он. — Мой молот Мьёлльнир, помимо других достоинств, обладает опцией телеприёмника высочайшей степени разрешения во всех Девяти Мирах. То есть обладал.

— Обладал? — переспросила Сэм. — Почему вы о нем говорите в прошедшем времени?

Тор досадливо крякнул.

— Хватит о телевидении. Лучше скажите, как вам пришлось козлиное мясо? Кстати, вы не сломали им кости?

Мы с Сэм обменялись взглядами, и я подумал и об одном и том же. Меня и раньше несколько удивляло, что при Торе не было молота, ведь это, можно сказать, его фирменный знак, часть его образа. Я сначала подумал, что он, вероятно, просто его маскирует, ну, вроде моего Джека, который, когда мне не требуется пустить его в ход, висит у меня на шее в виде кулона, но теперь я сильно подозревал, что с молотом Тора творится что-то неладное. Спросить? Нет, пожалуй, не стоит. Вон как он тут же от темы ушёл. Даже глаза покраснели от ярости.

— Нет, сэр, — произнёс я вслух. — Мы не поломали козлиных костей. Но интересно, чисто теоретически, что случилось бы, если бы мы это сделали?

— Козлы бы восстановились, но со сломанными костями, которые после бы долго срастались. И этапы очень меня раздражало. Поэтому мне пришлось бы либо убить тебя, либо взять в рабство.

— Не бог, а урод, — показал мне Хартстоун.

— Ты совершенно прав, мистер Эльф, — снова понял его по-своему Тор. — Это честное, не справедливое наказание. Именно таким образом я получил себе в слуги Тьльвара. Бедняга,

поцокал сочувственно языком он. – Все эти военные операции на него сильно подействовали. Пришлось ему предоставить отпуск. Так что бы не отказался от ещё одного раба, покосился на меня он.

— Но как же вы оказались в реке? – поспешил я перевести разговор на другое. – И почему эта великанша хотела вас утопить?

— Ах, эта, – свирепо воззрился Тор наш ром нос тело посреди ледяного болота. – Она дочь Гейрода. одною из моих старейших врагов. Не перевариваю эту подлую сволочь: то и дело отправляет своих дочерей убивать меня. – Он махнул в сторону утёсов. – Это как раз держал путь в его крепость, чтобы... Ну. в общем, не важно зачем, осёкся на полуслове он. Словом, спасибо за помощь. Это ведь был меч Фрея. не правда ли?

— Да, Джек. Он где-то поблизости, – подтвердил я и тихонько свистнул.

Джек тут же завис со мной рядом.

— Привет, Тор, – прогудел он. – Давненько не виделись.

— Ха! – громко хлопнув в ладоши. – Так сразу и понял, что это ты. Но разве тебя зовут не Сумарбрандером? Почему этот малый тебя кличет Яком?

— Джеком, – поправил меч.

— Жеком? – вновь не рассыпал громовой бог.

— Нет, Джеком, – терпеливо проговорил меч. – Английское произношение.

— Ну ладно, как есть, так и есть, – махнул рукой Тор. – Отличная работа с великаншей.

— Как говорится, чем больше размер, тем легче влететь и ноздрю, – с горделивой скромностью прогудел Джек.

— Что да, то да, – согласился Тор. – Но, погоди-ка, ты вроде бы потерялся. Как же тебя занесло к этой странной компании?

— Это он нас назвал странными? – поинтересовался руками Харт.

— Лорд Тор, мы, в общем-то, именно вас и искали, – набралась решимости Сэм. – Поэтому и оказались здесь. Нам нужна наша помощь. Магнус сейчас вам все объяснит, – она посмотрела на меня таким взглядом, словно хотела добавить: «Если, конечно, он сейчас что-то соображает». Я рассказал Тору о предсказании норн: девять дней... од икс на восток... Волк Фенрир, Сурт все взорвёт... И так далее и тому подобное.

Тор сильно развелся. Из локтей у него полетели искры. Вскочив на ноги, он закружил вокруг костра, нанося кулаками удары по стволам близ растущих деревьев.

— Ты хочешь узнать у меня, где находится остров? – наконец догадался он.

— Было бы здорово, – ответил я.

— Но я не могу, – забубнил он себе под нос. – Не могу отправлять случайных смертных на экскурсию по наблюдению за волками. Слишком опасно... С другой стороны, Рагнарёк... Нет... Если только... – Он резко остановился. В глазах его заплясали огоньки. – Так может вы именно для того здесь и появились?

— Мне он не нравится, – показал Хартстоун.

Тор наградил его одобрительным взглядом.

— Вот и мистер Эльф подтверждает. Вы явились сюда мне помочь?

— Точно! – с волнением прогудел Джек. – Сделаем это, хотя и не знаю, что именно.

Меня вдруг обуяло настойчивое желание спрятаться за скелетами двух козлов и затихнуть там. Как-то, знаете, не хотелось участвовать в чем бы то ни было, что совместно затеяли меч и бог грома.

Сэм пристроила под рукой топор, словно бы ожидая, что он ей скоро понадобится.

— Позвольте-ка догадаться, лорд Тор. Вы вновь потеряли молот?

Тор погрозил ей пальцем.

— Я этого не говорил. А ты ничего подобного от меня послышала. Потому что, если гипотетически такое и впрямь имело бы место и стало известно, великаны немедленно бы захватили Мидгард. Вы, люди, даже не представляете, насколько часто я вас спасаю от них. Одной моей репутации достаточно, чтобы большинство великанов решилось напасть на ваш мир.

— Погодите-ка, – в очередной раз полез я с вопросом. – Вот Сэм сказала, что снова. – Вы разве и раньше уже теряли свой молот?

— Однажды, – с неохотой пробубнил Тор. – Ну ладно, положим, дважды. Трижды, если считать настоящий момент, который вы, впрочем, считать не должны, потому что я вам ни слова не говорил про отсутствие молота.

— Ну и как же вы его потеряли? – спросил я.

—Да кто его знает, — принялся вновь расхаживать вокруг огня, треща и искрясь ярко-рыжими волосами Тор. — Вот, видишь ли, просто так вдруг случилось. Раз и нет его. Я уж и все события прокрутил назад в голове. Залез в приложение «Отыскать свой молот», но оно не работает.

—Но разве ваш молот не самое мощное оружие во вселенной? — с детства помнилось мне.

—Да, — кивнул Тор, выдав новую порцию искр.

— И ещё он ведь вроде такой тяжёлый, что кроме вас, никому не по силам его поднять, — добавил я.

—И даже мне для этого требуются все силы, а к ним — железные рукавицы, — уточнил бог. — Но подлецы великаны хитры, огромны и сведущи и магии. А с ней многое невозможное делается возможным.

Опыт общения с орлом Большим Мальчиком вполне ясно мне доказал, как великаны запросто обведут вокруг пальца кого угодно.

—Так вот для чего вы шли в крепость к этому... Уроду!

— Гейроду, — поправил Тор. — Да. Он в числе наиболее вероятных подозреваемых. Если даже не сам стащил молот, то наверняка знает, где он сейчас. А я без него не могу смотреть сериалы.

—Проклятье! — прорычал он. — Последний сезон «Шерлока» пропустил! Меня это убивает. Готов был лично к Гейроду пожаловать. И крайне признателен, что вы пришли избавить меня от подобного унижения.

— Мы? — изумились руки Хартстоуна.

—У вас очень правильное настроение, мистер Эльф, — восхитился Тор. — Глубоко тронут, что вы даже жизни не пожалеете ради моего дела.

—Вообще-то, как раз пожалею, — возразили руки Хартстоуна.

—Задача довольно проста, — принялся нас инструктировать бог. — О тправляйтесь в крепость Гейрода и проверьте, нет ли там молота. Разумеется, при этом ни у кого не должно даже мысли возникнуть о его пропаже. Коли Гейрод не знает о краже, я не хочу, чтобы он оказался в курсе. Но если молота у него даже и нет, вы все равно у него пораспрашивайте, не ставя его, разумеется, в курс того, что молот пропал, есть ли у него сведения, у кого он теперь находится.

Самира сдавила пальцами виски.

—У меня уже голова разболелась, лорд Тор. Как прикажете нам искать ваш молот, если нельзя говорить...

— Придумаете, — отмахнулся громовой бог. — Вы, люди, такой умный народец. Справившись с этим делом, вы мне докажете, что достойны встретиться с волком Фенриром.

—Тогда я сообщу, где находится остров, и у нас появится шанс остановить Рагнарёк. Вы поможете мне, а я вам.

Вообще-то это звучало как «вы поможете мне, потом ещё раз поможете и так далее, и не вздумайте мне перечить, иначе отведаете моих кулаков в железных рукавицах».

У Сэм в голове, должно быть, бродили те же мысли. Лицо Её позеленело до цвета хиджаба.

—Лорд Тор, — сказала она. — Захватить крепость великана силами только троих было бы...

—Самоубийством, — подхватили руки Хартстоуна. — Крет...

—Очень трудно, — договорила Сэм.

Именно в этот момент ближайшая к нам сосна содрогнулась. Из ветвей выпал Блитцен и утонул по пояс в куче талого снега.

Хартстоун подбежал и помог ему выбраться на поверхность.

—Спасибо, дружище, — сказал Блитц. — Идиотское путешествие по деревьям, где...

—Это ваш друг? — поднял вверх железный кулак Тор. — Или мне его...

—Нет! То есть да. Блитцен. Это Тор. Тор, это Блитцен.

— Тот самый Тор? — отвесил низкий поклон Блитц.

—Большая честь для меня. На полном серьёзе. Привет. Ух ты!

— Ну что ж, — расплылся в улыбке громовой бог. — Вас теперь четверо. Спокойно можете штурмовать цитадель великана. Друг гном, отведай козлиного мяса и согрейся у моего огня. А что до меня, я столько проторчал в этой реке, что, пожалуй, лягу сегодня пораньше. Утром можете отправляться на поиски мост молота, который, конечно, пропал неофициально.

Тор подошёл к своему лежбищу из звериных шкур, упал на него и захрапел с тем же энтузиазмом, как делал все остальное.

Блитцен хмуро на меня глянул:

— Ну и во что ты нас впутал на этот раз?

—Длинная история, — отзвался я. — Ну, сначала возьми и отведай кусочек Марвина.

Глава LI

МЫ ПОБОЛТАЛИ О ПРЕВРАЩЕНИИ В СЛЕПНЕЙ

Первым в нашей компании заснул Хартстоун, так как до храпа Тора ему было фиолетово. Пользуясь тем, что бог устроился снаружи, он заполз в палатку и мигом там отрубился.

Мы с Сэм и Блитцном продолжали сидеть у костра. Поначалу я опасался разбудить Тора, но вскоре понял: возле него сейчас хоть степ отбивай, или бой в гонги, или начни выкрикивать его имя, да даже взорви что-нибудь, не равно не проснется.

У меня возникло сильное подозрение, что именно так он своего фирменного оружия и лишился. Хитрецы великаны подождали, пока он заснет, а потом подогнали пару строительных кранов и увеличили с их помощью молот.

С наступлением ночи пламя костра показалось мне просто спасительным. Тьма стояла такая густая, какой я не видел даже, но время наших с мамой походов с ночевками в диких местах. Из черневшего леса слышался волчий лай, из-за которого меня начало колотить, а ветер в каньонах выл, как хор поющих зомби.

—Нет, сынок, — возразил мне Блитц, когда я ему сказал об этом. — Древнескандинавские зомби зовутся драуграми, и они совершенно бесшумны. Подберутся к тебе вплотную, а ты даже и не услышишь.

—Вот спасибо тебе большое, порадовал, — поежился я.

Блитцен поковырялся с рассеянным видом в тарелке с жаркое из козлятины, которое, похоже, совершенно не жаждал отведать. Он переоделся с явной задумкой выглядеть модно и стильно на фоне йотунхеймского снега: костюм из синей шерстяной ткани и бело сливочного цвета тренч. Для нас он тоже принес по рюкзаку с новой одеждой, которую умудрился подобрать на глазок совершенно точно. Неплохо, знаете ли, если у вас есть друг, вдумчиво относящийся к подобным вещам.

Блитцен рассказал, почему так долго не возвращался к нам. Доставив маме сережки, он вынужден был задержаться в Фолькванге для исполнения нескольких обязанностей как представитель Фреи. От него требовалось выступить арбитром в оценке устричной выпечки, затем судить игру в волейбол, после чего присутствовать в качестве почетного гостя на шестьсот семьдесят восьмом ежегодном фестивале игры на укулеле.

—Все это было просто ужасно, — жаловался нам он. — Сережки маме понравились, но она даже слушать не захотела, каким образом я их добыл. Что ей мой поединок с Джуниором?! Она только и спросила: «А не хотелось ли тебе, Блитцен, самому делать такие прекрасные вещи?»

Он вытащил из кармана цепь Андскоти; она сияла серебряным светом, как крохотная луна.

—Эй! — принялся ободрять я его. — Ты в поединке с Джуниором был бесподобен. В жизни ещё такой классной работы не видел. Ты же в свою эту утку всю душу вложил. А пуленепробиваемый галстук с кольчужным жилетом! Но, погоди, вот устроим тебе сделку с Тором, и запустишь свой модный тренд.

—Совершенно согласна с Магнусом, — подхватила Сэм. — Ну, может, насчет сделки с Тором он и погорячился, но у тебя-то, Блитц, настоящий талант. Если Фрея и гномы ничего в твоем деле не смыслят, то это их проблема. Мы-то знаем, что без тебя нас здесь бы не было.

—Ну конечно же, — хмыкнул Блитцен. — Без меня тебя бы не выгнали из валькирий, Магнус не помер бы. Мы бы не обозлили половину богов, огненные великаны и эйнхерии не стремились бы нас убить, и мы сейчас не сидели бы на лоне дикой йотунхеймской природы рядом с храпящим, как тысяча бегемотов, богом.

—Ну да, — весело подмигнула ему Сэм. — Отличная штука жизнь.

Блитце издал короткий смешок, и я с радостью уловил в этом взгляде уверенность, которой мне так у него последнее время недоставало.

—Ладно, — выдохнул он. — Пожалуй, пойду-ка я спать. Если нам предстоит поутру штурм великанской крепости, мне надо набраться сил. Подвинься, — с трудом протиснулся он к Хартстоуну и, не успев оказаться внутри, укрыл его своим тренчем, что показалось мне очень подозрительным. Сэм в новых джинсах и непромокаемой куртке сидела, сложив по-турецки ноги, возле костра.

— Кстати, о поединке у гномов: мы с -то бой так и не обсудили слепня, — начал я.

—Тише ты, — покосившись с тревогой на спящего Тора, прижала палец к губам Сэм. — Некоторые,

видишь ли, не слишком жалуют моего отца, и это их отношение распространяется и на его детей.
—Эти некоторые, как, наверное, сама видишь, храпят сейчас, словно бензопилу в лесу запустили, — совершенно не разделял ее опасения я.

—И все же, — она с такой пристальностью уставилась на собственную ладонь, будто решила там сосчитать все линии. — Я дала себе обещание не заниматься оборотничеством. И вот за последнюю неделю прибегла к нему целых два раза. Когда мы столкнулись с оленем на Мировом Дереве, надо было его отвлечь. Вот я и превратилась в олениху, чтобы Хартстоун смог убежать. Выбора у меня тогда просто не было.

Я кивнул.

—А второй раз ты стала слепнем, чтобы помочь Блитцу. В обоих случаях у тебя были очень серьезные причины. И вообще, это же потрясающе. Удивляюсь, что ты все время такие способности не используешь.

Пламя костра сияло в глазах Сэм, отчего они стали почти такими же красными, как у Сурта.

—Магнус, — крайне серьезно проговорила она. — Оборотничество это совсем не то, что спрятаться под моим хиджабом. Хиджаб меня просто скрывает и защищает, а оборачиваясь кем-нибудь, я меняю не только внешность, но и собственную суть. Каждый раз, как я это делаю, у меня появляется чувство, словно мной пытается овладеть какая-то часть того, что досталось мне от отца. А он ведь непредсказуемый, скользкий, как жидкость. Не хочу становиться такой.

—Вот бы он достался тебе в отцы, — указал я с усмешкой па спящего Тора. — Испускающий газы амбал с козьим жиром на бороде и с руками в наколках. В Вальхалле все тогда бы просто в тебе души не чаяли.

—Какой же ты циник, Магнус, — с трудом сдерживала она улыбку. — Тор очень значительный, уважаемый бог.

—Даже не сомневаюсь, — в тон ей откликнулся я.

—А Фрей, полагаю, такой же, хоть ты ни разу его не видел. Но, по-моему, твой отец вполне себе ничего. Может, он и социопат, но зато с чувством юмора.

Сэм резко вскинула голову. Лицо её сделалось напряженным.

—Ты так говоришь, будто с ним встречался.

—Ну, можешь считать, что я себя выдал. Наяву мы с твоим отцом никогда, конечно, не виделись, но он дважды являлся мне в предсмертных видениях.

И я наконец решил ей рассказать про сны, предостережения Локи и про-то, как усиленно он меня убеждал отдать меч дяде Рэндолфу и забыть про поиски Острова Волка.

Сэм меня не прерывая слушала, и по её виду я не мог понять, толи она сердится, толи просто потрясена, толи и другое вместе.

—Но почему же ты мне не рассказывал раньше? — спросила она, когда я умолк. — Боялся доверить?

—Ну, если только сначала. А потом просто не знал, что решу. Отец твой умеёт выбить из колеи.

Сэм, подбросив в пламя сухую ветку, смотрела, как её постепенно охватывает огонь.

—Какие бы обещания тебе ни давал мой отец, ты не должен следовать его советам, — твердо проговорила она. — Мы просто обязаны встретиться лицом к лицу с Суртом, и меч нам для этого необходим.

Память моя немедленно возродила сон. Горящий трон Одина, плавающее в дыму над ним темное лицо и обжигающий, как огнеметом, голос, суливший мне и моим друзьям участь фитиля, от которого воспламенятся и сгорят все Девять Миров.

Я огляделся в поисках Джека, но нигде его не увидел. Он совершил облет по периметру местности, как он сам выразился, патрулировал, а мне дал совет стараться как можно дольше не брать его в руки, иначе впаду в прострацию от напряжения, которое было потрачено на великаншу.

Я вспомнил так и не состоявшийся обед в ресторанном дворике. Сэм тогда занервничала, столкнувшись с Амиром. С тех пор с нами столько всего случилось, что, кажется, это было тысячу лет назад.

—Ты в лодке Харальда мне сказала, что у твоей семьи длинная история со всякими там скандинавскими делами, — проговорил я вслух. — Но каким образом, если твои дедушки с бабушкой приехали из Ирака?

Сэм подкинула в огонь ещё одну ветку.

—Викинги были торговцами, Магнус. Они путешествовали по всему свету. Добрались даже до Америки. Ну а до Ближнего Востока тем более. В скандинавских странах находят старинные арабские монеты, а лучшие мечи викингов изготавливались по технологии выплавки оружия из

дамасской стали.

—И твоя семья... У вас какие-то личные связи с викингами? – продолжал выяснять я.

Сэм кивнула.

— К Средним векам часть викингов осела в России. Они стали называть себя русами, отчего и произошло слово «русские». Вот багдадский халиф и отправил на север послы с заданием выяснить все о викингах и проложить к ним торговые пути, завести связи, ну и так далее. Послы этого звали Ахмет ибн Фадлан ибн аль Аббас.

—Фаллам это как «Фалафель Фадлана», а аль Аббас...

—Ну да. Как я, – улыбнулась Сэм. – Это можно перевести как «из рода львов». Короче, - начала она вытаскивать из рюкзака спальный мешок, - этот старинный Фадлан во время визита к викингам вел дневник, который стал чуть ли не единственным письменным источником о жизни древних скандинавов. Вот с тех пор судьбы их и моей семьи переплелись. За последующие века мои родственники постоянно сталкивались со сверхъестественными существами. Может, именно потому моя мама и не особенно удивилась, узнав, кто в действительности мой отец.

Сэм, расправив спальный мешок, положила его поближе к огню и добавила:

—И вот почему Самире аль Аббас не суждено жить нормальной жизнью.

—Нормальная жизнь, – хмыкнул я. – Мне даже теперь не совсем и ясно, чтоэтотакое.

Она вроде как собралась мне что-то ответить, но в последний момент передумала.

—Пора спать, – лишь услышал я от нЕё.

Воображение вдруг подкинуло мне картинку. Наши с ней предки, средневековые Чейзы и аль Аббасы, расселились в России вокруг костра и обсуждают, как средневековые боги испортили им жизнь, а рядом хранит на звериных шкурах Тор. Итак, предки Сэм тесно связаны с викингами, но не только. Став моей валькирией, она связала себя и с моим семейством.

—Мы все это решим,– пообещал ей я. – Нормальной жизни, конечно, не гарантирую, но стану из-за всех сил стараться, чтобы у тебя было все, о чем мечтаешь. Вернулась к отряду валькирий, вышла замуж за Амира и получила лицензию пилота. Что от меня бы для этого потребовалось?

Она все выслушала с таким видом, буд-то я вдруг заговорил на иностранном языке, который требовал от нес мысленного перевода каждого из произнесенных мной слов.

—Хочешь сказать, у меня что-то с рожей не так, – хихикнул я. – На ней кровь козла?

—Нет. То есть да,–встряхнулась она.–Конечно же, кровь козла. Но дело даже не в этом. Я просто пытаюсь вспомнить, говорил мне кто-нибудь раньше такие хорошие слова.

—Да ты особенно не расстраивайся. Завтра снова начну обзываюсь,– спешно снизил я пафос.– Ладно, ложись, сладких снов.

—Спасибо за пожелание, Магнус, – начала она поудобней устраиваться в своем спальнике. – Но только никаких снов. Не желаю видеть их в Йотунхейме.

Глава ЛП,

ВОТ И КОНЬ, И ЕГО ЗОВУТ СТЕНЛИ

Тор все ещё храпел, как чокнутая дробилка для древесных отходов, когда мы поутру уже были готовы покинуть лагерь. А ведь я и сам проспал очень долго, потому что как взялся за рукоятку Джека, так меня и свалило. Перед тем как я вырубился, он прогудел мне, что победить великаншу это - не жук начихал.

Счастье ещё, что мне потребовалась на восстановление всего только ночь, а не целые сутки. Волк Фенрир появится уже через два дня, и я больше не имел права проводить время попусту. Впрочем, подозреваю, что по мерам взаимодействия с мечом у меня начинало уходить меньше сил, когда мы с ним вместе что-нибудь делали. Во всяком случае, я очень надеялся, что это именно так, хотя, даже как следует высавшись, ощущал себя столь разбитым, будто меня всю ночь раскатывали великанской скалкой для теста.

Мы собрали вещи, позавтракали очень вкусными энергетическими батончиками, которые приволок с собой Блитц. Харт вложил головы ещё не оживших козлов в руки храпевшему Тору, и теперь, глядя на громового бога издали, можно было подумать, что он прижимает к себе двух плюшевых мишек.

Вот и не говорите мне после итога, что у эльфов отсутствует чувство юмора. На бороде у Тора замерзла слюна. Подумать только, что «от подобного бога зависит защита всех Девяти Мирон!

— Ну а теперь пошли скорее отсюда, — скороговоркой выдохнул Блитцен. — По-моему, не стоит ждать, когда он проснется в обнимку с Отисом и Марвином.

Сраженная великанша нам неплохо послужила. Мы перебрались по её телу на другую сторону ледяного болота, потом ещё по руке до первого выступа на утесе.

Дальше все оказалось гораздо проблематичнее. Нам предстояло преодолеть с полтысячи метров вертикально вздымающегося обледенелого камня.

— Впечатляет, — глянул вверх я. — Вот в такие моменты и понимаешь, какая веселая штука жизнь.

— Если бы я могла до сих пор летать, — с сожалением проговорила Сэм.

Мне-то теперь было точно известно, что летать она может, но так как ей бы для этого снова пришлось заняться оборотничеством, я, помня наш разговор с Блитценом, предпочел воздержаться от комментариев.

Блитцен отдал Хартстоуну свой рюкзак и, растопырив короткие пальцы, принялся шевелить ими в воздухе.

— Спокойствие. Сейчас сами увидите, что мы сможем подняться по этим камням. С вами гном.

— Имеешь в виду, что ты не только маэстро моды, но и крутой альпинист? — с недоверием покосился на него я.

— Я ведь тебе говорил, сынок, что гномы произошли от личинок, прогрызших туннели в плоти Имира.

— Да. И ты почему-то этим ужасно гордишься, — до сих пор было странно мне.

— Поэтому камень для нас... Ну как бы вообще и не камень, — продолжил он, игнорируя мою реплику, и размахнувшись, изо всех сил заехал кулаком по скале.

Кулак въехал внутрь, как в тесто, совершенно при этом не пострадав, а в скале осталась глубокая вмятина, которой можно было воспользоваться для подъема. Замечательная опора.

— Легко и быстро, естественно, не получится, — предупредил Блитцен. — Мне придется тратить много усилий на этот камень.

— Ты знала, что гномы способны пробить рукой камень? — спросил я у Сам.

— Нет, для меня это новость, — не меньше, чем я, поразилась она.

— Воспользуемся волшебной цепью, чтобы не грохнуться насмерть? — спросили руки Хартстоуна. Меня тут же пробрала дрожь, как всегда, когда что-нибудь мне напоминает о волках, а цепь Андского была напрямую связана с ними.

— Эта цепь нам нужна для Фенрира, — торопливо возразил я. — Вдруг, если мы ей воспользуемся, то она ослабнет?

— Вот поэтому поводу можешь точно не волноваться, сынок, — вытащил из кармана серебряный клубок Блитцен. — Её ничем не ослабишь. Хартстоун прав. Обязжемся ей и будем в единой связке. Так безопаснее.

—Нуда. Упадем, так все вместе,—нервно хихикнула Сэм.

—Правильно, — лихо говорил в свою очередь я, пытаясь из-за всех сил отогнать тревогу.

Мы старательно обвязались и полезли следом за нашим гением моды и, как только что выяснилось, покорителем горных вершин вверх по отвесной скале под названием «Поди-ка заберись».

Я слышал, как бездомные ветераны делились впечатлениями о войне. По их словам, она состояла из девяносто пяти процентов скуки и пяти процентов страха. Карабканье по отвесной скале больше напоминало пять процентов ужаса плюс девяносто пять изнуряющей боли в мышцах. Руки мои тряслись, ноги дрожали, а при взгляде вниз меня начинало мутить. Хотелось заплакать.

Выемки для рук и ног Блитцен проделывал в камне просто великолепные, но меня все равно несколько раз чуть не сдуло порывистым ветром. Впрочем, куда деваться? Вперёд и только вперёд. Если я в результате выдержал, то только благодаря новой силе, которую получил в Вальхалле.

Магнус первой версии наверняка бы упал и разбился в лепешку. Не знаю уж, как себя ощущал находившийся в конце связки Хартстоун, но, видимо, все жеправлялся.

Вот Сэм я видел перед собой. Она ни разу не дрогнула, не отступилась и не пожаловалась, хоть и не обладала силой эйнхериев.

Мы достигли вершины, когда небо уже стало темнеть. С высоты, на которой мы находились, тело великанши на дне каньона казалось столь небольшим, что её можно было спутать с человеческим. Лагеря Тора, если он там ещё был, мы вообще не могли разглядеть, река же поблескивала во тьме едва заметной тоненькой ниточкой.

В другом направлении маячил Йотунхейм, словно пропущенный сквозь окуляр электронного микроскопа: горные пики в зазубринах, кристаллические утесы и овраги, наполненные яйцевидными облаками, которые очень напоминали бактерии.

Хорошая новость: я видел крепость великана. Она находилась через провал шириной в милю от нас, окна её горели красным, а башни устремлялись высоко вверх. Казалось, что это сооружение не построено, а вырезано какими-то умелыми гномами из цельной горной породы.

Но плохой новостью был все тот же провал шириной в милю. Вершина утеса, до которой мы добрались, представляла собой узкое плато, обрывающееся в этот провал столь же тщетно, как и с той стороны, по которой мы поднялись.

Учитывая, что подъём занял у нас целый день, я подумал, что за следующие шесть месяцев до замка добраться было бы легко, однако, к сожалению, сегодня был понедельник, а Остров Волка поднимется на поверхность в среду.

— Давайте-ка разобьем здесь лагерь, — предложил Блитцен. — Думаю, утром нам удастся найти какой-нибудь короткий путь.

Спорить никто из нас с ним не стал. Все так вымотались, что, едва улегвшись, заснули.

Пробуждение нам доказало, что утро вечера не всегда мудренее. В свете вся ситуация предстала нам куда хуже, чем во вчерашней тьме.

Ни единого обходного пути, ни одного удобного выступа в гладких скалах. Лишь тот же самый проклятый провал, одолеть который в короткий срок можно только прямым перелетом. С риском, что заработка от Сэм топором по лицу, я повернулся к ней. Она бы могла, обернувшись каким-нибудь планером, перенести нас вверх, к крепости. Но она так и не узнала о моем замысле. Потому что, прежде чем я сказать, руки Хартстоуна сообщили нам:

— У меня есть идея.

И он вытащил плащечку с руной

—Эм, — узнал я вполне знакомую букву.

Он, покачав головой, показал по буквам:

—Понятно, — покивал я. — Просто «эм» для руны было бы слишком просто.

Сэм взяла руну из раскрытой ладони Харта.

—Знаю. Оно по форме напоминает седло. Это символ коня.

Я пригляделся к руне внимательней. Но толи ледяной ветер мне заморозил воображение, толи ещё по какой-то причине, она мне по-прежнему показались лишь буквой «ЭМ».

—И чем же нам это поможет? — я не воодушевился.

—Означает лошадь, — принялся объяснять мне руками Хартстоун. — Перемещение. Путь, по которому надо двигаться, — указал он на великанский замок.

Блитцен дернул себя за бороду.

—Похоже на мощное волшебство. Ты им когда-нибудь уже пользовался?

Хартстоун покачал головой.

—Нет, но смогу это сделать.

—Верю, что сможешь, — откликнулся Блитцен. — Но ты уже несколько раз доводил себя до предела.

—Все будет нормально, — заверили руки Харта.

—Вы хода —то другого нет, — вмешался я и выразительно покосившись на Сэм, добавил: — Если только кто-то из нас не отрастит себе крылья.

—Сейчас я кого-то из нас столкну вниз со скалы, — с угрожающим видом пообещала она.

—Ну что же, давайте попробуем, — сказал Блитцен. — Я имею, конечно, в виду не Магнуса вниз со скалы, а руну, — уточнил он. — Вдруг Хартстоун удастся вызвать геликоптер, то есть вертолет.

—А если этот Гейрод-Урод услышит, как мы подлетаем на вертолете? — встревожился я. — Запустит вверх камень, и нам конец.

—Надеюсь, у Харта получится что-то бесшумное. Давай, дружище, пытайся, — подбодрил Блитцен. Сэм вернула Харту руну, тот провел над ней ладонью, его губы беззвучно зашевелились.

Рунный камень рассыпался в пыль. Харт пристально наблюдал, как сквозь его пальцы сыпется белый порошок.

—Насколько я понимаю, это не должно было выйти. Мне показалось, что Хартстоун ошеломлен результатом.

—Братцы, — Сэм резко вдруг вскинула голову и выдохнула так тихо, что голос её едва не унесло ветром.

Под самыми облаками возник серый силуэт. Он двигался с ошеломительной скоростью и настолько сливался оттенком с небом, что мне стало понятно, что это за чудо, только когда оно зависло над нашими головами.

Это был конь, гигантских размеров конь, размерами раза в два превышавший обычного. Шерсть у него переливалась, как гладко отполированная сталь. Белая грива колыхалась на ветру. Глаза сверкали агатной чернью.

Крыльев у коня не было. Как он держался в воздухе, было совершенной загадкой, но тем не менее он несся по небу очень уверенно, словно по мостовой. Вскоре он приземлился и тут я увидел, что у него... Четыре?.. Пять?.. Нет, целых восемь ног! Но паре, где у обычного коня всего одна. Ну, как сдвоенные колеса на тяжелом грузовике.

—Чувак, — повернулся к Хартстоуну я. — А ты явно не мелочишься, когда закалываешь коня.

Он успел ещё горделиво мне ухмыльнуться в ответ, прежде чем с закатившимися глазами рухнул лицом вниз на землю. К счастью, я, изловчившись, успел в последний момент его подхватить.

Сэм и Блитцен расхаживали с потрясенным видом вокруг коня.

—Вполне возможно, это... — запинаясь, проговорил гном.

—Один из потомков Слейпнира? — вопросительно глянула на него Самира. — О боги! Какое же восхитительное животное!

Конь, явно польщенный такими словами, потерся носом об её руку.

Его осмысленный взгляд и величественная осанка притягивали, как электромагнитом. Я подошел к нему. Слова лошадиная сила при взгляде на этого жеребца приобретали какой-то особый смысл. Он эту силу просто-таки излучал.

—Кто-нибудь меня познакомит с ним?

Я был убежден, что этому чуду следует быть представленным, но всей красе.

Вопрос мой вывел Сэм из глубокой задумчивости.

—Я точно не знаю, кто он, — пробормотала она с озадаченным видом. — Решила бы, что Слейпнир — конь Одина, — но тот подчиняется только ему. Видимо, это какой-нибудь из его сыновей.

—Он потрясающий. — Рука моя потянулась к коню, и он нежно провел губами мне по ладони. — Достаточно крупен, чтобы всех нас перенести через эту пропасть. Согласен, приятель? — встретился я с его умным взглядом.

Конь заржал утвердительно, словно бы отвечая:

—Ну, а зачем я иначе здесь?

—Всё-таки восемь ног это очень... — я осекся на слове «странно» и, передумав, договорил: Потрясающе.

—Как это могло получиться?

—Слейпнир, — опасливо покосился Блитцен на Сэм, — один из детей Локи, а они у него порой получают... интересные.

—Выходит, Сэм, он тебе племянник! — Длинный язык меня когда-нибудь точно погубит.

Она бросила на меня убийственный взгляд.

—Не лучше ли эту проблему оставить?

—Но каким образом твой предок стал отцом коня? — понесло меня дальше. «Заткнись, Магнус, заткнись!»

Блитцен поежился.

—Вообще-то, если быть точным, он был ему матерью.

—Чтоо? — окончательно впал в шок я.

—Оставим эту тему, - повторила с нажимом моя валькирия.

Я сделал отмету в памяти: «Оставить сейчас, но возвратиться при более благоприятных обстоятельствах», а вслух произнес:

—Ну, мистер Конь, раз мы незнаем вашего имени, назову нас Стенли. Шерсть ведь у вас цвета стали. — Не возражаете?

Он мотнул головой, что я посчитал за согласие.

Харта мы перекинули через широкую спину Стенли, где он и прочно повис, как мешок с эльфийской картошкой, сами же сели на чудо коня верхом.

—Стенли, мы направляемся вон в тот замок, - указал я вперёд. - И желательно нам там нарисоваться без шума. Сумеешь?

Конь тихо заржал в ответ, и я убежден, что услышал предупреждение:

—Только держитесь покрепче.

Я несколько озадачился. За что держаться-то? Ни седла на нем, ни поводьев. Стенли тем временем, переступив несколько раз на месте четырьмя передними ногами, прыгнул с обрыва, на дикой скорости сиганул вниз, и мы все умерли.

Глава LIII

КАК УБИВАТЬ ВЕЛИКАНОВ ПО-ВЕЖЛИВОМУ

Насчет того, что мы умерли, я пошутил.

Вот только чувствовали мы все себя так, ... будто вот-вот отдадим концы.

Коню, должно быть, вполне пришелся по душе длительный затяжной прыжок вниз с последующим парением над бездной, а вот мне - нет. Я как клещами схватился за его шею и закричал от ужаса (очень громко и откровенно панически). Блитцен, за неимением ничего другого, тоже нехило вцепился мне в талию. А вот Сэм, ни в кого не вцепляясь, мало того, что каким-то образом удержалась сама на спине коня, но и помешала сверзиться в пропасть, все еще прибывавшему в полной отключке, Хартстоуну.

Мне показалось, что это падение длилось как минимум пару часов, хотя на самом деле происходило все за считанные секунды. Просто в такие моменты успевашь очень о многом подумать. Вот и я, пока мы летели, изобрел кучу хлестких выражений к имени Стенли, о которых, пожалуй, здесь умолчу.

Попадав в свое удовольствие, конь, наконец, задвигал своими мощнейшими копытами, словно колесами локомотива, и, чуть повисев на месте, начал с космической скоростью поднимать нас вверх.

Он пробился сквозь облако, взлетел по склону замка горы и сквозь окно под самой крышей крепости, в котором, как оказалось, не было стекол, причалил нас на подоконник, что мы вместе со Стенли свободно разместились в его уголке. Я мигом смутился, почему окно осталось без стекол.

Такого размера и количества стекла явно не могло быть во всех Девяти Мирах, вместе взятых.

Стенли выбрал площадку для приземления очень четко. Между нами и комнатой находилась занавеска, и за ней нас вряд ли кто-нибудь мог засечь, пусть даже и глянул бы на окно, проверяя, нет ли мышей.

—Спасибо, приятель, — решил выразить я признательность чудо-коню. — Это было ужасно... то есть, я имею в виду, потрясающе.

Стенли заржал и, нежно куснув меня за плечо, скрылся в облаках пыли.

На том месте, где он секунду назад стоял, лежала платочка с руной Эваз.

—Похоже, я ему понравился, — сказал я.

—Похоже, — подтвердил Блитцен, осторожно перемещаясь поближе к Хартстоуну.

Сэм стояла на подоконнике с совершенно невозмутимым видом, разве что глаза у нее сияли, а с лица не сходила улыбка. Видимо, полеты и впрямь были ее страстью, пусть даже и верхом на падающем в бездонную пропасть восьминогом коне.

—Естественно, ты понравился Стенли, — подняла она с подоконника рунный камень. — Лошади ведь из числа священных животных Фрея.

Я вспомнил свои предыдущие опыты общения с ними и впрямь относились ко мне дружелюбно даже в тех случаях, когда их всадники таких чувств не питали. Однажды даже, когда офицер бостонской конной полиции, патрулировавший Общественный парк, хотел меня допросить, лошадь его, снявшись с места, понеслась прямо к низко свисающей ветке дерева.

—Мне нравятся лошади, — признался я.

—Во всех храмах Фрея держали табуны, — продолжила она, — но ни одному смертному не разрешалось ездить на лошадях без разрешения своего отца.

—Жаль, что Стенли не спросил у меня разрешения, прежде чем смыться, — посетовал я. — Мы же не знаем, как все пойдет дальше. А на Хартстоуна в смысле магии в ближайшее время рассчитывать нечего.

Эльф хоть уже относительно и пришел в сознание, но вел себя как-то странно. Он, опираясь на Блитца, беззвучно хихикал и нес скучными жестами полную ахинею, вроде: «Бабочки! Хлои! Ура!» Блитцен тоже находился не в лучшей послеполетной форме. Он тер руками живот и таращился с таким видом куда-то в неясные дали, словно обдумывал наиболее интересный способ расстаться с жизнью.

Мы с Сэм осторожно прокрались вплотную к занавеске и выглянули. В просвет нам открылась комната, размером со стадион. Огонь в очаге напоминал пожар небоскреба. Единственным выходом из огромного этого помещения была плотно закрыта дверь, а в самом центре высился широченный

каменный стол, за которым обедали две великанши, отрывавшие куски мяса от туши какого-то зверя, похожего на того, что жарили на вертеле в столовой Вальхаллы.

Эти две великанши мне показались ростом поменьше родственницы, лежавшей сейчас на дне каньона, но, возможно, я ошибался. В Йотунхейме с размерами и пропорциями вообще творилась какая-то чушь, словно ваши глаза постоянно вынуждены приспосабливаться к кривым зеркалам из комнаты смеха.

—Смотри, — указала мне Сэм на свисающую с потолка птичью клетку, в которой уныло бродил по устланному соломой полубелый лебедь. — Это валькирия.

—Откуда ты знаешь? — прошептал я.

—Просто знаю. И даже могу назвать имя. Это Гунилла.

—Что? — вытаращился на Сэм я. — Каким образом ее сюда занесло?

—Нас искала, — последовал четкий ответ. — Валькирии классные следопыты. Предполагаю, она постаралась добраться сюда прежде, чем мы. Ну и.... — Сэм изобразила, будто что-то хватает в воздухе.

— Предлагаешь её здесь оставить? — озадачился я.

—Естественно, нет. Великаны наверняка её съедят, — без тени сомнения отозвалась Сэм.

—Она же тебя подставила. По её милости тебя вышвырнули из валькирий, — на всякий случай напомнил я. Мне не хотелось освобождать Гуниллу или знать о том, что ее надо освободить.

—Все равно она мой капитан, — упрямо поджала губы Самира. — И, в общем... Ну, у неё имелись достаточные причины не доверять мне. Несколько столетий назад в Вальхаллу попал один из сыновей Локи.

—И они с Гуниллой друг в друга влюбились, — давно уже подозревал я. Я пришел к этому выводу, когда она мне показывала отель.

Сэм кивнула.

—Именно так. Но он её предал: оказался папочкиным шпионом. Это разбило ей сердце. Понял теперь, в чем дело? Короче, не собираюсь я её здесь бросать на верную смерть.

—Как скажешь.

И я снял с цепочки на шее кулон.

— А я уж заждался, — едва ожив, радостно загудел Джек. — Ну, говори скорее, какие события я вчера пропустил?

—Кучу лазанья по вертикали и горизонтали. Ничего интересного, — скороговоркой выдохнул я. — Лучше взгляни-ка на этих двух теток. Не против поковырять в их носах?

Джек, потянув меня за руку, осторожненько вытянул свое лезвие в просвет занавески.

—Должен заметить, чувак, мы на их подоконнике. Если так можно выразиться, фактически, мы переступили порог их дома, — многозначительно прогудел меч.

—И что с того? — не понимал я, куда клонит Джек.

—Ну, существует одно непреложное правило, — откликнулся он. — Невежливо убивать кого-либо в собственном доме без угрозы с его стороны.

—Ну да. Конечно, — я усмехнулся. — Меня именно это сейчас больше всего и волнует. Вдруг эти тетки меня перед смертью сочтут невежливыми.

—Сеньор, — прогудел укоряюще мой стальной друг. — Права гостя и права хозяина важнейшие пункты магического протокола. Без них все давно бы вышло из-под контроля.

—Сынок, он совершенно прав, — слабым голосом поддержал Джека Блитцен. — Нам надо предстать перед ними, предъявляя права гостей. Предложим бартер за то, что нам от них нужно. Открыть же военные действия мы можем позволить себе не раньше, чем они первые попытаются нас убить.

Хартстоун икнул, улыбнулся и показал:

— Стиральная машина.

Ну, он явно продолжал глючить.

— Вы с Блитценом оба сейчас не в том состоянии, чтобы куда-то с нами идти, — сделала правильный вывод Сэм. — Оставайтесь на месте. Ты, Блитц, приглядывай за Хартом. Нам с Магнусом надо найти молот Тора и освободить Гуниллу. А вы здесь пока на всякий случай подумайте, как нас спасти, если что-то пойдет не так.

—Но как же вы собираетесь спускаться?

—По твоей волшебной цепи, видно, — уже продумала это Сэм. — А как только окажемся на полу, представимся великаншам.

— План хуже некуда, — проворчал я. — Ну, что же, вперёд.

Глава LIV

ПОЧЕМУ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ПРЫГАТЬ В ВОДУ С НОЖА ДЛЯ СТЕЙКОВ

Спуск вниз с подоконника оказался самой легкой частью нашей программы.

По достижении пола меня охватили очень серьезные сомнения. Великанши, конечно, оказались поменьше своей покойной сестры. Всего-то каких-нибудь пятьдесят футов ростом. Если бы мне предстояло вступить в борьбу с одним из больших пальцев на их ногах, я без проблем бы выиграл схватку. Но вот единоборство со всеми другими частями шансов мне на победу не оставляло.

—Ощущаю себя, как Джек из сказки, который поднялся по бобовому стеблю на небо, — поделился я с Сэм. — Ну правда, мы с тобой как раз опустились, но сути дела это особенно не меняет.

Она тихонечко прыснула.

— Ну, а откуда, по-твоему, это история-то взялась? Любая сказка ведь как бы культурная память о том, что когда-то случилось с кем-нибудь из людей, которых случайно занесло в Йотунхейм.

—Режиссерская версия, — отреагировал я.

Меч у меня в руках прогудел:

—Ты не можешь быть Джеком. Джек —это я.

Железная логика. Пойди возрази.

Мы прокладывали путь по каменному полу, прорыгаясь сквозь катышки пыли, крошки от еды и лужи жира.

Очаг источал столь сильный жар, что моя одежда задымилась, а волосы стали потрескивать.

Распаренные тела великанш благоухали убийственным запахом. Такой, знаете ли, коктейль из тухлого мяса с ярко выраженными нотками мокрой глины. Я невольно подумал, что, может быть, лучше бы мне уж воткнули меч в ноздрю.

Приблизившись к великаншам на расстояние крика, мы смогли разглядеть их получше. На ногах у обеих были кожаные сандалии. Выше шли кожаные платья, размера этак сто двадцатого, и ожерелья из полированных каменей в стиле «Семейства Флинстоун». Серые лица обеих до неприличия размалеваны румянами и губной помадой, а прямые черные волосы заплетены в кокетливые косички. Лишенный возможности выслушать мнение советника по моде Блитцена, я все же самостоятельно догадался, что сестрички прихорошились к вечеринке, хотя время пока едва подошло к обеду.

— Готов обнародоватьсь? — поинтересовалась у меня Сэм, так как сестрички ещё не заметили нашего присутствия.

«Нет», — если честно, хотелось ответить мне, но я, поглубже вдохнув, сказал:

—Да, — а потом, задрав голову вверх, проорал великаншам: «Привет»!

Они спокойно себе продолжали болтать, громко чавкая и стуча кубками с медовухой.

—Эй! — пошел я на вторую попытку.

Крупные дамочки, резко выпрямившись, начали озираться по сторонам. Первой заметила меня сидевшая слева. Из напомаженного её рта вырвался хриплый хохот вместе с брызгами медовухи и кусочками мяса:

—Снова люди! Прямо даже не верится!

Сестричка её подалась в нашу сторону и принюхалась.

—Неужто ещё валькирия? А мальчишка-то эйнхерий. Славненько. А я-то ломала голову, что нам с тобой придумать себе на десерт.

— Требуем соблюдения прав гостей! — проорал я.

Левая великанша состроила кислую мину.

—Ну и к чему ты об этом бормочешь?

—Мы пришли предложить вам бартер, — указал я на клетку, которая находилась теперь на такой высоте от нас, что мы видели лишь её блестевшее, как луна, дно. — Объекты обмена свободы этого лебедя и, если у вас имеется украденное оружие. Молот, к примеру, или ещё что-нибудь в этом роде.

—Ну, до чего же то подвел, — тихо бросила Сэм, толи и издевку мне, толи наоборот, одобряя.

Великанши переглянулись в явной готовности расхохотаться. Кажется, они основательно набрались медовухи.

—Прекрасно, — кивнула первая великанша. — Меня зовут Гьели, а мою сестру — Грэйп. Мы согласны

считать вас своими гостями на время, которое требуется для сделки. Представьтесь.

— Я Магнус, сын Натали. А это...

— Самира, дочь Айши, — подхватила моя экс валькирия.

— Добро пожаловать в дом нашего отца Гейрода, — объявила Гъели. — Только оттуда, где вы стоите, вас едва слышно. Не возражаете, если я вас усажу на стул?

— Хорошо, — согласился я.

Сестра Грэйп подхватила меня и Сэм, словно мы были плюшевыми игрушками, и мы вмиг оказались на стуле, размер которого было размером со среднюю человеческую нигиню.

— Ой, для неё равно слишком низко, — оглушительно пощокала языком Грэйп. — Можно я подниму ваш стул?

— Магнус, не... — начала было Сэм, но я уже, не подумав, шепнул:

— Пожалуйста.

Но Грэйп, издав радостный вопль, резко подняла стул вместе с нами над головой. Нели бы не спинка, нас бы расплющило о потолок. Но так как она приняла удар на себя, мы всего лишь упали да штукатурка нам на головы посыпалась.

Грэйп опустила нас. Когда. Наконец, глаза мои, от удара едва не вылетевшие из орбит, вернулись на место, я увидел низко склонившиеся над нами злобные рожи двух великанш.

— Не сработало, — с сожалением проговорила Грэйп.

— А чему удивляться? — прорычала Гъсли. — Ты вечно это проделываешь не по уму. Ставить следует не на стул, а на табуретку. Потому что у него спинки нет. И на потолке давно пора с этой целью установить шипы.

— То есть вы пытаетесь нас убить! — выкрикнул я. — Это противоречит правилам гостеприимства!

— Убить? Вас? — прикинулась оскорблённой Гъслн. — Совершенно необоснованное обвинение. Моя сестра просто сделала то, о чем вас сначала спросила, а вы согласились.

— Но вы только что это назвали трюком, — не собирался отступать я.

— Да неужели? — похлопала Гъели намазанными ресницами, тушь на которых выглядела вблизи, как барьеры на грязевой трассе для бега с препятствиями. — Убеждена, что ничего подобного не говорила.

Я посмотрел на сиявший в руке Меч Лета.

— Как, по-твоему, Джек, правила гостеприимства уже нарушены?

— Были бы, — прогудел Джек, — если бы они признались в таком намерении. Но они отрицают.

Великанши разом встрепенулись.

— Вот это уже любопытно, — жадно уставилась на моего Джека Гъели.

— Не желаете, чтобы я ещё раз подняла вас? — вкрадчиво пробасила Грэйп. — Могу сбегать на кухню за табуреткой. Мне это совсем не трудно.

— Достопочтенные хозяева, — изо всех сил старалась выглядеть уверенной не невозмутимой Сэм, но голос у неё все же чуть-чуть дрожал. — Пожалуйста, опустите нас осторожно на стол, чтобы мы смогли с вами поторговатьсь.

Грэйп пробубнила себе под нос что-то невнятно-яростное, но послушалась, и мы были поставлены рядом с её ножом-пилкой величиною с меня. Кубок с медовухой, стоявший рядом, вполне сгодился бы в качестве водокачки для целого инородного поселка. Я лишь надеялся, что он не обладает свойствами ПАПЫ БУМА.

— Итак, — плюхнулась на стул Грэйп, — вы требуете свободы для лебедя? В таком случае нам надо дождаться возвращения нашего папы. Это его пленница, а не наша, и условия следуют обговаривать с ним.

— Хитра валькирия, — злобным голосом подхватила Гъелл. — Влетела в наше окно вчера ночью и не желает показываться в своем настоящем обличье. Вздумала обмануть нас своим дурацким лебяжким костюмчиком. Но нашего папу не проведешь. Он слишком умен для этого.

— Вот и хорошо, — озвучил случайно я то, о чем думал. — Но, но крайней мере, мы попытались.

— Магнус, — спешно одернула меня Сэм и повернулась к милым сестричкам. — Дорогие хозяйки может, вы хоть будете так любезны не убивать лебедя, прежде чем нам удастся поговорить с Гейродом?

Гъелл покачала плечами.

— Вам ведь уже было сказано: судьбу Её решать нашему папе. Может быть, он её и отпустит в обмен на вас. Но нам в общем-то хотелось бы для сегодняшнего жаркого чего-нибудь остренького.

— Так давайте булавку в него засунем, — не удержался я.

—Это всего лишь фигура речи, — протараторила Сэм. — Мой друг ни в коем случае не имеет в виду, что можно в кого-то втыкать иголки, а тем более в нас.

—Спасла, — признал я.

Сэм мне ответила крайне красноречивым взглядом, в котором легко читалось: «Ну, Магнус, ты и дебил!», но я к такому с её стороны давно привык.

Гельп скрестила руки огромным утесом на своей необъятной груди.

—Значит, вы хотите что-нибудь нам предложить в обмен на украденное оружие?

—Да, — начал объяснять я. — Нам нужно такое громовое божественное оружие, если оно у вас есть, но это не значит, будто какой-нибудь громовой бог конкретно его потерял.

Грейп хохотнула.

—О да. У нас есть кое-что в этом роде, принадлежащее самому Тору.

Сэм видимо восполняя отсутствие Тора, пробормотала несколько креативных ругательств, которые вряд ли одобрили бы ее дедушка с бабушкой.

—Опять фигуры речи, — торопливо проговорил я. — Моя подруга ни в коем случае не даст вам разрешения применить по отношению к нам какое-либо из этих любых и неприличных действий. Вы даете нам на обмен УО... в общем, оружие, о котором сейчас было сказано?

—Конечно, — улыбнулась Гельп. — И хотели бы поскорее завершить сделку. Видите ли, у нас с сестрой свидание...

—С двумя крутыми близнецами из морозных великанов, — подхватила Грейп. — Так что по-быстрому предлагаем вам честные условия, отдаем вам оружие Тора за этот замечательный говорящий меч и отпускаем лебедя, а вы в обмен остаетесь здесь сами. Уверены: папа не будет против. Лучшей сделки вам не предложит никто.

—Трудно назвать такие условия честными, — возмутилась Сэм.

—Не нравится, можете отказаться и уйти с миром, — пожала плечами Грейп. — Нам без разницы.

—Магнус, — ритмично загудел меч, и руны его тревожно засияли. — Ты ведь меня ни за что не отдашь? Мы же друзья. Не походи на отца, который бросил меня, как только решил, что для него важнее другое.

Я подумал о предложении Локи доверить меч дяде Рэндолфу. У меня ведь тоже едва не возник соблазн послушаться. Теперь сама мысль о таком казалась мне невозможной. И не только из-за угрозы, что без меча великанши сперва посалят нас в клетку, а затем пустят себе на ужин. Джек уже дважды спас нам всем жизнь. И вообще, он мне очень нравился, пусть даже меня и скрючивало от его обращения «сеньор».

И в следующий момент у меня возникла идея, быть может, и скверная, но все же гораздо лучше, чем предложение великанш.

—Джек, — сказал я. — Вот как ты посмотришь, чисто теоретически, если я им сейчас расскажу, что мы убили их сестру. Это будет противоречить правилам этикета гостя?

—Что? — возопила Гельп.

Руны Джека засветились гораздо более радостным оттенком красного.

—Решительно никаких противоречий, мой друг, — уверенно прогудел он. — Ведь это произошло до того, как мы пришли сюда в гости.

—Вот и чудненько, — улыбнулся я и, повысив голос. — Торжественно объявляю: мы погубили вашу сестру, безобразную великаншу, которая перекрыла реку, чтобы Тор в ней утонул. Теперь она там валяется мертвая.

—Вранье! — взвилась на ноги Грейп. — Вы никак не могли это сделать, жалкие мелкие человечишки!

— Ну, вышло-то вот как, — начал я их знакомить с подробностями. — Мой меч залетел в её нос и взбил ей мозги.

—Да я бы уже вас разделала, как букашек, если бы проклятая спинка стула и отсутствие правильно размещенных шипов на потолке!

Признаюсь, когда надо мной нависают две разъяренных рожи взбесившихся великаны, я начинаю немного нервничать.

Сэм, в отличие от меня, сохранив присутствие духа, ткнула сторону Грейп гонором.

—То есть ты признаешься в намерении нас убить?

—Ну конечно, балда!

—Что нарушает правила гостеприимства, — ровным голосом констатировала Самира.

—Да кому какое дело! — взвизгнула Грейп.

—Ну, вот мечу Магнуса, например, даже очень есть шло, — прежним тоном отозвалась Сэм. — Джек,

ты все слышал?

—Слышал, — утверждительно замелькали руны на Джеке. — Однако считаю необходимым заметить: силы, потраченные на убийство двух великанш, могут...

—Все равно сделай это!

И, не дослушав, я метнул Джека вверх.

Он ввернулся спиралью в правую ноздрю Грэйп и вылетел через левую. Великанша грохнулась о каменный пол, вызвав землетрясение амплитудой в шесть и восемь десятых балла по шкале Рихтера.

Г'ялл, басовито взывя, прикрыла рукой нос и рот и, спотыкаясь, заметалась по комнате. Джек парил возле её лица, пытаясь пробиться сквозь плотно сжатые пальцы.

—Хитрая тварь, — прогудел он нам. — Помогите немного.

Сэм с усилием воткнула нож великанши до края стола, и лезвие его выступило вперёд, как доска на вышке для прыжков в воду.

—Магнус...

Сэм явно хотела мне объяснить свой план, но я и так его понял и, хоть это и было полным безумием, взял хороший разгон по столу, прыгнул на самый конец лезвия.

—Нет, — проорала Сэм, но я уже в этот момент парил в воздухе. Нож под весом моего тела взметнулся вверх, а я рухнул вниз, приземлившись на стул, который стоял недостаточно низко, чтобы лишить меня жизни, но достаточно, чтобы я сломал ногу. Вот удача! Боль раскаленным гвоздем прошлась по моему позвоночнику.

Г'ялл пришлось хуже. Крутящийся нож для стейка угодил ей в грудь. Он не вонзился в меч? Даже ткань платья не пострадала, но все же удар был достаточно сильный. Вскрикнув от боли, она схватилась руками за грудь, предоставив Джеку свободный доступ к своим ноздрям, и секунду спустя рухнула замертво рядом с сестрой.

Сэм, свесившись со стола, осторожно спрыгнула ко мне на стул.

—Ты, Магнус, всё-таки полный болван. Я просто хотела, чтобы ты мне подвинул солонку, а потом мы с тобой вместезапустили бы этим ножом в великаншу. Кто мог ожидать, поты, кретин, вздумаешь сам с него прыгать.

—Всегда пожалуйста, — скрчился я от боли, схватившись за ногу.

—Сломал? — с сочувствием покачала головой Сэм.

—Да, но ничего страшного. На мне быстро все заживает. Дай мне часок...

— Не думаю, что он у нас есть... — начала было она.

И тут из соседней комнаты низкий голос возвестил:

- Девчонки, я уже дома.

Глава LV

МЕНЯ ДОСТАВЛЯЕТ НА ПОЛЕ БОЯ ПЕРВАЯ ГНОМИЧЬЯ ВОЗДУШНО ДЕСАНТНАЯ ДИВИЗИЯ

Возвращение папочки-великаны домой всегда неуместно.

Но когда ты сидишь в его гостиной со сломанной ногой, а рядом валяются трупы его дочерей, это абсолютно неуместно. Мы с Сэм таращились друг на друга, а из какого-то помещения, соседствующего со столовой, до нас доносились все отчетливее и громче шаги великана. Лицо Сэм недвусмысленно выражало: «Средств защиты против него у меня не имеется».

У меня тоже их не было.

Вообразите, же радость, которая нас охватила, когда над нашими головами возник параплан и на наш стул опустились гном, эльф и лебедь. Блитца и Харта крепко держали парашютные ремни, а водоплавающая птица Гунилла пребывала в объятиях эльфа. Блитц, потянув за стропы, осуществил идеально точное приземление. За ним лег параплан - прямоугольник бирюзового шелка, идеально гармонировавший с его костюмом. Маэстро моды и здесь не вышел из образа.

—Каким образом? — ошеломленно таращился я на этот воздушный десант.

Блитцен пренебрежительно фыркнул.

—Не вижу повода так удивляться. Ты столько времени отвлекал на себя великаниш, что я бы счел себя совершенно бездарным гномом, если бы не догадался привязать к цепи крюк, накинуть ее на клетку, перебраться по цепи к ней и освободить лебедя. Ну а затем мы воспользовались своим парапланом для экстренных ситуаций.

Сэм подергала себя за нос.

—И у тебя постоянно есть при себе парашют для экстренных ситуаций?

—Естественно, — отозвался Блитцен. — Каждый гном постоянно носит с собой такой парашют. А ты разве нет?

—Давайте-ка это обсудим позже, — предложил я. — А сейчас...

—Девочки! — проорал из соседней комнаты великан. Язык у него слегка заплетался. — Г-где в-вы? Я щелкнул пальцами.

—Ребята, какие у нас варианты? Сэм, вы можете вместе с Гуниллой спрятать всех под своими камуфляжами?

—Моего хиджаба больше чем на двоих не хватит, — вздохнула она. — А на Гуниллу пока и вовсе рассчитывать нечего. Если она по-прежнему остается лебедем, значит, слишком ещё слаба, чтобы вернуться в собственный облик.

Лебедь что-то тихонько протрубил.

—По-моему, она подтверждает мои слова, — внимательно посмотрела на неё Сэм. — Ей теперь для восстановления может понадобиться несколько часов.

—Которых у нас нет, — добавил я и повернулся к Харту. — Как у тебя там с рунами?

—Силы нет, — сказали его руки.

Мог бы и не стараться. Он вроде немного приободрился и перестал глючить и даже весьма уверенно стоял на ногах, но видок у него все равно был такой, будто по нему проскакала восьминогая лошадь.

—Джек, ау! Где ты? — позвал я.

—Чувак, ты чего? — послышался со стола его возмущенный гул. — Я тут купаюсь в кубке. Имею, в конце концов, право на личную гигиену.

—Магнус, — вмешалась Сэм. — Не вздумай послать его на убийство третьего великана подряд. Такое усилие точно тебя уокошит.

Шаги из соседнего помещения раздавались вес громче и ближе. И похоже, Гейродспотыкался.

—Г-гъел! Г-грэйп! — снова принял звать дочерей он. — К-克莱нусь! Ик! Если вы с-снова пишете SMS-ки этим своим б-близнецам-м-мерзлотам, я вам головы поотрываю!

—На пол! — принял решение я. — Спустите меня поскорее на пол.

Блитцен схватил меня с такой силой, что я от боли едва не вырубился.

—Держись, сынок. — И он прыгнул вместе со мной со стула, умудрившись каким-то образом без потерь спикировать вниз.

К тому времени, как я немного пришел в себя, Сэм и Харт с его новой подругой, спустившись, но

ножке стула, как пожарные по шесту, уже стояли возле нас с Блитцем. Сломанная нога у меня нестерпимо ныла. Боль катилась по всему телу. Лицо покрылось испариной.

Но обращать внимание на подобные вещи сейчас было непозволительной роскошью.

Сквозь зазор между дверью и полом маячила тень от ног великана. Пространства там было более чем достаточно, чтобы нам всем пройти в полный рост.

—Вынеси меня наружу, Блитцен, — попросил я.

—Извини, недопонял, — выкатились глаза у него.

—Ну, ты же сильный. Смотри, как крепко держишь меня. Давай, пронеси под дверью.

Натужно крякнув, гном двинулся к двери со мной на руках. Каждое его движение отдавалось во мне резкой болью от поврежденной ноги до самого основания черепа. Парашют, шурша бирюзовым шелком, скользил за нами, а за ним шли Сэм и Хартстоун с уныло трубящей лебедкой Гуниллой в объятиях. Круглая ручка двери начала поворачиваться. Мы, проскользнув сквозь зазор, очутились прямо у ног великана.

—Привет! Как дела? — прокричал ему я.

Гейрод, качаясь, попятился. Видно, не ожидал увидеть гнома-парашютиста, несущего на руках человека, экс-валькирию, а за ней эльфа с лебедем.

Я тоже несколько удивился от того, что увидел. Холл такой крепости должен был площадью и величием превышать столовую, а помещение оказалось в два раза меньше её. Хотя в другом месте он бы казался шикарным. Чёрный мраморный пол, ряды колонн из какого-то камня перемежались металлическими жаровнями, наполненными горящими углями, словно гигантские приспособления для барбекю. Потолок неожиданно низкий — всего каких-нибудь двадцать пять футов. И даже дверь, под которой мы вышли, с этой стороны была гораздо меньше, хотя по идеи это немыслимо.

Пробраться обратно под ней мы уже не могли. А как сквозь столь низкий и узкий проем проходили Грейп и Гьели, вообще оставалось загадкой, если только они не уменьшались в размерах. Впрочем, может, они как раз это спокойно и делали. Веткины ведь оборотни. Магия и иллюзия — их вторая натура.

Гейрод перед нами покачивался, расплескивая во все с-томНbt медовуху из ога, который держал в руках.

—В-вы кто? — язык у него заплетался все сильней.

—Гости, — набрался наглости я. — Мы требуем соблюдения и отношении прав гостей.

Весьма скользкая, надо сказать, позиция, учитывая, что мы только что уокошили двух хозяек этого замка. Но так как Джек ещё отмывался и соседней комнате от носовой слизи, подвергнуть сомнению мое требование было некому.

Гейрод нахмурился в явной попытке осмыслить то, что услышал. Похоже, он явился с какой-то разудалой посиделки, и мозги у него ворочались туго. Странно, день ведь ещё был в разгаре. Или великаны гуляют круглые сутки?

Одежду его составляли изрядно помятый и заляпанный медовухой пиджак нежно-лилового цвета, рубашка навыпуск, полосатые брюки и лаковые ботинки, жертвой производства которых стало немало животных. Черные волосы веткам густо смазывал гелем, чтобы они зачесывались назад, но выющиеся непокорные пряди все равно свисали ему на лоб. От всей фигуры Гейрода несло медовухой, и смахивал он скорее не на модного завсегдатаяочных клубов, а на горького пьяницу в модном прикиде.

Больше всего озадачивал его размер. Малорослым его, конечно, назвать было нельзя. Любая баскетбольная команда его бы с руками оторвала, как-никак, двадцать футов роста. Для монтера, вворачивающего лампочки на большой высоте — тоже совсем неплохо. Но по сравнению с дочерьми, которых больше не существовало, он выглядел просто крошкой.

—Ес-сли в-вы мои гости, т-топ-почему у в-вас в р-руках м-мой лебедь? — пытался, икая и хмурясь, осмыслить и оценить ситуацию великана. — И г-где м-мои дочки?

Сэм натужно расхохоталась.

—Ох уж эти девчонки. Мы как раз с ними почти договорились по поводу лебедя...

—Но они вдруг упали, — подхватил я, жестом изобразив, будто пью из бутылки. — И теперь там валяются в не очень хорошем виде.

Хартстоун, на меня глядя, немного напрягся, и только тут я сообразил, что похожим жестом выражают слова «я тебя люблю». Цель, однако, была достигнута. У Гейрода вырвался облегченный вздох. Видимо, перебравшие медовухи дочери, спящие на полу в столовой, не вызывали у него никаких отрицательных эмоций.

—Что ж, хоть не развлекаются с этими х-хлыщами из м-морозных великанов, — казалось, даже обрадовала его эта ситуация.

—Нет, только с нами, — счел своим долгом поднять ему настроение я.

Блитцен, натужно крякнув, переместил меня так, чтобы центр тяжести пришелся ему на менее уставшую руку.

Хартстоун решил поддержать разговорчик и показал в свою очередь великому жест «я тебя люблю».

—О великий Гейрод, — вступила в беседу Сэм. — Мы вообще-то пришли у вас выторговать оружие Тора. Ваши дочери говорят, что оно у вас.

Гейрод поглядел туда, где в дальней от нас в стене пряталась за колонной дверь, по великансским понятиям, крохотная, но вообще-то размером с те, которыми пользуемся мы, люди.

—Оружие там? — догадался я.

—Что еще, блин, з-за волшебство? — пьяно пробормотал он. — От-ткуда т-ты знаешь?

—Мы пришли обменяться на это оружие, — вернул его к сути дела я.

На руках у Хартстоуна раздражавшее затрубила Гунилла лебедь.

—А также до завершить обменную сделку по лебедю, — добавил я.

—Р-разбежались, п-полено вам в н-нос, — Гейрод изрядно глотнул из рога и пролил ещё часть его содержимого на пиджак и рубашку и несколько раз икнул. — М-мне не нужно ничего из того, что вы м-можете м-мне п-предложить... и вот з-заработать оружие из зо-л-отого г-гуся —т-топ-пожалуйста.

—Вообще-то лебед, — поправил я.

—Да р-разница-то, — вяло махнул свободной от кубка рукой великан.

Блитцен тяжело переступил с ноги на ногу и сказал:

—Тяжело, ох как тяжело.

Он-то меня всего лишь держал на руках, а мне боль в ноге ужасно мешала думать, и к тому же от каждого его ерзанья настолько усилилась, что я едва не давал дуба..

—Каким образом заработать? — спросил я у великана.

—Развлеките меня, — о-то звался он. — Давайте во что-нибудь в-вместе сыграем.

—Можем в слова, — предложил я игру, в которой успел за шестнадцать лет жизни изрядно попотеть.

— Её, — покачал головой Гейрод. — Не в какие там не в слова, а в м-мячик. У меня же одни только д-дочери, — махнул он небрежно в сторону столовой. — Они н-никогда не хотят п-поиграть со мной в м-мячик, а я так это люблю, — громко шмыгнул он носом. — П-пожалуйста, п-поиграйте со мной.

Я оглядел на Сэм.

—Хочет в мячик сыграть.

—Плохая идея, — пробормотала она.

—Надо выжить д-десять минут, — продолжал великан. — Этого-все, о чем я п-прошу. А после я б-буду счастлив.

—Выжить? Играя в мяч? — не понимал я. куда он клонит.

—От-лично, — заухмылялся он. — Значит, согласен. Зигзагом доковыляй до ближайшей жаровни, Гейрод выхватил из нес пылающий уголь величиной с кресло.

—Н-начали!

Глава LVI

НИКОГДА НЕ ПРОСИ ГНОМА НАЧАТЬ

—Беги! – кричал я Блитцену. – Беги! Беги! Беги!

Блитцен, за которым по-прежнему волочился парашют, поковылял, выпучившись от натуги и сопя:

—Тяжело, ох, как же мне тяжело.

Мы продвинулись таким образом фут в на тридцать, когда Гейрод проорал:

—Л-лов-ви!

Мы всей компанией оперативно нырнули за ближайшую колонну. Пылающий уголь угодил прямиком по ней, проделав сквозную дыру. Камень колонны исторг жалобный трек. По ней до самого потолка пошли трещины.

—Бежим дальше, – возопила Сэм.

Мы неслись, а вернее, плелись (не забывайте: Блитцен нес меня на руках!) через зал, а Гейрод, выхватывая из жаровен, попадавшихся на его пути, все новые угли, метал их в нас с поразительной для степени его опьянения меткостью. Будь он трезв, вряд ли нам суждено было выйти из этой переделки живыми.

Следующий великанский залп поджег парашют Близнца. Будь у нас чуточку больше времени, Сэм успела бы перерубить топором стропы, но мы не могли терять ни секунды на это дело. Новая порция пылающей смерти образовала солидных размеров кратер в полу рядом с нами, опалив попутно крылья Гуниллы и шарф Хартстоуна. Искры попали Блитцену в глаза.

—Я ослеп! – взвыл он.

—Спокойно, буду тебя направлять, – изо всех сил бодрился я. – Налево. Да нет, лево совсем с другой стороны!

Гейрод замечательно проводил время в другой части холла, распевая громкую йотунхеймскую песню, спотыкаясь, периодически вливал в себя медовуху и выхватывал из попадавшихся ему на пути жаровен все новые порции раскаленных углей.

—Н-ну же, маленькие мои гости! – восклицал он между куплетами песни. — Нмепракнльмо вы ик — трасгс.

—Вы д-должны ловить мои угли и, - ик! - кидать их обратно.

Я озирался, отчаянно ища выход. Напротив входа в столовую находилась ещё одна дверь, но щель под ней была слишком низкой, чтобы пролезть в неё, а сама она слишком большой, чтобы вышибить силой, и к тому же запертой на толщенный засов из ствола дерева, загнанный в железные скобы. Короче, не вариант.

Впервые за время существования в виде эйнхерия я возмутился, что раны мои заживают чересчур медленно. Если даже нам было суждено здесь погибнуть, я предпочел бы отдать копыта здоровенским, то есть не на руках у Блитца, а на своих двоих.

Взгляд мой возвысился к потолку. Последняя из колонн, пораженных Гейродом, треснула снизу доверху и прогнулась, готовясь вот-вот рухнуть. Я вспомнил, как мама впервые меня заставила самостоятельно установить палатку. С тех самых пор мне был известен один непреложный закон: натянуть ровно тент, чтобы он держался, не провисая, на многочисленных опорах и колышках — задача совсем не из легких. Вот обрушить плевое дело.

— У меня появилась идея, – объявил я друзьям. – Блитц, придется тебе ещё чуть-чуть потаскать меня, если, конечно, Сэм...

—Ну уж нет! – возразила она, не дослушав.

—Я в порядке, – простонал Блитцен. – Со мной все отлично. Даже снова уже почти могу видеть.

—Внимание, – сфокусировал я их на новой задаче. – Сейчас побежим прямо на великана.

Харт кинул на меня такой взгляд, что никаких пояснительных жестов ему не требовалось:

—Ты совсем спятил?

Лебедь Гунилла смотрела с ровно таким же выражением.

—Просто следуйте за мной, – сказал я. – Будет весело.

— Ох, не хотела бы я, чтобы эти слова были выбиты намоем надгробии, — скорбно проговорила Сэм.

—Эй, Гейрод! – задиристо крикнул я великану. – Кидаешь ты свои угли словно фольквангерец!

—Йотунхейм тебе в нос! – прорычал оскорблённый Гейрод и повернулся за новой угольной

порцией.

—Прямо на него! — скомандовал я. — Вперёд!

Великан готовился для броска.

—Вправо! — крикнул я Блитцену.

Мы все метнулись за ближайшую колонну.

Уголь Гейрода втесался в неё, прожег, рассыпаясь на тысячи огневых точек и множества трещин на потолке.

—Теперь налево! — прокричал друзьям я. — Бежим к нему вдоль другого ряда колонн.

—Ты решил... — Глаза Сэм стали в два раза больше обычного, потому что она просекла мой план.— Нет, ты действительно чокнутый.

—У тебя есть идея получше?

—К сожалению, нет.

И мы побежали, не прячась от великана.

—Твои дочки не пьяные! — прокричал я ему. — Они мертвые!

—Что? Нет! — выпустил он в нашу сторону новый снаряд из жаровни. Колонна такого удара не выдержала и, дымясь, развалилась на кучу оплавленных каменей.

Потолок застонал, покрываясь сетью все новых трещин, а мы свернули в центральный проход.

—Мазила! — крикнул я великому. — Снова ноль — мимо!

Гейрод отшвырнул в сторону рог с остатками медовухи и принял с яростным рыком черпать обеими руками угли из жаровен и метать их в нас. На нашу удачу, злость затмевала ему глаза и метал он теперь свои огненные снаряды скорее не прицельно, а наугад. Мы, уворачиваясь, петляли между колоннами, а великан налетал на жаровни, сбивал их и кидал во все стороны пригоршнями уголь, руша все новые колонны.

Я издавался над его костюмом, прической, лаковыми туфлями и, наконец, довел его до того, что он швырнул в нашу сторону целую жаровню. Она разрушила последнюю опорную колонну в той части холла, где он стоял.

—Отступаем! — проорал я Блитцену. — Мигом!

Бедный гном, пыхтя и хрюкая от натуги, кинулся к дальней стене.

—Убью! — вслед нам рычал Гейрод. — Поганые тр-русы!

Сообразил он пуститься за нами вдогонку, песенка наша была бы спета. Но затуманенный медовухой разум Гейрода мыслил сейчас только областью углеметания, и он продолжал упорно кидаться жаровнями, когда потолок над ним с треском стал осыпаться.

Глянув вверх, он исторг дикий вопль, но поздно. Потолок в его части рухнул, и великан исчез, погребенный под тысячами тоннами камней.

Я очнулся от дикого кашля. Вокруг валялись обломки. Все пространство окружало густое облако пыли.

Когда пыль немного рассеялась, я обнаружил в нескольких метрах от себя Сэм. Она сидела, скрестив по-турецки ноги, и тоже надсадно кашляла. Видок у неё был такой, словно она основательно вывалилась в муке.

—Блитцен! Харт! — позвал я.

Меня так встревожило их отсутствие, что, забыв о сломанной ноге, я встал. Боль в ней ещё ощущалась, но опираться уже было можно.

—Здесь, — по-военному пискнул Блитцен, выплывая из облака шли.

Костюм его, можно сказать, накрылся. Шевелюра и борода Блитца казались седыми от белой строительной пыли.

Я крепко его обнял.

—Ты самый сильный и потрясающий гном на свете!

— Да ладно тебе, сынок, — смущенно хлопнул меня по руке Блитцена он. — Где же Хартстоун? Харт!

В критические моменты мы почему-то порой забывали, знать дорогое нашего эльфа, когда он не видит нас, бесполезно. Хоть голос сорви.

—Да вот он, — первой заметила Сэм, стряхивая с лежащего Харта обломки колонны. — Кажется, жив.

—Слава Одину! — Блитц было кинулся к Харту, но тут же едва не упал.

—Держу, — я успел подхватить его и для надежности прислонил к одной из уцелевших колонн. — Передохни здесь ПСИНОГО.

Мы с Сэм извлекли Хартстоуна из-под руин. Волосы у него тлели, но в остальном он вроде не пострадал.

—Совсем чокнулся? Пытался нас всех убить? – принял Харт ругать меня жестами, едва мы его поставили на ноги.

—Стоите, а где же Гунилла? – заметил я вдруг, что в руках Харта у него нет лебедя.

Вопль Блитцена заставил меня обернуться, и я увидел, что он превратился в заложника.

—Я здесь, – металлическим голосом сообщила Гунилла.

Она, уже в человеческом облике, стояла позади Блитцена, вонзая острие копья ему в горло.

—Сейчас вы, все четверо, вернетесь со мной и Вальхаллу, мои пленники, – тоном, не допускающим возражений, заявила она.

Глава LVII

СЭМ АКТИВИЗИРУЕТ КНОПКУ «ОТПРАВИТЬ»

Гунилла ткнула острием копья в шею Блитца.

—Не вздумайте подойти ко мне, лжецы и мошенники. Вы создали угрожающую ситуацию для Асгарда и Мидгарда. Растревожили великанов. Посеяли хаос в разных мирах.

—Но также вызволили тебя из птичей клетки, — на всякий случай отметил я.

—После того как сперва заманили меня сюда, — не смутилась она.

—Никто тебя никуда не заманивал, — возразил я. — И следить за собой мы тебя не просили.

—Гунилла. — сказала Сэм, опуская на пол топор. — Отпусти, пожалуйста, гнома.

Блитцен, стараясь не шевелиться, поддержал се сдавленным кряканьем.

Капитан валькирий со злостью глянула на Хартстоуна.

—Даже не думай об этом, эльф. Быстро на пол мешочек с рунами, иначе сейчас превращу тебя в горстку пепла.

Вот это реакция! Я-то даже и не подозревал, что Харт собрался поколдовать с рунами. Он послушно положил свой мешочек, но выражение его лица при этом свидетельствовало: не лишись он рун, Гунилла бы предстояли куда более серьезные неудобства, чем заточение в клетку с колесом для белки или хомяка.

Сэм выставила вперёд ладони.

—Драться с тобой мы не станем, Гунилла. Но отпусти, пожалуйста, гнома. В сем ведь известно, какой урон может нанести копье валькирии.

Мне это известно не было, но испытывать его действие на себе все равно не хотелось, и я прикинулся кратким и безобидным, что в тогдашнем моем состоянии не требовало от меня особых усилий.

—Где твой меч, Магнус? — пробуравила меня своими стальными глазами Гунилла.

Я указал на разрушенную часть холла.

—Последний раз, когда мы с ним виделись, он мылся и кубке.

Гунилла задумалась. В мире викингов мое сообщение совсем не выглядело безумным.

—Превосходно, — вдруг толкнула она в мою сторону Блитцена.

Я подхватил его, а Гунилла выставила вперёд острие копья, держа нас всех на досягаемости броска. Копье сияло и излучало такой сильный жар, что мне показалось, у меня кожа начала припекаться.

—Как только ко мне окончательно вернутся силы, мы вернемся в Асгард, —властным и уверенным тоном сказала она. — А пока потрудитесь-ка объяснить, зачем вы расспрашивали великанов про оружие Тора.

Я чуть было не ляпнул правду, но, вспомнив, уже раскрыв то, что Тор не велел Её никому говорить, промямлил:

—М-м-м... Ну-у...

—Это такой хитрый ход, — выступила Самира. — Надо же было чем-нибудь сбить великанов с толку.

—Очень опасный трюк, — сощурилась капитан валькирий. — Если бы великаны поверили, что у Тора больше нет молота, это бы повлекло за собой непредсказуемые последствия.

—Кстати о последствиях, — сказал я. — Сурт намерен завтрашней ночью освободить Фенрира.

—Сегодняшней, — внесла поправку Сэм.

У меня похолодело в груди.

—Но ведь сегодня вторник, а Фрея сказала, что полная луна появится в среду.

—Которая технически начинается после захода солнца во вторник, — пояснила Сам.

—Прекрасно все складывается, — убито пробормотал я. — Что же ты раньше не предупредила?

—Ну, думала, ты понимаешь.

— Молчать обоим! — гаркнула Гунилла. — Магнус Чейз, ты доверился дезинформации лживой дочери Локи.

—Хочешь сказать, полнолуние не сегодняшней ночью?

—Сегодняшней, — процедила сквозь зубы она. — Я хочу сказать... — Лицо её позеленело от злобы. — Не пытайся меня запутать! — И она снова ткнула копьем Блитцена.

Он ойкнул. Харт тут же подался поближе ко мне.

—Гунилла, — поднял я руку, пытаясь пробиться к её сознанию. — Я просто имею в виду, что, если ты не отпустишь нас помешать Сурту...

—Я уже, кажется, предупреждала тебя, - не удосужилась она даже дослушать. – Пойдёшь на поводу у Самиры, ускоришь Рагнарёк. Радуйся, что первой нашла тебя я, а не другие валькирии и не твои бывшие друзья-эйнхерии. Они в доказательство своей преданности Вальхалле решили убить тебя. А я все-таки предпочту сделать так, чтобы ты предстал перед судом. Пусть таны сами решают, нужно ли твою душу забросить в Гиннуングагап.

Мы с Самирой переглянулись. Времени на путешествие под конвоем в Асгард у нас не было. А даже если и было бы, мне совершенно не улыбалась роль обвиняемого перед судом танов с последующей отправкой в малоприятное место с почти непроизносимым названием.

Спасение неожиданно пришло от Хартстоуна. Лицо его вдруг застыло от ужаса, и он с таким видом потыкал пальцем за спину Гуниллы, словно бы там поднимался на ноги из-под обломков Гейрод. Трюк старый, как Девять Миров, но почему-то он чаще всего срабатывает. Гунилла вздрогнула и обернулась. Сэм стремительно кинулась к ней, но вместо того чтобы сбить с ног, просто легонько коснулась золотого нарукавника на Её предплечье.

Пространство наполнилось гулом, словно кто-то включил промышленный пылесос. Гунилла в растерянности уставилась на Самиру и взвизгнула:

—Как ты смеешь?

Вот и все, что ей удалось сказать, а потом она превратилась в маленькую светящуюся точечку и исчезла.

—Сэм, – пораженно взирал я на пустое пространство, где мгновение назад стояла Гунилла. – Ты её уничтожила?

—Разумеется, нет. – Меня она тоже хлопнула по руке, но я после этого не исчез. – Просто вернула её обратно в Вальхаллу, активизировав золотой нарукавник.

—Нарукавник? – переспросил Блитцен.

Сэм как-то застенчиво улыбнулась.

—До последней секунды не знала, сработает или нет. Но, видно, они ещё не убрали из базы данных валькирий мои отпечатки пальцев.

Руки Харта потребовали разъяснения.

—Нарукавники валькирий обладают функцией, позволяющей в чрезвычайных обстоятельствах моментально эвакуироваться, – начала растолковывать Сэм. – Если валькирия получила рану в бою и ей срочно требуется помочь врачам, другая валькирия может одним лишь прикосновением к её нарукавнику отправить раненую в Медицинский стационар Вальхаллы. Волшебство это очень сильное. Достаточно один раз применить, и золотой нарукавник растает.

—То есть Гуниллу дёрнули в Вальхаллу? – все ещё изумлялся я.

—Да, – подтвердила Сэм. – Но это лишь очень временная отсрочка. Как только Гунилла немного очухается, она опять поспешит за нами и, будьте уверены, с подкреплением.

—Молот Тора, - напомнил я. – Он в кладовке.

Мы, сорвавшись, помчались к маленькой железной двери. Очень хотел бы похвастаться, что тщательно все спланировал, оберегая дверь от случившегося завала, по на самом-то деле нам попросту повезло.

Сэм с одного удара сбила своим топором замок. Хартстоун рывком отворил вход в кладовку. Внутри оказался встроенный шкаф, в котором была одиноко прислонена к стене металлическая палка, формой напоминавшая рукоятку метлы.

—И это все? — ошарашенно промямлил я. – Как-то немного разочаровывает.

Блитцен внимательно изучал находку.

— Ну, уж не знаю, сынок. Видишь на ней эти руны? Это, конечно, не Мьёлльнир, но сделано с помощью сильного волшебства.

—Значит, не молот, но все же оружие Тора, – вздохнула Сэм.

—М—м—м. – протянул с глубокомысленным видом Блитц.

—М—м—м, – без малейшего глубокомыслия протянул я. – Не расскажешь ли мне, что это за штука?

—Резервное оружие Тора, сынок. Он получил этот посох в подарок от подруги-великанши по имени Грид.

—Три вопроса, - уставился на него я. – Первый: у Тора есть подруга-великанша?

Да, кивнул Блитцен.

– Не все ведь они такие ужасные.

—Вопрос номер два: все имена великанш обязательно начинаются на букву «Г»?

—Нет, — внес некоторую ясность Блитц.

—И последнее: Тор что, художник войны? Может, у него ещё и железные нунчаки есть в наличии?

— Сынок, советую тебе не гневить этот посох, — поднял указательный палец Блитцен. — Конечно, его изготовили не великие гномы, работе которых принадлежит молот Тора, по весу равно оружие это сверхмощное и выковано оно из великанскою железа. Надеюсь, нам как-то удастся его поднять. Порох крайне тяжел, и к тому же его защищают волшебные чары.

—На сей счет можете не тревожиться, — раздался голос откуда-то сверху.

Мы разом задрали головы как раз в тот момент, когда в одно из высоких окон въехал на всех парах Тор на колеснице, запряженной Отисом и Марвином. Рядом с ними бодро парил в воздухе мой меч Джек.

Тор приземлился рядышком с нами во всем своем замызганном великолепии.

—Отличная работа, смертные! — просиял он улыбкой. — Вы отыскали мой посох, а это лучше, чем ничего.

—Я как-то не понял, чувак, — прогудел мой меч. — Мне на мы где-то понадобилось совсем мало времени. И вот вылезаю я чистый из кубка, обворачиваюсь, а вас и след простыл. И дверь зачем-то ещё завалили. Что после этого, скажи мне па милость, меч должен думать?

—Ну извини, так уж вышло, — с трудом удержался я от более длительных комментариев.

Тор потянулся к стенному шкафу, и посох тут же послушно влетел ему в руку. Сделав несколько эффектных выпадов, Тор с громким свистом рассек им воздух, а затем закрутил его в руках, как на военном параде.

—Вполне годится, пока я не отыщу мо... И-у...то оружие, которое официально не пропадало.

Спасибо вам ещё раз.

—У вас есть, оказывается, летающая колесница, — констатировал я, с трудом подавляя желание врезать ему по самодовольной роже.

—А-то! — одарил он меня раскатистым смехом. — Тор без летающей колесницы все равно что гном без парашюта для экстренных ситуаций.

—Большое спасибо, — зачем-то поблагодарил его Блитцен.

—Значит, вы преспокойно могли нас перенести сюда, сэкономив нам полтора дня времени и избавив от нескольких ситуаций, когда мы были на грани гибели! — понесло меня. — Но вы заставили нас карабкаться на утес и переправляться самостоятельно через пропасть.

—Неправильно было бы вас лишать шанса на героизм, с жизнерадостным видом отреагировал на мои обвинения громовой бог.

Блитцен скрипнул зубами, а Харт показал:

—Ненавижу этого бога!

—Вот именно, мистер Эльф, — приветливо покивал Тор. — Не каждый бы вам предоставил возможность проявить стойкость и мужество. Не стоит благодарностей.

—К тому же, — заблеял Отис, притопывая копытами, — боссу нельзя было показаться здесь без молота, особенно учитывая, что его дочь заточили в клетке.

—То есть вы и об этом знали? — вскинулась Сэм.

Тор свирепо уставился па козла:

—Вынужден, Отис, в который раз тебе повторять: иногда лучше ют держать на замке.

Отис уныло опустил рога:

—Простите. Можете даже убить меня. Я не против.

Марвин тут же его укусил и рыкнул:

—Может, лучше заткнешься? Не забыл, что вместе с тобой каждый раз убивают меня за компанию. Тор закатил картино глаза.

—Когда мой отец спросил у меня, каких животных я бы желал запрягать в колесницу, я выбрал летающие-восстанавливающиеся козлов. А ведь к моим услугам были любые звери, вплоть до львов и драконов. Ну а теперь отвечаю на твой вопрос, девушка, — повернулся он к Сэм. — Да, я чувствовал, что Гунилла здесь. Обычно мне сразу становится ясно, когда кто-нибудь из моих детей близко.

«Спасете её, — решил я. — Вот вам и отличный бонус».

— Мне не хотелось ей признаваться, что у меня пропал молот. Это информация, так сказать, деликатного свойства. Гордись, дочь Локи, что я доверил её тебе.

— Вам и это известно, лорд Тор? — чуть попятилась от него Сэм.

—Девушка, перестань величать меня лордом. Я бог простого народа. И можешь не беспокоиться: я

тебя не убью. Не все потомки Локи несут в себе зло. Даже сам Локи... – Громовой бог вздохнул. – Признаться, мне порой его очень не хватает.

—Неужели? – искоса глянула на него Сэм.

—Я не шучу, – шумно поскреб он рыжую бороду. – Частенько, конечно, и мне его убить хотелось. Ну, например, когда он состриг все волосы на голове у моей жены или, когда надоумил меня нарядиться в женское свадебное платье.

—Что-что? – решил я. – Что я ослышался.

—Но с Локи жизнь делалась интересней, – словно меня не расслышан, продолжил с тоской в голосе громовой бог. – Люди вообще почему-то думали, будто мы братья. Врагом-то Локи приходился не мне, а Одину. Но такой слух про нас шел. Потому что, ох ненавижу я признаваться в этом, мы с Локи были хорошей командой.

—Как Марвин и я, – проблеял Отис. – Мой психотерапевт утверждает...

—Заткнись, болван! – рявкнул Марвин.

Тор завращал железным посохом.

—Он мне очень поможет, пока я не найду тот, другой предмет. И, пожалуйста, никому ни слова. Даже моим детям. Им, пожалуй, особенно. Иначе придется мне вас убить, а у меня к этому душа не лежит.

—Как же вы будете без Мъёлльнира-то обходиться? – поинтересовалась Сэм. – Вам же без него...

— Не удастся смотреть телевизор? – подхватил Тор. – Ну да. Экран и разрешение на этом посохе, конечно, убоги. Но временно как-нибудь потерплю. Что же касается Острова Волка, то он возникнет из волн нынче ночью. Поторопитесь. До свидания, смертные, и....

—Стойте! окликнул я. – Нам необходимы координаты!

—Ах да! – хлопнул себя по лбу Тор. – Я ведь вам обещал. Ну, все, что вам требуется, это найти братьев-гномов на Длинной верфи и Бостоне. Они вас доставят на остров. Их судно обычно отчаливает на закате.

—Гномы, – обрадовался Блитц. — Выходит, мы можем им доверять?

—О нет, – возразил ему Тор. – Они при первой возможности попытаются вас убить, зато знают дорогу на остров.

—Лорд Тор, тоесть я имела ввиду, просто Тор, а вы бы не согласились поехать с нами? – вкрадчиво проговорила Сэм. – Это же очень важная битва. С огненным лордом Сур-том. Волком Фенриром. По-моему, вполне достойно вашего присутствия.

Правый глаз громового бога задергался.

—Вообще-то отличное предложение. Искренне бы хотел отправиться с вами, но, к сожалению, у меня намечена встреча, не терпящая отлагательства.

—Новый сезон сериала «Игра престолов», – пояснил Марвин.

—Заткнись, – шикнул на него Тор и воздел над нашими головами свой посох. – Используйте свое время с толком, герои. Как следует подготовьтесь к битве и будьте к закату на Длинной верфи. Комната закружилаась. Джек влетел мне в руку, и меня затопило изнеможение. Чтобы хоть как-нибудь устоять, я вынужден был прислониться к колонне.

—Куда вы нас отправляете, Тор?

—Туда, куда каждому из вас нужно, – расхохотался громовой бог.

И Йотунхейм обрушился на меня, как сложившаяся палатка.

Глава LVIII

КАКОЙ ХЕДИ?

Я стоял в одиночестве под сильной метелью на Банкер-Хилл.

Изнеможения уже не было. Джек вновь превратился в кулон и висел у меня на шее. Каким образом меня занесло сюда? Что я здесь делаю? Все это было как-то бессмысленно, но сон не напоминало. Полное ощущение, что я находился в реальном Чарльз-тауне, на противоположном от Бостона берегу реки. Ровно на том самом месте, куда когда-то в четвертом классе меня и других ребят привезли в школьном автобусе на экскурсию. Снег заметал густым белым тюлем дома из песчаника и парк, превратив его в белое поле с опущенными, словно ватой, деревьями без листвы и серым стремящимся в зимнее небо обелиском. Раньше он мне казался очень большим, но в сравнении с замком Гейрода выглядел маленьким и печальным.

Тор сказал, что я отправлюсь туда, где мне надо быть. Но что надо мне здесь делать и куда девались мои друзья?

— Трагично, не правда ли? — вдруг произнес чей-то голос.

Я даже не дернулся. Видно, успел привыкнуть к странным древнескандинавским личностям, которые тои дело вторгались на территорию личного моего пространства.

Слева от меня стояла женщина лет двадцати пяти, неотрывно глядящая на монумент. Бледная кожа. Длинные темные волосы. Профиль её, прекрасный до боли и сердца, словно подсвечивала горностаевая накидка, мех которой искрился подобно сугробу под фонарем. Она медленно повернулась ко мне. И едва смог подавить вопль ужаса. Правая сторона лица её была воплощенным кошмаром. Сморщенная полуразложившаяся кожа, схваченная островками льда, бескровные до прозрачности губы, приоткрывающие два ряда ставших зубов, белый глаз, пересохшие до состояния паутины волосы.

«Не бери в голову, Магнус, — пытался я как-то себя успокоить. — Ну это же что-то вроде того чувака из «Бэчменао, у которого два лица». Бог только-то тот был явной выдумкой. Потому и казался смешным. Жуткая женщина представляла собой совсем не смешную реальность.

Будто спасаясь когда-то от разрушительного урагана, она застrella в дверях убежища, и одна её половина осталась целой, вторая же получила травмы, несовместимые с жизнью. Или, решив возродиться из мертвых, она что-нибудь отвлеклась в середине процесса перевоплощения.

— Ты Хель, — внезапно сообразил я и услышал, что голос мой звучит, как в пятилетнем возрасте. Подняв иссохшую правую руку, она заложила прядь мертвых волос за клочок отмороженной плоти, который когда-то был ухом.

— Да, я Хель. Ну, Магнус Чейз, давай же. Больше бравады. Смертные, знаешь ли, любят разные шуточки отпускать с моим именем. Чего же не спросишь, какой Хели мне здесь понадобилось, не пошлешь ли меня на Хель или ещё что-нибудь в этом роде?

Шутки... Бравада... Да у меня суша сил хватало на то, чтобы с воплем не унести прочь. Вокруг Хель закрутился ветер, сорвав с её мертвой руки клочки почерневшей кожи, которые пеплом легли на снег.

— Что вам от меня нужно? Я ведь уже и так эйнхерий. Короче, мертвый.

— Мне это известно, юный герой, и я совершенно не покушаюсь на твою душу. У меня их вполне достаточно. Я тебя вызвала просто на разговор.

— Вы меня сюда вызвали? А я думал, Тор.

— Тор! — Хель презрительно фыркнула. — К нему есть смысл обращаться за помощью, только если у тебя что-нибудь не ладится со ста семнадцатью каналами эйч-ди-контента. А вот отправить куда-нибудь правильно по Девяти Мирам — в этом он полный ноль.

— И? — выжидающе глядел я на богиню.

— И я решила, что нам с тобой самое время поговорить. Мой отец ведь предупреждал, что я тебя отыщу, правда? И ещё предложил тебе выход из ситуации. Вывести меч из игры. Отдать его дяде Рэндолфу. Сделай это, пока ещё есть возможность. Я надеюсь, что это место послужит тебе ужом.

— Банкер-Хилл? — спросил я.

Она повернулась в сторону монумента так, чтобы мне осталась видна только её мертвая половина.

— Грустно и лишено смысла. Очередная безнадежная битва, подобная той, в которую ты собрался вступить.

Мои исторические познания за последние годы несколько заржавели, но я все же отчетливо помнил, что монументы на месте лишенных смысла и безнадежных боев не возводят.

—Разве битва на Банкер-Хилл не увенчалась победой? — произнес я вслух. — Американцам ведь удалось удержать британцев на вершине горы. Не стреляйте, пока не увидите... — Тут я напоролся взглядом на её кошмарный зомби-глаз, и мне как-то не захотелось заканчивать знаменитую фразу: «Не стреляйте, пока не увидите белки их глаз», которую велел повторять американским солдатам полковник Прескотт, и в результате ни одна пуля не была выпущена ими зря. Стреляли прицельно, подпустив врага на близкое расстояние.

—На каждого героя по тысяче трусов, — ответила мне богиня. — На каждую храбрую смерть тысячи бессмысленных. И на каждого эйнхерия по тысяче душ, попавших ко мне. Вот прямо там, — указала куда-то влево полуразложившейся рукой Хель, — сложил голову, зовя маму, молодой человек своих лет. Самый юный в своем полку. Он был застрелен за трусость собственным командиром. Думаешь, его восхитил бы этот величественный монумент? А вон там, — рука её переместилась к вершине холма, — твои предки, после того как у них иссякли боеприпасы, кидали в британцев камни, словно пещерные люди. Иные бежали. Другие остались, и их закололи штыками. И кто поступил умнее? Она улыбалась, и трудно сказать, какая из её половин выглядела ужасней. Мертвая? Или та, что принадлежала красивой женщине, потешающейся над сценой массового убийства?

—И слова эти про белки глаз никто тогда не произносил, — продолжала она. — Это миф, сочиненный спустя много лет. Даже название этого места было тогда другим — Бридс-Хилл. Битва, конечно, дорого обошлась британцам, но потерпели то поражение американцы. Вот она, человеческая память. Вы забываете правду и верите в ту, что вам больше нравится.

Снег таял у меня на шее. Воротник уже стал совершенно мокрым.

—Ну и в чем ты хотите меня убедить? Отказаться от битвы? Позволить Сурту освободить вашего брата Волка?

- Я просто тебя призываю задуматься. Действительно ли Банкер-Хилл оказал влияние на результаты вашей революции? Сможешь ли ты, повстречавшись с Суртом, не допустить Рагнарёк или, наоборот, ускоришь его наступление? Ринуться в битву — удел героев. Людей того склада, которые в результате оказываются в Вальхалле. Но ведь есть миллионы других, проявлявших всю жизнь осторожность и осмотрительность. Зато они спокойно встретили смерть в собственных постелях. И души их перешли ко мне. Так, может, они поступили мудрее? Действительно ли ты принадлежишь Вальхалле, Магнус?

Я вдруг вспомнил кружашееся в ледяном воздухе предсказание норн:

*Выбор сделан был неправильно тобой.
Был убит не для Вальхаллы тот герой.
Девять дней к востоку солнце пролетит, —
Связан зверь, но летний меч его освободит.*

Мне тут же вспомнился сосед по вальхалльскому коридору. Ти Джей, не расставшийся до сих пор с мундиром времен Гражданской войны и старинной винтовкой. Он изо дня в день принимал участие в бесконечных боях в ожидании окончательной смертной битвы при Рагнарёке. Я подумал о Хафборне Гундерсене, который, чтобы дожить до последней битвы, сохранив разум, защитил степень по литературе. Я один из таких, как они?

—Отнеси меч дяде, — настаивала тем временем Хель. — Пускай события разворачиваются без твоего участия. Это самый разумный и безопасный выбор. Если на нем остановишься, мой отец Локи вознаградить тебя.

Кожа у меня на лице до того горела, что я испугался. Вдруг уже начал от обморожения разлагаться и скоро стану похож на Хель?

—Наградить меня?

—Не верь тем, кто твердят, что Хельхейм ужасное место, — отозвалась богиня. — В моем чертоге много прекрасных комнат для избранных. К тому же, я могу организовать воссоединение.

—Воссоединение с.... мамой? — едва удалось мне выговорить. — Она у вас?

Вопрос мой, похоже, заставил богиню склонить низко голову и задуматься.

—Я могла бы её заполучить, — наконец выпрямилась она. — Душа её пребывает пока в процессе определения статуса.

—Как-как? Я не понял вас.

—Ну, на судьбу умерших часто влияют желания и молитвы живых. Смертные всегда это знали. —

Зубы Хель обнажились в улыбке – с одной стороны идеальной формы и белые, а с другой гнилые.

-Я не могу вернуть Натали Чейз к жизни, но если захочешь, то мне по силам объединить ваши души в Хельхайме. Там вы вновь сможете стать семьей, и никто вас уже никогда не разлучит.

Я попытался себе представить такое, и у меня тут же возникла масса вопросов, вот только язык почему-то перестал мне повиноваться.

—Тебе совершенно не обязательно говорить, – кажется, поняла, что со мной происходит, Хель. — Просто, если мир будет спасен, подай мне знак. Заплачь по маме. Дай волю слезам, и я пойму, что мой план тебе нравится, только решай немедленно. Отвергнешь мое предложение, упрешься на собственном Банкер-Хилле, и попрощайся с надеждой когда-нибудь спона увидеть маму в этой или какой-нибудь другой жизни.

Я почти наяву увидел, как мы с мамой «печем блины» на пруду. Глаза у неё сияют весельем. Руки простерты навстречу солнцу. Она пытается объяснить мне, каков мой отец: «Магнус, разве ты сам не чувствуешь? Он здесь, вокруг нас. Вот почему я так часто сюда привожу тебя». Мама. Натали Чейз. В темном холодном замке с навеки скованной мертвым миром Хельхайма душой? Да это же всё равно, что моё тело, мое мертвое тело, которое я увидел в похоронном агентстве.

Забальзамированная реликвия, подмазанная и приодетая, чтобы быть выставленной напоказ. Или утонувшие души, бьющиеся в сети богини Ран.

—Плачешь? – с довольным видом отметила Хель. – Значит, договорились?

—Нет, нет! – внезапно обрел я дар речи. – Вы просто не понимаете. Я плачу из-за того, что понял желание мамы. Она хотела запомниться мне такой, какой была. Это единственный памятник, который ей нужен. А вы предлагаете мне пытать её, заморозить, чтобы она жила словно труп или призрак в подземном хранилище.

Хель до того разозлилась, что даже живая часть Её лица утратила всю свою привлекательность.

—Да как ты посмел!

—Не хотели бравады? – мигом сорвал я с цепочки кулон. Джек вытянулся во всем великолепии.

Руны его засияли и запарили на лютом холода.

— Оставьте меня в покое, – потребовал я. – Можете передать Локи, что сделка не состоялась. А если я ещё когда-нибудь вас увижу, то обещаю рассечь прямо по разделительной линии.

Я поднял меч в воздух.

Богиня смешалась с метелью, а следом за ней испарился и весь окружающий пейзаж. Теперь я стоял на краешке крыши, пятью этажами выше асфальта, простершегося внизу.

Глава LIX

СРЕДНЯЯ ШКОЛА — ЭТОКОШМАР!

Прежде чем я, на свою погибель, успел рухнуть вниз, меня схватили и оттащили назад.
— Осади, ковбой! — услышал я голос Сэм.

Я обернулся. На ней была куртка того оттенка синего цвета, который называют морским, темные джинсы и черные ботинки. Вообще-то, синий не в числе моих любимых цветов, но ей он придавал достоинство и серьезность. В этой куртке она походила на офицера авиации. Хиджаб её покрыл снег, топора на боку не видно. Вероятно, она запихнула его в рюкзак, который висел у неё за плечами.

Встреча со мной в таком странном месте, похоже, не вызвала у неё удивления. Впрочем, судя по её напряженному лицу и отрешенному взгляду, направленному и какие-то неясные дали, она вообще сейчас была сосредоточена на чем-то своем.

Я постепенно приходил в себя. Моя рука все ещё сжимала рукоять посверкивающего на свету Джека, но никакого упадка сил от убийства сестер-великанш не чувствовалось. Я глянул вниз на прямоугольник асфальта, об который только что едва не разбился. Он представлял собою пространство между двумя корпусами школы, обнесенное оградой из металлической сетки. На нем рассеялись группки школьников, занятые чем. Одни болтали возле дверей, другие пихались, скользя по образовавшимся дорожкам изо льда. Третьи просто топтались на месте. Вроде бы семиклассники, хотя по их зимней одежде тёмного цвета точно не определишь.

Я превратил меч в кулон. Пусть пока повисит на шее. Расхаживать по крыше школьного здания с мечом в руках мне показалось как-то не очень.

— Где мы? — спросил я Сэм.

— Любимые места, — с горечью отозвалась она. — Средняя школа имени Малькольма Икса.

Я попытался представить себе её в группе таких вот, одетых в темное девчонок, где единственным ярким пятном был бы её зеленый хиджаб.

— Тор, значит, отправил тебя обратно в школу. Жесткий он какой-то, — сказал я ей.

Она хмыкнула.

— Вообще-то он отправил меня домой, и я крайне вовремя нарисовалась у себя в спальне. Не успела я там появиться, туда влетели Биби и Джид, и началось. Куда исчезла? Где меня носило? Короче, попала я в ситуацию куда хуже, чем средняя школа.

Мне стало стыдно. Вот ведь зациклился на своих проблемах, а Сэм каково? Она же, помимо прочего, должна ухитриться вести нормальную жизнь в семье.

— Ну, и что же ты им сказала?

— Что была у друзей. Пусть думают, будто я задержалась у Марианны Шоу.

— Ну, ясное дело: про трех странных типов ты им не докладывала, — усмехнулся я.

— Ненавижу врать, — нахмурилась Сэм, — но что поделаешь? Я сказала Биби, что пыталась ей послать SMSky. Это чистая правда: пыталась, только из Йотунхейма сигнал не проходит. Но Биби решила, что это её вина. У неё с мобильниками постоянно проблемы. Короче, вроде бы выкрутилась, но все равно, когда я вот так их надеваю, мне вечно не по себе. Они ведь столько для меня сделали. И, ясное дело, тревожатся, чтобы со мной не вышло как с мамой.

— Ну да, жуткий ужас. Вдруг станешь успешным врачом, который спасает сотни людей, — съехидничал я.

— Прекрасно ведь знаешь, о чем я, — она закатила глаза. — Бунт против традиций. Навлекла позор на семью. В общем, они заперли меня в комнате. Теперь, мол, не выйдешь отсюда до судного дня. Я уж не стала им говорить, что, возможно, сегодня ночью он и наступит.

Ветер усилился. Порывы его крутили со скрипом лопасти старых вентиляторов, сбивая с них хлопья ржавчины, которые, как опавшие листья, летели с крыши на школьный двор.

— Как же тебе удалось удрать сюда? — полюбопытствовал я.

— Да никак, — она пожала плечами. — Просто вот здесь появилась. Возможно, мне требуется напоминание, с чего все началось.

Мозги мои после прогулки по Йотунхейму были не менеё ржавыми, чем вентиляторы на этой крыше, но, несмотря на это, в них возникла догадка.

— Именно здесь ты стала валькирией?

Сэм кивнула.

— Морозный великан. Зачем он тогда проник в нашу школу, не знаю. Может, меня искал, может, кого-то другого из полубогов. Он разрушил несколько классов. Началась паника. Какая бы цель у него ни была, он, похоже, собирался её достичнуть, не останавливаясь ни перед чем. Разрушения множились. Вот-вот кто-нибудь мог погибнуть. Никто, кроме меня, не понял, с какой силой они столкнулись. Решили, что это просто психанутый человек. Заблокировали все выходы и позвонили в полицию. Только время шло на секунды. — Она засунула руки поглубже в карманы. — Короче, я его вызвала на себя. Принялась дразнить, что-то обидное говорила про его мать, внешний вид. Он забыл обо всем и помчался за мной, а я побежала на крышу. К счастью, он не умел летать и разлетелся на миллион ледяных кусочков, — Сэм посмотрела вниз, на заасфальтированный школьный двор.

Казалось, она не гордилась собой, а скорее была смущена.

— То есть тебе удалось в одиночку справиться с великаном и спасти школу? — изумленно уставился на неё я.

— Наверное, — пожала плечами Сэм. — Только никто ничего не понял. Все остальные решили, что тот, кто ворвался в школу, просто сбежал. Ясно все стало одному только Одину. Всеобщий Отец возник после гибели великана на том самом месте, где сейчас стоишь ты, и предложил мне работать валькирией. Я согласилась.

Разговор с Хель вызвал с новой силой во мне все то, что я испытал в момент гибели мамы. Теперь к этой боли добавился жгучий стыд. Сэм, поверив, что я такой же герой, как она, доставила меня в Вальхаллу, лишившись места валькирии. И несмотря на то, что произошло с ней потом, кажется, не считает меня виноватым.

— Ты теперь, вероятно, жалеешь, что взяла мою душу, когда я погиб? — решил напрямую выяснить я.

Она едва слышно хихикнула.

— Ничего ты не знаешь, Магнус. Доставить тебя в Вальхаллу меня попросил... Нет, совершенно не Локи, а Один.

Кулон у меня на шее нагрелся, в ноздри ударили запах роз и клубники, словно меня на мгновение занесло в лето.

— Один? — пробормотал я. — Но ты же говорила мне, что он исчез. Не появлялся с тех самых пор, как ты стала валькирией.

— Он просто просил никому не рассказывать. Но... — Она опустила глаза. — Кажется, я и с этим не справилась. В общем, в ночь перед твоей битвой с Суртом, Один поджидал меня возле дома бабушки с дедушкой под личиной бездомного. Жиденькая бородка, старое синее пальто, грязная широкополая шляпа. Но я сразу узнала его по голосу и повязке на глазу. Вот тогда он мне и велел наблюдать за тобой и, если ты будешь храбро сражаться, отправить в Вальхаллу.

По школьному двору разнеслись трели звонка. Ребята, отпихивая друг друга, стали протискиваться внутрь здания. Обычный учебный день. Когда-то и я был таким же, как они, только теперь это так далеко от меня. Словно прошло множество лет.

— Но ведь норны сказали, Вальхалла не для меня, — отчетливо помнил я. — Значит, я не был её достоин.

— И все же был избран, — ответила Сэм. — Не пойму, по какой причине возникли потом разногласия, раз сам Один считал, что именно так и надо. Ну, да чтобы там ни было, наш долг — добраться сегодняшней ночью до острова.

Я глянул вниз. Снег крупными хлопьями заметал асфальт, стирая следы только что пробежавших ребят. Минута-другая, и от них ничего не останется, как от разбившегося на ледышки и растаявшего великана, с которым два года назад справилась в одиночку Сэм.

Обрадовало ли меня, что сам Один, великий Всеобщий Отец, избрал меня для Вальхаллы вопреки предсказанию норн? Вызвало ли во мне гордость, что я оказался достоин его внимания? Не знаю. Меня скорей озадачивало, почему в таком случае он не пожелал со мной встретиться лично. Вон даже Локи, навечно привязанный к какому-то камню, умудрился несколько раз мне явиться. И Мимир, от которого вовсе осталась лишь голова, совершил путешествие для встречи со мной. А Всеобщий Отец, Великий Колдун, умеющий с помощью рун изменять реальность, не нашел времени даже для коротенького контакта.

У меня в голове отчетливо прозвучал вопрос Хель: «Действительно ли ты принадлежишь Вальхалле, Магнус?»

— Я только что с Байкер-Хилл, — стало необходимо мне поделиться с Сэм.— Хель предложила мне воссоединиться с мамой.

Выслушав терпеливо мой подробный рассказ, она потянулась было к моей руке, но в последний момент передумала.

— Мне очень жаль, Магнус, но Хель тебе лжет. Ей нельзя доверять. Она точно такая же, как мой отец, только ещё холодней и расчетливей. Ты сделал правильный выбор.

— Знаю, — кивнул ей я. — Но вот у тебя никогда не бывало, что вроде и правильно поступаешь, а ощущение у тебя при этом ужасное?

— В большинстве случаев именно так со мною и происходит. - Сэм надвинула поплотнее на голову капюшон куртки. – До сих пор не пойму, зачем мне понадобилось тогда вступать в схватку с великаном. Ребята в школе ко мне относились ужасно. Ну, знаешь, такая нормальная ерунда, когда всем скопом против кого-нибудь одного ополчаются. Вопросики постоянно мне задавали, не террористка ли я. Сдирали хиджаб. В шкафчик записочки всякие мерзкие и рисунки подкидывали. Вот я иногда и думаю: что мне стоило, когда великан напал, притвориться обычной смертной и спрятаться в безопасном месте? Почему мне такое в голову не пришло? С какой радости я рисковала жизнью ради этих ребят?

Я улыбнулся.

— Ты что? — удивилась она.

— Да вот просто вспомнил, как кто-то мне говорил, что героизм — это незапланированная храбрость. Такая естественная реакция на критическую ситуацию, которая идет от сердца без малейших мыслей о вознаграждении. Тогда-то т человек сказал мне этотак уверенно.

Сэм фыркнула, а я продолжал:

— Прийти сюда больше требовалось не тебе, а мне. Теперь я окончательно понял, почему мы хорошая команда.

Она иронически изогнула брови.

— Да-а? Мы хорошая команда?

— А вот скоро проверим, — глянул я в северном направлении, где за завесой метели скрывалась Длинная верфь. — Давай-ка отыщем Блитцена и Хартстоуна, и все вместе займемся тушением Огненного Гиганта.

Глава LX

СЛАВНЕЙКИЙ СМЕРТОНОСНЫЙ МОРСКОЙ КРУИЗ НА ЗАКАТЕ СОЛНЦА

Блитц и Харт ожидали нас возле здания Аквариума Новой Англии.

Блитцен экипировался в новенькую одежду: военную форму цвета хаки, желтый широкий галстук и в тон желтый шлем с желтой солнце непробиваемой вуалью.

—Очень подходящий комплекс для охоты на волков, — сообщил, сияя, он нам.

И, продолжая блистать, начал рассказывать, как волшебство Тора занесло его пряником в лучший супермаркет Нидавеллира, куда ему и впрямь крайне требовалось попасть, и где он воспользовался своей Свартальф-экспресс-картой для оплаты экспедиционной экипировки, которую составили несколько комплектов сменной одежды и практически вечный гарпун из костяной стали.

—Но дело и этим не кончилось, — прибавилось ещё на несколько градусов радости в нашем гноме. — Поединок со мной вышел злобному хмырю Джуниору большим боком. Слухи о его позорном проигрыше распространились повсюду. Меня же больше никто ни в чем не упрекает. Про слепня и про вас остальные забыли начисто. Все теперь только и твердят, какие я делаю потрясающие стальные доспехи, и много народа жаждет их получить. Если сегодня выживу, то примусь, наконец, за выпуск собственной коллекции одежды.

У нас с Сэм особой надежды пережить эту ночь не было, но Блитц просто лучился от счастья, и расстроить его ни я, ни она не решились, а просто поздравили от души с таким крупным прорывом. Гном от избытка эмоций начал раскачиваться с пятки на носок, тихонько мурлыча песню «Стильно одетый гном».

Харт тоже обзавелся обновками, но и совершенно в ином направлении. Он стал обладателем полированного посоха из белого дуба, который сверху раздавался, образуя нечто похожее на рогатку, и возникало ощущение, что между ответвлениями обязательно находится что-то ещё.

С новым посохом он приобрел облик древнего эльфа, вооруженного мечом и волшебством, хотя был одет во всегдашние черные джинсы, кожаную куртку поверх футболки с логотипом «Бостонский дом развлечений» и свой неизменный красно-белый полосатый шарф.

Зажав посох под мышкой, он сообщил нам знаками, что Тор перенес его к колодцу Мимира, где Капо объявил его настоящим мастером альфсайдера, созревшим для Посоха Колдуна.

—Разве это не потрясающе! — похлопал его по плечу Блитцен. — Я всегда был уверен, что у тебя получится.

Хартстоун покусал губы.

—Но я не чувствую себя мастером.

—А у меня тут кое-что есть,— я вытащил из кармана руну перт. — Хель, с которой мы встретились несколько часов назад, напомнила мне обо всем, что я потерял.

—Эх, сынок, — вздохнул сочувственно Блитцен, выслушав мой рассказ. — А я тут ещё о каких-томодных трендах, когда тебе пришлось иметь дело с таким.

—Да все нормально, — заверил я, и это, в общем-то, было правдой. — Я совсем о другом. Меч ведь мой вчера уничтожил двух великанов, а я уже не ощущаю изнеможения. И догадываюсь почему. Я повертел в руках камень с руной Перт. Чем дольше я нахожусь с вами, ребята, тем легче становятся для меня последствия, когда приходится пускать в ход меч. До знатока мне, конечно, далеко, но у меня впечатление, что мы многое делим поровну. — Я протянул руну Харту. — Знаю по опыту, каково это — быть пустой чашей, когда у тебя отобрали самое главное, но я не один. Мы все теперь семья. И сколько бы тебе, Харт, ни пришлось потратить сил на магию, знай: мы всегда рядом с тобой.

Глаза у него вдруг наполнились зёленой влагой, и он прожестикулировал: «Я тебя люблю», кажется, на сей раз, не имея под этим знаком в виду «великанши пьяные».

Взяв у меня из рук руну, он положил её между двумя зубами своего посоха, и она как влитая прилипла там с той же прочностью, что мой кулон к цепочке на шее, а символ Перт засиял нежно-золотым светом.

—Мой знак, — объявили руки эльфа. — Мой семейный знак.

Блитцен зашмыгал носом, словно его внезапно одолел насморк.

—А ведь здорово. Семья из четырех пустых чаш.

Сэм украдкой смахнула с глаз слезы.

—Что-то мне пить захотелось, — произнесла она хрипло.

—Аль Аббас, — торжественно изрек я.— Назначаю тебя на роль зловредной сестрицы.

—Заткнись, Магнус. - Она с крайне сосредоточенным видом одернула куртку, а потом принялась поправлять лямки рюкзака. — Я простовот думаю, что, если с процессом объединения семьи покончено, наверное, нам уже следует пуститься на поиски корабля с двумя гномами.

—Зачем на поиски? — расправил и взбил попышнее свой широкий галстук Блитцен. — Мы с Хартом, прежде чем вы появились, уже все разведали.

И он уверенными шагами повел нас к пирсу, четко следя к цели и, кажется, демонстрируя нам, насколько хорошо ощущает себя на дневном свете в своем новом шлеме.

В самом конце Длинной верфи, напротив не работающего зимой киоска, где летом можно было приобрести билеты на экскурсии по наблюдению за китами, стояло крайне безобразное сооружение, наспех сварганенное из обрезков фанеры и картонных коробок. Над криво вырезанным окошком висело написанное от руки объявление: «Круиз по наблюдению за волками. Стоимость одного билета — один золотой. Дети до пяти лет — бесплатно».

За окошком виднелся гном, внешность которого красноречиво свидетельствовала, что он не Свартальф, а т т самий гном, который произошел от трупной личинки. Фута в два ростом, он до того зарос бородой, что лица практически не осталось, и густая эта растительность просто переходила сверху в надвинутую на глаза капитансскую фуражку, козырек которой явно служил ему защитой от солнечного света, а снизу в желтый плащ.

—Привет, — сказал этот гном-личинка. - Фьялар, к вашим услугам. Если желаете принять участие в круизе, то лучшей погоды для наблюдения за волками прости не придумаешь.

—Фьялар?— По лицу Блитцена было видно, чтоэго имя сильно его насторожило. — А у вас, случайно, нет брата по имени Гьяллар?

—Он вон там, — ткнул пальцем в сторону залива Фьялар.

Удивительно, как я раньше-то не заметил. Всего в каких-нибудь нескольких шагах от нас стоял пришвартованный викинговский драккар с подвесным мотором, на корме которого сидел, поедая вяленое мясо, гном — почти точная копия Фьялара, с той только разницей, что одежду его составляли заляпаный грязью комбинезон и фетровая шляпа с низко свисающими полями.

—Вижу, вы наслышаны о нашем эксклюзивном сервисе, — льстивым голосом продолжал Фьялар. — Четыре билета, как я понимаю? Учтите, такая возможность только один раз в году выпадает.

—Одну минуточку, — перебил его Блитц, поманив нас в сторону. — У этих Фьялара и Гьялара очень дурная слава, — прошептал он, как только мы отошли.

—Тор нас об этом предупреждал, — кивнула Самира, — но выбора у нас нет.

—Знаю, но... — Блитцен в отчаянии заломил руки. — Они уже больше тысячи лет грабят и убивают. И, ясное дело, попытаются это сделать при первой возможности с нами.

—Ну, значит, они мало чем отличаются от тех, кто нам попадался раньше, — подытожил я.

—Они постараются нам нанесли удар в спину. Или бросят нас на необитаемом острове. Или выкинут за борт на съедение акулам, — не успокаивался Блитцен.

Харт, указав на себя, постучал пальцем о ладонь, чтоозначало: «Я все равно за».

Блитцен пожал обреченно плечами, и мы возвратились к будке.

—Четыре билета, пожалуйста, — сказал я смертоносному гному.

Глава LXI

ВЕРЕСК ВОЗГЛАВИЛ СПИСОК САМЫХ МОИХ НЕЛЮБИМЫХ ЦВЕТОВ

Я считал, что морской прогулочки хуже нашей рыбалки с Харальдом просто не может быть, но я глубоко заблуждался.

Едва драккар гнусных гномов с нами на борту вышел из гавани, вода стала темнее чернил кальмара, а беловую линию Бостона накрыла завеса снежной мглы, стерев с неё все черты современности.

Вероятно, такой, как мы видели её сейчас с палубы, она предстала тысячу лет назад вошедшему на своем драккаю в реку Чарльз потомку Скирнира.

Центр города уменьшался до нескольких серых холмов, взлетно-посадочные полосы аэропорта Логан затянуло ледяной коркой, плавающей по воде, а острова поднимались и падали, словно порывистые картинки на бракованном видеоролике, в разрывах между которыми пролегали тысячи лет.

Мне вдруг стало казаться, что это скорей пейзаж не из прошлого, а из будущего. Наверное, именно такой облик приобретет Бостон после Рагнарёка. Но я предпочел не делиться своими соображениями на сей счет с друзьями.

Навесной мотор на драккар производил в тишине залива просто-таки неприличный шум. Он гремел, рычал, громко плевался выхлопом, будто поставил перед собою цель оповестить всех монет ров в радиусе пяти миль, где нас можно найти.

Ф्यялар, расположившийся на носу судна, то и дело громко выкрикивал брату:

—Камни по левому борту! Айсберг по правому! Кракен на два часа!

Я пытался казаться спокойным, но нервы мои были на пределе. Сурт обещал мне, что этой ночью мы встретимся и он сожжет меня вместе с друзьями заживо и пламя от нас уничтожит Девять Миров. Но ещё больший ужас испытывал я от того, что вот-вот встречусь с Волком. При одной мысли облом из глубины моего подсознания поднимался таящийся там вот уж два года кошмар, заполнявший всего меня черной мглой, в которой мелькали звериные оскалы, белые клыки и голубые глады.

Сэм сидела рядом со мной, демонстративно держа на коленях гонор, чтобы его могли видеть гномы. Блитц неустанно теребил свой широкий галстук, будто рассчитывая таким образом устрашить двух братьев-убийц, а Харт отрабатывал что-то магическое, заставляя свой новый посох то исчезать, то вновь появляться. Когда трюк совершился правильно, посох, возникнув из пустоты, влетал ему прямиком в руку, при допущенной же ошибке ударял его в бок, а однажды пришелся мне по затылку.

Так вот мы несколько часов подряд и развлекались, а потом драккар вдруг сотряс поток перпендикулярного течения.

— Теперь уже близко, — объявил находящийся на носу Ф्यялар. — Зашли и Амсвартнир. Это Очень Чёрный Залив.

- И с чего, интересно, его так назвали? - хихикнул я, уставившись на чернильного цвета волны. Небо расчистилось от облаков. На его густой черни, без единой звезды, засияла серебряная лупа, свет которой, смешавшись с туманом, тускло высветил линию берега. В жизни ещё лунный свет не вызывал во мне такой ненависти.

—Лингви, — послышался с носа голос Ф्यялара. — Остров Вереска и тюрьма волка.

Остров напоминал потухший множеством лет назад вулкан. Приплюснутый конус, выступающий футов на пятьдесят над уровнем моря. Слоны густо поросли белыми цветами. Вереск? Но ведь мне было известно, что он обычно цветет лиловым.

— Если это vereek, - начал я вслух, - то какой-то он странный, и вообще его многовато.

Ф्यялар хохотнул.

—Здесь он волшебный, милейший. Служит защитой от зла и призраков. Лучшей тюрьмы для Волка, чем остров с оградой из этих цветов, не придумать.

Самира, поднявшись на ноги, поглядела на остров.

- Если Волк так огромен, как говорят, почему его до сих пор не видим?

— Прежде чем увидать, по склону нужно подняться, — ответил Ф्यялар. - Волк лежит связанный посреди острова, как камень в чаше.

Сравнение с камнем в чаше заставило меня вспомнить одно из значений руны перт: пустой сосуд, в

котором можно взболтать и кинуть игральные камни судьбы. Очень бы мне не хотелось очертя голову спускаться в кратер, где идет такая игра на меня. Я настороженно глянул на Харта, но он никак не отреагировал на слова Фьялара. Полагаю, что просто не мог читать по губам, которые были скрыты такой густой бородой.

Когда до берега оставалось с десяток футов, киль на шею судна наткнулся на песчаную косу. Резкий скрежет и треск, которые раздались при этом, живо напомнили мне, как с таким же звуком рассыпалась на куски дверь нашей квартиры в ночь гибели мамы.

— Ну, можете выходить, — жизнерадостно объявил нам Фьялар. — Следуйте вверх по склону. Как увидите волка, сразу поймете, что не зря на билеты потратились. Приятной экскурсии.

Может быть, у меня попросту разыгралось воображение, но я вдруг учуял отчетливо запах дыма и мокрой звериной шерсти, и пульс мой забился в ушах с такой скоростью, словно данное мне в Вальхалле сердце эйнхерия решило себя испытать на пределе возможностей.

Не будь рядом моих друзей, сомневаюсь, что я набрался бы смелости сойти на берег. Первым спрыгнул Хартстоун. За ним последовали Сэм и Блитцен. Ну и что же мне после этого оставалось? Остаться в компании двух гнусных гномов? Волей-неволей пришлось последовать за своими. Вода дошла мне до пояса и оказалась такой ледяной, что я всерьез опасался безнадежно замерзнуть, если так можно выразиться, свое мужское начало.

«Вот выйду сейчас на берег, — невольно подумалось мне, — и начну говорить таким тоненьким голоском».

С голосом и со всем остальным обошлось, но ступив на сушу, я услыхал голос Волка и был вынужден срочно собрать все то, что еще оставалось от моей смелости. Волки страшили меня до дрожи с самого детства. Но вой Фенрира представлял собой нечто отдельное. В нем звучал концентрат чистой ненависти и ярости. Барабанные перепонки мои разрывались. Меня затрясло. Казалось, еще чуть-чуть, и я распадусь на молекулы и ссыплюсь в распавшемся виде в Гиннунгагап. С драккара раздался хохот мерзякев томов.

— Забыли предупредить вас! — крикнул Фьялар. — Поездка обратно вам обойдется чуток подороже. Соберите-ка живо все ваши ценности в один рюкзак и киньте их мне сюда. Иначе мы вас навсегда здесь оставим.

— Эти... — Блитцен назвал их в общем —то очень точно, но пощажу ваши уши. Они, кидай мы им что или нет, все равно оставят нас здесь.

Тут мне очень хотелось бы вам наврал, как я, мужественно отмахнувшись от Гьялара с Фьяларом и повернувшись спиной к их посудине, решительно зашагал вперед к Волку. На самом же деле подобное оказалось последним в списке моих желаний, и я лишь едва удерживался от слез и мольбы, обращенной к гномам: «Возьмите, конечно, все, только сжальтесь, пожалуйста, и отвезите нас обратно в Бостон!»

К счастью, об этом моем желании никто не узнал. Потому что я, хоть и дрожащим голосом, но смог выкрикнуть гномам:

— Проваливайте! Вы больше нам не нужны!

Фьялар с Гьяларом переглянулись. Они уже и без моих пожеланий тихонько отчаливали.

— Ты разве не слышал Волка? — с такой отчетливостью осведомился Гьялар, словно считал, что иначе мне, из-за полной тупости, не попять. — Вы здесь останетесь вместе с Фенриром. Вам крышка.

— А то без тебя не знаем, — пожал я плечами.

— Волк вас сожрет! — угрожающе проорал Фьялар. — Связанный или нен, но сожрет! А на рассвете и остров исчезнет! И ВЫ — вместе с ним!

— Спасибо, что подбросили. Приятной дороги назад, — пожелал им я.

— Идиоты! — погрозил нам кулаками Фьялар. — Ну, дело хозяйственное. Заберем все ваши вещи с ваших скелетов, когда через год возвратимся. Полный вперед, Гьялар! Может, еще успеем подобрать в Бостоне новую группу туристов, которые окажутся посговорчивее.

Подвесной мотор взревел. Драккар с двумя негодяями на борту исчез в темноте.

Я повернулся к друзьям и решил небрежным толкнуть им что-нибудь зажигательное. Ну, вроде: мы семья из четырех чаш, и победа будет за нами.

— Ну, — бодренько начал я, — мы сбежали от войска гномов, не сдрейфили перед белкой-монстром, прибили сестер-великанш и закололи двух говорящих козлов. Так ли ужасен нам должен быть после этого Волк Фенрир?

— Ужасно ужасен! — хором откликнулись Сэм и Блитцен.

Хартстоун изобразил пальцами на обеих руках знак «О'кей», затем свел их крестом и резко раскинул в стороны, что можно было перевести как «просто кошмар».

—Вот именно, — резко кивнув всем троим, я оживил Джека. В свете его клинка цвет вереска показался мне ещё бледнее и призрачнее. — Ну, ты готов, дружище?

- Железно готов, - отозвался меч. - Но у меня ощущение, что мы угодим в ловушку.

—Кто считает, что это не так, прошу поднять руки, — обратился я к остальным.

Ни одна рука не поднялась.

—Круто, — прогудел Джек, — И так как всем вам понятно, что, скорее всего, вы помрете в муках и начнете Рагнарёк, я с вами. Давайте сделаем это.

Глава LXII

МАЛЕНЬКИЙ ПЛОХОЙ ВОЛК

Я помню, как, первый раз в жизни увидев Плимутский камень, подумал: «И это все?» Ровно так же разочаровали меня и колокол Свободы в Филадельфии, и Эмпайр-стейт-билдинг в Нью-Йорке. Вблизи и при взгляде воочию они оказались гораздо меньше, чем на картинках, и не вызвали у меня никакого ажиотажа.

Вот и Фенрир...

Сколько ужасных историй я про него наслушался. Ноги боялись его кормить. Он разрывал самые крепкие цепи. Отгрыз и сожрал руку Тора. В судный день собирался проглотить солнце. Был намерен в один укус сломать Одина. Мне представлялся зверюга больше Кинг-Конга, с дыханием огнемета, испепеляющее лазерным взглядом и ноздрями, притягивающими к себе жертву наподобие исполинского пылесоса невиданной мощности.

В действительности же я получил волка размером с обычного волка.

Стоя на гребне склона, мы смотрели вниз, где в центре долины сидел себе преспокойно Фенрир — зверь побольше среднего леопарда, но не больше меня. Ноги у него были длинные, мускулистые, словно созданные для бега.

Лохматая серая шерсть его перемешалась с черной. Никто не назвал бы его милым зверушкой.

Слишком уж хищно блестели его клыки, да и обглоданные скелеты, усеивавшие землю вокруг лап, вряд ли могли вызвать в ком-нибудь умиление. Но все-таки он был красив.

Весь путь к нему я как-то себе представлял, что он крепко прикован к земле, словно обивка, которую пришпандорили к мебели с помощью степлера, и неподвижно лежит на боку. Реальная ситуация выглядела совсем по-иному. Цепь Глейпнир удерживала Фенрира скорей не как жесткие путы, а наподобие кандалов, в которые заковывают преступников при перевозке. Сияющая цепочка вилась вокруг всех четырех его лап, но с достаточным припуском, предоставляя ему возможность бродить вокруг, а часть её, связывавшая когда-то ему пасть, вообще растянулась и теперь висела свободной петлей у него на груди. Кроме того, цепь ни к чему не была привязана, и я вообще не врубался, что удерживает Фенрира па острове, если, конечно, здесь не соорудили по всему периметру каких-нибудь невидимых ультразвуковых преград, наподобие тех, что удерживают собак на строго ограниченной территории.

Я бы на месте бога Тора очень был недоволен таким дрянным результатом. Рукой ведь чувак пожертвовал, чтобы Фенрира смогли связать, и нате вам. Неужели у асов не нашлось какого-нибудь приличного бога узлов?

Я повернулся к друзьям.

— Ну, и где настоящий Фенрир? По-моему, этот поддельный.

— Нет, — с такой силой сжала топор Самира, что рука у нее побелела. — Это он. Я чувствую.

Волк повернулся на звук голосов. Глаза у него засверкали знакомым голубым светом, словно вдарили мне с двух сторон по ребрам полицейской дубинкой.

— Ну и кто это к нам пришел? — осведомился он густым басом, и черные его губы растянулись в ухмылке, которая очень смахивала на человеческую. — Кого, интересно, боги отправили на сей раз, чтобы я подзаправился?

Впечатление мое о Фенрире несколько изменилось. Да, он был, можно сказать, обычных размеров. Не испепелял вис лазерными лучами, но в глазах у него светилось столько ума, сколько я не встречал до сих пор ни в одном существе ни животное, ни человеческого происхождения. Нос ею, словно учтяв мой страх, задрожал. А вкрадчивый бас, такой мягкий и гладкий, обволок меня словно патокой. Теперь мне было понятно, почему таны в Вальхалле не позволили Сэм сказать ни слова в свою защиту. Они страшились обезоруживающего красноречия детей Локи.

Я совершенно не собирался подходить к Волку, однако в самом звучании его голоса слышалось: «Да чего ты боишься? Иди сюда. Мы все здесь друзья».

Диаметр кратера был не больше ста ярдов, и внизу меня не могла отдельять от Фенрира достаточно безопасная дистанция, но я все же начал спускаться. Ноги мои оскальзывались на вереске, и мне несколько раз казалось, что сейчас полечу по склону прямо под лапы Волка, но в результате все обошлось.

Мне удалось заставить себя не отвести взгляда от волчьих глаз.

—Я Магнус Чейз, — объявил я совсем но па-то чным голосом. — И у нас с тобой встреча.

Фенрир оскалился:

—А ведь и впрямь сын Фрея. У потомства ванов такой любопытный запах. До сих пор-то мне удавалось полакомиться лишь детьми Тора, Одина и моего старого друга Тюра.

—Ну, извини, что разочаровал.

—Да нет, напротив. — Волк ходил взад-вперёд, и цепь поблескивала между его лапами, лишь слегка сковывая его движения. — Я очень даже доволен. Давно уже этого жду.

Харт, находившийся от меня слева, ударил несколько раз посохом по камням. Цветы вереска засияли, подсвечивая туман, который поднялся над нами словно вода, распыленная оросителем для газонов.

—Цветы образуют тюрьму. Оставайся внутри, — показал мне рукой, свободной от посоха, эльф.

— А эльф-то мудрый, — засмеялся волк. — Противник, конечно, он для меня никакой, силенок не хватит, но про вереск все абсолютно точно. Терпеть его не могу. Но странность-то в чем. Множество смертных пренебрегли его спасительной для себя полосой. Кто хотел испытать свои силы, а кто и проверить, по-прежнему ли я связан, — он плотоядно глянул на Блитцена. — Твой отец был одним из таких. Благородный гном, одержимый самыми благородными намерениями. Кости его лежат где-то здесь.

У Блитцена вырвался сдавленный крик. Он кинул бы на Волка со своим гарпуном, если бы мы с Самирой его не удержали.

—Гнусная, надо сказать, история, — задумчиво произнес Фенрир. — Отца твоего, кажется, звали Били? Ну да. И он был абсолютно прав. Эта смешная цепь уже множество лет назад начала становиться слабей и слабей. Когда-то я вовсе не мог ходить. Несколько столетий спустя уже удавалось чуть-чуть, ковыляя, двигаться. Теперь — сами видите. Вот только полоса вереска для меня по-прежнему непреодолима. Чем дальше я отхожу от центра острова, тем сильнее натягивается цепь, а это ужасно больно. Но все равно прогресс налицо. Настоящий прорыв наступил два года назад, когда мне удалось избавиться от проклятого намордника.

Сэм дернулась.

—Два года назад?

—Ну да, сестренка, — склонил голову набок волк. — Да ты наверняка и сама догадалась. Именно тогда я и стал нашептывать Одину во снах, каким бы отличным ходом было сделать дочь Локи валькирией. Лучшего, мол, не придумаешь, чтобы потенциальный враг превратился в ценного и надежного друга.

—Чушь, — отрезала Сэм. — Один бы даже слушать тебя не стал.

—Ты так уверена? — самодовольно оскалился Волк. — Вот это-то больше вечно меня потрясает в так называемых благородных и добрых душах. Вы слышите только-то, во что вам хочется верить, и принимаете этоза голос совести, хотя на самом-тоделе подчиняетесь голосу Волка. Л ты молодец, сестренка. Замечательно у тебя получилось привести ко мне Магнуса.

—Я никакая тебе не сестренка! — выпкрикнула в отчаянии Сэм. — И Магнуса не для тебя привела!

—Жаль, — улыбнулся ей с грустью Фенрир. — Я чую кровь оборотней в твоих жилах. Ты могла бы стать очень сильной. Наш отец бы гордился. Зачем ты борешься с этим?

Зубы Волка по-прежнему устрашали, взгляд был жестким, но голос... Он обволакивал. В нем звучали одновременно симпатия, сожаление, искренняя жажда принести пользу Сэм. Так и слышалось: «Я же твой старший брат, доверься, позволь мне помочь тебе».

Сэм, как загипнотизированная, шагнула вперёд. Я клешнями вцепился в Её руку и выпихнул:

—Фенрир! Это ты отправил в нашу квартиру волков той ночью, когда погибла мама?

—Конечно, — кивнул мне он.

—Тебе нужно было меня убить?

—Вот уж совсем не нужно, — уставился он на меня, и в его холодных глазах отразилось все, за что я себя ненавидел — трусость, слабость, эгоизм.

Никогда не прощу себе, что поддался маминым уговорам, сбежал, когда она во мне так нуждалась.

— Ты был важен и ценен для меня, Магнус, — продолжал Волк. — По тебе следовало выдержать, как вино. Лишения потрясающие стимулируют развитие силы. Гляди-ка, как ты преуспел моими стараниями. Первое дитя Фрея, которое смогло найти Меч Лета. Вот ты и доставил мне средство избавиться наконец от этих проклятых пут.

Я будто вновь оказался верхом на Стенли и, лишенный возможности хоть за что-то схватиться, ухнул вместе с ним в бездонную пропасть. Точка опоры ушла у меня из-под ног. Фенрир отправил

своих подручных волков убить не меня, а маму. Все оказалось гораздо хуже, чем я представлял себе раньше. Знала бы мама, что, жертвуя жизнью, способствует планам этого зверя выковать из меня своего харингера—полубога, которому будет по силам доставить ему Меч Лета.

Ярость затмила мне разум. Привел меня в себя меч, который с громким гуденьем вдруг резко рванул мою руку вперёд.

—Ты что это, Джек? — с трудом удержался на месте я.

—Видишь ли, — рассмеялся Волк. — Мечу Лета судьбой назначено разрубить мои пути. Тебе не по силам вмешаться в это. Дети Фрея отнюдь не бойцы, Магнус Чейз. Куда тебе управлять мечом, а тем более биться со мной. Ты уже сделан все, чем мог быть мне полезен. Скоро прибудет Сурт, и меч полетит прямиком ему в руки.

—Ошибка... — прогудел Джек, порываясь прочь из моей руки. — Ошибкой было меня приносить сюда.

—О, как же ты прав, мой славный клинок! — воскликнул с самодовольным видом Фенрир. — Вот Сурт, например, уверен, как, впрочем, и ты, Магнус, что это его идея и план!

—Как бы не так. Он лишь инструмент, которым я управляю. Не очень-то, скажем прямо, и совершенный инструмент. Подобно большинству прочих огненных великанов, в нем больше горячего воздуха, чем мозгов, по моей цели он служит и будет рад завладеть гобой, меч.

—Джек, но ты же теперь только мой, — поторопился напомнить я, хотя мне уже только с огромным трудом удавалось его удерживать двумя руками.

—Разрезать... — настойчиво прогудел он в ответ. — Разрезать...

—Ну и давай, Магнус Чейз, сделай это, — вкрадчиво проговорил Фенрир. — Зачем дожидаться Сурта? Проявишь добрую волю, и я буду тебе благодарен. Может быть, даже пошажу тебя и твоих друзей.

Блитцен, выхватив из рюкзака цепь Андскоти, прорычал громче Волка:

—Я собирался ему вначале просто завязать морду, но теперь лучше просто его удушу.

—Согласна, — свирепо проговорила Сэм. — Пусть он умрет.

Я полностью их поддерживал. Если Меч Лета считается лучшим клинком во всех Девяти Мирах, то ему должно быть по силам справиться с этим зверюгой.

Я был го-то в уже пустить оружие в ход, когда Хартстоун махнул перед нами своим новым посохом. Руна перт засияла золотым светом.

—Посмотрите на эти кости! — отчетливо услыхал я призыв.

Нет, у Хартстоуна не прорезался голос. Это скорей походило на колебание воздуха, которое, словно ветер, сдувающий пелену тумана, очистило паши мозги, замутненные речами Фенрира.

Скелеты, усеивавшие землю вокруг него, некогда принадлежали героям — детям Одина, Тора, Тюра. Гномам, людям, эльфам. И всех их Фенрир привел к гибели, кого обозлил, кого окружив патокой лести, а кому наврав.

Скорее всего, он смог бы заставить и нас кинуться па него в атаку, если бы не Хартстоун. Он-то голоса Волка не слышал, поэтому и сохранил здравомыслие.

Мечом неожиданно управлять стало легче, точней, он по-прежнему вырывался, но перевес сил теперь ятю был на моей стороне.

—Не надейся, что я с тобой стану биться или освобожу тебя, — объявил я Волку. — Мы просто дождемся Сурта и остановим его.

Фенрир шумно понюхал воздух.

—Ой, поздновато ты, кажется, спохватился. И впрямь нет нужды теперь тебе со мной биться. Да и мне что зря СПЛЕЛ тратить. Пусть другие потрудятся. Я ведь уже говорил: манипулировать благородными и порядочными одно удовольствие. Всегда берутся с готовностью за твою работу. Поглядите-ка, кто к нам пожаловал.

С другой стороны острова гаркнули:

—Остановитесь!

На гребне кратера стояла наша подруга Гунилла в компании двух подручных валькирий, а далее, справа и слева от них, выстроились мои соседи по этажу Ти Джей, Хаффборн, Мэллори и полутороль Икс.

- Вы пойманы в процессе содействия врагу! — победоносно провозгласила капитан валькирий. - Считайте, что собственноручно подписали себе смертные приговоры.

Глава LXIII

НЕНАВИЖУ ПОДПИСЫВАТЬ СВОЙ СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

— Ну и ну! — восхитился Волк. — Такой огромной компании вокруг моей скромной персоны не собиралось с тех самых пор, как меня связывали.

Гунилла покрепче схватилась за копье. На Волка она упорно не смотрела, словно в надежде, что если его не видеть, то он исчезнет.

— Томас Джеферсон-младший вместе с соседями по этажу! — прокричала она. — Следуйте осторожно о краю кратера и возьмите их в плен!

Ти Джей кивнул, однако энтузиазма на его лице явно не отразилось. Мундир свой он сегодня застегнул на все пуговицы. Штык на его винтовке поблескивал под светом луны. Рядом с ним находилась Мэллори, буравившая меня свирепым взглядом, что, впрочем, в её варианте могло означать радость встречи. Оба медленно, стараясь не оступиться, на—али подходить к нам по краешку кратера слева, в то время как тот же маневр, только справа, совершили Икс и следующий за ним по пятам Хафборн, а три валькирии бдительно держали под прицелом Фенрира. Хафборн, крутя на ходу свои боевые топоры, что-то тихонечко напевал, будто прогуливаясь с удовольствием по полю павших врагов.

— Сэм, — пробормотал я. — Если они возьмут нас в плен...

— Знаю, — кивнула она.

— Некому будет остановить Сурта, — договорил я.

— Знаю, — снова кивнула она.

— Мы можем их взять на себя, — предложил Блитц. — Брони на них нет, тем более модной.

— Подожди, — остановил я его. — Это ведь мои братья... Вернее, братья и сестра по этажу. Пожалуй, сперва попытаюсь поговорить с ними.

Харт показал свободной от посоха рукой:

— Псих? Ты?

Вот в чем прелесть языка жестов. Слова его можно было понять, как вопрос: «Ты совсем псих?» и в равной степени как восхищенное утверждение: «Ну, ты такой же псих, как и я!». Я предпочел второй вариант, подтверждающий, что Хартстоун мне выражает поддержку.

Волк Фенрир, сев, попробовал почесать себе ухо, но цепь не позволила ему это сделать.

Понюхав воздух, он ухмыльнулся мне.

— Интересная у тебя компания, Магнус Чейз. Чую, что кто-то ещё здесь прячется, — вновь потянул воздух носом он. — Весь вопрос, кто это окажется? Может, и впрямь мне сегодня предстоит большой пир?

— Не понимаю, о чём ты, коврик из шерсти, — пожал я плечами.

Волк расхохотался.

— Скоро поймешь. Мне только вот интересно, посмеет он показать свое настояще лицо?

— Чейз! — вытащила из патронташа один из своих молоточков Гунилла. — Ещё одно слово Волку, и я проломлю тебе башку!

— Я тоже, Гунилла, ужасно рад с тобой встретиться, — улыбнулся я ей. — Но времени на разборки у нас с тобой сейчас нет. Сурт уже на пути сюда.

— А-а-а. Сговорился, значит, с огненным великаном, который убил тебя, — пробуравила она меня взглядом следователя. — Или самоубийство просто часть плана, чтобы ты смог в Вальхаллу попасть?

— Тебе не кажется, что ты чересчур много думаешь для дочери Тора? — прокричала Сэм.

— А ты, дочь Локи, чересчур много слушаешь не того, кого надо, — огрызнулась капитан валькирий.

— Джефферсон, поторопись!

Бывшие мои соседи по этажу уже приблизились к нам вплотную.

— Пришлось же нам за тобой погоняться, Чейз, — поцокала языком Мэллори. — Решил оправдать свое имя?

— Дико остроумно. — Мне никогда не казалось чем-то смешным, что слово «чейз» означает «погоня». — Долго ждала возможности отпустить эту шуточку?

Мэллори фыркнула. Стоящий с ней рядом Икс стер со лба зеленые капельки пота.

— Цепь на Волке слишком болтается, — скверно, нахмурился он.

— Братание воспрещаю! — проорала сверху Гунилла. — Надеть быстро на них наручники!

—Понимаешь, в чем штука, Магнус. — Ти Джей позвенел четырьмя наручниками, которые у него болтались на указательном пальце. — Гунилла нам пригрозила, что если мы не докажем верность Вальхалле, поймав тебя, то придется нам следующие сто лет провести в котельной, подбрасывая уголь в Харту. Словом, считай себя под арестом и так далее и тому подобное.

Хафборн ухмыльнулся.

—Но есть и другая штука, Магнус. Мы - викинги. А викинги не всегда следуют приказам. Поэтому можешь себя считать снова свободным.

Ти Джей опустил указательный палец. Наручники упали на землю.

—Упс, — произнес он с довольным видом.

—Имеешь в виду... — все ещё не верилось мне.

—Имеет в виду, — подхватила Мэллори. — В общем, мы здесь, чтобы тебе, идиоту, помочь.

—Я люблю вас, ребята!

—Что нам нужно сделать? — деловито осведомился Ти

Сэм кивнула в сторону Блитцена.

—У нашего гнома есть новая цепь для Фенрира. Если мы сможем...

—Прекратить! — неистовствовала наверху Гунилла. — Я всех вас, если потребуется, отправлю обратно в наручниках!

Фенрир от удовольствия даже взыпал:

—Как славненько было бы посмотреть на это. Но ты, Гунилла, к сожалению, чересчур медлительна. Сюда уже прибыла новая партия моих друзей, и они не станут никого заковывать в наручники или брать и плен.

Икс повернулся в ту же сторону, что и Волк, и шейные его мышцы взбухнули, как свеж залитый в форму цемент.

—Там!

Харт уже тоже указывал туда посохом, вспыхнувшим от наконечника до рукояти золотым пламенем. На краю кратера, правее валькирий, возникла дюжина огненных великанов, в два человеческих роста каждый. Тела их покрывали кожаные лепестки брони, с поясов свисали разнокалиберные топоры и ножи, руки сжимали мечи размером с резец плуга. Цветом лиц они различались, но оттенки кожи у всех были вулканического происхождения: пепел, лава и обсидиан. Вереск огненных великанов, не в пример Волку, мало тревожил. Он просто на их пути, задымившись, сгорал.

В центре огненной группы находился модный консультант Сатаны — лорд Сурт, одетый в приталенный костюм из кольчужной ткани и рубашку с галстуком, казалось, сотканные из пламени. Горящий его ятаган смотрелся в этом ансамблे как эффектный аксессуар. Выглядел Сурт, можно сказать, неплохо, вот только носа у него по-прежнему не было. Пустячок, так сказать, но приятно.

—Мой дизайн! — громко скрипнул зубами Блитцен. — Он спер мой дизайн!

—Магнус Чейз! — грянул Сурт. — Вижу, что ты принес мой меч! Превосходно!

Джек чуть не выпрыгнул у меня из рук. Наверное, можно было обхващаться, глядя, как я пытаюсь его удержать, словно пожарный, борющийся с гидрантом под напором воды.

—Хозяин. Он будет моим хозяином, — гудел, вырываясь, Джек.

—Отдай добровольно меч, — с угрожающим хохотом прорычал Сурт, — и я убью тебя быстро и без мучений. А вот девкам Одина, — смерил презрительным взглядом Гуниллу и двух подручных валькирий он, — такого не обещаю.

Фенрир, потянувшись, встал.

—Лорд Сурт, мне очень, конечно, нравятся все ли ваши угрозы и позы, по нельзя ли дело скорее двинуть? Лунный свет-то уже тает.

Я повернулся к Ти Джою.

—Да? — выжидающе глянул на меня он.

—Нам с друзьями необходимо связать Фенрира новой цепью. Отвлеки на себя огненных великанов. Сможешь?

Он улыбнулся.

—Я выступил в гору против тысячи семисот конфедератов. Думаю, что уж с дюжиной великанов как-нибудь справлюсь. Капитан Гунилла, вы с нами? — крикнул он вверх. — Если нет, мне придется принять участие в новой гражданской войне! А мне бы не хотелось.

Гунилла какое-то время приглядывалась к огненным великанам. Судя по кислому выражению её лица, они были ей ещё менее симпатичны, чем я.

—Смерть Сурту! Смерть врагам Асгарда! — подняв копье, прокричала она и вместе с подручными

валькириями ринулась в атаку на великанов.

—Я так понимаю, мы в деле, — изготовился к бою Ти Джей. — Примкнуть штыки.

Глава LXIV

И КТО ТОЛЬКО ДОДУМАЛСЯ СДЕЛАТЬ ВОЛКА НЕУБИВАЕМЫМ

Мне наконец представился случай оценить смысл ежедневных боевых тренировок в Вальхалле. Пройдя через ужас и хаос битвы в отеле, я оказался более подготовлен к встрече лицом к лицу с Фенриром и огненными великанами, пусть даже они и не имели при себе калашей и надписей на груди «*Рискни, брагам!*».

С Джеком стало немного легче. Он по-прежнему пытался от меня вырваться, но движение его теперь стало разно направленным. Он раздидался между стремлением рубануть путы Волка и влететь в руки Сурта, и я уже не испытывал столь сильного сопротивления, удерживая его, когда медленно двинулся по направлению к Фенриру.

— Есть идея, как нам по новой его связать? — походя сбив гонор, брошенный и нашу сторону великанином, поинтересовалась Сэм.

— Да. Может быть. Не совсем, — отвечал ей я.

Один из огненных великанов кинулся к нам. Блитцен, и ярости от того, что Волк позволил себе издеваться над гибелю его отца, а Сурт спер его модные наработки, взыв, как чокнутая Элис из Чайна-тауна, вогнал в живот великана гарпун. Тот, скорчившись и рыгая пламенем, заковылял прочь, унося его в своем брюхе.

Хартстоун, указывая на Волка, подал нам знаки:

— Идеи. Следуйте за мной.

— Но нам нельзя выходить из полосы вереска, — напомнил я.

Хартстоун поднял вверх посох. По земле перед нами тенью расползлась руна:

Вокруг неё начал стремительно расцветать вереск, выпуская по мере нашего продвижения все новые ростки.

— Альгиз. Руна защиты, — завороженно взирала на происходящее Сэм. — Ни разу не видела, как её применяют.

А я ещё никогда не видел таким Хартстоуном. Сотворив волшебство, он совершенно не потерял сил, а уверенно продвигался вперёд, а перед ним раскатывался ковер, плотно сотканный из цветов вереска. Мало того, что на нашего эльфа не действовал голос Волка, так он ещё своей магией сужал границы его тюрьмы.

Вслед за Хартстоуном мы медленно спустились на самое дно кратера, а наверху, справа, уже вовсю шел бой с горячей компашкой Сурта. Я видел, как топор Хафборна Гундерсона вонзился в грудную броню великана, а Икс в это время, сграбастав другого огнедышателя, скинул его с гребня вниз.

Мэллори и Ти Джей дрались спина к спине, укорачиваясь от огненных выхлопов и нанося сокрушительные удары.

Гунилла с подручными валькириями взяли на себя самого Сурта, но из-за ослепительного сияния их копий и огненного ятагана лорда тьмы мне не очень-то было видно, что там у них происходит.

Друзья мои по вальхаллскому этажу бились очень отважно, но противник вдвое превосходил их численностью и к тому же дотупости не хотел помирать. Даже тот великан, которого загарпунил Блитцен, по-прежнему трепыхался среди сражающихся, пытаясь поджечь эйнхериев своим чадящим дыханием.

— Нам очень нужно поторопиться, — оценил ситуацию я.

— Открыт для любых идей, — ответил мне Блитцен.

Фенрир расхаживал взад-вперёд и, судя по его виду, мало тревожился, что ковер вереска поступает к нему вплотную, а мы, вооруженные топором, сияющим посохом, не идущим на сотрудничество мечом и мотком волшебной веревки, подходим к нему все ближе и ближе.

— Ну-ну, конечно, спускайтесь, — принял он подначивать нас. — Поднесите-ка меч поближе.

— Сейчас я его свяжу, — свирепо пробормотал Блитцен. — Харт, подстрахуй меня. А вы, ребята, сделайте как-нибудь так, чтобы он в следующие несколько минут не смог откусить мне голову.

— Ужасная идея. — проворчала Сэм.

— У тебя есть лучше? — повернулся к ней Блитцен.

— У меня есть! — крикнул Фенрир и прыгнул вперёд.

Он мог запросто с ходу вцепиться мне в глотку, но его целью было совсем другое. Передние его

лапы оказались по обе стороны от клинка Джека. Тот жизнерадостно посопрудничал, разрубив цепь Глейпнира.

Сэм резко опустила топор, целясь Волку между ушей, но он успел в последний момент отпрыгнуть. Шерсть его от соприкосновения с вереском задымилась, на лапах запузырились ожоги, но, кажется, он от радости даже не чувствовал боли. Путы-тоу него теперь остались лишь сзади.

—Ой, до чего ж замечательно! — упивался он частично обретенной свободой. — Теперь, пожалуйста, задние лапы, и можно начать Рагнарёк.

Ярость к волкам, целых два года копившаяся во мне, вырвалась на поверхность, и я проорал:

—Делай. Блитцен, что собирался, а я сейчас вышибу этой дворняге все зубы.

Очертя голову принимаешь обычно плохие решения, и это было одно из них. Я кинулся на Волка. Сэм последовала за мной.

Если Фенrir и не отличался слишком большим размером, то силы, даже со связанными задними лапами, был просто неимоверной. Стоило мне сойти с защиты верескового ковра, эта тварь превратилась в шквал острых когтей и смертоносных зубов. Я, оступившись, упал. Когти Волка тут же прорезали у меня на груди глубокие раны. Не отбрось его Сэм ударом топора в сторону, он бы меня распотрошил на мельчайшие составные части.

— Ты не сможешь мне причинить вреда, — оскалился он. — Это даже богам не по силам, иначе давно бы уже перерезали мне глотку. Моя судьба предопределена. До Рагнарёка я не убиваем.

—Должно быть, очень приятно знать о себе такое, — с трудом поднялся на ноги я. — Но, знаешь, я все же попробую.

К сожалению, Джек совершенно не помогал мне. Каждая, моя попытка атаковать Волка кончалась тем, что меч, изворачиваясь, целился не в него, а в путы на его задних лапах, и все это смахивало на детскую игру в мячик с названием «Свинка посередине».

Блитцен рванул вперёд, собираясь накинуть завязанную петлей цепь Грейнпир на задние лапы Фенрира, но тот, даже под угрозой топора Сэм, отреагировал с быстротой молнии. Не понимаю, как это у него вышло, но он успел полоснуть гнома, но горлу. Он упал лицом вниз. Моток веревки откатился в сторону.

—Нет! — кинулся к Блитцену я.

Хартстоун врезал изо всех сил сияющим посохом по башке Волку. Полыхнул золотой огонь. Волк, завывая от боли, уполз в сторону. На лбу у него дымилась руна — стрела, пробороздившая Чёрный глубокий след в серой шерсти.

—Тейваз! —оскалился Волк. — Ты посмел атаковать меня руной Тюра!

Он кинулся на Хартстоуна, но, наткнувшись на невидимое препятствие, отлетел, завывая, обратно. Сэм подскочила ко мне. Топора у неё в руках не было. Левый глаз заплыл. От хиджаба остались жалкие клочья.

—Харт использовал руну самопожертвования, чтобы спасти Блитцена, — угрожающим голосом объявила она.

—То есть? — я пока ничего не понимал, но что-то внутри подталкивало меня к страшным мыслям. Харт, цепляясь за посох, рухнул в изнеможении на колени, но все же ухитрился перекрыть Волку путь к Блитцену.

— Пожертвовал собственной силой ради защиты друга! — с презрением поглядел на него Фенrir.— Великолепно! Насладись сполна своей глупостью. Гном все равно уже помер. А ты собственной руиной магией уготовил себе дорожку следом за ним. Впрочем, пожалуй, ещё поживи чуть-чуть. Понаблюдаешь, как я разделяюсь с остальной своей вкусной добычей.

И, демонстрируя все свои жуткие зубы, он побежал в нашу с Сэм сторону.

Дела тех, кто сражались с Суртом и его великанами, шли далеко неблестящие.

Одна из валькирий Гуниллы неподвижно лежала на камне. Вторую свалил ятаган Сурта. Латы её пылали. Гунилла осталась один на один с огненным лордом. Пока ещё у неё хватало сил неистово наносить ему удары копьем, метавшимся взад-вперёд наподобие огненного кнута, но, ясное дело, надолго хватить её не могло. Одежда на ней уже тлела. Щит обгорел и потрескался.

Эйнхерии попали в окружение. Хафборн лишился одного из своих топоров. Великаны уже нанесли ему столько ран и ожогов, что оставалось лишь удивляться, как он ещё жив, но тем не менее он с громким смехом продолжал угощать великанов мощнейшими ударами. Мэллори, преклонив колено, с громкой руганью билась сразу с тремя великантами. Ти Джей колол противников штыком. Икс тоже работал пока вовсю, хотя даже он по сравнению с этими гигантскими керосинками казался крохотным.

У меня стучало в висках от боли. Конечно, моя восстановительная энергия эйнхерии уже включилась, и раны вскоре должны были закрыться. Вот только Волк лишит меня жизни прежде, чем это произойдет.

Волк, потянув носом воздух, явно учゅял мое состояние.

—В общем-то, должен признать, неплохая попытка. Магнус. — хихикнул он. —Только вот сыновья Фрея никогда не были бойцами. Так что теперь мне осталось только сожрать врагов. Обожаю эту часть программы!

Глава LXV

А Я НЕНАВИЖУ ЭТУ ЧАСТЬ ПРОГРАММЫ

Спасение иногда приходит от странных существ или пещей. К примеру, от львов или пуленепробиваемых галстуков.

Фенрир прыгнул, нацелившись мне в лицо. Я избежал столкновения, резко упав на пятую точку. Мимо меня пронесся какой-то расплывчатый силуэт, который врезался в Волка и повалил его на бок.

Нет, не расплывчатый силуэт, а лев, сообразил я уже в тот момент, когда оба животных сцепились в мелькании клыков и когтей на усеянной костями земле. Затем они резко поднялись на лапы, и тут мне сделалось все окончательно ясно. У льва заплыл один глаз.

- Сэм! – выкрикнул я.

— Тащи цепь, – не выпуская Волка из поля зрения, бросила мне львица голосом моей экс-валькирии. – Мне надо потолковать с моим милым братцем.

Не мгновенное превращение в львицу потрясло меня куда меньше, чем то, что она могла в этом облике говорить своим голосом и даже как-то очень по-своему двигать губами. Да и глаза у неё оставались такими же, как всегда.

Шерсть на загривке Фенрира стояла дыбом.

— Значит, решила все-таки перед смертью принять способности, которые даны тебе от рождения, дорогая сестричка, – прорычал он.

— Я принимаю себя такой, как я есть, Самира аль Аббас из рода Льва, – жестко проговорила она и прыгнула на Волка.

Они драли друг друга клочьями, кусались, рычали и выли. Первый раз в жизни мне довелось попять, что значит на самом деле выражение «шерсть летит клочьями», и убедиться, как это страшно. Два зверя в самом буквальном смысле драли друг друга на части, и ужас заключался для меня в том, что в облике одного из них выступала моя подруга.

Я уже собирался ринуться ей на подмогу, когда вспомнил, что говорила мне Фрея насчет Меча Дета: «Убивать самая меньшая из его способностей». А Волк заявил мне к тому же, что сыновья Фрея никогда не были бойцами. В таком случае, кто же я?

Блитцен со стоном перевернулся на спину. Хартстоун немедленно принялся проверять его шею.

Меня привлек неожиданно металлический блеск его галстука. Превратившись каким-то образом из шелкового в кольчужный, он уберег ему горло. Настоящий пуленепробиваемый галстук. Фриг его побери!

Блитцен сыграл по полной и, главное, оставался по-прежнему жив.

Губы мои сами собой расплылись в улыбке. Блитцен не был бойцом. Я тоже. Но ведь есть и другие способы побеждать.

Я схватил смотанную и клубок Грейнпир. На ощупь она оказалась как снег – жутко холодной и до неправдоподобия мягкой. Меч у меня в руке замер.

— Ну, и что делаем? – вопросительно прогудел он.

— Разбираемся.

— Круто, – одобрил он и пошевелился, словно потягиваясь после дневного сна. – Как там дела-то?

— Лучше, – откликнулся я и вонзил клинок в землю. Джек даже не дернулся, чтобы удрачить. – Может быть, Сурт когда-то и завладеет тобой, но он ведь не понимает, в чем твоя сила, а я понимаю, – принялся объяснять ему я. – Мы — команда,

Я захлестнул Грейнпир петлей вокруг рукоятки Джека. Звуки боя, происходившего рядом со мной, до меня теперь доносились лишь смутно. Может быть, из-за того, что я оставил попытку сразиться с Волком. Все равно ведь его никто не может убить. А если и сможет, то не сейчас и не я. Зато мне доступно другое.

Я изо всех сил сосредоточился. Нужно было как можно скорее вызвать в себе тепло, которое появлялось, когда мне приходилось кого-то лечить. Сила роста и жизни. Сила Фрея. Мне вдруг открылся смысл предсказания норн. Сегодня девятый день. Солнце пойдет на восток.

Место, в котором мы все сейчас находились, связано с ночью, луной и серебряным светом, а я должен его осветить летним солнцем.

Учуяv, что обстановка меняется. Волк нанес удар Сэм. Она покатилась кубарем по костям. Морда

Фенрира была вся изодрана. На лбу безобразным черным клеймом отпечаталась руна Тюра.

—Ты что это там задумал, Магнус? А ну прекращай! — рыкнул он и кинулся на меня, но, не достигнув, упал, извиваясь от боли.

Меня окружала аура золотого света — точно такого же, как появилась в Йотунхейме, когда я приводил в чувство Сэм и Хартстоуна. Свет этот, в отличие от Муспельхеймского пламени, не обжигал, да и не отличался особенной яркостью, но, тем не менее, судя по поведению Волка, причинил ему дикую боль. Он скалился, расхаживал взад-вперёд и так сильно зажмурился, словно его ослепило.

—Прекрати! — взвыл он. — Или надеешься осветить меня до смерти?

Сэм-львица с трудом поднялась. На бедре у неё виднелся глубокий порез, а по морде, можно было подумать, прошлись бороной.

—Магнус, что ты там делаешь? — спросила она.

—Создаю лето.

Порезы у меня на груди исчезли. Силы вернулись. Отец мой был богом тепла и света, волки же порождением темноты. Сила Фрея сдерживала Фенрира подобно тому, как вставала преградой на пути леденящей стужи и испепеляющего жара.

—Лето? Я помню лето, — радостно прогудел воткнутый в землю Джек.

Я, размотав цепь во всю длину, чтобы она тянулась за Джеком, как верейка за змеем, обратился к Волку:

—Знаешь, Фенрир, один старый гном объяснил мне, что самые прочные материалы — это парадоксы. Именно из них состоит цепь Грейнпир. Но я к ним добавлю ещё один, завершающий, и он окончательно свяжет тебя. Меч Лета — это оружие, которое не должно быть оружием, потому что действует лучше всего, когда его выпускаешь из рук.

С этими словами я отпустил Джека, мысленно дав ему команду лететь и не сомневаясь, что все остальное он сделает сам.

Его больше ничто не удерживало. Он мог разрезать последние пуги на Волке или, свернув в противоположную сторону, отправиться прямиком в руки Сурта, но не сделал ни того ни другого, а, нырнув Фенриру под брюхо, связал его новыми путами с такой скоростью, что тот спохватился лишь после того, как меч опрокинул его на бок.

—Нет! Я не... — потряс остров вопль Волка.

Это было последнее, что он сумел сказать, Потому что Джек обкрутил цепь вокруг его морды и вернулся ко мне.

—Ну, как я тебе, босс? — просиял он от гордости рунами на клинке.

—Ты классный меч, Джек, — отдал ему должное я.

—Ну, вообще-то, я это знал, — с чувством собственного достоинства произнес он. — Но как тебе узелок-то, а? Настоящий двойной узел восьмерка. А ведь у меня-то и рук даже нет.

Сэм, спотыкаясь, побрела к нам.

—Ты это сделал, Магнус! Ох, — выдохнула с натугой она и стала обычной Самирой, разве что сильно пострадавшей — лицо разбито, бок весь в крови.

Я успел её подхватить до того, как колени её подогнулись, и поволок подальше от Волка. Даже накрепко связанный, он продолжал биться, изо рта у него шла пена, и мне казалось, что лучше все-таки отойти от него подальше.

Харт, поддерживая Блитца, последовал за нами с Сэм, и мы, все четверо, рухнули на ковер из вереска.

—Живой, — выдохнул я. — Ног уж не ожидал.

Но наш мгновенный триумф длился и впрямь лишь мгновение.

Звуки битвы, творящейся вокруг нас, резко усилились, точно вдруг кто-то сорвал шумовую завесу, которая до сих пор поглощала их. Полагаю, сыграла роль магия Харта. Оберегая нас от Фенрира, она в тоже время отгородил нас и от битвы с великанами.

Я поднял голову. Дела у моих друзей-эйнхериев обстояли паршиво.

—К валькирии! — прокричал Ти Джей. — Живо!

Он, спотыкаясь, пронесся по краю кратера и, врезав попутно штыком в великана, попытался добраться до Гуниллы. Все время, пока мы сражались с Волком, она в одиночку вела бой с Суртом, а сейчас он её повалил па землю, и руки её едва удерживали копье, а огненный лорд уже заносил над ней ятаган.

Мэллори еле брела в отдалении без оружия, да к тому же ещё и израненная, и на её помощь вряд ли можно было рассчитывать. Икс барахтался под горой великанских трупов, пытаясь выбраться па

поверхность. А Хафборн Гундерсон, весь в крови, сидел неподвижно, откинувшись спиной на камень.

Оценив ситуацию за какую-то долю секунды и поняв, что мы четверо Гунилле помочь не успеем, я, тем не менее, вскочил на ноги и вместе с Джеком кинулся к ней.

Она успела ещё встретиться со мной взглядом. Я поймал в её голубых глазах выражение ярости и смирения. Уверен, что если бы у неё нашлось время что-то сказать, то услышал бы:

—Пусть хоть это будет не зря.

Но огненный лорд обрушил на неё свой ятаган.

Глава LXVI

ЖЕРТВЫ

Не знаю уж, почему меня так это подкосило.

Гунилла мне даже не нравилась.

Но, когда я увидел Сурта, стоящего над её безжизненным телом, и его тлеющие триумфом глаза, мне захотелось упасть на груду костей и оставаться там до самого Рагнарёка.

Гунилла была мертва. Две её подручные валькирии, имен которых я даже не знал - тоже. Все трое пожертвовали собой ради того, чтобы дать мне время. Хафборн либо умер, либо умирал. Остальные эйнхерии вроде пока держались, но на последнем издыхании. Сэм, Блитц и Харт в новый бой явно вступить сейчас не могли.

А Сурт, полный сил, вполне себе прочно стоял на ногах с сияющим ятаганом в руке. И три великаны, оставшиеся от всего его войска, ещё были живы и при оружии.

Все наши жертвы, усилия и уловки во имя победы над Волком, похоже, сводились к нулю. Едва Сурт завладеет моим мечом, как спокойно освободит его. А судя по Торжествующей улыбке огненного лорда, именно это он и собирался сделать.

—Признаю, впечатлен, — бросил он мне свысока. — Волк говорил мне, что ты обладаешь хорошим потенциалом, но, думаю, даже он не ожидал, что ты так великолепно себя проявишь.

Волк продолжал конвульсивно биться 13 своих новых путах.

Несколько футами дальше от Сурта, выставив вперёд штык, сидел на корточках Ти Джей. Мне было ясно: достаточно подать ему знак, и он готов броситься в свой последний бой. Но я не мог позволить себе ещё одну жертву.

—Убирайся, — сказал я Сурту. — Вали обратно в свой Муспельхейм.

Он, вскинув голову, расхохотался:

—Надо же! Смел до конца! Не, пожалуй, я все же сожгу тебя, Магнус Чейз.

Он выбросил вперёд руку. В мою сторону устремилась струя огня, но я заставил себя замереть на месте.

Я представил себе: мы с мамой на Голубых холмах. Первый весенний день. Солнечные лучи ложатся на мою кожу, размораживая своим теплом трехмесячный холод, а светом три месяца изнуряющих сумерек.

Мама поворачивается ко мне с сияющей улыбкой: вот где я нахожусь, Магнус. В этом моменте. С тобой.

Чувство спокойствия укрепило меня. Помню, как мама мне рассказала однажды. Некоторые дома на В:—ж—Вас, похожие на наш фамильный особняк, были построены на территории бывшей свалки. Почва оказалась чересчур мягкой, и время от времени под фундаменты приходилось вбивать новые сваи, чтобы здания не перекаивались. Вот и я сейчас себя чувствовал укрепленным новыми сваями. Крепким и твердым, как никогда.

Пламя Сурта, прокатываясь по мне, остывало и превращалось просто в волну тепла не опаснее, чем тепло батареи центрального отопления.

У ног моих зацвел вереск. Стремительно распространяясь вокруг, он покрыл новым пышным ковром все выжженные на пути войска Сурта места, прикрыл трупы убитых великанов и впитал всю кровь.

— Именем Фрея! — крикнул я Сурту. — Битва окончена!

Воздух от моих слов взвихрился теплыми волнами. Мечи, кинжалы и топоры посыпались из рук огненных великанов,

Даже винтовка Ти Джая вдруг вырвалась от него. Буквально за миг все оружие, даже то, что лежало попросту на земле. И только Джек по-прежнему оставался при мне.

—Трюки и детское волшебство! — рявкнул Сурт, впрочем, уже не столь устрашающе выглядящий без своего огненного ятагана. — Ты не можешь меня победить, Магнус Чейз. Все равно меч будет моим.

—Но не сегодня, — подбросил я в воздух Джека.

Он закрутился спиралью над головой у Сурта, тот попытался схватить его, но промазал, и меч улетел ему за спину.

—Это была такая атака? — ещё бодрился огненный лорд.

—Нет, это был ваш последний выход, — ответил я.

За спиной у него раздался оглушительный треск. Это Джек прорезал границу между мирами. Тело мое сдавило, словно я вдруг оказался в разгерметизированном самолете. Вершину кратера рассекла пылающая зигзагообразная щель. Поток воздуха потянул к ней Сурта и огненных великанов.

—Пока! — прогудел им вслед Джек. — Увидимся позже!

И щель за ними закрылась. Теперь тишину на острове нарушали лишь рык и вой разъярённого Волка.

Я упал на колени перед Гуниллой. Было ясно, что жизнь ушла из неё. Голубые глаза неподвижно уставились в пустоту. Сломанное копье лежит поперек груди. Патронташ, в котором она носила свои молоточки, пуст.

У меня подкатил ком к горлу. Глаза защипало от подступавших слез.

— Мне так жаль, — сипло выдавил из себя я.

Она провела в Вальхалле пять сотен лет, доставляя туда души погибших героев и готовясь к последней битве. На крыше отеля Гунилла спросила: «Неужели даже Асгард у тебя не вызывает почтения?»

Я посмотрел на её лицо, навечно застывшее в выражении какого-то неожиданно-радостного открытия. Хотелось верить, что она смотрит на тот Асгард, о котором мечтала, — полный асов и со струящимся светом изо всех окон в доме се отца.

— Магнус, — вывел меня из ступора голос Ти Джая. — Нам пора.

Они с Мэллори из последних сил тащили Хафборна Гундерсона. Икс, ухитрившийся выбраться из-под великанских трупов, нес двух павших валькирий. Блитц и Хартстоун брели, подпирая друг друга, следом за ними шла Сэм.

Я поднял тело Гуниллы. Она оказалась довольно тяжелой, а силы мои уже таяли.

— Нам надо поторопиться, — мягко, но очень настойчиво произнес Ти Джен.

Я двинулся вместе с Гуниллой вперёд. Земля под моими ногами качалась. Сияние моей ауры не только ослепило Волка, но и ускорило исчезновение острова. Не дожидаясь рассвета, он стал превращаться в губчатый туман.

— У нас в запасе остались считанные секунды, — сказала Сэм. — Давай, Магнус, скорее.

Призыв её показался мне просто невыполнимым, но все же я умудрился каким-то образом не отстать от друзей, и вскоре Ти Джен вывел всех нас на берег.

Глава LXVII

ЕЩЁ ОДИН РЫВОК ДЛЯ ДРУГА

—У нас есть лодка Фрея! – крикнул Ти Джей.

Я понятия не имел, что это за такая лодка Фрея. Впрочем, на тающем берегу ничего и не наблюдалось, кроме воли усиливающегося прибоя, но для расспросов я был слишком измучен и потрясен. Жар и холод, которые мне так спокойно удавалось переносить всю предыдущую жизнь, сейчас словно брали реванш. Лоб мой горел, как при очень высокой температуре, глаза уже чуть не сварились, а грудь, наоборот, превратилась в кусок льда.

Я упорно брел вперед. Земля под ногами с каждым моим шагом становилась все зыбче, Её пожирали волны, а мышцы моих рук изнывали под тяжестью тела капитана валькирий.

Меня повело вбок. Сэм схватила меня за плечо.

—Осталось совсем чуть-чуть, Магнус. Следуй за мной.

Мы достигли воды. Ти Джей, вытащив из кармана квадрат ткани, напоминающий носовой платок, бросил его в волну. Ткань немедленно начала увеличиваться, и десять секунд спустя на воде закачалась полномасштабная боевая ладья викингов с двумя огромными веслами, деревянной фигуркой дикого вепря на носу и зелёным парусом. Там, где обычно пишут название судна, я увидел логотип Вальхаллы, а под ним надпись: «Транспортное морское средство, любезно предоставляемое администрацией постоянным отелям».

—Все на борт! – тут же последовала команда Ти Джея, и, первым запрыгнув на палубу, он перегнулся с неё, чтобы принять у меня из рук тело Гуниллы.

Мокрый песок уже вовсю засасывал мои ноги. Я рывком вытащил себя из него и сумел перелезть через поручни на корабль. Сэм поднялась последней, лишь убедившись, что все остальные уже находятся там. По острову пронесся громкий басовитый гул. Можно было подумать, что кто-то врубил на полную громкость басы сквозь мощнейший аудио усилитель. Остров Вереска исчез под черными волнами. Парус нашего судна надулся, весла сами собой загребли, и ладья взяла курс на запад.

Блитцен с Хартстоуном как на ногах стояли, так там и упали и, уже лежа, затянули ругань на тему, кто из них больше всею и глупей шел на риск. Впрочем, усталость взяла свое и, бурно начавшийся спор очень скоро склокожился до перебранки двух второклашек.

Сэм, встав на колени перед Гуниллой, сложила ей на груди руки и осторожно закрыла её голубые глаза.

- Две другие валькирии живы? – без особой надежды поинтересовался я.

Икс, опустив низко голову, положил на корму обеих верных соратниц Гуниллы. Мне стало ясно: они давно уже нас покинули.

—Славные были воительницы, – сказал Икс, скрестив им, как у Гуниллы, руки и нежно дотронувшись до их лбов.

—Я их не знал, – сказал я.

—Маргарет и Ирен, – дрогнувшим голосом сообщила Сэм. – Ко мне они относились плохо, но валькирии были отличные.

—Магнус, – окликнул меня Ти Джей с середины палубы. – Ты нам нужен.

Они с Мэллори склонились над Хафборном Гундерсоном, который на этот раз исчерпал запасы берсеркской силы. Грудь его представляла собой месиво из порезов и ожогов. Левая рука была неестественно вывернута. Бороду и волосы усеяли капли крови и веточки вереска.

—Славный бой, – просипел он.

—Молчи, большой идиот, – всхлипнула Мэллори. – Как ты посмел так изувечиться?

Он с усилием ей улыбнулся.

—Прости, мама. Больше не буду.

- Ты давай-ка держись, – вмешался Ти Джей. – Главное, нам довезти тебя живым до Вальхаллы, а там если даже что и случится, то возродишься.

Я дотронулся Хафборну до плеча. Его ранения оказались настолько серьезны, что рука моя, будто напоровши на множество острых осколков стекла, инстинктивно отдернулась.

—Времени не осталось, – проговорил я, морщась от боли. – Мы теряем его.

—Нет! – захлебнулась от слез Мэллори. – Это не вариант. Как же я ненавижу тебя, Хафборн

Гундерсон.

— Я тоже тебя ненавижу, Мэллори Кин.

Он закашлялся. Губы его покраснели от крови.

— Сделаю все, что смогу, — решил я. — Только держите его, чтобы он был неподвижен.

— Сынок, ты прежде подумай, — подошел к нам в это время Блитцен. — Сам ведь уже ослаб.

— Не имеет значения.

Я уже сконцентрировался, углубляясь в организм Гундерсона. Кости сломаны. Жизненно важные органы разбиты и кровоточат. Меня начал охватывать страх. Слишком много всего. Без помощи мне не справиться.

— Джек! — позвал я.

— Босс? — мигом завис он рядом.

— Хафборн умирает, — быстро проговорил я. — Без твоей силы мне его не спасти. Ты сможешь?

— Да, — нервожно загудел меч. — Но как только ты, босс, потом за меня возьмешься...

— Знаю, — перебил его в нетерпении я. — Окажусь окончательно вымотан.

— Только прошу принять во внимание, — тревожнее прежнего загудел он. — Я ведь не только с тобой Волка связывал, но также помог тебе с аурой золотого света. Круто это у нас с тобой вышло, хоть и хвалить самого себя не совсем прилично. А затем ещё был мир Фрея...

Я понял, что он имеет в виду тепловую волну, обезоружившую наших врагов, но подсчитывать, сколько сил у меня унесут все его сегодняшние подвиги, у меня не было времени.

— Хорошо. Начинаем.

Стоило мне ухватиться за рукоятку меча, в глазах у меня потемнело. Удачно ещё, что сидел, иначе сразу бы рухнул на палубу. Голова так кружилась, что я едва смог дотянуться Хафборну до лба, а на грудь ему положить плащмя Джека.

Меня захлестнуло тепло. Свет моей ауры лег на бороду Гундерсона красным золотом. И я направил все силы, которые оставались ещё во мне, по его венам, целя истерзанные и разрушенные его внутренности и затягивая раны на теле.

Я очнулся лежащим лицом вверх на палубе. Над моей головой полощется ярко-зеленый парус, а друзья трясут меня, выкрикивая мое имя.

И снова провал. А за ним — утопающий в мягким солнечном свете луг. Я стою на берегу озера, у самой воды, над моей головой лазурное небо. Волосы мне ерошают порывы теплою ветерка, а за спиной раздался вдруг голос:

— Добро пожаловать.

Глава LXVIII

НЕ СТАНЬ НЕБРАТАНОМ, ЧУВАК

Он выглядел, как голливудский викинг, и был больше похож на Тора из фильмов, чем реальный Тор. Светлые ниспадающие на плечи волосы. Загорелое лицо. Голубые глаза. И трехдневная щетина, одинаково уместная как на красной дорожке, так и на пляжах Малибу.

Он сидел, откинувшись на спинку трона из живых ветвей дерева с сиденьем, задрапированным оленьей шкурой.

Стоило ему улыбнуться мне, я узнал собственную чуть застенчивую улыбку, и волосы у него лежали на голове точно так же, как у меня.

Мне теперь было совершенно ясно, почему его полюбила мама, и причина крылась не только в его красоте или одинаковой манере одеваться: линялые джинсы, фланелевая рубашка и походные ботинки, но и в тепле и спокойствии, которые он излучал толику этого тепла я и улавливал, когда вызывал в себе силу Фея или принимался кого-толечить.

—Папа! – сказал я.

—Магнус! – Он встал. Глаза его радостно сияли, но, казалось, ему не совсем было ясно, что делать с руками. – Я так рад наконец увидеть тебя. Очень хотел бы обнять, но, боюсь, ты этому не обрадуешься. Тебе, наверное, нужно время, чтобы...

Я бросился к нему и изо всех сил обхватил руками.

Совсем на меня непохоже. Вы же знаете: не любитель я обниматься, особенно незнакомыми.

Вот только был ли он до сего момента мне незнаком, или я, просто не отдавая себе отчета, всегда знал его так же хорошо, как маму? Теперь-то я понимал, что встречался с ним каждый наш с мамой поход. Каждый раз, когда мы с ней бродили по лесу, каждый раз, когда солнце показывалось из-за туч, Фрей оказывался с нами.

Возможно, я должен был на него злиться, но нет. После смерти мамы у меня как-то исчезла склонность к обидам. Годы жизни на улице приучили меня не ныть и не изводиться на тему: вот что на самом деле могло бы у меня быть, вот чего ты в действительности заслуживаешь, вот как надо бы по справедливости. Поэтому я сейчас просто, без задних мыслей, ловил чистое счастье момента. Фреи осторожно коснулся ладонью моего затылка. От него пахло дымом костра, сосновой хвоей и с морсами. Кто не знает – это печеная пастила, заложенная вместе со слоем шоколада между двумя крекерами. Интересно, у них в Ванахейме есть с морсы?

Меня вдруг как шарахнуло: «Вероятно, я здесь, Потому что умер или, во всяком случае, при смерти».

Объятия мои разжались. Руки упали вдоль тела.

—Что с моими друзьями?

—Полный порядок, – заверил Фрей. - Спасая берсерка, ты довел себя до порога смерти. Он выживет. Да и ты тоже. Молодец, Магнус.

Я считал себя недостойным такой похвалы. Три валькирии погибли.

—Я чуть не потерял всех друзей. И только ради того, чтобы мне удалось связать Волка и отправить назад в Муспельхейм Сурта с его великанами. Нои это по большей части заслуга Джека. А самое главное, все ведь, в общем, осталось по-прежнему.

Фрей засмеялся.

—О нет. Тебе, Магнус, многое удалось изменить. Ты хозяин меча и оказываешь влияние на судьбу Девяти Миров. А валькирии... Да, конечно. Они погибли. Но это ИХ жертва, которую они принесли по собственной воле и выбору. Не умаляй их подвига чувством своей вины. Ты не в силах предотвратить все смерти, ровно так же, как я не могу воспрепятствовать осени, которая каждый год кладет конец лету, или своей судьбе в Рагнарёк.

—Твоя судьба... – Я сжал в кулаке рунный камень на шее. – Раз твой меч у меня, ты, наверное, можешь...

—Нет, сын, – поняв меня с полуфразы, покачал головой он. – Тетя Фрея ведь объяснила тебе: я никогда больше не смогу владеть Мечом Лета. А если не веришь мне, так спроси у него.

Я сорвал с цепи кулон, и Джек, едва возвратившийся, в свой облик, разразился бурным потоком отборнейшей ругани,

—Ты... – орал он, уставившись острием на Фрея и прибавляя эпитеты, которые я не считаю нужным

здесь поворять, – ты отдал меня в обмен на мерзлотку! Чувак, как это понимать меч на девушку менять! Врубаешься, о чём я?

—Привет, старый друг, – с грустью улыбнулся ему Фрей.

—А-а, значит, теперь мы снова друзья, – возмущенно прогудел меч. – Пс-а! Между нами все кончено. – Он чуть помолчал. – Но сынок у тебя нормальный. Мне нравится. Ну, но крайней мере сейчас, пока не собрался меня променять на законный брак с великаншей.

- В списке моих ближайших дел такого не предусмотрено, –поспешил его успокоить я.

—Кру-то, – одобрил мою позицию Джек. – Но что касается твоего жалкого предка, этого небратана-изменника...

Я заткнул его, превратив в кулон, и посмотрел на отца.

—Небратана?

Он обреченно развел руками.

—Мой давний выбор. Отдал меч за любовь.

—И в Рагнарёк погибнешь из-за того, что у тебя его нет.

Он указал на скипетр из оленьего рога.

—Стану сражаться им.

—Рогом животного?

—Одно дело знать, что тебе суждено, а другое – покорно смириться с этим и сложить руки. Я все равно исполню свой долг и уложу этим рогом множество великанов. Даже если одного из лучших их полководцев. Ноты совершенно прав: для победы над Суртом нового моего оружия недостаточно и, в конце концов, я погибну.

—Ты говоришь об этом с таким спокойствием.

—Даже боги не вечны, Магнус. Какой смысл тратить силы и убиваться над тем, чего все равно не изменишь. Я знаю: борьба с временами года тщетна. Зато могу сконцентрироваться на сезонах, которые мне подвластны, и постараться их сделать как можно более радостными, богатыми и обильными. – Он дотронулся до моей щеки. – Впрочем, ты все и так уже понимаешь. Ни одно дитя Тора, Одина или даже благородного Тюра не устояло бы перед меткостью обещаний Хель и убедительными речами Локи. А ты вот смог. И лишь сыну Фрея достало решимости и уверенности в нужный момент отпустить Меч Лета.

—Отпустить?.. Мама просила...

—Да, да. – Фрей достал из-за трона наглухо запечатанную керамическую банку размером с человеческое сердце и вложил её в мои руки. – Ты ведь знаешь, чего бы она хотела.

Любой мой ответ ничего бы не стоил, а потому я просто кивнул в расчете, что он вполне поймет мои чувства.

—Ты, мой сын, принес Девяти Мирам надежду, – с чувством проговорил Фрей. – Это как бабье лето . Последние ласковые деньки перед осенней слякотью и зимней стужей. Вот и у нас появился ещё один шанс на тепло, спет и рост перед длинной зимой Рагнарёка.

—Но ведь...

Фрей прервал меня, улыбнувшись.

—Именно. Теперь следует сделать уйму всего. Асы и ваны разобщены. Локи становится все сильнее. Даже связанный, он ухитряется стравливать нас, отвлекать, из кожи вон лезет, чтобы мы позабыли о главном своем назначении. Я виноват не меньше других. Постоянно на что-нибудь отвлекался. Очень надолго покинул мир настоящих мужчин, только благодаря твоей маме... Ну, в общем, толкнул я тебе тут длинную речь о том, что не надо цепляться за прошлое. - Он печально взглянул на емкость в моих руках. – Душа твоей мамы была полна жизни. Она может гордиться тобой.

—Папа...

По-моему, я произнес это просто так. Раньше-то мне было не к кому так обратиться. Вот только хватит ли у меня сил?

Он вытащил из кармана рубашки потертый листок бумаги и протянул его мне–один из тех самых флаеров, которые Аннабет и её отец раздавали прохожим в день моей смерти.

—Ты будешь не в одиночестве. А теперь отдохтай, сын. Обещаю, мы снова встретимся, и не через шестнадцать лет, а гораздо раньше. Пока же свяжись обязательно со своей кузиной. Вам обязательно надо поговорить. Тебе потребуется помочь, прежде чем все будет сказано и сделано. В словах его мне послышалось что-то тревожное, но возможности расспросить, в чем дело, не оказалось. Не успел я и глазом моргнуть, Фрей исчез, а меня вместе с флаером и керамической

емкостью вынесло вновь па палубу вальхалльского корабля. Рядом со мной сидел, жадно прихлебывая из кубка медовуху, Хафборн Гундерсон.

— Ну? — улыбнулся он мне во весь рот. — Я ведь тебе жизнью обязан. Ничего не имеешь против, если я угощу тебя вкусным обедом?

Раны ею по большей части уже затянулись, а судно наше стояло, пришвартовавшись к берегу реки, которая протекала через фойе Вальхаллы. Как мы там оказались, понятия не имею. Мои друзья уже стояли на пристани, беседуя с управляющим Хельги и мрачно взирая, как с корабля выносят тела трех валькирий.

— Чтопроисходит? — повернулся я к Хафборну.

Он осушил свой кубок.

— Нас вызвали в «Трапезную Павших Героев» для объяснения перед танами и хозяином эйнхериев. Надеюсь, нам все же дадут поесть, прежде чем снова убьют. Помираю с голоду.

Глава LXIX

ВОТ, ЗНАЧИТ, ЧТО УНЮХАЛ ФЕНРИР В ГЛАВЕ ШЕСТЬДЕСЯТ ТРИ

Кажется, мы добирались до Вальхаллы целый день, потому что попали прямиком к ужину, который в «Трапезной Павших Героев» уже был в самом разгаре. Повсюду детали с кувшинами медовухи валькирии. Эйнхерии кидали друг другу хлеб и куски жареного Сэхримнира. В разных частях помещения паяривали оркестры. Впрочем, стоило нам появиться, веселье начало затухать. Наша процессия медленно двигалась по направлению к столу танов. Во главе Её шел почетный караул из валькирий, несший покрытые белой льняной тканью тела Гуниллы, Ирен и Маргарет. Все это время у меня тлела надежда, что, так как их подвиг вполне достоин эйнхериев, в Вальхалле они оживут, но этого не случилось. С валькириями, видимо, все обстояло как-то сложнее.

За валькириями шли Мэллори, Икс и Ти Джей, а Сэм, Блитцен, Харт и я замыкали процессию. Воины злобно взирали на нас, и ещё более неприкрытую ярость можно было прочесть на лицах валькирий. Удивляюсь, как нас вообще не убили по пути к танам. Но полагаю, толпу от этого останавливалась только жажда увидеть наше публичное унижение. Никто ведь из них не знал правды, и все видели и пас сбежавших негодяев, возвращенных насилино в Вальхаллу, да ещё виновных в гибели верных валькирий. Оков на нас не было, но я все равно ощущал, словно ноги мне опутали цепью Грейнпир. К тому же одна рука у меня была неподвижна. Я крепко зажал ею под мышкой керамическую баночку, с которой меня ничто не заставило бы расстаться.

Мы остановились перед танами. Эрик, Хельги, Лейф и неё остальные Эрики выглядели донельзя мрачно. Даже мой старый друг Хундинг смотрел на меня столь потрясенно и разочарованно, будто я у него отобрал назад шоколадку.

—Прошу объясниться, — потребовал Хельги.

Что-либо от них утаивать причин у меня не было. Говорил я негромко, но в трапезной стало так тихо, что каждое мое слово долетало до самых дальних её краев. Нот только на битве с Фенриром голос меня подвел, и рассказ довела до конца Сэм.

Таны молчали. Их настроение трудно было понять. Кажется, они были больше растерянны, чем сердиты. Меня же по-прежнему грызло такое чувство вины, что, пусть отец мой и считал по-другому, гордости собой я не испытывал. Мне удалось справиться со своей задачей только благодаря трем лежащим сейчас здесь валькириям. Они удержали трех великанов, позволив нам справиться с Волком. Их нет в живых, а я цел и невредим, и никакое наказание танов не заставило бы меня почувствовать себя хуже.

Хельги поднялся на ноги.

—Это самая серьезная проблема, вставшая перед нами за последние много лет, — начал он. — Если мы сейчас услышали от вас правду, то налицо деяние, достойное воинов. Вам удалось воспрепятствовать освобождению Фенрира и выдворить Сурта в Муспельхейм. Вынужден вместе с этим отметить и факт проявленного вами при этом преступного легкомыслия. Вы предприняли свои деяния, не заручившись одобрением танов, и к тому же совместно с крайне сомнительней компанией, — с отвращением покосился он на Харта, Блитца и Сэма. — Верность, Магнус Чейз, — пробуравил меня управляющий прокурорским взглядом, — верность Вальхалле является главным и неотъемлемым долгом эйнхерия. Поэтому танам нужно все всесторонне взвесить и обсудить, и лишь после этого будет вынесено решение. Если, конечно, сам Один не пожелает за вас заступиться, — повернулся он к пустующему трону.

На нем никто не возник. Лишь два ворона пристально на меня смотрели со спинки черными глазками.

—Чтож, — вздохнул Хельги. — Следовательно, мы...

—Один желает заступиться, — прервал его гулкий голос.

Я повернулся на звук его и увидел Икса, каменно-серое лицо которого было обращено к танам. По залу пролетело нервное бормотание тысяч эйнхериев.

—Не время для шуток, Икс, — шепнул ему Ти Джей.

—Один желает заступиться, — упрямо повторил полуторлль, и внешность его на наших глазах начала меняться.

Обличие тролля слетело с нею, как камуфляжная ткань, и мы увидели на месте Икса кого-то, очень

напоминающею отставного вояку-сержанта. Бочкообразная его грудь и массивные руки были втиснуты в тщательно выглаженную форменную вальхалльскую рубашку-поло. Голова отличалась монументальностью. Иссеченная проседью короткая шевелюра и геометрически подстриженная борода подчеркивали рельефность липа, кожа которой, казалось, задубела на всех неграх. Левый глаз закрывала черная повязка, а правый был темно-синий. С пояса экс-Икса свисал до того огромный меч, что кулон-Джек, прикрепленный к цепочке, затрясся. На груди форменного поло я увидел бейджик с надписью: «Один – Всеобщий Отец, Хозяин и Основатель».

—Один! – преклонила колено Сэм.

Бог глянул на неё сверху и улыбнулся. Мне показалось, он даже мне подмигнул, но про того, у кого имптился только единственный глаз, сказать такое наверняка трудно.

Имя его пронеслось по всей трапезной. Эйнхерии повыскакивали на ноги, таны тоже, отвесив богу низкий поклон.

Один, ранее мне известный как полутороль Икс, промаршировав вокруг стола, занял законное место на троне. Вороны, перебравшись тут же ему на плечи, начали ласково трепать клювом его уши.

—Ну, — прогремел голос бога, — что, интересно, я должен сделать, чтобы мне поднесли кубок медовухи?

Глава LXX

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОДИНА

Получив кубок с медовухой, Один произнес несколько тостов, затем спустился со своего трона и, расхаживая взад—вперёд перед ним, принялся всем рассказывать, где был и что делал последние несколько десятков лет, но я находился в таком потрясении, что большая часть его слов прошла мимо моих ушей. Полагаю, что и другие эйнхерии ощущали себя точно так же. Не успели присутствующие немного прийти в себя, как Всеобщий Отец потребовал оживить экраны на Волшебном Дереве. Орды эйнхериев разом зашевелились, словно бы пробуждаясь после сеанса массового гипноза.

—Я – искатель знаний, – объявил Один. – Так было всегда. Я провисел на Мировом Дереве девять дней и ночей, изнемогая от боли, чтобы познать тайну рун. Шесть дней простоял под лютой метелью, чтобы быть первым в очереди и первым познать колдовство смартфона.

—Что? – изумленным шепотом протянул я.

—Слушай дальше, – шепотом же порекомендовал мне Блитцен.

—А совсем недавно, – продолжал тем временем Один, – я выдержал семь недель семинара по обучению мастерству оратора-мотиватора, который происходил в отеле «Пеорин», результатом чего явилась на свет... В руке у него возник дистанционный пульт, и почти тут же на волшебных экранах засиял слайд с эмблемой, внутри которой было написано: «План Одина, или Как сделать успешной жизнь после смерти».

—Что это? – повернулся я к Сэм.

- Один находится и вечном поиске. Ну, открыт всему новому, - объяснила она. – Ищет знания в самых разных местах. Он очень мудр, но...

— Вот почему я предпочитаю служить Мимириу, – украдкой прожестикулировал Харт.

—Но несмотря на ужасную занятость, – расхаживал взад-вперёд Один, вынуждая сидящих у него на плечах воронов размахивать для сохранения равновесия крыльями, – я был в полном курсе того, что делают наши сегодняшние герои, и действовали они с моего разрешения.

Картина на экранах поменялась, и Всеобщий Отец принялся излагать основные пункты своей презентации. Перед глазами у меня поплыл туман, голос его зазвучал каким-то неясным фоном, и очнулся я лишь в момент, когда он стал объяснять, зачем прятался в Вальхалле под личиной полутороля Икса.

—Мне хотелось проверить, как вы воспримете такого воина и как станете выполнять свой долг, считая, что я отсутствую. Всем вам следует основательно поработать над позитивным расширением прав и возможностей и самоактуализацией.

А потом он объяснил, чем руководствовался, решив сделать Самиру валькирией.

Если дочь Локи способна па такую отвагу, то не только достойна жить среди нас, но многим может служить примером. Она демонстрирует самым блестящим образом семь героических качеств, которые мною освещены в новой книге «Семь героических качеств». Желающие скоро смогут приобрести её в сувенирной лавке Вальхаллы.

Он перешел к предсказанию норн, которое, как оказалось, подразумевало совсем другое, чем все мы считали.

—«Выбор сделан был неправильно тобой»—прочитировал Один. Здесь норны имели в виду совсем не Самиру, а Локи. Это им был неправильно выбран, Магнус. По мнению Локи, он мог легко манипулировать этим юношем, в то время как Магнус Чейз проявил себя настоящим героем. Я, конечно, был тронут его комплиментом, но, тем не менее, Один в образе косноязычного полутороля казался мне несравненно милее Одина в виде оратора-мотиватора. Народ тоже явно припух от его мудрой лекции, но некоторые из танов, важно кивая, старательно её конспектировали.

—Что приводит нас к утвердительной части данной презентации, – продемонстрировал следующий слайд Один.

Это была фотография Блитца, явно сделанная во время поединка с Джуниором. Физиономия бедного гнома блестела от пота, а по её выражению можно было подумать, будто ему только что уронили на ногу кузнецкий молот.

—Блитцен, сын Фреи! - объявил Всеобщий Отец. – Благородный гном, который выиграл цепь Грейнпир, ставшую новыми путами Волка Фенрира. Следуя за своим сердцем и побеждая страх, он

верно служил моему старому другу Мимиру. За твой героизм, Блитцен, освобождаю тебя от дальнейшей службы ему. Кроме того, тебе будет выделено финансирование на открытие модного магазина, о котором ты всегда мечтал. Потому что я вот что должен сказать. - Один провел рукой снизу-вверх вдоль рубашки поло и в мгновение ока оказался в кольчужном жилете. – Я позволил себе забрать тот опытный образец, который ты сделал на поединке, и считаю, что это великолепная модная наработка. Любой воин, если он мудр, обязательно должен приобрести такое себе.

Среди эйнхериев пронесся одобрительный гул вперемешку с восторженными восклицаниями. Блитцен отвесил низкий поклон.

—Спасибо, лорд Один. Просто не знаю, как и начать, но нельзя ли воспользоваться этим финансированием для производства моей линии одежды?

Один доброжелательно улыбнулся:

— Ну, разумеется, можно. А теперь о Хартстоуне.

На экранах появился Харт. Почти без сознания от упадка сил, он устроился в окне дворца Гейрода. На лице его блуждала блаженноидиотическая улыбка, а руками он изобразил знак стиральной машины.

—Это благородное существо пожертвовало всем, чтобы открыть для себя искусство рунной магии, — сказал Один. — Это первый настоящий волшебник, появившийся среди смертных за несколько минувших столетий. Без него экспедиция на Остров Вереска несколько раз могла провалиться ещё до того, как наши герои прибыли к цели. Ты, Хартстоун, мой друг, — одарил он эльфа сияющей улыбкой. Ты тоже будешь освобожден от службы Мимиру. Я же тебя приглашаю в Асгард, где лично намерен устроить тебе девяностоминутный индивидуальный бесплатный тренинг, в течение которого я поделюсь своими рунными знаниями с последующим вручением DVDдиска и моей книги «Рунная магия с Всеобщим Отцом» с дарственной надписью.

Последовали вежливые аплодисменты.

Хартстоун был до того потрясен, что ему лишь с большим трудом удалось показать:

—Спасибо.

А на экранах уже была Сэм, застигнутая объективом камеры в «Фалафельной Фадлане». Щеки Её пылали, взгляд исполнен смущения и недовольства, а Амир с улыбкой склонялся к уей.

—Еуу! — пронеслось по рядам эйнхериев вперемешку с покашливанием и выразительными хихиканьями.

—Убей меня прямо на месте, — сердито пробормотала мне Сэм.

— Самира аль Аббас, — обратился к ней Один. — Я лично выбрал тебя в валькирии. За твою храбрость, стойкость, твердость духа и богатый потенциал. Ты верно следовала моим приказам и продолжала выполнять свой долг даже после гоп, как тебя покрыли позором и выгнали. Тебе я дарую выбор.

Один, переведя взгляд на павших валькирий перед столом танов, выдерживал паузу до тех пор, пока в трапезной не повисла полная тишина.

—Гунилла, Маргарет, Ирен, — произнес он проникновенным голосом. — Все они полностью отдавали себе отчет, сколь опасно быть валькириями. И, не колеблясь, пожертвовали собой во имя сегодняшней победы. Им все же под самый конец открылось, какова ты на самом деле, Самира, и они стали биться вместе с тобой. Убежден, что сейчас все трое с радостью поддержали бы мое мнение, что тебя необходимо восстановить в сестринстве валькирий.

У Сэм подкосились ноги, и ей пришлось опереться на Мэллори Кин.

—Я предложу тебе выбор, — продолжил бог. — Моим валькириям требуется капитан, и я не вижу лучшей кандидатуры, чем ты. Эта должность позволит тебе проводить больше времени и мира смертных и даст возможность передохнуть после вашего многотрудного приключения. Но, если пожелаешь... — его синий глаз азартно блеснул, — у меня для тебя есть место, связанное с куда большим риском. Работать непосредственно на меня, отправляясь по мере возникновения ситуаций с весьма важными и опасными миссиями, успешность которых высоко вознаграждается.

Сэм поклонилась.

—Вы оказали мне очень большую честь, Всеобщий Отец, но я никогда не смогу заменить Гуниллу. Я прошу у вас лишь об одном: дайте, пожалуйста, мне возможность проявить себя столько раз, сколько будет необходимо, чтобы ни у кого из собравшихся сейчас здесь больше не возникало сомнений в моей верности Вальхалле. Вот почему останавливаю свой выбор на вашем втором предложении. Жду ваших приказов и, будьте уверены, не подведу.

Речь Самиры вызвала у эйнхериев бурно восторженную реакцию. Трапезная сотряслась от

апплодисментов и одобрительных выкриков. Даже валькирии смотрели теперь на Сэм не столь враждебно, как прежде.

—Замечательно, — просиял Всеобщий Отец. — Ты снова доказала, насколько мудра, Самира.

Обязанности твои конкретизируем позже. А сейчас речь пойдет о Магнусе Чайзе.

Экспозицией на экране стал я, застывший в беззвучном крике при падении с моста Лонгфелло.

—Сын Фрея, добывший Меч Лета и не позволивший Сурту завладеть им! — провозгласил бог. - Ты показал себя... Ну, может, и не великим воином...

—Спасибо, — пробормотал я.

—Но уж точно великим эйнхерием, — продолжал Один. — Думаю, что мы все... все мы, сидящие за столом танов, считаем, что ты заслуживаешь награды.

Один медленно прокоснулся взглядом по танам, которые зашевелились и угодливо забубнили:

—Мм, да, разумеется.

— Я делаю тебе это предложение скрепя сердце, — пристально посмотрел на меня синим глазом Всеобщий Отец. - Если ты чувствуешь, что Вальхалла не для тебя, я отправлю тебя в Фольквант к твоей тете Фрее. Возможно, ты, отпрыск вана, почувствуешь там себя лучше. Или, если пожелаешь, теперь он просто пронзил меня взглядом, — даже позволю тебе вернуться в мир смертных, полностью освободив от обязанностей эйнхерия.

Трапезная наполнилась тихим, но напряженным гулом, и я по всеобщему выражению лиц понял, на сколько сильный риск идет сейчас Один. Позволив эйнхерию возвратиться в мир смертных, он создает до того немыслимый прецедент, и нет никакой гарантии, что точно такого же от него не потребуют для себя остальные. Я поглядел на Сэм, Блитцена и Хартстоуна, а затем на друзей по девятнадцатому этажу — Ти Джая, Халфборна и Мэллори. Именно здесь и с ними я перестал себя ощущать бездомным и одиноким.

— Спасибо, Всеобщий Отец, — поклонился Одину я. — Но где мои друзья, там и мой дом. Теперь я эйнхерий, один из множества ваших воинов, и для меня это достойная награда.

Трапезная взорвалась ВОПЛЯМИ одобрения. Эйнхерии застучали, по столам кубками и заколотили мечами в щиты. Друзья принялись хлопать меня по плечам, обнимать, а Мэллори, чмокнув в щеку, буркнула:

—Ну, ты полный идиот!— А затем прошептала мне на ухо: - Спасибо.

—Мы еще сделаем из тебя воина, сын Фреи, — взъерошив мне пятерней волосы, пообещал Халфборн.

Дождавшись тишины, Один поднял вперед руку, и пульт его превратился в сияющее белое копье.

—Именем Гунгнира, священною оружия Всеобщего Отца, я объявляю, что семерым этим героям даруется право свободно перемещаться по всем Девяти Мирам, включая Вальхаллу. Куда бы они ни направились и чтобы ни делали, никто не вправе подвергнуть сомнению, что это происходит от моего имени и по воле Асгарда. И всем запрещается под страхом смерти чинить им препятствия. - Он опустил копье. — Сегодня у нас пир в их честь. А завтра мы предадим огню наших павших подруг.

Глава LXXI

МЫ СЖИГАЕМ ПРОГУЛОЧНУЮ ЛОДКУ, ПОЧТИ УВЕРЕН, ЧТО НЕЛЕГАЛЬНО

Похороны устроили на пруду в Общественном парке. Не знаю, каким уж образом эйнхериям удалось раздобыть прогулочную лодку. Они ведь не рассекают по пруду зимой. Прогулочное суденышко подверглось некоторой модификации и превратилось в погребальную ладью для трех погибших валькирий. В коконах из сияющей белой ткани, они лежали теперь на деревянном щите, окруженные оружием, латами и золотом.

Пруд, соответственно времени года, промерз почти до дна. Отправить по нему лодку вплавь естественным образом не представлялось возможным, но эйнхерии привели подругу — пятнадцатифутовую великаншу по имени Гироккин.

Явившись к нам, несмотря на погоду, в шортах из обрезанных джинсов и футболке размера XXXXL с логотипом Бостонского гребного клуба, она протопала босыми ногами по пруду, перепугав уток, и расколошматив весь лед, а затем, покрытая, словно глазурью, подмерзающей на глазах водой, скромно встала в сторонке на берегу, стесняясь мешать скорбящим.

Эйнхерии выходили один за другим вперёд для прощания с павшими. Многие клали в погребальный костер оружие, монеты или какие-нибудь другие подарки, произнося последние благодарности Гунилле, Маргарет и Ирен за то, что они сочли их достойными Вальхаллы.

Когда все попрощались, Хельги разжег огонь на лодке, а Гироккин оттолкнула лодку на середину пруда.

Кроме нас в Общественном парке не было ни души. Может быть, магия перекрыла им вход. А возможно, здесь кто-нибудь и прогуливался, но волшебство не давало им увидеть толпы возрожденных из мертвых воинов, в скорбном почтении наблюдающих, как священное пламя уносит трех геройски павших валькирий. И благодаря тем же волшебным силам нам здесь присутствующим, тоже не дано было видеть здесь смертных бостонских граждан.

Взгляд мой случайно упал под мост. Сколько раз мне, живому, это место служило укрытием и убежищем. Ведь ещё две недели назад я прятался там, но только сейчас позволил себе осознать, в каком ужасе провел те два года.

Лодка уже превратилась в ревущий факел. Тела валькирий полностью скрылись в огне. А потом пламя просто исчезло, словно кто-то вырубил газ в конфорке. Лишь от воды в середине пруда поднимался столб пара.

Толпа скорбящих побрала через парк к отелю Вальхалла на Бикон-стрит.

—Идешь с нами, Магнус? — положил руку мне на плечо Ти Джей.

—Нет, я чуть позже.

Обернувшись на удаляющихся соседей по этажу, я увидел что Халфборн Гундерсон решился обнять за плечи Мэллори Кин, и она при этом не отрезала ему руку.

Мы с Блитценом, Хартом и Сэм остались на берегу, наблюдая, как пар над водой постепенно рассеивается.

—Спасибо, Магнус, я направляюсь сейчас в Асгард, — показал мне Харт.

Некоторые из эйнхериев были не в силах скрыть зависть к нему. Шутка ли, если десятки лет ни одному смертному не позволялось даже ступить в город богов, а тут сам Один взялся обучать там эльфа.

—Классно, дружище, — сказал я Харту. — Ужасно рад за тебя, только не забывай возвращаться и навещать нас. Помни: мы ведь теперь семья.

Хартстоун мне улыбнулся и показал: Ясное дело.

—Не беспокойся, куда он денется, — сказал Блитц. — Обещал мне помочь перебираться в магазин. Стану я бсм волшебной помощи перетаскивать все эти коробки.

За Блитца я гоже, естественно, был ужасно рад, только вот получалось, ещё один из моих друзей окажется далеко.

—Убежден, что ты сделаешь лучший магазин в Нидавеллире! — постарался я, чтобы мое восклицание прозвучало весело.

— В Нидавеллире? Ха! — презрительно бросил он. — Гномы не заслужили моих гениальных модных наработок. Золото Одина позволит приобрести недурной магазинчик на Пьюбери-

стрит. Название уже есть. «Лучшее от Блитцена». Открытие весной. Словом, у тебя нет ни малейших поводов отказаться примерить один из этих. — И, распахнув пальто, он продемонстрировал блестящий модный пуленепробиваемый жилет.

Не удержавшись, я обнял Блитцена.

— Все в порядке, сынок, всё в порядке, — похлопал он меня по спине. — Давай-ка не будем мять ткань!

Сэм ухмыльнулась.

- Может, ещё и мне сделаешь новый хиджаб? Старый —то после Волка попел.

— Ещё как сделаю. С расширенными волшебными возможностями, тут же пообещал он. — Кстати, у меня в этом плане возникли идеи по поводу цвета.

— Ну, ты же у нас эксперт, — кивнула Сэм. — Но сейчас, извините, мне уже крайне пора домой.

Плотно засяду там заниматься. Уроков-то куча скопилась. К тому же, если помните, я под домашним арестом.

- И с бойфрендом следует разобраться, — не удержался я.

Она вмиг зарделась, что выглядело довольно мило.

— Он не... Ну ладно, — махнула она обученно рукой. — Да, наверное, разобраться, что это ни значило бы. Но главное. — ткнула она меня в грудь, — я теперь снова могу летать.

Ты там Магнус, пожалуйста, постарайся но умирать слишком часто, пока мы снова не встретимся.

— А когда ты сможешь теперь? — поинтересовался я.

— Скоро, — ответила Сэм. — Один ведь не шутил насчет опасных заданий. А хорошая новость в том,

— она заговорщицки приложила палец к губам, — что я могу себе выбирать команду, какую хочу.

Словом, можете считать себя в деле.

Мне захотелось обнять со словами, как я ей за все благодарен. Но, совершенно уверенный, что такое её лишь смутит, я, улыбнувшись, просто ответил:

— В любое время к твоим услугам, Сэм аль Аббас. Ну а так как Один нам разрешил свободно разгуливать по всем Девяти Мирам, непременно тебя навещу в скором времени в Дорчестере.

— Вот это уж точно плохая идея, — напряглась она. — Мои бабушка с дедушкой тебя убьют, а Амир...

— Ой, ну ладно, — перебил ее я. — Я просто к тому, что помни: ты теперь не одна.

— А то, — ткнула она меня в бок. — Ты в Вальхаллу сейчас на пир? Твои соседи по этажу просто пели мне похвалы в твой адрес. А ещё я случайно услышала разговор нескольких валькирий. Но их мнению, тебя через несколько столетий сделают таном.

Но в силах сейчас рассуждать о грядущих столетиях, я просто кивнул и уставился в сторону улицы за Общественным парком. К бару «Чирз» на углу Бикон и Бrimmer-стрит как раз подъезжало такси. Карман моего пальто топорщился от лежавшей там керамической банки размером с сердце.

— И Вальхаллу вернусь попозже, — объяснил я друзьям. — Сперва мне надо сдержать одно обещание. И, махнув им рукой, я отправился на встречу с кузиной.

Глава LXXII

Я РИСКУЮ ПРОИГРАТЬ СПОР

—Это не то, что те похороны, — сказала мне Аннабет. — Ну, я имею в виду, твои. Мы стояли на вершине Голубых холмов, глядя, как пепел мамы летит к укутанным снегом деревьям. Далеко внизу искрился под солнечными лучами обледенелый пруд. Несмотря на морозный день, меня окутывали такие тепло и спокойствие, каких я за последние годы не ощущал ни разу.

—Спасибо за то, что пошла со мной, — сказал я кузине, сжимая под мышкой опустевшую керамическую банку.

Она кинула на меня пристально изучающий взгляд, каким Её серые глаза смотрели на все. Такая, знаете ли, способность, проникнув за броню внешности, увидеть твоё состояние, и болевые точки, и способность твою изменяться и развиваться. Ну а что еще ожидать от девушки, которая в шестилетнем возрасте возводила из рунных плашечек модель Парфенона.

—Я хотела прийти. Не могла иначе, — отозвалась она. — Прекрасно помню, какой твоя мама была замечательной.

—Ей бы поправилось, что ты здесь.

Лицо Аннабет раскраснелось от ветра. Она глянула вдаль, где кончались деревья.

—Я знаю, что тебя тоже кремировали, ну, то есть твоё тело, — уточнила она. — Прах положили в семейный склеп. Я даже и не подозревала до этого, что он у нас есть.

Я поежился, представляя фарфоровую вазу с содержимым, которое было когда-то мной, в холодном каменном подземелье. Лучше уж здесь, среди свежего воздуха и солнечного света.

—Трудно, наверное, было тебе притворяться, будто ты веришь, что я действительно мертв, — тихонько поговорил я.

Она смахнула с лица прядь волос.

—Ну, кажется, Рэндолльфу было куда тяжелее. Он выглядел сильно подавленным и потрясенным. Ну да, если учесть...

—Что ему было всегда на меня наплевать? — догадался я, что она имела в виду.

—На всех нас, — уточнила она. — Хотя у меня с отцом... — Она чуть помолчала. — Магнус, все это так непросто. У нас с ним трудно сложилось, но я теперь стараюсь быть честной с ним. Не люблю изворачиваться и скрывать.

—Ты уж меня извини, — оставалось мне лишь развести руками. — Но я думал, лучше тебя не вмешивать в свои проблемы. Видишь ли, я последние несколько дней совсем не был уверен, что выживу. Случилось много чего опасного. И связано это со старой семейной историей по линии моего отца.

—Магнус, возможно, я понимаю гораздо больше, чем тебе кажется.

Кажется, Аннабет и впрямь была в теме. Во всяком случае, реагировала на мои слова куда адекватнее большинства тех, с кем я сталкивался даже в Вальхалле. Я по-прежнему не хотел подвергать её риску, но и отмалчиваться больше было нельзя. Этим бы я положил конец нашей дружбе, а ведь она едва начала восстанавливаться.

—В общем, сейчас со мной полный порядок, — пытался я балансировать в рамках золотой середины. Остановился у друзей в одном из тех недурных местечек, о которых большинство людей представления не имеют. Дяде Рэндолльфу знать ничего обо мне не надо, и лучше бы ты вообще никому не рассказывала. Даже своему папе.

—Полагаю, деталей мне от тебя не узнать? — склонила чуть набок голову Аннабет.

«Вам обязательно надо поговорить, — тут же всплыли у меня в памяти слова отца. Тебе потребуется помочь, прежде чем все будет сказано и сделано». А следом за тем я подумал о Сэм и её семье, множество поколений которой привлекало внимание богов. Рэндолльф мне намекал, что и мы такие же.

—Ещё вот почему не хотел тебя подвергать опасности, — принялся объяснять я Аннабет. — Надеялся, что ты станешь для меня связью с обычным миром.

Она, уставившись на меня, звонко расхохоталась.

—Ты даже не представляешь, насколько это смешно. Знай ты хоть в общих чертах, какая странная у меня жизнь...

—А я как раз здесь и с тобой ощущаю себя нормальным, как никогда за последние годы. После всех этих безумных ссор наших родителей, глупых обид и многолетнего отчуждения я надеялся, что хоть у нас с тобой может наладиться.

Лицо Её посерезнело.

—Если ты о такой нормальности, то я за. Она протянула мне руку. — За кузенов Чейз и улучшение их отношений.

Мы обменялись рукопожатием.

—А теперь вот валяй рассказывай, — потребовала она. — Обо всем, что с тобой случилось. Молчать, разумеется, обещаю. А может, даже смогу и помочь. И уж поверь: каких бы я странностей от тебя ни узнала, моя жизнь все равно гораздо дичея, и твоя по сравнению с ней покажется отдыхом в тихом пригороде с фруктовыми садиками.

Передо мной, как конспект, пронеслась череда всего, что я пережил за последние две недели.

Смерть и возрождение. Рыбалка на Мирового Змея. Битва с великанами. Бегство от монструозной белки мужского рода. И наконец, битва с Волком Фенриром.

—Может, поспорим? — азартно глянул я на кузину.

—Да на что хочешь, — мигом приняла вызов она.

—Я тут знаю неподалеку отличную фалафельную. Прожравший оплачивает обед.

—Ставки приняты, — улыбнулась она. — Ну, послушаем, чтобы там натворил.

—Э-э, нет, — возразил ей я. — Раз уж ты уверяешь, что твоя жизнь интересней, тебе и рассказывать первой.

Эпилог

Со времени похорон племянника Рэндольф лишился сна.

Каждый день он наведывался в фамильный склеп, надеясь там уловить хоть какой-нибудь знак или стать свидетелем чуда. Отчаяние терзало его до такой степени, что он тои дело разражался потоком искренних слез, побыли они не по Магнусу. Рэндольф оплакивал собственную потерю. И терзался сознанием, что утраты уже не вернуть.

Вернувшись в очередной раз с кладбища и подойдя к дому с черного хода, он так дрожал, что едва смог попасть ключом в скважину замка. Он скинул в прихожей пальто и непромокаемые ботинки и босиком поднялся наверх. Мысли его походу были заняты тем же, что все предыдущие дни. Он в миллионный раз пытался понять, где допустил ошибку. В чем не так обошелся с Магнусом на мосту и как надо было себя повести, чтобы добиться желаемого.

В дверях кабинета Рэндольф застыл. На его рабочем столе сидел, побалтывая ногами, пастор.

—Опять навещали могилу? — осведомился он голосом Локи. — А мне показалось, моя погребальная служба положила достойный конец этой жизни.

—Выходит... — разинул рот Рэндольф. — Ну конечно же, это ты отслужил по нему погребальную службу.

—Юная жизнь оборвалась в цвету, но давайте же думать о том, сколь он был талантлив и какое влияние окказал на всех нас, — повторил, похвачтывая, Локи слова своей погребальной проповеди.

—Недурно тогда я импровизировал. Впрочем, это всегда было сильной моей стороной.

Рэндольф виделся с Локи множество раз, когда бог решал переместить свою сущность в Мидгард, но встречи эти всегда его пугали. Торящие глаза, иссеченные шрамами губы и нос... Он был в равной мере красив и ужасен.

—Я так понимаю, ты явился меня убить. Рэндольф пытался хранить спокойствие, но кровь в ушах у него пульсировала барабанной дробью. — Удивительно, почему только сейчас?

—Ну а куда торопиться? Локи великодушно простер в его сторону руку. Нужно же было сперва посмотреть, как все выйдет на самом деле. Ты и впрямь проиграл. Вероятно, и следовало бы тебя убить, ноты ещё можешь мне оказаться полезен. Ведь то, чего ты так жаждешь, но по-прежнему меня.

Бог, поднявшись из-за стола, распахнул ладонь. На ней заплясали языки пламени. Среди них, извиваясь от боли, тянули в немой мольбе руки к Рэндольфу женщина и две девочки.

Он покачнулся и грохнулся бы наверняка па кол» если бы не спасительная трость.

—Пожалуйста, —жалобно простонал он. — Я ведь пытался изо всех сил. Кто мог подумать, что гном и эльф... Да и эта проклятая валькирия... Почему ты меня не предупредил?

—Ах, любезный друг Рэндольф. Мне кажется или ты ищешь себе оправдание? — Локи закрыл ладонь пальцами, загасив пламя.

—Нет, но...

—Напрасно стараешься, — перебил его Локи. —Такого мастера оправданий, как я, твой жалкий лепет не впечатлит. Просто скажи: ты хочешь, чтобы твоя семья вернулась?

—Да! Да!

—Великолепно. Я даже сказал бы, что это ужасно мило с твоей стороны, Потому что я ведь с тобой ещё не закончил. И с Магнусом тоже.

—Но меч у него, и план он твой разрушил, — с отчаянием проговорил Рэндольф.

—Лишь частицу мою плана. — Иссеченные шрамами губы Локи тронула едва заметная улыбка. — В общем-то, поучительная история. Шагнув вперёд, он почти нежным жестом приложил к щеке Рэндольфа ладонь. — Твой племянник, должен отдать ему должное, впечатляет. Не вижу в вас никакого семейного сходства.

В ноздри Рэндольфа ударил резким запахом яд. Половину его лица ожгла резкая боль. Горло перехватило. Пытаясь избавиться от ладони Локи, прижатой к щеке, он, задыхаясь, упал на колени, но тщетно. Рука словно к нему приросла.

—Да полно тебе. Перестань трепыхаться, —как-то очень по-доброму проговорил гость. —Просто побудь чуть-чуть в моей шкуре. Это тот самый змеиный яд, который капает мне на лицо изо дня в день. Может, теперь хоть начнешь понимать, из-за чего я немного сердит.

Рэндольф корчился и сипел, не в силах даже орать, Потому что горло перехватило, словно петлей

палача.

—Я не убью тебя, старина, — сказал Локи. — Но за провал тебе полагается наказание. Он убрал руку. Рэндольф остался лежать на полу, всхлипывая и судорожно ловя ртом воздух. В носу у него стоял запах горелой плоти.

—Зачем? — прохрипел он. — Зачем?

- Что зачем? - в наигранном изумлении вздернул брови его собеседник. — Зачем тебя мучаю? Зачем продолжаю использовать? Зачем ненавижу богов и жажду их уничтожить? Ну, наверное, такова моя сущность. Да не расстраивайся ты так, Рэндольф. Уверен, ты скоро придумаешь, как объяснить, откуда у тебя на щеке появился шрам в форме ладони. На мой взгляд, он даже тебе придаст достоинство. Возможно, викинги будут впечатлены.

Локи с задумчивым видом приблизился к одной из витрин, полной древних викинговских реликвий и талисманов.

В конце концов, свет не сошелся клином на Мече Лета. Есть ещё много других кнопок пуска, чтобы начать Рагнарёк.

Он вытащил из витрины цепочку, к которой был прикреплен крохотный серебряный молот, зажав Её между пальцами. раскачал кулон, словно маятник, и глаза его засияли.

- О да, — поглядел он с улыбкой на Рэндольфа. - Мы с тобой ещё славно развлечемся

Список терминов

Альфсейдр— эльфийская магия.

Андскоти— пропитанная магией веревка, связывающая Волка Фенрира.

Асы— боги войны, похожи на людей.

Бальдр— бог света, в Торой сын Одина и Фримутт, близнец Хёда. Фримутт заставила все земное поклясться, что оно никогда не причинит зла Её сыну, но забыла об омелле. Локи обманом вынудил Хёда убить Бальдра стрелой (дротиком) из омеллы.

Бифрост— Радужный мост, ведущий из Асгарда в Мидгард.

Вала— провидица.

Вали сын Локи, который превратился в волка, когда Локи убил Бальдра, после этого он распотрошил своего брата Нарви, прежде чем ему самому вспороли брюхо.

Вальгалла— ран для воинов на службе у Одина.

Валькирии— служанки Одина, которые выбирают павших героев для Вальхаллы.

Ваны— боги природы, близки к альфам.

Гиннуングагап— первичный хаос, мировая бездна, туман, что скрывает внешность (внешнЕё).

Глейпнир— золотая цепь, сделанная гномами, чтобы связать Волка Фенрира.

Дерево Лэрад— дерево в центре Трапезной Павших Героев, в нем или на нем живут бессмертные животные, у каждого из которых своя задача (работа).

Драугр— древнескандинавский оживший мертвец-зомби.

Игграсиль— Мировое Дерево.

Идуун— Она распределяет яблоки бессмертия, благодаря которым боги сохраняют молодость и бодрость.

Имир— самый большой из великанов, отец великанам и богам. Он был убит Одином и его братьями, которые использовали его плоть, чтобы создать Мидгард. Этот акт был источником вселенской ненависти между богами и великанами.

Йормунганд— Мировой Змей, родившийся от связи Локи и великанши, его тело так длинно, что опоясывает земной шар.

Йотун— древнескандинавское слово, обозначающее великана.

Красное золо-то— валюта Асгарда и Вальхаллы.

Лингии— Вересковый Остров, где содержится связанный Волк Фенрир, остров каждый год меняет месторасположение, отгочотовывая дерево Игграсиль качается в ветрах Пус-то ты.

Локи— бог проблем, обмана, волшебства и хитрости, сын двух великанов, знающий магию и иллюзии. Он -тозлонамерен, -тогеройски ведет себя по отношению к богам Асгарда и к человечеству. Из-за-то й роли, что он сыграл в смерти Бальдра, Локи был прикован Одином к трем огромным валунам, а над его головой подвесили свернувшуюся ядовитую змею. Яд змеи капает Локи на лицо и обжигает его, и он корчится, чтобы вызвать землетрясения.

Магии и Моди— любимые сыновья Тора, которым суждено пережить Рагнарёк.

Мимир— бог асов, который вместе с Хёниром был обменен на богов ванов Фрея и Ньёрда в конце войны между асами и ванами. Когда ванам не понравился его совет, они отрубили ему голову и отправили её Одину. Один поместил её в волшебный колодец, и она ожила, а Мимир впитал в себя все знания Мирового Дерева.

Муспель— огонь.

Мъёлльнир— молот Тора.

Нагльфар— корабль, построенный из ногтей мертвцев.

Нарви— один из сыновей Локи. Его выпотрошил собственный брат Вали, которого Люг превратил, а волка после того, как Локи убил Бальдра.

Нидхег— дракон, который живет у корней Мирового Дерева и грызет их.

Норны— три сестры, которые управляют судьбами богов и людей.

Норумбега потерянное поселение древних скандинавов, самая дальняя точка, до которой они дошли в Северной Америке.

Ньерд— бог кораблей, моряков и рыбаков, отец Фрея и Фреи.

Один— Всеобщий Отец и правитель богов, бог войны и смерти, но также и поэзии, и мудрости.

Пожертвовав одним глазом, чтобы испить из колодца Мудрости, Один получил невероятные знания.

Он способен наблюдать за всеми Девятью Мирами со своего Трона в Асгарде; помимо своего дворца, он живет еще и в Вальхалле с самыми большими храбрецами, которые погибли и боях.
Рагнарёк— конец света или судный день, когда самые храбрые эйнхерии выступят вместе с Одним против Локи и великанов в последней битве.

Ран— богиня моря, жена Эгира.

Рататоск— неуязвимая белка, которая постоянно бегает вверх и вниз по Мировому Дереву между орлом, живущим на вершине Дерева, и драконом Нидхёггом, живущим в корнях, передавая их оскорбления друг другу.

Свартальф— темный эльф, подвид гномов.

Сессрумнир— Дворец множества мест, Дом Фреи в Фолькванге.

Скирлир— бог, слуга и посланник Фрея.

Слейпнир— восьминогий конь Одина, один из детей Локи. только Один может вызвать его.

Сумарбрандер— Меч Лета.

Сурт— лорд Муспельхейма.

Сэхримнир— волшебный зверь Вальхаллы, каждый день ею убивают и го-то вят на обед, и каждое утро он возрождается, и вкус у него такой, какой желает -то т, ктоего ест.

Тан— один из лордов Вальхаллы.

Тор— бог грома, сын Одина. Грозы на земле — это результат того как Тор ездит в своей колеснице по небу, а молния возникает, когда он метнет свой молот Мьёлльнир.

Тюр— бог храбрости, закона и испытания боем, он потерял руку от укуса Фенрира, когда его связывали боги.

Улль— бог лыж и стрельбы из лука.

Утгард-Локи— самый сильный колдун в Йотунхейме, король горных великанов.

Фенрир— неуязвимый волк, рожденный от союза Локи и великанши; его сила пугает даже богов, которые привязывают его к камню на острове. Ему суждено освободиться в день, когда наступит Рагнарёк.

Фолькванг— чер-то г богини Фреи, где живут погибшие герои. Напекая жизнь после смерти.

Фрей— бог весны и лета, солнца, дождя и сбора урожая, изобилия, плодородия, роста и жизнеспособности. Фрей близнец Фреи и, как и его сестра, ассоциируется с великой красо-то й. Он правит Альфхеймом.

Фрея— богиня любви, сестра близнец Фрея, правит Фольквангом.

Фригг— богиня брака и материнства; жена Одина и королева Асгарда, мать Бальдра и Хёда.

Хейдрун— коза на дереве Лэрд, из молока которой варят и Вальхалле волшебную медовуху.

Хеймдалль— бог бдительности и страж Радужного моста, врат в Асгард.

Хель— богиня бесчестных мертвых, рождена от союза Локи с великаншей.

Хельхейм подземный мир. где царствует Хель и живут -то, ктоумер от болезни, старости или покрыл себя позором.

Хёд— слепой брат Бальдра.